ВЕЛИКАЯ РОССІЯ

ТОМЪ II

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДѢЛО“

„ВЕЛИКАЯ РОССІЯ“.

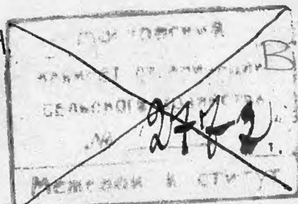
Географическіе, этнографическіе и культурно-бытовые очерки современной Россіи.

Подъ общимъ руководствомъ

Профессора Д. Н. АНУЧИНА.

Поволжье.

С. А. КОРОЛЕВА.

Приуралье.

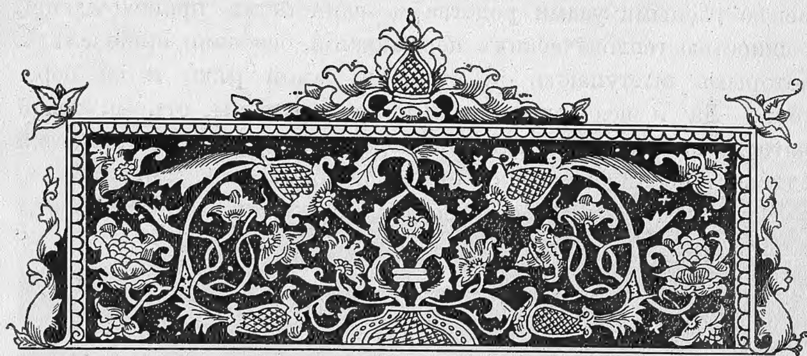
В. А. ПІАТРОВСКАГО и В. П. НАЛИМОВА.

Книгоиздательское Товарищество „ДѢЛО“

Москва.

Среднее и Нижнее Поволжье.

Передъ нами огромная страна, растянувшаяся на 1200 в. въ длину, болѣе чѣмъ на 700 в. въ ширину, и пространствомъ своимъ, въ 1/2 милліона кв. верстъ, почти равная цѣлой Германіи; страна, простирающаяся съ сѣвера на югъ отъ широтъ южной Швеціи, Даніи и Шотландіи и до параллели Южной Франціи и сѣверной Италіи. Какое разнообразіе ландшафтовъ, почвъ, климатовъ, племенъ, языковъ! И въ то же время едва ли можно указать въ Россіи область, болѣе естественную въ своихъ очертаніяхъ, болѣе тяготѣющую къ одному центру, болѣе тѣсно связанную съ нимъ неразрывными узами.

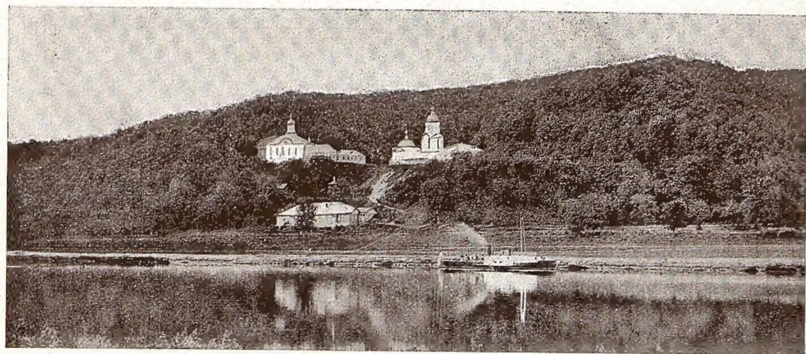
Этимъ связующимъ центромъ является Волга, именно здѣсь, въ предѣлахъ Средняго Поволжья, достигающая той мощности и той силы, за которыя ей присвоено названіе „великой". Заглянемъ ли мы въ отдаленное прошлое или въ запутанныя сплетенія современной жизни, — всюду намъ бросится въ глаза вліяніе Волги на жизнь окружающей страны, которую она какъ-бы втягиваетъ въ могучій потокъ своего теченія. Для человѣка она всегда была „матушкой" и

„кормилицей“, съ природой она связана иными, хотя и не менѣе тѣсными узами родства — единствомъ происхожденія, общностью геологическихъ переживаній, особенно яркіе слѣды которыхъ выступаютъ въ строеніи самой рѣки и ея береговъ. Да и вся современная природа страны, отъ ея сѣвернаго до южнаго края, какъ въ огромномъ зеркалѣ, отражается здѣсь въ послѣдовательной смѣнѣ прибрежныхъ ландшафтовъ. Воспользуемся же этими отраженіями, чтобы набросать общій планъ строенія области.

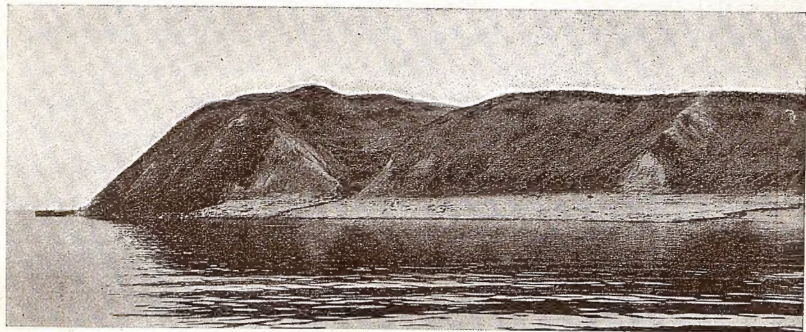
I.

Устройство поверхности и геологическое прошлое страны.

Когда мы ѣдемъ внизъ по Волгѣ на пароходѣ, то уже приблизительно отъ Нижняго-Новгорода передъ нами выступаетъ одна характерная особенность ея береговъ. Справа въ большинствѣ случаевъ поднимается высокій „нагорный“ берегъ, — то въ видѣ красивыхъ съ мягкими очертаніями холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ или обнаженныхъ, то въ видѣ круто выступающихъ каменистыхъ обрывовъ и скалъ; слѣва же чаще всего рѣка ограничена широкой (въ нѣсколько верстъ) низменной „поймой“, образованной изъ рыхлыхъ наносовъ самой рѣки и заливаемой ею въ половодье. Обильно орошаемая весенними водами, прорѣзанная тамъ и сямъ протоками и озерами, пойма изобилуетъ прекрасными, сочными лугами, откуда лѣвый берегъ и получилъ названіе „лугового“. Обыкновенно и здѣсь за поймой вдалекѣ виднѣется нѣкоторое повышеніе, то въ видѣ крутого уступа, напоминающаго собою берегъ, то въ видѣ пологаго склона, за которымъ вырисовываются округлыя очертанія холмовъ. Но этотъ уступъ или склонъ, если подойти къ нему поближе, всегда оказывается довольно низкимъ и сложеннымъ изъ такихъ же рѣчныхъ песчано-глинистыхъ наносовъ какъ и пойма. Вся панорама береговъ, сопровождающая Волгу на протяженіи около 2000

Макарьевская Подгорная пустынь на р. Свіягѣ

Богородскія горы противъ устья Камы.

верстъ отъ Нижняго до Царицына, производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто рѣка омываетъ здѣсь сначала сѣверный, потомъ восточный край, какой-то довольно высокой возвышенности, все время тѣсно приближаясь къ ея подошвѣ и забрасывая своими наносами край растилающейся къ востоку „Заволжской", болѣе низменной равнины. Такъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Возвышенность, занимающая бо́льшую часть западной половины области и образующая своимъ краемъ „нагорный" берегъ Волги, носитъ названіе Приволжской возвышенности; болѣе низкая равнина на востокѣ называется вообще Заволжской низменностью, хотя, какъ мы вскорѣ увидимъ, не вездѣ оправдываетъ это названіе. Ниже Царицына, повернувъ на юго-востокъ, Волга удаляется отъ Приволжской возвышенности, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ рѣзкая противоположность между ея берегами. Хотя правый берегъ и здѣсь чаще бываетъ крутымъ и обрывистымъ, чѣмъ лѣвый, но обрывы его невысоки (не выше 15 саж.) и всюду состоятъ изъ однородныхъ песчано-глинистыхъ слоевъ. А за ними по обѣимъ сторонамъ рѣки широко разстилается безконечная, совершенно плоская, низкая равнина, медленно понижающаяся къ Каспійскому морю. Этой Прикаспійской низменностью заканчивается рядъ ландшафтовъ, сопровождающихъ теченіе Волги въ предѣлахъ нашей области.

Приглядимся болѣе внимательно къ строенію Приволжской возвышенности. Подобно другой значительной возвышенности Европейской Россіи — Среднерусской, она тянется въ общемъ съ сѣвера на югъ и лишь въ одномъ мѣстѣ выдвигается на востокъ, образуя Жигулевскія горы. Начинаясь на правомъ берегу Волги въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, она заполняетъ своими развѣтвленіями губерніи Симбирскую и Саратовскую, постепенно суживаясь къ южному концу послѣдней, какъ бы сжатая здѣсь крутыми изгибами Волги и Дона; пройдя между ними близь Царицына, Приволжская возвышенность продолжается дальше къ югу въ видѣ невысокой и узкой холмистой гряды Ергеней, образующей какъ-бы западный берегъ великой Прикаспійской низменности. По своей длинѣ (около 1000 верстъ) Приволжская возвышенность можетъ поспорить со многими горными хреб-

тами Европы, но по высотѣ она не заслуживаетъ даже названія горъ и выдѣляется лишь своимъ холмистымъ ландшафтомъ, да рѣзкимъ контрастомъ съ впадиной Волжской долины. И все же, по сравненію съ другими возвышенностями Русской равнины, Приволжскую приходится признать самой высокой (Среднерусская поднимается до 150 саж., Приволжская въ Жигуляхъ до 161 саж., подъ Хвалынскомъ даже до 192 саж.). А въ ея строеніи есть нѣкоторыя черты, сближающія ее даже съ настоящими горами. Какъ извѣстно, большая часть горныхъ хребтовъ является складками или изломами („сбросами") земныхъ пластовъ, образовавшимися благодаря неравномѣрному ихъ сжатію при охлажденіи. Впослѣдствіи текучія воды размываютъ и уносятъ верхніе пласты со склоновъ и гребней поднявшихся горныхъ хребтовъ и такимъ образомъ обнажаютъ лежащіе подъ ними болѣе глубокіе — и обыкновенно твердые, каменистые слои, — которые иначе никогда не вышли бы на земную поверхность. Равнина Европейской Россіи представляетъ собою какъ бы область затишья среди бурнаго моря геологическихъ переворотовъ, испытанныхъ сосѣдними странами. Земные пласты обыкновенно сохранили здѣсь то горизонтальное положеніе, которое они получили при своемъ образованіи на днѣ заливавшихъ нашу страну морей. Правда, и сюда доходили отраженныя волны далекихъ геологическихъ дислокацій, но онѣ были такъ слабы, что могли лишь слегка изогнуть земные пласты, образовавъ едва замѣтныя возвышенности. Однако Приволжская возвышенность составляетъ нѣкоторое исключеніе изъ этого общаго правила. Если, начиная отъ Казани, внимательно слѣдить за обрывами праваго берега Волги, то можно замѣтить, какъ по направленію къ югу земные пласты различнаго состава и окраски (пермскіе рухляки и глины, юрскія глины и песчаники) погружаются одинъ за другимъ подъ уровень рѣки, а въ вершинѣ обрывовъ появляются новые слои (мѣловые), образующіе какъ бы крышу надъ прежними. Но вотъ мы проѣхали г. Ставрополь, свернули вмѣстѣ съ Волгой на востокъ и любуемся живописными обрывами Жигулевскихъ горъ; мы ожидаемъ увидѣть на нихъ тѣ же самые пласты, какіе только что наблюдали, — но картина рѣзко мѣняется:

Жигули. Ширяевъ буеракъ.

Волга. Царевъ Курганъ.

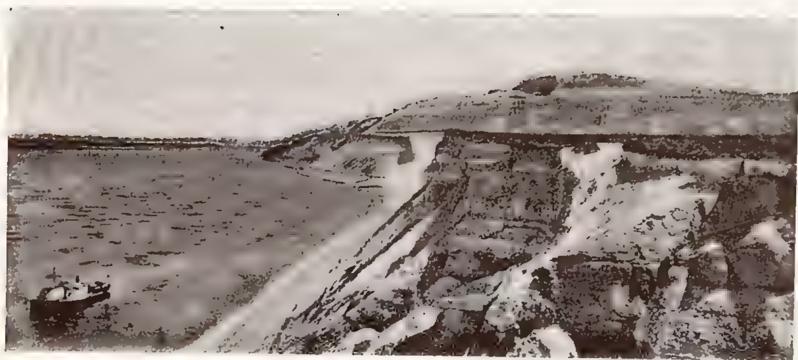
вмѣсто сѣроватыхъ или буроватыхъ пластовъ рыхлаго мергеля (глинистый известнякъ) или глины, передъ нами сразу выступаютъ крутые, дикіе обрывы и скалы изъ твердаго известняка. Уже самая его твердость и плотность указываютъ на то, что, вѣроятно, эта порода весьма древняя, лежавшая когда-то на большой глубинѣ. И дѣйствительно, это древній „горный" известнякъ каменноугольной системы. Какимъ же образомъ онъ очутился на поверхности?

Оказывается, что въ этомъ мѣстѣ по направленію съ Ю. З. на С. В. слабо наклоненные земные пласты переломились, сѣверное крыло ихъ опустилось внизъ, а южное осталось высоко приподнятымъ и обнажившимъ залегавшія на глубинѣ его горныя породы. Это приподнятое крыло образуетъ довольно высокій горный хребетъ, на вершинѣ котораго мы и увидѣли бы только что потерянные нами болѣе рыхлые слои. Но именно благодаря своей рыхлости эти послѣдніе очень скоро сдѣлались жертвою текучихъ водъ, а обнажившееся такимъ образомъ ядро изъ твердаго известняка и составляетъ основу Жигулевскихъ горъ, протянувшихся вдоль Волги на протяженіи 60 верстъ, отъ Ставрополя до Самары. Проѣхавъ Самарскій изгибъ Волги („Самарскую луку") мы опять встрѣчаемъ въ берегахъ ея ту послѣдовательную смѣну слегка падающихъ къ югу пластовъ, за которой слѣдили отъ самой Казани — и такъ до самаго Царицына. Вотъ это-то рѣзкое перемѣщеніе земныхъ пластовъ, образовавшее Жигули, и дѣлаетъ эту часть Приволжской возвышенности похожей на настоящія горы. На общей каменной основѣ, выдвинутой внутренними силами земли, природа успѣла нарисовать впослѣдствіи причудливые узоры, дѣлающіе этотъ уголокъ Поволжья однимъ изъ самыхъ живописныхъ въ Россіи. Волга, прижимаясь къ уступу приподнятыхъ пластовъ и все время подмывая его снизу, тамъ и сямъ превращаетъ его въ отвѣсную или даже нависающую скалистую стѣну; болѣе мелкія воды, сбѣгающія въ рѣку, глубоко врѣзаются въ его грудь и расчленяютъ гребень на рядъ то закругленныхъ конусообразныхъ или куполообразныхъ „горъ", то причудливо очерченныхъ бѣлыхъ зубчатыхъ утесовъ. Груды камней и щебня у подошвы обрушившихся стѣнъ,

мѣстами пещеры, промытыя подземными водами, или трещины, зіяющія на бѣлыхъ утесахъ — все это придаетъ сѣверному краю Жигулей характеръ величія и дикой красоты. А разнообразная зелень лѣсовъ, покрывающихъ склоны и вершины („шишки"), сглаживаетъ рѣзкія черты общей картины, сообщаетъ ей болѣе веселый, мягкій колоритъ. Особенно красивы Жигули осенью, когда увяданіе расцвѣтитъ лѣсной коверъ безконечнымъ разнообразіемъ оттѣнковъ, и весною когда Волга плещется у самой подошвы утесовъ, заливая рощи прибрежныхъ осокорей.

Ко всему сказанному о Жигуляхъ нужно добавить, что образующій ихъ твердый „сбросовый" кряжъ не оканчивается въ восточномъ углу Самарской луки, но переходитъ и на лѣвый берегъ Волги въ видѣ отдѣльныхъ обломковъ, отрѣзанныхъ теченіемъ этой рѣки и одиноко возвышающихся среди Заволжской низменности. Одинъ изъ этихъ обломковъ носитъ названіе Царева Кургана, другіе группируются въ гряду холмовъ подъ именемъ Сокскихъ, Соколовыхъ или Сокольихъ горъ (въ окрестностяхъ г. Самары). Суженное мѣсто Волжской долины, гдѣ рѣка прорывается между Соколовыми и Жигулевскими горами, носитъ очень удачное названіе Самарскихъ воротъ; это единственное мѣсто, гдѣ оба берега Волги поднимаются на значительную высоту.

Рельефъ остальныхъ частей Приволжской возвышенности также мѣстами отличается разнообразіемъ и рѣзкостью формъ. Путь самой Волги, слѣдующей къ Ю. З. и Ю.-Ю. З., вдоль края Приволжской возвышенности, выработался, повидимому въ концѣ третичнаго періода. Новѣйшія геологическія изысканія указываютъ на присутствіе на поверхности Приволжской возвышенности дислокацій, идущихъ нѣсколько дугообразно съ С.-З. на Ю.-В. и тѣсно связывающихъ эту возвышенность съ Средне-Русской. Съ приближеніемъ къ Волгѣ направленіе этихъ дислокацій измѣняется; онѣ круто поворачиваютъ на Ю.-З., какъ будто здѣсь проявила свое дѣйствіе какая-то тектоническая сила иного направленія. Все Заволжье и область нижней Волги, какъ и слѣдующая далѣе впадина Каспія, представляютъ собою области опусканія (провала) обрѣзавшаго край Приволжской возвышенности, повидимому

Жигули. Утесъ Стеньки Разина.

Волжская пристань.

въ теченіе третичной эпохи. На берегу Волги нерѣдко выступаютъ живописные каменные утесы; таковы, напр., гипсовыя скалы въ Казанской губ., известковые „Столбичи“ въ Саратовской губ., — дикіе, голые утесы до 75 саж. высотою, разрѣзанные ущельями на отдѣльные бугры, — какъ бы естественныя крѣпостныя стѣны и башни, возвышающіяся надъ Волжскимъ просторомъ. Несомнѣнно, что въ старину во времена „понизовой вольницы“ они и играли роль укрѣпленій и наблюдательныхъ пунктовъ, откуда разбойники слѣдили за проплывавшими по рѣкѣ торговыми караванами; и до сихъ поръ къ нѣкоторымъ изъ нихъ пріурочено популярное въ Поволжьи имя Стеньки Разина, вмѣстѣ съ легендами объ его подвигахъ и зарытыхъ имъ кладахъ („Бугры Стеньки Разина“ — одинъ подъ Камышиномъ, другой недалеко отъ пристани Банновка въ Сар. губ.)

Къ востоку отъ описанныхъ приволжскихъ высотъ разстилается широкая и глубокая Волжская долина, а за нею уходитъ вдаль однообразный просторъ Заволжской низменности. Однако и она не такъ однообразна, не такъ уже плоска, какъ кажется съ перваго взгляда по контрасту съ правобережной возвышенностью. Отъ долины Волги, поверхность которой уже подъ Саратовомъ опускается до уровня океана, Заволжская страна постепенно повышается на востокъ, такъ что у предѣловъ области отдѣльные пункты уже могутъ поспорить высотою съ возвышенностями Среднерусской и Приволжской. Однако этотъ болѣе высокій восточный край области не представляетъ сплошной возвышенности въ родѣ Приволжской, да и поднимается онъ не такъ круто, какъ эта послѣдняя: скорѣе это рядъ отдѣльныхъ возвышенностей, отдѣленныхъ одна отъ другой долинами рѣкъ. По своему строенію эти восточныя возвышенности оказываются впрочемъ тѣсно связанными не только между собою, но и съ правобережной Приволжской возвышенностью. Онѣ являются продолженіемъ тѣхъ древнихъ довольно твердыхъ пластовъ, которые сопровождаютъ Волгу отъ г. Козьмодемьянска, постепенно опускаясь къ югу подъ пласты болѣе молодого геологическаго возраста; отсюда они тянутся слегка приподнимаясь до самаго подножія Урала. Съ внѣшней стороны

возвышенности восточнаго Заволжья носятъ въ общемъ тотъ же характеръ, какъ и соотвѣтствующая имъ часть Приволжской возвышенности. Благодаря отсутствію ледниковыхъ наносовъ и здѣсь на поверхность выходятъ древніе пласты, и текучія воды, глубоко врѣзаясь въ ихъ твердую грудь, избороздивъ ее глубокими рѣчными долинами и оврагами, превратили прежнюю сплошную равнину въ цѣлый рядъ живописныхъ холмистыхъ ландшафтовъ. Подступая къ правому берегу р. Камы (въ Казанской губ.), эти пласты и здѣсь слагаютъ высокіе, крутые обрывы, на которыхъ съ особенной рельефностью выступаетъ чередованіе слоевъ, отличающихся въ Пермской системѣ необычайной пестротой окраски.

Совершенно особнякомъ стоитъ южная часть Заволжскихъ возвышенностей, отдѣленная долиной р. Самары. Это холмистая гряда Общаго Сырта, проходящая въ предѣлахъ области по юго-восточному краю Самарской губерніи. Она отличается и большей высотой (по крайней мѣрѣ на сѣверо-востокѣ) и, главное, тѣми чертами строенія, которыя мы видѣли въ Жигулевскихъ горахъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, земные пласты и здѣсь претерпѣли рѣзкія перемѣщенія, изогнулись въ крутыя складки, мѣстами, можетъ быть, переломились. Правда до нашего времени отъ этихъ складокъ сохранились только слѣды, — но благодаря размыванію ихъ водою изогнутое положеніе слоевъ еще яснѣе выступило въ крутыхъ берегахъ рѣкъ и овраговъ. Ландшафтъ Общаго Сырта также своеобразенъ. Это рядъ широкихъ холмовъ, съ довольно круто падающими склонами и обыкновенно съ плоскими вершинами, растянувшимися нерѣдко на нѣсколько верстъ, что придаетъ имъ характеръ какъ-бы небольшихъ плоскогорій (самое названіе „Сыртъ" означаетъ вообще плоскую возвышенность). Замѣтимъ еще, что Общій Сыртъ является главнымъ водораздѣломъ между р. Волгой и р. Ураломъ, тогда какъ остальныя возвышенности Заволжья служатъ лишь второстепенными водораздѣлами между Волгой и ея притоками.

Все остальное пространство Заволжья, между Волгой и только что описанными возвышенностями, представляетъ собою уже настоящую низменность (ниже 80 саж. надъ уровнемъ

Деревня Ширяево.

Переправа черезъ Волгу.

океана). На сѣверѣ — въ губ. Казанской и въ сѣверныхъ уѣздахъ Самарской — она еще сохраняетъ замѣтно холмистый характеръ, хотя очертанія ея лѣсистыхъ здѣсь холмовъ сильно сглажены. Въ южной части Самарской губ. она переходитъ въ широко раскинувшуюся ровную степь, все болѣе и болѣе понижающуюся къ долинѣ Волги. Только широкія долины рѣкъ и рѣчекъ, да прорытые вешними и дождевыми водами сухіе овраги — суходолы — вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ плоскій рельефъ этихъ равнинъ. Отъ долины до долины на огромныя пространства тянутся пологіе, часто едва замѣтные волнистые перевалы съ ровными плоскими вершинами, носящіе здѣсь также названіе „сыртовъ".

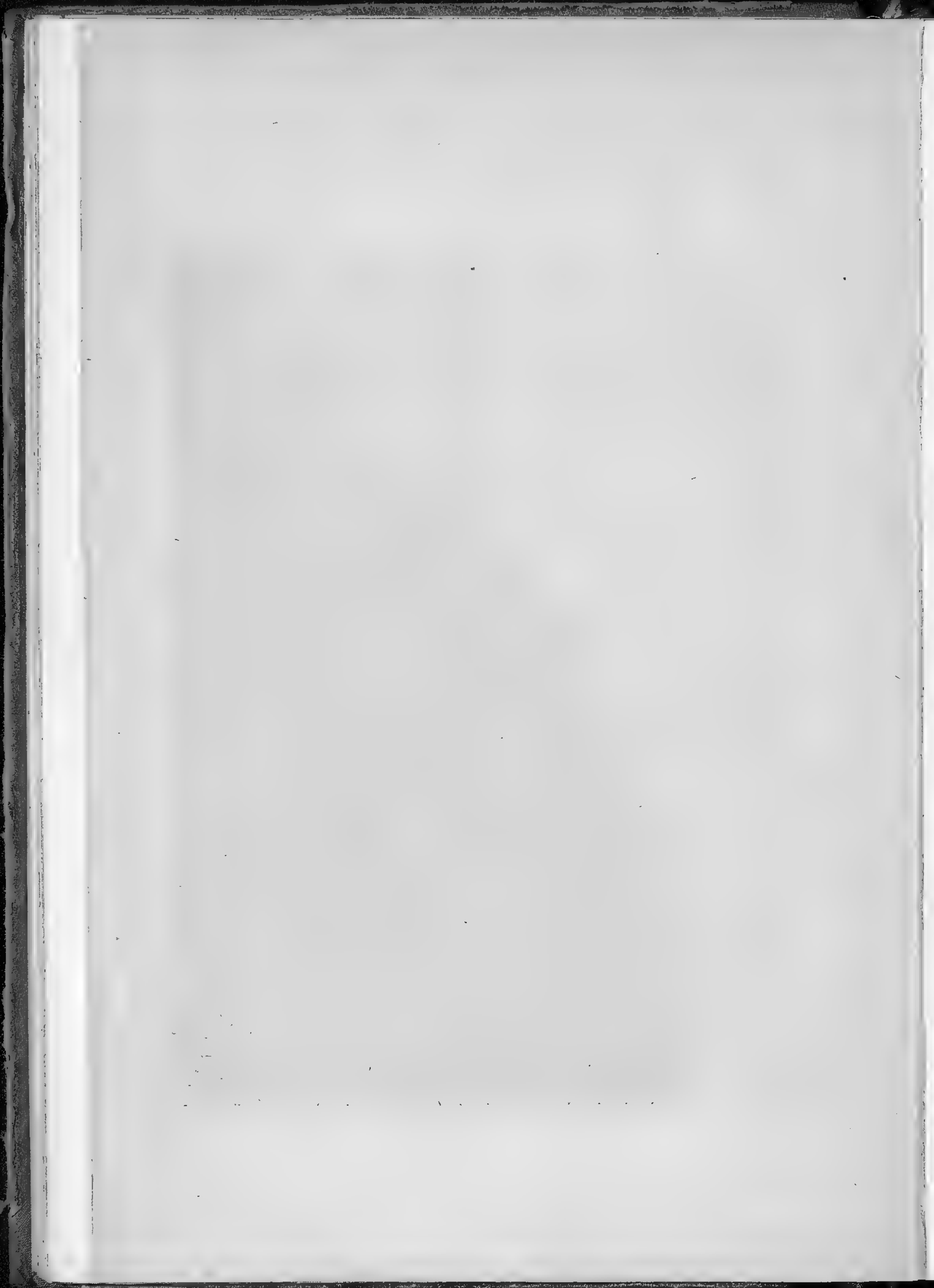
Эта „Сыртовая область", какъ называетъ ее г. Неуструевъ, (не надо смѣшивать ее съ Общимъ Сыртомъ,) сложена на всемъ своемъ протяженіи изъ горизонтальныхъ рыхлыхъ глинистыхъ толщъ сравнительно недавняго происхожденія, и только ближе къ долинѣ Волги глины смѣняются песками. Высота этихъ сыртовъ даже на востокѣ едва достигаетъ 60—70 саж. надъ уровнемъ океана, а на западѣ, на краю Волжской долины, они едва поднимаются на какія нибудь 15—25 саж.

Но и здѣсь еще не крайній предѣлъ однообразія и низменности приволжскихъ равнинъ. Пересѣкая область „сыртовъ" съ сѣвера на югъ, куда они постепенно понижаются, мы всюду подходимъ къ ясно замѣтному уступу, высотою отъ 2 до 12 саж., изъ подъ котораго уходитъ вдаль необозримая, совершенно уже плоская равнина — настолько плоская, что даже по сравненію съ едва волнистыми сыртами она кажется какъ-бы затвердѣвшимъ моремъ, на берегу котораго мы стоимъ. Да въ сущности это такъ и есть: мы дѣйствительно подошли къ тому мѣсту, гдѣ когда-то плескались волны Каспія, лишь сравнительно недавно (въ геологическомъ смыслѣ) отступившія отсюда далеко къ югу. Передъ нами великая Прикаспійская низменность, простирающаяся отъ упомянутаго сейчасъ уступа „сыртовъ" до береговъ современнаго Каспійскаго моря, и отъ восточныхъ склоновъ Ергеней до южныхъ отроговъ Урала. Построенная изъ совершенно плоскихъ, рыхлыхъ, глинисто-песчаныхъ пластовъ, изобилующихъ солью и морскими рако-

винами, она всюду несетъ на себѣ еще совершенно свѣжіе слѣды покрывавшаго ее моря; лишь кое-гдѣ, къ востоку отъ Волги, возвышаются надъ ней нѣсколько отдѣльныхъ холмовъ, сложенныхъ изъ наклонно приподнятыхъ болѣе древнихъ пластовъ; самый высокій изъ нихъ — гора Большое Богдо — едва достигаетъ 60 саж. надъ уровнемъ океана, но и онъ уже рѣзко бросается въ глаза среди окружающей его равнины. Равнина эта, занимающая всю Астраханскую губ. за исключеніемъ западнаго края, начиная отъ уступа „сыртовъ", гдѣ она лежитъ на высотѣ 20—25 саж. надъ уровнемъ океана, медленно, незамѣтно понижается къ берегамъ Каспія, воды котораго стоятъ на цѣлыхъ 12 саж. ниже уровня океана и сосѣдняго Чернаго моря (это возможно, конечно, лишь благодаря полной замкнутости Каспійскаго бассейна). Такимъ образомъ, значительная часть Прикаспійской низменности оказывается лежащей ниже уровня океана и представляетъ собою уже не просто низменность, а впадину, единственную на земномъ шарѣ, если не по глубинѣ, то по размѣрамъ. Трудно передать впечатлѣнія, которыя испытываешь, странствуя по этой удивительной странѣ. Даже русскій человѣкъ, вообще не избалованный разнообразіемъ и выпуклостью ландшафта, первое время положительно теряется среди своеобразнаго величія этихъ безпредѣльныхъ равнинъ. Глазъ, не видя ни одной возвышенной точки, на которой онъ могъ бы остановиться, утрачиваетъ способность опредѣлять разстоянія, — далекое здѣсь сплошь да рядомъ принимаешь за близкое, близкое за далекое; ничтожный бугорокъ, кучку земли иной разъ примешь за значительную, но отдаленную возвышенность, и удивляешься, когда черезъ нѣсколько шаговъ эта возвышенность куда-то исчезаетъ, оставшись позади. Бѣдность этой страны рѣками и оврагами лишаетъ ее и того скромнаго разнообразія, которое мы видѣли въ области „сыртовъ", въ Самарской губерніи. Ландшафтъ создается здѣсь не рельефомъ, а лишь различными оттѣнками почвы и покрывающей ее растительности, да мѣстами — въ южной части — грядами песчаныхъ холмовъ, нагроможденныхъ вѣтромъ. И уже эти невысокіе песчаные холмы кажутся издали чуть не горами среди окружающей ихъ плоскости. Но невеселыя черты вно-

Жигули. Гора „Лепешки“.

сятъ они въ картину, и безъ того уже довольно печальную и безжизненную; для мѣстныхъ жителей они являются настоящимъ бичемъ, создавая среди изсохшей степи обширные острова настоящей пустыни — и притомъ въ самой ужасной, губительной ея формѣ. Ужасно уже то, что эти песчаныя пространства почти лишены всякой растительности и непригодны даже для пастьбы скота; но еще хуже ихъ стремленіе расползаться, захватывать все новые и новые участки окружающей, болѣе цвѣтущей степи, засыпать все, что встрѣчается на ихъ пути. При сильныхъ вѣтрахъ, дующихъ здѣсь подолгу въ одномъ и томъ же направленіи (чаще всего съ востока на западъ), мелкія частицы песка цѣлыми тучами несутся, забираясь всюду, цѣпляясь за каждое препятствіе, встрѣченное ими на пути. Небольшой кустикъ степной травы, малѣйшая неровность почвы, какое нибудь строеніе — все это задерживаетъ теченіе воздуха, образуетъ позади себя небольшой уголокъ затишья, въ которомъ и успокаиваются на время гонимыя вѣтромъ песчинки. Постепенно насыпающаяся здѣсь кучка песку быстро растетъ, подобно снѣжному сугробу, и достигнувъ, наконецъ, вершины первоначальной неровности, сама уже является причиной своего дальнѣйшаго роста въ вышину и въ ширину. Такъ образуются эти дюны пустынь, называемые здѣсь барханами. Образовавшись въ какомъ нибудь мѣстѣ, они не остаются однако неподвижными, но подобно морскимъ волнамъ медленно перекатываются все дальше и дальше по направленію вѣтра: песчинки, подхваченныя вѣтромъ съ навѣтренной стороны, перебрасываются черезъ гребень на подвѣтренную сторону, гдѣ и образуется постепенно новый гребень, вмѣсто срѣзаннаго прежняго. Барханы имѣютъ обыкновенно характерную форму полумѣсяца, съ болѣе пологимъ выпуклымъ склономъ и болѣе крутымъ вогнутымъ. Рога этого полумѣсяца направлены въ ту сторону куда дуютъ господствующіе вѣтра (обыкновенно на западъ) и образуются благодаря тому, что воздушное теченіе, встрѣтивъ препятствіе, обтекаетъ его не только сверху, но и съ боковъ, гдѣ и откладываетъ значительную часть увлекаемой песчаной пыли. Въ южной части Астраханской губ. летучіе пески занимаютъ огромныя сплошныя простран-

ства, особенно на востокѣ; но и въ западной половинѣ губерніи они далеко не рѣдки, подступая мѣстами вплотную къ правому берегу Волги. Замѣтимъ между прочимъ, что летучіе пески встрѣчаются и въ другихъ губерніяхъ Поволжья, но тамъ они возникаютъ больше всего подъ вліяніемъ неумѣлой хозяйственной дѣятельности человѣка; вырубая въ песчаныхъ мѣстностяхъ лѣса, нарушая глубокой распашкой цѣлость почвеннаго и растительнаго покрова, человѣкъ обнажаетъ сыпучіе пески, которые подъ дѣйствіемъ вѣтра и начинаютъ расползаться по окрестностямъ, засыпая поля и сады; въ послѣднее время земства — особенно Самарское и Саратовское — усиленно борятся съ этимъ бичемъ сельскаго хозяйства, укрѣпляя пески насажденіемъ разныхъ лѣсныхъ породъ — сосны, ивняка — и борьба эта не безуспѣшна. Но въ Астраханской губ., несмотря на нѣкоторыя, правда слабыя, попытки въ этомъ же направленіи, пески неуклонно продолжаютъ надвигаться на степь, отнимая у населенія все новыя и новыя пастбища.

Многія черты только что описаннаго строенія края станутъ намъ гораздо понятнѣе, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на его геологическое прошлое. Не мало перемѣнъ пережилъ онъ въ теченіе своей безконечно долгой исторіи, и каждая перемѣна оставила глубокій слѣдъ въ толщахъ земныхъ пластовъ, прорѣзаемыхъ Волгой и ея притоками. Только первыя страницы этой великой книги природы скрыты отъ насъ на неизвѣданныхъ еще глубинахъ: пласты, образовавшіеся въ такъ называемыя кембрійскую, силурійскую и девонскую эпохи, т. е. въ тѣ отдаленнѣйшія времена, когда животный и растительный міръ земли дѣлали первые шаги по пути своего развитія — эти пласты нигдѣ не выступаютъ здѣсь на дневную поверхность. Есть только нѣкоторыя основанія догадываться, что, напр., въ силурійскую эпоху лишь сѣверный конецъ нашей области былъ залитъ моремъ, простиравшимся длинной полосой черезъ всю среднюю Россію; напротивъ въ слѣдующую, девонскую эпоху, характеризующуюся между прочимъ довольно пышнымъ развитіемъ рыбъ, море заливало, вѣроятно, всю поверхность нашей области вмѣстѣ съ большею частью остальной Россіи.

То же было и въ слѣдующую, каменноугольную эпоху, прекрасный памятникъ которой выдвинутъ впослѣдствіи на поверхность въ видѣ Жегулевскаго кряжа; въ остальныхъ частяхъ области пласты, образовавшіеся въ эту эпоху, скрыты глубоко подъ поверхностью. Какъ извѣстно во многихъ мѣстахъ — напр. у насъ въ Польшѣ и въ Донской области пласты каменноугольной системы славятся мощными залежами каменнаго угля, что и дало поводъ къ ея названію; но накопленіе ихъ происходило лишь въ мелкихъ заливахъ тогдашнихъ морей, гдѣ могла развиваться пышная болотная растительность. А такъ какъ наша область была въ то время покрыта открытымъ глубокимъ моремъ, то и нѣтъ никакихъ основаній ожидать здѣсь нахожденія каменноугольныхъ залежей. Единственное богатство этихъ пластовъ — твердые известняки, образовавшіеся изъ безчисленныхъ раковинъ моллюсковъ и мелкихъ корненожекъ — типичныхъ обитателей моря, —извѣстняки, разрабатывающіеся въ Жигулевскихъ каменоломняхъ и доставляющіе въ изобиліи матеріалъ для построекъ и для мощенія улицъ всѣмъ поволжскимъ городамъ. Въ каждомъ камешкѣ ихъ мостовыхъ можно найти неизгладимые памятники этой отдаленной эпохи; къ сожалѣнію, они же являются причиной той невыносимой бѣлой ѣдкой пыли, которая цѣлыми тучами носится по улицамъ поволжскихъ городовъ.

За каменноугольной наступила пермская эпоха, характеризующаяся появленіемъ на землѣ первыхъ пресмыкающихся. Въ началѣ ея все пространство области было покрыто такимъ же глубокимъ моремъ, какъ и въ предыдущую эпоху. Въ это время образовались большею частью твердые известковые пласты, богатые различными полезными минералами. Такъ въ Казанской губерніи среди пермскихъ пластовъ залегаетъ гипсъ, самородная сѣра, изъ нихъ же вытекаютъ извѣстные Сергіевскіе сѣрнистые источники въ Самарской губ., они же содержатъ асфальтъ на южномъ склонѣ Жигулей подъ Сызранью, а отчасти и въ другихъ мѣстахъ области, обыкновенно рядомъ съ нефтью, источники которой впрочемъ до настоящаго времени мало изслѣдованы. Наконецъ, попадаются кое-гдѣ (въ Казанской и Самарской губ.) и мѣсто-

рожденія мѣди, но довольно скудныя и не заслуживающія разработки. Къ концу пермской эпохи море стало постепенно мелѣть и, наконецъ, превратилось въ рядъ большихъ прѣсноводныхъ бассейновъ: здѣсь-то и образовались тѣ толщи пестроцвѣтныхъ песчаниковъ, которыя съ такой яркостью выступаютъ на сѣверѣ въ обрывахъ волжскихъ и камскихъ береговъ.

Слѣдующая эпоха — тріасовая, когда появились на землѣ первыя млекопитающія, застаетъ территорію Поволжья, — какъ и всю почти Россію, — свободной отъ моря, и только южный конецъ ея (часть теперешней Астраханской губ.) покрывался заливомъ разстилавшагося къ югу моря. Единственные слѣды этого моря извѣстны въ упомянутой выше горѣ Богдо и въ нѣкоторыхъ другихъ въ той же мѣстности.

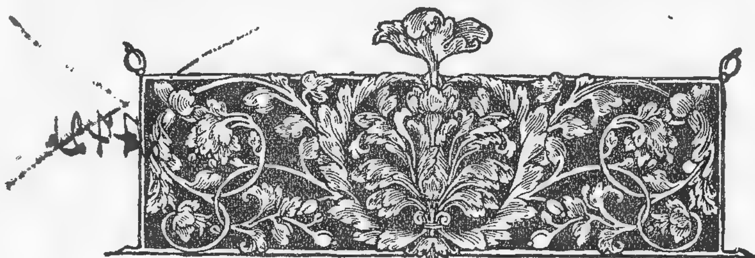
Въ послѣдовавшія затѣмъ юрскую и мѣловую эпохи, — ознаменовавшіяся появленіемъ на землѣ птицъ и необычайно пышнымъ развитіемъ гигантскихъ пресмыкающихся вродѣ ихтіозавровъ, — въ эти эпохи будущее Поволжье снова нѣсколько разъ то наводняется, то освобождается отъ морскихъ водъ. Пласты, образовавшіеся на днѣ этихъ морей и на поверхности суши, распространены всюду въ Приволжской возвышенности и въ Общемъ Сыртѣ; изъ нихъ сложены между прочимъ и бѣлыя мѣловыя „горы", создающія такой своеобразный ландшафтъ въ южной части Саратовской и въ юго-восточномъ углу Самарской губ.

Во время такъ называемой третичной эпохи, составляющей уже какъ-бы преддверіе современной, только въ началѣ море продолжало заливать территорію Поволжья, оставивъ слѣды въ Приволжской возвышенности. Во вторую половину третичной эпохи море постепенно отступило къ югу до предѣловъ современнаго Каспія, который нѣсколько разъ то расширялся, сливаясь съ сосѣдними Чернымъ и Аральскимъ морями, то отступалъ въ болѣе глубокія свои впадины, превращаясь въ замкнутое озеро.

Мы подошли къ интереснѣйшей страницѣ въ геологической исторіи нашего края, къ тому моменту, когда окончательно сложился его современный обликъ. Но передъ этимъ ему пришлось пережить еще одну великую перемѣну. Это

было на зарѣ современной намъ геологической эпохи. Въ то время какъ сѣверный, финно-скандинавскій ледникъ, покрывавшій передъ тѣмъ большую часть территоріи Европейской Россіи, постепенно отступалъ передъ надвигавшимся съ юга тепломъ, восточная половина Русской равнины, не испытавшая обледѣнѣнія, стала медленно опускаться подъ уровень сосѣднихъ морей. Образовавшееся передъ тѣмъ Каспійское море, соединившись на западѣ съ Чернымъ, а на востокѣ съ Аральскимъ, превратилось въ одинъ обширный Арало-Каспійскій бассейнъ. Вся теперешняя Астраханская губ. до Ергеней и Общаго Сырта исчезла подъ водою этого бассейна; отсюда выдвинулся длинный, узкій заливъ вдоль восточнаго края ранѣе возникшей Приволжской возвышенности — заливъ, доходившій до мѣста впаденія Камы въ Волгу. Въ этотъ сѣверный заливъ Арало-Каспія вливалось множество рѣкъ, и среди нихъ господствующими, какъ и теперь, была, вѣроятно, болѣе короткая тогда Волга (отъ истоковъ до Казани) и самостоятельная еще Кама. Но вотъ снова картина мѣняется, Арало-Каспійскій бассейнъ замкнулся, отдѣлившись отъ Чернаго моря и лишившись главнаго источника своихъ водъ, и благодаря возраставшей сухости климата бассейнъ началъ постепенно освобождать залитую имъ страну, отступая въ болѣе глубокія ея впадины. Отдѣлился Аральскій бассейнъ отъ Каспійскаго, стали осушаться одно за другимъ болѣе мелководныя мѣста этого послѣдняго, — и прежде всего его сѣверный заливъ. Все болѣе и болѣе суживаясь, сливаясь въ глубокую борозду, проходившую по краю Приволжской возвышенности, морской заливъ превращался постепенно сначала въ проточное озеро, потомъ въ огромную рѣку, соединившую въ себѣ воды Волги и Камы. Соленыя морскія воды, уже съ самаго начала сильно опрѣснившіяся рѣками, шагъ за шагомъ отступали передъ мощнымъ потокомъ прѣсной воды, катившимся съ сѣвера и засыпавшимъ своими наносами осадки прежняго моря. Покинувъ свой сѣверный заливъ, это море продолжало отступать и дальше — и по мѣрѣ того, какъ осушалась плоская Прикаспійская низменность, прѣсноводный потокъ постепенно прорѣзалъ ея рыхлую поверхность, догоняя отступающее море.

Какъ видитъ читатель, исторія угасающаго Арало-Каспійскаго бассейна есть въ то-же время исторія роста прежней маленькой Волги черезъ все пространство теперешняго Поволжья. Занявъ отвоеванное у моря мѣсто, она впослѣдствіи перестроила его по новому, образовавъ своеобразную долину.

II.

Климатъ и орошеніе.

Казалось-бы, что можетъ быть общаго въ климатѣ между отдаленнѣйшими частями страны, протянувшейся на 12⁰ съ сѣвера на югъ? Много ли сходства, напримѣръ, между климатомъ Швеціи и климатомъ Италіи? Однако въ Поволжьи, какъ и вообще въ Европейской Россіи, равнинный характеръ страны значительно смягчаетъ климатическіе контрасты, сближая противоположные концы области нѣкоторыми чертами единства. Какъ извѣстно, климатъ Русской равнины, по сравненію съ климатомъ Западной Европы, вообще отличается суровостью, несоотвѣтствующей широтѣ, что объясняется отдаленностью отъ теплыхъ морей и сравнительной близостью холодныхъ областей Азіи. Правда, русское лѣто не только не холоднѣе, но даже вообще жарче западно-европейскаго, но тѣмъ рѣзче выступаетъ холодъ русской зимы, когда-то наводившей ужасъ на иностранцевъ. И такъ какъ эти общія особенности русскаго климата все болѣе и болѣе усиливаются по направленію къ востоку и особенно къ юго-востоку, то въ

Поволжьи, расположенномъ на юго-восточномъ краѣ Русской равнины онѣ и выступаютъ съ чрезвычайной рѣзкостью. Особенно бросается въ глаза поразительный контрастъ между зимнимъ холодомъ и лѣтнею жарой, достигающій наибольшей рѣзкости на крайнемъ югѣ, въ Астраханской губ. Здѣсь зимою нерѣдки морозы до — 30° С., почти неизвѣстные въ болѣе западныхъ частяхъ Россіи на той-же широтѣ; и любопытно, что въ срединѣ зимы крайній сѣверъ области мало отличается отъ ея крайняго юга: даже среднія температуры января (самого холоднаго мѣсяца) остаются почти неизмѣнными отъ Казани и вплоть до Саратова, случайные же морозы и въ Астрахани едва ли слабѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Зато лѣтомъ всюду въ Поволжьи стоятъ сильнѣйшія жары, достигающія крайняго предѣла въ Астраханскихъ степяхъ. Это самое жаркое мѣсто во всей Европейской Россіи. Въ іюлѣ здѣсь даже средняя температура поднимается до 25 С°. въ тѣни, а въ отдѣльныхъ нерѣдкихъ случаяхъ жара достигаетъ 40° и болѣе; на солнцѣ въ это время настоящее пекло, песокъ становится совершенно горячимъ, нагрѣваясь градусовъ до 60—70. Только крайняя сухость воздуха дѣлаетъ такую жару сравнительно легко переносимой.

Но если, въ отношеніи крайнихъ степеней тепла и холода, сѣверъ и югъ обнаруживаютъ здѣсь такъ мало различій, то общая сумма тепла оказывается далеко не одинаковой. Это объясняется тѣмъ, что на югѣ въ соотвѣтствіи съ широтою холодное время года гораздо короче чѣмъ на сѣверѣ, да и въ общемъ оно не такъ холодно какъ тамъ. Въ Астрахани, напр. морозы могутъ быть такъ же жестоки, какъ и въ Казани, но они рѣдко продолжаются здѣсь подолгу безъ перерыва, а обыкновенно чередуются съ оттепелями, такъ что средняя-то температура оказывается много выше. Если считать зимой то время года, когда средняя температура держится ниже 0°, то въ Казани зима тянется цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ (съ ноября до марта) а въ Астрахани только 3 мѣсяца (съ декабря по февраль). Вотъ почему средняя температура года въ Астраханской губерніи (около +9°), оказывается на цѣлыхъ 6° выше чѣмъ въ Казанской (около 3°). Это различіе замѣтнѣе всего сказывается во времени замерзанія и вскрытія

Волги: замерзаніе ея почти всегда начинается сверху и медленно, въ теченіе почти мѣсяца спускается до устья; въ обратномъ порядкѣ идетъ вскрытіе. Въ среднемъ, на сѣверѣ области Волга остается свободной отъ льда около 165 дней въ году, на югѣ, въ Устьѣ — 220 дней, другими словами, на сѣверѣ Волга бываетъ скована льдами (въ среднемъ) на 55 дней или почти на 2 мѣсяца дольше, чѣмъ на югѣ — и на этотъ же промежутокъ времени сокращается тамъ періодъ навигаціи (на сѣверѣ около 7 мѣс., на югѣ около 9 мѣс.). Вслѣдъ за Волгой замерзаетъ и Каспійское море, покрываясь сплошнымъ ледянымъ покровомъ, нерѣдко на сотни верстъ отъ сѣверныхъ береговъ, тамъ гдѣ скопляются прѣсныя воды Волги и Урала. По этимъ ледянымъ полямъ рыбаки забираются далеко къ югу, причемъ нерѣдко становятся жертвами своего опаснаго промысла, когда сѣверные вѣтры отрываютъ льдины и уносятъ ихъ въ открытое море. Но не только сѣверъ холоднѣе юга — подобное же различіе замѣтно здѣсь между востокомъ и западомъ. Лѣто тамъ и здѣсь почти одинаково жаркое, но зато зимою самыя холодныя мѣста области лежатъ не на сѣверѣ ея, а на крайнемъ востокѣ, въ Самарской губерніи. Въ этомъ сказывается, конечно, вліяніе холодной въ это время года сосѣдки — Азіи.

Другой особенностью климата Поволжья является его сухость. Ни въ одной области Европейской Россіи засухи не случаются такъ часто и не достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ здѣсь. Однако въ этомъ отношеніи очень рѣзко выступаютъ различія между частями области. Сѣверный край ея лучше обезпеченъ влагой, которой здѣсь выпадаетъ немногимъ развѣ меньше, чѣмъ въ большинствѣ мѣстностей Средней Россіи; и только благодаря лѣтней жарѣ, слишкомъ сильно изсушающей землю и воздухъ, недостатокъ влаги и здѣсь нерѣдко тяжело чувствуется, вызывая неурожай хлѣбовъ и его послѣдствіе — голодъ. Отсюда, по направленію къ югу, количество выпадающей за годъ влаги все болѣе и болѣе уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается число особенно засушливыхъ годовъ. При этомъ замѣтно и нѣкоторое вліяніе рельефа страны: губерніи Симбирская и Саратовская, занимающія Приволжскую возвышенность, увлаж-

няются сильнѣе, чѣмъ раскинувшаяся по Заволжской низменности Самарская губ., а въ ней менѣе страдаетъ отъ сухости болѣе возвышенный сѣверо-восточный край. Но крайней степени сухости достигаетъ климатъ на югѣ, въ Астраханской губ. Если къ сѣверу отъ нея въ средніе годы потребности земледѣлія все же удовлетворяются выпадающей влагой, то здѣсь даже въ самые сырые годы ея количество оказывается далеко недостаточнымъ. Только по сѣверному краю Астраханской губ., по возвышенностямъ Ергеней, да по долинѣ Волги, увлажняемой ея разливами, возможно сколько-нибудь серьезное занятіе земледѣліемъ; все остальное пространство губерніи, особенно юго-восточный ея уголъ, представляетъ собою выжженную солнцемъ пустыню, совершенно непригодную для какой-либо культуры. Нерѣдко цѣлыми мѣсяцами тянется здѣсь полное бездождье, когда раскаленная земля не получаетъ ни капли воды. Набѣжитъ иногда тучка и, кажется, вотъ-вотъ прольется дождемъ. Напрасная надежда: въ горячемъ, сухомъ воздухѣ падающія капли высыхаютъ, не долетѣвъ до земли; и только ночная роса хоть отчасти возвращаетъ почвѣ утраченную за день влагу.

Недостатокъ влаги, отъ котораго въ большей или меньшей мѣрѣ страдаетъ вся область, до нѣкоторой степени смягчается тѣмъ, что большая часть этой влаги (на сѣверѣ до $^4/_5$) выпадаетъ въ жаркое, лѣтнее время, когда и потребность въ ней особенно велика. Но астраханская степь и въ этомъ отношеніи оказывается обиженной, такъ какъ влага распредѣляется здѣсь въ теченіе года гораздо болѣе равномѣрно. Однако и зимняя влага не пропадаетъ безслѣдно для растительности. Она скопляется въ видѣ снѣгового покрова, который зимою служитъ защитой отъ морозовъ, а весной, растаявъ, пропитываетъ почву, обильно увлажняя ее какъ разъ въ то время, когда это особенно необходимо для молодыхъ, выбивающихся изъ земли растеній. Въ Поволжьѣ снѣговой покровъ вообще не бываетъ особенно толстымъ, во всякомъ случаѣ тоньше, чѣмъ въ болѣе западныхъ частяхъ Россіи. Но все же большая часть страны окутывается снѣгомъ на нѣсколько мѣсяцевъ, и только Астраханская губернія и въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе. Правда, свирѣп-

ствующія здѣсь жестокія снѣжныя мятели (бураны) наметаютъ мѣстами огромные сугробы, но въ общемъ снѣга выпадаетъ здѣсь такъ мало, что значительныя пространства степи остаются всю зиму обнаженными, особенно на крайнемъ югѣ, въ такъ называемыхъ „черяняхъ"; это обстоятельство даетъ возможность здѣшнимъ кочевникамъ круглый годъ пасти свои стада, почти не прибѣгая къ заготовленію запасовъ сѣна, но оно же является и источникомъ страшныхъ бѣдствій: лишенный защиты, предоставленный собственнымъ силамъ скотъ тысячами гибнетъ то отъ мятелей, то отъ гололедицы, неожиданно заковывающей естественныя пастбища въ непроницаемую ледяную броню.

Объясненіе всѣхъ особенностей климата Поволжья мы можемъ найти въ направленіи господствующихъ здѣсь вѣтровъ. Если мы раздѣлимъ всю область на сѣверную и южную половину, проведя границу на широтѣ Саратова, то окажется, что въ сѣверной половинѣ преобладаютъ вообще западные вѣтры, а въ южной восточные. Первые несутъ остатки тѣхъ даровъ Атлантическаго океана, которыми пользуется вся Западная Европа и Европейская Россія, они же всюду на своемъ пути смягчаютъ климатъ, уменьшая контрастъ между тепломъ и холодомъ. Вторые дуютъ изъ степей и пустынь Средней Азіи, откуда несутъ всегда сухость, а зимою кромѣ того и холодъ, и лѣтомъ — жаръ; отсутствіе какихъ либо препятствій въ рельефѣ страны увеличиваетъ силу и постоянство этихъ вѣтровъ, которые нерѣдко принимаютъ здѣсь характеръ настоящихъ бурь: ужасны и губительны здѣсь зимніе бураны, но немало непріятностей доставляютъ путнику и лѣтніе вѣтры, дующіе какъ будто изъ раскаленной печки и несущіе цѣлыя тучи песку и пыли.

Климатомъ страны опредѣляются всѣ остальные элементы ея природы и прежде всего орошеніе. Рѣчная сѣть нашей области отличается единствомъ и компактностью: за исключеченіемъ Саратовской губ., отдающей большую часть своихъ водъ сосѣднему Дону, все остальное пространство области сливаетъ свои воды въ Волгу, если только не теряетъ ихъ въ пескахъ и соленыхъ озерахъ. Приглядимся же повнима-

тельнѣе къ строенію и дѣятельности этой господствующей артеріи края.

Пробѣгая по его поверхности около 2000 верстъ, въ общемъ съ сѣвера на югъ, Волга, какъ было сказано, повторяетъ своими изгибами рисунокъ рельефа, и только отъ Царицына отступаетъ отъ него на юго-востокъ, въ глубину Астраханской степи. Самый крутой изгибъ Волги, это Самарская лука, начало и конецъ которой сближены на какія-нибудь 20—25 верстъ, а вершина верстъ на 70 уклоняется отъ общаго направленія. Любопытно что въ самомъ узкомъ мѣстѣ этой излучины существуетъ еще болѣе тѣсная связь между ея концами, образованная теченіемъ рѣки Усы, впадающей въ верхній конецъ ея, противъ Ставрополя, и протекающей всего верстахъ въ 4-хъ отъ нижняго конца, у с. Переволоки. И теперь еще во время половодья мѣстные жители пользуются этимъ короткимъ „волокомъ" для сокращенія пути, перетаскивая изъ Волги въ Усу небольшія суда на спеціально приспособленныхъ телѣгахъ. Въ старину этотъ волокъ имѣлъ, конечно, гораздо большее значеніе, хотя, повидимому, чаще всего имъ пользовались волжскіе разбойники *).

Общій наклонъ уровня Волги, или, какъ говорятъ, ея паденіе на пространствѣ области не велико: у города Козьмодемьянска средній уровень ея воды находится на высотѣ 36 саж. надъ уровнемъ Каспія, слѣдовательно на протяженіи каждой версты ея воды падаютъ въ среднемъ всего на 1 ½ дюйма. При этомъ паденіе рѣки по направленію къ устью постепенно уменьшается, достигая у города Козьмодемьянска 2 дюймовъ, у Самары 1 ½ дюйма, а въ Астраханской степи всего ½ дюйма на каждую версту. Благодаря такому слабому и довольно равномѣрному уклону, теченіе Волги здѣсь всюду спокойно, хотя мощный напоръ воды и дѣлаетъ его довольно быстрымъ — отъ 2 до 4 верстъ въ часъ. Чтобы судить о размѣрахъ этого величественнаго потока воды, достаточно сказать, что уже на сѣверѣ области

---

*) Самарцы называютъ этотъ путь „Кругосвѣткой", потому что, спустившись изъ Самары на лодкѣ до Переволокъ и перетащивъ лодку въ рѣку Усу, можно отсюда — все внизъ по теченію — снова вернуться въ Самару, объѣхавъ кругомъ Жигулей.

ширина его достигаетъ мѣстами 1 версты, въ нижнемъ теченіи до 2 и болѣе верстъ, разливаясь въ половодье до 20—30 верстъ; а масса воды, проносимая имъ въ каждую секунду, составляетъ подъ Саратовомъ больше 1000 куб. сажень, или въ годъ отъ 200 до 320 куб. верстъ. Насколько же огромна должна быть работа этой массы, вѣчно движущейся въ своихъ извилистыхъ берегахъ! И дѣйствительно, вся теперешняя волжская долина, по общему пространству своему едва уступающая, напримѣръ, цѣлой Бельгіи, является всецѣло созданіемъ самой Волги — и въ то же время лучшей лѣтописью ея жизни и дѣятельности.

Лѣтомъ, во время низкаго стоянія волжскихъ водъ, когда пароходы частенько натыкаются на мели и „перекаты“, мы увидимъ слѣдующую картину рѣки. Справа и слѣва всюду широко раскинулись низкіе, еле выступающіе изъ воды песчаные острова, косы и отмели, между которыми замѣтно обмелѣвшая Волга какъ бы съ трудомъ разыскиваетъ свой путь, разбиваясь на отдѣльные рукава и протоки — такъ называемыя „воложки“. Часть этихъ протоковъ успѣла перегородиться на полпути песчаными плотинами, образовавъ „затоны“, служащія нерѣдко прекраснымъ пріютомъ для судовъ въ зимнее время и въ бурю; другіе еще несутъ живыя струи воды отнимая ее у главной Волги, гдѣ проходитъ „фарватеръ“, т. е. судоходный путь. Эти то пески, разметавшіеся всюду по берегамъ Волги и придаютъ ей своеобразный колоритъ умиротворяющей грусти, свойственный большинству широкихъ русскихъ рѣкъ. И въ то же время они являются первымъ этапомъ въ наслоеніи долинныхъ наносовъ. Всѣ они совсѣмъ еще недавно, быть можетъ, въ ближайшую весну образовались изъ матеріала, который откладывала на дно слабѣющая послѣ половодья Волга. Мѣстами эти пески уже успѣли зарасти ивнякомъ и осокорями, закрѣпившими ихъ навсегда своими корнями; подальше отъ воды пески покрылись уже сплошнымъ ковромъ луговыхъ травъ, успѣвшихъ превратить поверхность сыпучихъ песковъ въ настоящую почву; тамъ и сямъ разсѣяны среди этихъ луговъ озера, вытянутыя параллельно Волгѣ, а мѣстами и далеко отошедшія отъ нея старицы. Все носитъ здѣсь слѣды недавняго, въ геологическомъ

смыслѣ сегодняшняго происхожденія — слоистый песокъ всюду залегающій подъ почвой, находимые въ немъ раковины моллюсковъ, живущихъ въ Волгѣ, наконецъ, самая неустойчивость, измѣнчивость очертаній, все говоритъ, что мы присутствуемъ здѣсь при рожденіи совершенно новой полосы суши. И какъ бы для того, чтобы напоминать объ этомъ, Волга ежегодно весною заливаетъ всю эту полосу, оставляя лишь кое-гдѣ верхушки осокорей, да гривы болѣе высокихъ бугровъ. Такова пойма или нижняя терраса долины. Если мы пересѣчемъ ее поперекъ, въ большинствѣ случаевъ встрѣтимъ ясно замѣтный уступъ, въ нѣсколько саженъ высотою, напоминающій собою какъ-бы берегъ рѣки. Это и есть ея прежній, „старый" берегъ, который однако она и теперь еще омываетъ каждую весну. За уступомъ разстилается вторая — „надлуговая" или средняя терраса долины, уже не заливаемая теперь Волгой, но раньше бывшая ея „поймой", и сохранившая на себѣ, слѣды своего происхожденія, хотя и менѣе ясные, чѣмъ настоящая пойма. Еще дальше отъ Волги мы снова встрѣчаемъ уступъ, подобный первому и за нимъ новую, такъ называемую „верхнюю" или „первую" террасу. И она когда то, еще раньше, была поймой рѣки, являясь какъ бы первой страницей въ исторіи Волги. Образованіе этихъ террасъ объясняется неравномѣрнымъ пониженіемъ уровня Каспія: въ тѣ періоды, когда онъ понижался быстрѣе, и Волга скорѣе углубляла свое русло, переставала заливать прежнюю пойму и строила себѣ новую. Одновременно съ этимъ Волга, повидимому, постепенно передвигала свое теченіе вправо, подмывая террасы на правомъ берегу, гдѣ они и сохранились благодаря этому въ очень неполномъ видѣ. Въ качествѣ объясненія болѣе энергичнаго подмыванія Волгой праваго берега указываютъ обыкновенно на извѣстный законъ Бера, по которому, вслѣдствіе вращенія земли, всѣ рѣки, текущія съ сѣвера на югъ или наоборотъ, должны съ большей силой нажимать своей массой именно на правый берегъ, засыпая лѣвый рыхлыми наносами. Не слѣдуетъ только слишкомъ преувеличивать силу этого закона, который оправдывается далеко не на всѣхъ рѣкахъ и приписываемое которому дѣйствіе объясняется во многихъ случаяхъ другими причинами какъ морфологиче-

Жигули. Молодецкій курганъ.

скими и геологическими, такъ отчасти и вліяніемъ преобладающихъ вѣтровъ.

Создавая современную пойму, Волга все время строитъ и перестраиваетъ ее на разные лады. Какъ-бы стараясь заглянуть во всѣ уголки своихъ владѣній, она все время мечется по долинѣ отъ края до края, все время „блуждаетъ“ по ней. Если бы намъ удалось на одинъ моментъ выпрямить теперешнее извилистое русло Волги и заставить ее пробѣгать пойму по кратчайшему пути, то рѣка, предоставленная самой себѣ, снова надѣлала бы извилинъ: достаточно самыхъ незначительныхъ причинъ, вродѣ обвала одного берега, затонувшей и засыпанной пескомъ баржи, чтобы хоть слегка отклонить главную струю потока отъ одного берега къ другому; ударяясь въ него съ большей силой, теченіе начинаетъ энергичнѣе подмывать его и тѣмъ самымъ создаетъ новыя условія для еще большаго уклоненія въ эту сторону. У противоположнаго же берега, благодаря ослабѣвшему тамъ теченію будетъ наоборотъ насыпаться несомый рѣкою матеріалъ, образуя отмель или косу. Разъ образовавшаяся извилина неудержимо стремится такимъ образомъ все болѣе и болѣе растягиваться въ сторону, до встрѣчи съ какимъ-либо препятствіемъ (укрѣпленный растительностью край террасы, болѣе твердая порода). Но первая извилина такъ же неизбѣжно вызываетъ къ жизни другую, потому что отраженная подмываемымъ берегомъ струя отбѣгаетъ снова къ противоположному берегу и, достигнувъ его нѣсколько ниже по теченію, врѣзается въ него все глубже и глубже — и такъ далѣе безъ конца. Однако, благодаря рыхлости строительнаго матеріала, рисунокъ этихъ извилинъ изъ года въ годъ мѣняется: прежнія извилины нерѣдко прорываются напоромъ теченія въ своемъ основаніи, превращаясь въ воложки, причемъ главное русло временно выпрямляется; въ другихъ мѣстахъ возникаютъ новыя извилины. Конечно, и дно рѣки все время измѣняетъ свой рельефъ: тамъ гдѣ теперь глубокія мѣста, на слѣдующій годъ можетъ образоваться мель или перекатъ, и эта измѣнчивость русла вредитъ судоходству едва ли меньше, чѣмъ самое мелководье, заставляя каждый годъ снова разыскивать измѣнившійся фарватеръ и сопротивляясь всякимъ

попыткамъ къ его исправленію. Отражается она роковымъ образомъ и на судьбахъ приволжскихъ городовъ, на которые рѣка то надвигается, грозя обваломъ, то напротивъ покидаетъ ихъ, уходя къ противоположному краю своей поймы, нерѣдко на нѣсколько верстъ, — что, конечно, не проходитъ безслѣдно для ихъ экономической жизни. Такъ Симбирскъ, сжатый между Волгой и Свіягой, текущими рядомъ, но въ противоположныя стороны, не разъ уступалъ часть своей территоріи надвигающимся на него рѣкамъ. Напротивъ, Казань, построенная когда-то на самомъ берегу Волги, теперь стоитъ лишь на краю лѣвобережной террасы, Волга же лѣтомъ уходитъ отъ нея верстъ на семь. Та же участь грозитъ, повидимому, и Саратову.

Все сказанное о строеніи Волги относится и къ строенію большей части ея притоковъ, наполняющихъ Поволжье своими причудливыми глубинами. Благодаря описаннымъ выше особенностямъ климата, только въ сѣверной своей половинѣ Волга получаетъ значительныя подкрѣпленія. Съ Приволжской возвышенности сбѣгаютъ здѣсь судоходная Сура, быстрая живописная Свіяга, изъ сѣверныхъ лѣсовъ бѣжитъ многоводная Ветлуга, съ востока — могучая соперница Волги — Кама, несущая ей богатые дары обильныхъ дождями Уральскихъ горъ. Собственно говоря, это послѣдній крупный притокъ Волги: дальше къ югу съ Приволжской возвышенности сбѣгаютъ лишь короткія быстрыя рѣчки вродѣ Усы и Терешки (въ Саратовской губ.), а Заволжская равнина, хотя и густо заполнена рѣчной сѣтью (Сокъ, Самара, Иргизъ, Еруспанъ). но, сама страдая отъ сухости климата, даетъ Волгѣ очень мало воды. И вотъ, наконецъ, вступивъ, въ предѣлы Прикаспійской низменности, Волга оказывается предоставленной своимъ собственнымъ силамъ. Потерявъ вскорѣ руководящую нить Приволжской возвышенности, она разбѣгается цѣлой сѣтью протоковъ, занимающихъ широкую полосу верстъ въ 20—30, по правой сторонѣ которой течетъ сама Волга, а по лѣвой сторонѣ главный протокъ ея Ахтуба. Эта полоса — такъ называемое „займище“ — является сравнительно цвѣтущимъ оазисомъ среди окружающихъ пустынь. Наконецъ, около Астрахани начинается настоящая дельта Волги, прорѣ-

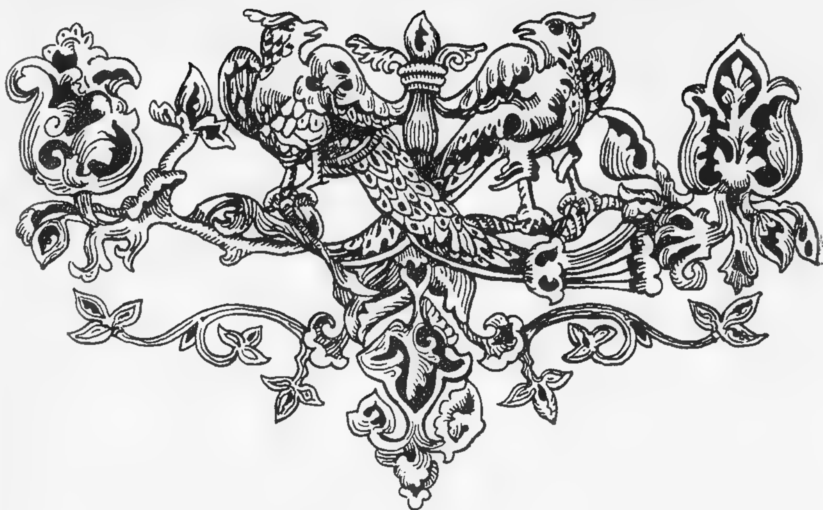
занная тысячами протоковъ, „ериковъ“, „ильменей“ и т. д. и тысячами своихъ острововъ и „бугровъ“ глубоко вдающаяся въ Каспійское море. Все сѣверное побережье этого моря чрезвычайно мелководно и также изрѣзано множествомъ заливовъ.

Несмотря на огромную ничѣмъ не возмѣщаемую трату воды, Волга до конца сохраняетъ характеръ могучей судоходной рѣки, еще болѣе величественной по контрасту съ охватившимъ ее царствомъ безводья. Тамъ, за предѣлами Волжскаго займища, въ ту и другую сторону разстилается своеобразный міръ соленыхъ озеръ, совершенно изолированный отъ окружающихъ его бассейновъ, и въ которомъ каждая незначительная впадина ведетъ самостоятельное водное хозяйство. Конечно, и здѣсь временами бѣгутъ по поверхности дождевыя или снѣговыя воды, но ихъ слишкомъ мало, чтобы образовать постоянно текущія рѣчки, способныя вынести воду въ какой нибудь наружный бассейнъ. Только Большой и Малый Узени, сбѣгающіе со склоновъ Общаго Сырта, заслуживаютъ названія рѣкъ, но и они доносятъ свою воду лишь до замкнутыхъ Камышъ-Самарскихъ озеръ; что касается „рѣки“ Сарпы, то это лишь цѣпь отдѣльныхъ соленоватыхъ озеръ, собирающихъ воду съ Ергеней и сливающихъ ее въ Волгу лишь временами, весною.

Такъ какъ поверхность этой страны далеко еще не успѣла отмыться отъ солей, оставленныхъ моремъ, то каждая струйка воды по пути обильно насыщается ими и при высыханіи откладываетъ ихъ въ видѣ бѣлой корочки, отмѣчающей собой углубленіе почвы. Вотъ почему каждая лужица превращается здѣсь въ солончакъ, озера же содержатъ въ себѣ не прѣсную воду, а густой разсолъ — такъ называемую „рапу“, — изъ которой постепенно осаждаются на дно цѣлыя залежи соли. Впрочемъ, лѣтомъ большинство озеръ совершенно теряютъ свою воду, — и странное впечатлѣніе производятъ они тогда своей ослѣпительно-бѣлой, сверкающей на солнцѣ поверхностью, какъ-будто огромныя поля зимнихъ снѣговъ уцѣлѣли какимъ-то чудомъ среди жгучаго зноя пустыни. Всѣ

эти „самосадочныя“ озера Астраханской губ., особенно самыя большія изъ нихъ — Элтонское и Баскунчакское, — составляютъ одно изъ главныхъ ея богатствъ, — тѣмъ болѣе цѣнное въ виду близости рыбныхъ промысловъ, потребляющихъ огромныя количества соли.

III.

Почва, растительность и животный міръ.

Силами неорганической природы создается основной фонъ ландшафтовъ, по которому растительный и животный міръ дорисовываютъ разнообразный причудливый узоръ. Мы уже видѣли, что въ Поволжьѣ съ сѣвера на югъ мѣняется не только климатъ, но и геологическій возрастъ страны — и въ этомъ же направленіи происходитъ главнымъ образомъ смѣна почвъ и растительныхъ ландшафтовъ.

Крайній сѣверъ — сѣверные уѣзды Казанской и Симбирской губ. — лежитъ еще въ царствѣ сплошныхъ лѣсовъ, занимающемъ всю сѣверную большую половину Европейской Россіи. Поверхность древнихъ пластовъ, слагающихъ эту страну, благодаря довольно еще влажному здѣсь климату, давно уже успѣла отмыться отъ избытка солей, который служитъ препятствіемъ для распространенія лѣсныхъ породъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ почва утратила и значительныя количества необходимыхъ для растеній питательныхъ веществъ: питательная глина (или суглинокъ) превратилась мѣстами въ без-

плодный мучнистый „подзолъ“, почти лишенный и своего естественнаго удобренія — растительнаго перегноя. Только древесныя породы съ ихъ огромной корневой системой, да неприхотливыя луговыя травы довольствуются этой скудной почвой — и не только довольствуются, но въ свою очередь и способствуютъ ея „оподзоливанію“, сохраняя въ ней влагу и затѣняя ее своей листвой. Такъ, съ давнимъ существованіемъ сплошныхъ лѣсовъ тѣсно связано здѣсь распространеніе „подзолистыхъ“ почвъ. Основу лѣса составляетъ здѣсь ель, на сѣверо-востокѣ вмѣстѣ съ пихтой, а на прирѣчныхъ пескахъ — типичный песколюбъ сосна. Лиственныя породы береза, осина, южнѣе дубъ, кленъ, липа, даже ясень — лишь мѣстами разнообразятъ влажный полумракъ этого сплошного мшистаго краснолѣсья.

Таковы лѣса на сѣверѣ Казанской губерніи. Но чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ сильнѣе выступаютъ на первый планъ лиственныя породы, и вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще лѣсъ начинаетъ какъ-бы разступаться, оставляя все большія и большія открытыя пространства, заросшія луговыми, а далѣе и степными травами. Въ этой переходной, такъ называемой лѣсостепной полосѣ, занимающей южную половину Симбирской и сѣверную Саратовской и Самарской губерній, лѣсъ издавна борется со степью. Вначалѣ сухой климатъ этой страны создалъ условія неблагопріятныя для распространенія лѣса (значительная „соленость“ почвы, недостатокъ въ ней влаги); въ то же время, именно благодаря сухости, почва хорошо сохранила здѣсь свой запасъ питательныхъ веществъ, а тысячи поколѣній луговыхъ и степныхъ травъ успѣли накопить въ ней мощную толщу перегноя, постепенно превратившую ее въ типичный черноземъ. Но и лѣсъ тѣмъ временемъ не переставалъ распространять свое вліяніе за предѣлы опушки: постепенно оподзоливая здѣсь почву, онъ подготовлялъ ее для себя и шагъ за шагомъ занималъ все новые участки степи, мѣстами охватывая ее кольцомъ. Все же, въ настоящее время — особенно благодаря вмѣшательству человѣка, истребляющему лѣса, — господствуетъ здѣсь степь, превращенная въ поля: только въ Симбирской губ. подъ лѣсомъ остается еще около $^1/_3$ всего пространства, въ Саратовской — всего $^1/_{10}$, а въ Са-

марской даже $^1/_{20}$. Лѣсъ здѣсь уже почти исключительно лиственный, ель нигдѣ почти не встрѣчается, а сосна только по пескамъ, въ долинахъ рѣкъ да на значительныхъ возвышенностяхъ — напримѣръ, на Жигуляхъ. Дубъ, липа, кленъ, татарскій кленъ, покрывающій осенью яркимъ румянцемъ склоны Приволжской возвышенности, яблоня и груша — вотъ породы, изъ которыхъ состоятъ здѣсь лѣса, рощи и перелѣски. На открытыхъ мѣстахъ на сѣверѣ — лугъ, пестрѣющій цвѣтами, южнѣе — настоящая степь, заросшая преимущественно злаками, то золотистымъ типчакомъ, то сѣдоватымъ, вѣчно волнующимся ковылемъ. Однако эти дикія травы сохранились теперь лишь въ немногихъ мѣстахъ, большая же часть степи распахана и занята культурными растеніями. Тучный черноземъ этой полосы, глубоко прогрѣваемый горячимъ солнцемъ, позволяетъ воздѣлывать здѣсь, кромѣ обычныхъ сѣверныхъ, и болѣе требовательныя и цѣнныя растенія: на поляхъ прекрасно растутъ гречиха, просо, пшеница, подсолнечникъ, горчица, арбузы, дыни, въ садахъ — яблони, груши, сливы и вишни. И если бы не частыя засухи, съ которыми при современныхъ условіяхъ населеніе не въ силахъ бороться, эта полоса была бы сплошнымъ цвѣтущимъ садомъ и полемъ.

Чѣмъ далѣе на югъ и на востокъ, тѣмъ меньше получаетъ почва влаги, и тѣмъ обильнѣе содержаніе въ ней солей. Уже среди чернозема, во впадинахъ, куда воды уносятъ собранную съ окрестностей соль, ея скопляется такъ много, что обычная степная растительность не переноситъ ее, уступая мѣсто исключительно приспособленнымъ полынямъ да солянкамъ, соленымъ даже на вкусъ: это — „солонцы", разсѣянные тамъ и сямъ въ видѣ островковъ среди степи въ Саратовской, особенно же въ Самарской губ. Лѣсъ все болѣе и болѣе отступаетъ на заднiй планъ, находя послѣдній пріютъ на болѣе влажной и хорошо промытой почвѣ рѣчныхъ долинъ и овраговъ („балокъ"). Еще дальше къ югу островки солонцовъ сливаются въ сплошныя пространства сѣдой „полынной" степи, перемежающіяся съ пятнами настоящихъ голыхъ солончаковъ и песчаныхъ пустынь. Такова вся почти Астраханская губ., за исключеніемъ сѣверной окраины, волж-

скаго „Займища“ да склоновъ Ергеней. Скудная, рѣдкая растительность не въ состояніи была накопить здѣсь значительные запасы перегноя — вмѣсто чернозема мы встрѣтимъ здѣсь богатыя солью, свѣтло-бурыя почвы, свойственныя вообще сухимъ степямъ; а мѣстами почвы и вовсе нѣтъ — одинъ голый песокъ! Но если растительность не отличается здѣсь пышностью и яркостью красокъ, зато она хорошо приспособилась къ своеобразнымъ климатическимъ условіямъ. Каждая травка изо-всѣхъ силъ напрягается въ борьбѣ съ суровой природой; пушистый покровъ (у полыни), превращеніе листьевъ въ колючки (у верблюжьей травы) или мясистыя подушечки (у солянокъ), глубокіе корни — все направлено къ одной цѣли захватить какъ можно больше влаги и какъ можно дальше спрятать ее отъ солнца. Однако и эти степи не всегда и не вездѣ такъ безотрадно унылы. Весною мѣстами онѣ расцвѣчиваются яркими цвѣтами тюльпановъ, ирисовъ, маковъ; лѣтомъ, среди океана сѣдой полыни, — коегдѣ поближе къ Волгѣ — передъ глазами путника проплываютъ лиловатыя облачка кермековъ, и даже окраины песчаныхъ пустынь на югѣ украшены темной зеленью Средне-азіатскихъ тамарисковъ, съ пышными кистями красивыхъ розовыхъ цвѣтовъ. Поля и сады можно встрѣтить въ этой полосѣ по окраинамъ, да по берегамъ Волги, да и то сады нерѣдко требуютъ искусственнаго орошенія. На поляхъ преобладаютъ пшеница, просо, арбузы, дыни; въ садахъ появляется уже виноградъ, персики, абрикосы, тутовое дерево, нѣжные сорта грушъ.

Совершенно особое царство представляетъ полоса вдоль Волги. Построивъ изъ однороднаго матеріала свою долину, рѣка и засѣяла ее почти всюду одной и той же растительностью. Подъ самой Астраханью можно встрѣтить почти тѣ же травы и тѣ же древесныя породы, какъ и на сѣверѣ области. Настоящихъ лѣсовъ нигдѣ нѣтъ въ заливной волжской долинѣ; ея лучшимъ украшеніемъ являются рощи темныхъ развѣсистыхъ осокорей, пріуроченныя къ ея пескамъ, мѣстами серебристый тополь и различныя породы ивъ, въ болѣе высокихъ мѣстахъ — дубъ. На югѣ, въ дельтѣ Волги изъ всѣхъ этихъ породъ остаются только ивы, но зато къ нимъ при-

соединяются непроходимыя заросли гигантскихъ камышей (вѣрнѣе тростниковъ), сажень до 2 вышиною, и чакана, сопровождающихъ здѣсь берега безчисленныхъ озеръ, ильменей, ериковъ (протоковъ). Наконецъ, разнообразная водяная и болотная растительность дополняетъ картину этого ландшафта, среди котораго особенно яркимъ пятномъ выдѣляются гигантскіе листья и красивые розовые цвѣты индійскаго священнаго лотоса, въ послѣднее время сильно истребляемаго ради его вкусныхъ сѣмянъ.

Каждому растительному ландшафту соотвѣтствуетъ и свой особый животный міръ. Въ густыхъ лѣсахъ сѣвера еще сохранились крупные и мелкіе звѣри и птицы, свойственные всей вообще лѣсной полосѣ Европейской Россіи. Кромѣ заходящихъ довольно далеко къ югу медвѣдя и лося, въ сѣверные уѣзды Казанской губерніи нерѣдко заходитъ и представитель полярной фауны — сѣверный олень. Лѣсной дичи здѣсь еще такъ много, что она составляетъ даже предметъ промысловой охоты. По мѣрѣ того какъ по направленію къ югу рѣдѣетъ лѣсъ, лѣсныя животныя смѣняются степными: изъ болѣе крупныхъ хищниковъ здѣсь остаются только лисица да волкъ, довольствующіеся небольшими лѣсными зарослями для вывода дѣтенышей. Дикія копытныя исчезаютъ. Зато появляются тяжелыя на лету, но быстро бѣгающія птица-дрофа и стрепетъ, да крупныя пернатые хищники — орлы, беркуты, соколы — собираютъ обильную дань съ многочисленнаго населенія живущихъ въ норкахъ грызуновъ — байбаковъ, сусликовъ, тушканчиковъ, полевыхъ мышей и др. Усиленная распашка дѣвственной степи ведетъ къ полному истребленію болѣе крупныхъ дикихъ животныхъ, и только мелкіе вредные грызуны — особенно суслики — прекрасно приспособились къ новымъ условіямъ, сдѣлавшись опаснѣйшими врагами всякой полевой культуры. Только въ астраханскихъ пустынныхъ степяхъ сохранились до настоящаго времени болѣе крупныя животныя; кромѣ животныхъ, свойственныхъ Европѣ, здѣсь можно встрѣтить и пришельцевъ изъ Азіи. Такова, напримѣръ, степная антилопа сайга, не такъ давно еще водившаяся въ изобиліи и въ Самарской губ.; теперь ея стада лишь изрѣдко попадаются на югѣ Астрахан-

ской губ., подвергаясь безпощаднымъ преслѣдованіямъ охотниковъ. Особенно разнообразенъ здѣсь міръ степныхъ пресмыкающихся, — ящерицы, окрашенныя въ сѣрый цвѣтъ пустыни, огромный, но совершенно безобидный, похожій на змѣю, азіатскій желтопузъ, а также и настоящія ядовитыя змѣи (гадюка, щитомордникъ), наконецъ, около воды — черепахи. Нѣсколько видовъ ядовитыхъ пауковъ — фаланги, тарантулы, изрѣдка скорпіоны — заставляютъ нѣсколько опасаться ночлега на землѣ.

Вообще, животное населеніе Прикаспійскихъ степей не особенно многочисленно, или, по крайней мѣрѣ, мало бросается въ глаза, благодаря своему скрытному образу жизни и покровительственной окраски. Случайному путнику степь можетъ даже показаться совершенно безжизненной. Зато какимъ рѣзкимъ контрастомъ поражаетъ его шумное царство водяныхъ птицъ, населяющихъ лабиринтъ волжскихъ и каспійскихъ протоковъ! Переѣзжая вбродъ какой-нибудь „ерикъ", врѣзаешься здѣсь въ живую тучу, съ криками разлетающуюся въ разныя стороны. Тутъ и журавли, и цапли, и важные пеликаны среди гусей и всевозможныхъ породъ утокъ, наконецъ, тысячи куликовъ, а на взморьи стада красивыхъ, розовыхъ фламинго. Часть этихъ птицъ вьетъ здѣсь и гнѣзда, но гораздо больше собирается ихъ здѣсь весною и осенью: Волга одна изъ важнѣйшихъ столбовыхъ дорогъ для всякой водяной птицы, а безлюдное приволье ея дельты какъ-бы самой природой предназначено для отдыха и обильной кормежки передъ отлетомъ въ дальній путь. Тутъ же на крайнемъ югѣ, среди зарослей камыша между водными протоками, пріютились и представители лѣсной фауны — кабаны, а изъ птицъ фазаны, напоминающіе близость Кавказа и Туркестана.

Но самыя цѣнныя богатства животнаго міра содержитъ въ себѣ сама Волга и Каспійское море. Волга первая рѣка въ Европѣ по своимъ рыбнымъ богатствамъ. Правда изъ цѣннаго семейства лососевыхъ рыбъ мы встрѣтимъ здѣсь одну бѣлорыбицу, на зато здѣсь настоящее царство осетровыхъ породъ, которыя нигдѣ болѣе не водятся въ такомъ количествѣ и разнообразіи. Кромѣ осетра, сюда принадле-

жать стерлядь, бѣлуга, севрюга и шипъ. Впрочемъ въ промышленномъ отношеніи эти аристократы рыбьяго царства — такъ называемыя „красныя“ рыбы, имѣютъ меньше значенія, чѣмъ демократическая масса „частиковыхъ“ рыбъ — различныхъ сельдей, воблы, тарани, населяющихъ эти воды въ огромномъ количествѣ особей. Причиною такой многорыбности нижней Волги и Каспійскаго моря являются тѣ особенно благопріятныя жизненныя условія, которыя создались въ лабиринтѣ волжскаго устья и морского побережья: благодаря теплу, мелководью и обилію органическихъ остатковъ, здѣсь развивается необычайно пышная фауна различныхъ рачковъ и насѣкомыхъ, образующихъ какъ-бы тучныя пастбища для подрастающихъ поколѣній рыбъ; подобныя же пастбища создаются и выше по теченію рѣки, въ протокахъ и озерахъ ея поймы. По числу породъ бо́льшая часть рыбъ является постоянными обитателями Волги — это „туводныя“ рыбы (окунь, щука, голавль, лещь, сазанъ, сомъ и др.); но гораздо важнѣе группа, такъ называемыхъ „проходныхъ“ рыбъ. Каспійское море представляетъ собою какъ бы огромный рыбный садокъ, періодически выбрасывающій въ Волгу безчисленныя стада рыбъ, увлекаемыхъ сюда инстинктомъ размноженія. Происходитъ это обыкновенно весною; поднявшись противъ теченія на извѣстное разстояніе, — иногда на многія сотни верстъ отъ устья, — рыба мечетъ здѣсь икру, а затѣмъ снова возвращается до слѣдующей весны на свои морскія пастбища, предоставляя молодому поколѣнію самостоятельно отыскивать туда дорогу. Вотъ этотъ-то неудержимо стремящійся въ рѣку живой потокъ и составляетъ въ настоящее время главный предметъ низовыхъ рыбныхъ промысловъ. Типичныя проходныя рыбы, — это бѣлорыбица, три породы сельдей — пузанокъ, бѣшенка и астраханская селедка, — бѣлуга, севрюга, шипъ и вобла; судакъ, осетръ и стерлядь лишь отчасти увлекаются общимъ потокомъ.

Наконецъ, уже исключительно морскимъ животнымъ является каспійскій тюлень, какъ думаютъ иные, живой памятникъ существовавшей когда-то связи между Каспіемъ и

Ледовитымъ океаномъ (ни въ Черномъ, ни въ Средиземномъ морѣ тюлени не водятся).

Этимъ мы и закончимъ нашъ краткій очеркъ природы страны, здѣсь, какъ и вездѣ, образующей естественную рамку для жизни и дѣятельности человѣка.

Черемисская деревня.

IV.

Общій очеркъ населенія Поволжья. Исторія заселенія.

На огромномъ пространствѣ около 514.000 кв. верстъ въ Поволжьѣ живетъ всего 12,5 милліоновъ народу, что составляетъ около 24 человѣкъ на 1 кв. версту (въ среднемъ для Европейской Россіи можно считать около 28 чел. на 1 кв. в.). Еще нетрудно понять, почему такъ безлюдна пустынная по природѣ Астраханская губ., гдѣ на 1 кв. версту приходится всего 6 чел. Но если даже выкинуть ее изъ общаго счета, то придется по 36 челов. на 1 кв. в. — и это на тучномъ черноземѣ, который на западѣ Россіи прокармливаетъ по 70—80 чел. на 1 кв. в.! При этомъ оказывается, что болѣе бѣдный по природѣ сѣверъ (Казанская губ., сѣверные уѣзды Симбирской) населены значительно гуще, чѣмъ плодородная середина страны, особенно ея восточная окраина (Самарская губ.). Такая малая населенность страны объясняется сравнительно позднимъ ея заселеніемъ, особенно въ южной, степной части. Въ связи съ этимъ стоитъ и слабое развитіе здѣсь городской жизни, указывающее на преобладаніе земледѣльческаго труда: въ самомъ дѣлѣ, не болѣе 10% населенія живетъ здѣсь въ

городахъ, тогда какъ по всей Европейской Россіи на нихъ приходится около 13 %, а въ Московской, напримѣръ, губерніи города поглощаютъ почти половину народной массы.

Лѣтъ 10 тому назадъ намъ пришлось бы еще отмѣтить исключительно быстрый ростъ населенія во всей области, особенно же въ Заволжьѣ — очевидно въ то время колонизація ея еще не вполнѣ закончилась. Но съ тѣхъ поръ положеніе вещей существенно измѣнилось. Теперь ежегодный приростъ населенія приблизительно соотвѣтствуетъ тому, который обусловливается перевѣсомъ числа рожденій надъ числомъ смертей (такъ называемый „естественный приростъ"). Правда, по величинѣ этого „естественнаго" прироста, бо́льшая часть губерній области все же занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи (въ среднемъ 18 на 1000 жит.) — но это лишь снова напоминаетъ намъ о господствующей здѣсь „власти земли", которая вообще располагаетъ людей къ многосемейности.

Наконецъ, уже поверхностному наблюдателю бросается здѣсь въ глаза необычайная въ Россіи пестрота народной массы по племенному составу. Правда, русская — и въ частности великорусская масса и здѣсь преобладаетъ почти всюду; но среди нея всюду же вкраплены большіе и малые острова чуждыхъ ей элементовъ, еще уцѣлѣвшихъ въ процессѣ обрусѣнія. Чтобы разобраться въ этой пестрой племенной мозаикѣ, удобнѣе всего начать съ исторіи заселенія края, которая объяснитъ намъ кстати и нѣкоторыя другія черты современнаго населенія Поволжья.

О древнѣйшихъ поселеніяхъ человѣка мы можемъ судить лишь по тѣмъ вещественнымъ слѣдамъ его жизни, которые сохранились въ видѣ орудій, оружія, украшеній, иногда могилъ съ содержащимися въ нихъ скелетами — это область археологіи, но не точной исторіи. Слѣдовъ древнѣйшаго, палеолитическаго человѣка, едва научившагося дѣлать изъ камня грубыя орудія домашняго обихода, до сихъ поръ нигдѣ въ нашей области не найдено. Археологія застаетъ здѣсь человѣка уже на болѣе поздней ступени развитія, когда искусство обработки камня достигло уже бо́льшаго совершенства, и подчасъ изящества. Стоянки и поселенія этой неолитической эпохи каменнаго вѣка найдены преимущест-

Дѣти—-черемисы

венно на лѣсномъ сѣверѣ области, въ Казанской губерніи, но отдѣльные экземпляры орудій попадаются и южнѣе — въ Самарской и Саратовской губерніяхъ. Судя по распредѣленію этихъ остатковъ, можно думать, что и въ то время уже человѣкъ селился преимущественно по берегамъ рѣки, а по ихъ характеру — среди нихъ попадаются стрѣлы, копья, разныя орудія домашняго и можетъ быть даже сельскаго хозяйства, кости дикихъ животныхъ и рыбъ, наконецъ и кости домашнихъ животныхъ, — можно догадываться о преобладаніи тогда охотничьяго быта, быть можетъ переходившаго мѣстами въ земледѣльческій. О расовомъ и племенномъ составѣ этого человѣка мы ничего не знаемъ.

Слѣдующая ступень въ развитіи человѣческой культуры — такъ называемый бронзовый вѣкъ — также оставилъ слѣды въ нашей области и также преимущественно въ сѣверной (особенно въ сѣверо-восточной) ея части. Все заставляетъ думать, что центромъ и источникомъ распространенія здѣсь „бронзовой“ культуры было Приуралье — да это и понятно въ виду богатства Урала мѣдными рудами; въ болѣе раннихъ поселеніяхъ и могилахъ бронзовыя издѣлія попадаются на ряду съ каменными, и впослѣдствіи къ нимъ начинаютъ примѣшиваться и копирующія ихъ форму желѣзныя вещи; такъ незамѣтно „бронзовый“ вѣкъ смѣнился „желѣзнымъ“. Нерѣдко въ нашей области и сочетаніе бронзовыхъ издѣлій съ костяными (стрѣлки, крючки для удочекъ), характерными для такъ называемыхъ „костеносныхъ городищъ“, напр. близъ впаденія рѣки Вятки въ Каму, у д. Грохань, Казанской губ. Здѣсь найдены даже остатки вала изъ камней и земли, а за валомъ сохранились слѣды печей и могила со скелетомъ. Особенно характерны символическія изображенія (религіозные символы) этой эпохи, именно мѣдныя изображенія летящихъ птицъ, которыя проф. Д. Н. Анучинъ тѣсно связываетъ съ областью распространенія Приуральской Чуди или, другими словами, приуральскихъ финновъ; это даетъ основаніе думать, что именно финскія племена были здѣсь носителями древнѣйшей культуры и основой всѣхъ дальнѣйшихъ этническихъ наслоеній. Несомнѣнно, что эти финскія племена уже тогда вышли изъ состоянія первобытной дикости и занимались не

только охотой и рыбной ловлей, но и были хорошо знакомы съ земледѣліемъ и скотоводствомъ. По нѣкоторымъ историческимъ свидѣтельствамъ, — правда очень неяснымъ и относящимся къ болѣе позднему времени, — финскія племена не чужды были и довольно прочной государственности и не безъ успѣха отстаивали свою независимость отъ пришельцевъ завоевателей; а ихъ прошло здѣсь не мало. Быть можетъ, полуисторическіе скифы были первой волной, захлестнувшей отчасти и нашу область, по крайней мѣрѣ ея южную, степную часть. За 200 лѣтъ до Р. Х. господство скиѳовъ на югѣ Россіи смѣняется господствомъ сарматовъ — принадлежавшихъ, впрочемъ, какъ и скиѳы, къ бѣлой расѣ и иранской ея вѣтви. За ними послѣдовали волны тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, создавшія въ Европѣ эпоху „Великаго переселенія народовъ", но еще больше отразившіяся на судьбахъ Россіи. Волна за волною вливаясь черезъ естественныя ворота между Ураломъ и Каспіемъ, дикія орды кочевниковъ, овладѣли южнымъ концомъ нашей области; на сѣверную, лѣсистую ея половину ихъ вліяніе распространялось лишь съ теченіемъ времени. Первые — въ IV вѣка по Р. Х. — пришли сюда грозные гунны, дальнѣйшее движеніе которыхъ на западъ и послужило толчкомъ великому переселенію. Уже съ V вѣка остатки разбитыхъ подъ Каталауномъ гунскихъ ордъ, а можетъ быть и слѣдовавшія за ними кочевыя орды тюрковъ — дѣлаютъ попытки прочно обосноваться на промежуточныхъ этапахъ своего пути. Одно за другимъ возникаютъ сначала (въ V вѣкѣ) Болгарское царство въ среднемъ Поволжьи, потомъ — въ VII вѣкѣ — его могущественный соперникъ — царство Хазарское, занявшее низовья Волги и побережье Каспія. Осѣвшіе здѣсь тюрки, смѣшиваясь съ коренным осѣдлымъ населеніемъ, сами вскорѣ стали покидать кочевой бытъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ — земледѣлію и торговлѣ. Такъ возникли довольно сильныя государства, распространявшія свое вліяніе далеко на западъ, въ предѣлы возникшей уже Кіевской Руси. Столицей Болгарскаго царства былъ городъ Болгары (или Булгаръ), развалины котораго и до сихъ поръ сохранились близъ Волги, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи; его крѣпкія

Черемиски.

Деревенская мірская сходка у черемисовъ.

каменныя стѣны говорятъ о богатствѣ и высокой культурѣ этого народа; о томъ же свидѣтельствуютъ и многочисленные остатки другихъ „городищъ“, разсѣянныхъ всюду по среднему Поволжью. Особеннаго могущества достигло Болгарское царство въ X вѣкѣ, послѣ ослабленія хазарской гегемоніи. У хазаръ столицей былъ Итиль или Атиль, развалины котораго можно видѣть верстахъ въ 12 выше Астрахани. Захвативъ устье Волги, хазары нѣкоторое время распространяли свое вліяніе и на болѣе сѣверную часть области, но находясь на пути народныхъ волнъ, продолжавшихъ переливаться изъ Азіи, они не могли устоять передъ ихъ напоромъ. Уже въ XI вѣкѣ на мѣстѣ ихъ царства кочуютъ лишь орды половцевъ.

Въ исторію этихъ двухъ тюрскихъ царствъ, чуть не съ самаго ихъ возникновенія, вплетаются и первые шаги нашихъ предковъ славянъ по территоріи Средняго и Нижняго Поволжья. Уже съ VII вѣка, когда возникло Хазарское царство, подчинившее себѣ отчасти и сосѣднія славянскія племена, послѣднія все болѣе и болѣе втягиваются въ обширную торговлю, для которой Волга и тогда служила главной столбовой дорогой. Къ этому времени относится и распространеніе въ области вліянія арабовъ, явившихся сюда не съ мечомъ и полумѣсяцемъ, и не ради прославленія имени Пророка, но ради мирныхъ цѣлей торговли, въ которой они, наравнѣ съ евреями, играли тогда роль одного изъ главныхъ посредниковъ. Естественно, что волжскій путь, связывавшій при посредствѣ Каспія лѣсную глушь сѣвера, богатую мѣхами и медомъ, съ центрами арабской культуры, уже тогда привлекъ къ себѣ значительную часть міровой торговли, въ лицѣ ея наиболѣе дѣятельныхъ носителей; а возникшія подъ вліяніемъ этой торговли хазарская столица при началѣ пути, и болгарская при ея концѣ, на краю дремучихъ лѣсовъ, сдѣлались вскорѣ обширными разноязычными торжищами, въ которыхъ переплетались всевозможныя вліянія. Достаточно сказать, что, напримѣръ, высшее сословіе хазаръ исповѣдывало іудейскую религію, предоставляя народной массѣ оставаться язычниками, магометанами или даже христіанами. Но особенно сильно было вліяніе арабовъ, въ концѣ концовъ

сильно распространившихъ здѣсь даже исламъ (особенно среди болгаръ); матеріальными же памятниками этого вліянія являются здѣсь многочисленныя находки арабскихъ монетъ, а также и произведенія восточной промышленности и искусствъ, особенно такъ называемой эпохи Сассанидовъ, когда очевидно арабская торговля въ Поволжьъ достигла высшей степени процвѣтанія; въ мотивахъ „чудскаго“ орнамента все болѣе и болѣе вплетаются слѣды причудливой фантазіи Востока, въ видѣ всевозможныхъ чудовищъ, драконовъ, змѣй и т. д.

Однако и этой культурѣ, повидимому, начавшей здѣсь пускать глубокіе корни, не суждено было продолжать спокойно свое развитіе. Новыя волны азіатскихъ кочевниковъ продолжали набѣгать съ востока, то безслѣдно смывая прежнія наслоенія, то пытаясь построить изъ нихъ новое прочное зданіе осѣдлости и государственности. Уже въ X вѣкѣ Хазарское царство было полуразрушено печенѣгами, а вь XI вѣкѣ окончательно пало подъ ударами половцевъ. Болгарская культура, благодаря своему положенію въ сторонѣ отъ проходной дороги кочевыхъ ордъ, просуществовала дольше, но и она не устояла, когда въ 13 вѣкѣ изъ глубины Центральной Азіи надвинулась грозная волна татаръ, состоявшая въ массѣ изъ родственныхъ болгарамъ тюрковъ, прикрытыхъ тонкимъ слоемъ монгольской военной аристократіи. Съ этого времени Нижнее, а затѣмъ и Среднее Поволжье становятся центромъ татарской власти, господствовавшей отсюда надъ всей Россіей. Въ отношеніи племеннаго состава татарское нашествіе не внесло здѣсь существенныхъ измѣненій; только еще болѣе усилился тюркскій элементъ насчетъ древнихъ финскихъ народностей, которыя однако и при татарахъ сохранили значительную долю своей самобытности. Въ культурномъ же отношеніи завоеватели татары сами вскорѣ подчинились покоренному ими населенію, заимствовавъ ихъ бытъ, а затѣмъ и магометанскую религію. Уже Батый, основатель Золотой Орды, покровительствовалъ возрожденію разрушеннаго татарами древняго Бо́лгара, а основанная имъ столица Сарай — близь теперешняго г. Царева, въ Астраханской губ., на берегу Ахтубы — была построена подъ руководствомъ болгарскихъ архитекторовъ. Возникшіе въ Золотой Ордѣ внутренніе раздоры повели къ ея дробле-

Черемисы Казанской губ.

нію — и вотъ во XV вѣкѣ мы видимъ какъ-бы возрожденіе на ея развалинахъ обоихъ древнихъ волжскихъ царствъ: возникаетъ татарская Казань на краю лѣсовъ недалеко отъ болгарскаго центра, а за нею Астрахань — у береговъ Каспія, почти на мѣстѣ древней хазарской столицы. Но уже близокъ былъ конецъ татарскаго владычества; уже съ запада подымалась обратная волна окрѣпшей русской государственности и выросшаго подъ защитой лѣсовъ русскаго народа. Въ половинѣ XVI вѣка гибнутъ подъ ударами Ивана Грознаго сначала Казань, а черезъ нѣсколько лѣтъ и Астрахань — гибнутъ какъ центры татарскихъ царствъ, чтобы тотчасъ же возродиться въ качествѣ опорныхъ пунктовъ русской власти и русской колонизаціи. Съ этого момента — и даже нѣсколько ранѣе — этотъ новый этническій элементъ все болѣе и болѣе широкими и быстрыми струями наводняетъ Среднее и Нижнее Поволжье, то заполняя просторъ незанятыхъ земель, то просачиваясь въ поры среди скопленій коренного осѣдлаго населенія. Этотъ потокъ русской колонизаціи направлялся сюда различными способами. Съ одной стороны московское правительство, заботясь объ укрѣпленіи въ новой окраинѣ русской власти, строило одну за другой линіи укрѣпленныхъ городовъ и населяло ихъ служилыми людьми, которымъ раздавало вокругъ помѣстья и вотчины съ тысячнымъ крестьянскимъ населеніемъ изъ коренныхъ русскихъ областей. До покоренія Казани въ предѣлахъ Поволжья былъ одинъ только русскій городъ — Курмышъ на Сурѣ, на границѣ между Казанскимъ царствомъ и Московской областью. Въ XVI вѣкѣ къ нему присоединяются Свіяжскъ, Лаишевъ, Чебоксары, Царевококшайскъ, Тетюши, Козьмодемьянскъ и Цывильскъ — въ предѣлахъ теперешней Казанской губ., затѣмъ Алатырь — въ Симбирской, и, наконецъ, цѣпь городовъ по берегамъ Волги, связывавшая казанскій центръ съ астраханскимъ, — это Самара, Саратовъ, Царицынъ. Во второй половинѣ XVII в. возникаютъ линіи: Симбирская — на западѣ отъ Волги, Закамская — отъ Сенгилея на сѣверо-востокъ къ рѣкѣ Камѣ, Сызранская — отъ рѣки Суры въ глубину Заволжья; наконецъ, въ XVIII вѣкѣ была выдвинута Оренбургская линія, соединившая рѣку Уралъ съ Волгой по

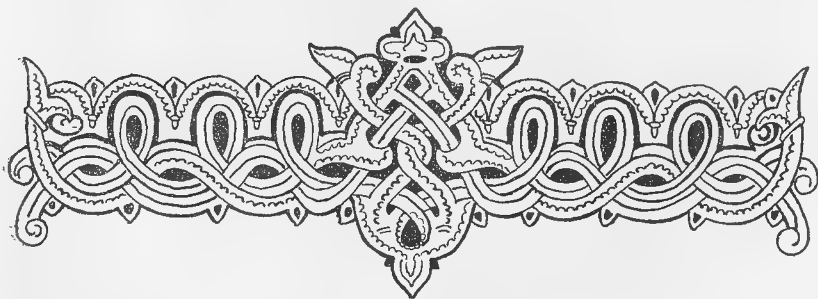
рѣкѣ Самарѣ. Тогда же возникъ рядъ городовъ въ низовьяхъ Волги (Черный яръ, Красный яръ). Такъ шла оффиціальная, государственная колонизація, а въ связи съ ней и подъ ея защитой происходило и добровольное заселеніе края свободными земледѣльцами и торговыми людьми, привлекаемыми сюда различными льготами. Съ другой стороны, совершенно независимо отъ государственной власти и даже, можно сказать, вопреки ей разливалась по Поволжью другая волна вольныхъ переселенцевъ. Широкій просторъ земель, занятыхъ только кочевниками, привлекалъ сюда массу гонимаго и угнетеннаго люда, спасавшагося отъ притѣсненій и поборовъ со стороны помѣщиковъ и правителей. Начавшіяся впослѣдствіи жестокія гоненія противъ послѣдователей „старой“ вѣры заставили и раскольниковъ искать пріюта на дикихъ берегахъ Волги, вдали отъ центровъ власти. Наконецъ, сама Волга, какъ путь богатыхъ торговыхъ карavановъ, служила приманкой для многочисленнаго тогда бродячаго люда, промѣнявшаго мирную жизнь всѣми угнетаемыхъ крестьянъ-земледѣльцевъ на опасный, но прибыльный промыселъ воинственныхъ авантюристовъ-разбойниковъ. Такъ образовалась „понизовая вольница“ или „воровское“ казачество, вписавшее нѣсколько грозныхъ страницъ въ бурную исторію этого края. Обижая купцовъ и враждуя съ правительствомъ, по отношенію къ массѣ мирного земледѣльческаго населенія понизовая вольница играла роль фермента, объединявшаго всѣ недовольные его элементы, увлекая ихъ на путь открытыхъ возстаній. То обстоятельство, что въ ея рядахъ было немало представителей гонимой „сферой“ вѣры, временами сплачивало вокругъ нея многочисленный здѣсь слой старообрядчества; съ другой стороны, понизовая вольница принимала косвенное участіе и въ возстаніяхъ инородцевъ, не хотѣвшихъ добровольно отказаться отъ вольной кочевой жизни (рядъ башкирскихъ бунтовъ въ первой половинѣ XVIII в.); наконецъ, она же образовала ядро грозныхъ народныхъ движеній, возникавшихъ на соціальной почвѣ и заливавшихъ пожаромъ всю область отъ Казани до Астрахани (бунты Стеньки Разина и Пугачева). Объединяя въ движеніяхъ массъ самые разнород-

ные элементы населенія, понизовая вольница тѣмъ самымъ невольно содѣйствовала быстрой руссификаціи этой окраины.

Главная струя русскаго населенія вливалась сюда съ сѣвера и сѣверо-запада, изъ центра великорусской народности. Но съ конца XVII вѣка и малорусская вѣтвь приняла участіе въ колонизаціи Поволжья, преимущественно его южной половины. Кромѣ того, въ потокъ русской колонизаціи отъ времени до времени вплетались и иныя, чуждыя ему струи. Такъ, во второй половинѣ XVIII вѣка Екатерина II привлекла сюда съ далекаго запада значительное число нѣмцевъ, образовавшихъ со временемъ сплошную область поселеній въ губерніяхъ Саратовской и Самарской. Наконецъ, навстрѣчу господствовавшему за это время теченію съ запада, успѣла добѣжать сюда — уже въ XVII в. — и еще одна волна съ востока, изъ далекихъ приалтайскихъ степей. Она принесла въ Поволжье значительную массу монгольской народности — въ лицѣ калмыковъ, занимающихъ и въ наше время всю правобережную степь Астраханской губ. Первое время Калмыцкая орда, подобно своимъ предшественникамъ тюркамъ, своими набѣгами тревожила все Нижнее и отчасти Среднее Поволжье до самаго Симбирска. Но протянувшіяся во всѣхъ направленіяхъ сторожевыя линіи городовъ все болѣе и болѣе стѣсняли движенія кочевниковъ, и, наконецъ, когда съ 1771 года русскія военныя поселенія начали проникать въ самое сердце ихъ степей, калмыки почувствовали, что ихъ вольной жизни пришелъ конецъ, и бросились назадъ въ родную Монголію. Только небольшая ихъ часть (нѣсколько тысячъ семей), задержанная разливомъ Волги, не могла присоединиться къ бѣжавшей массѣ и осталась навсегда въ предѣлахъ Россіи. А оставшееся свободнымъ пространство лѣвобережныхъ степей было вскорѣ занято киргизами, придвинувшимися сюда изъ-за Урала.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ народныхъ движеній — то бурныхъ и стремительныхъ, то спокойныхъ и медленныхъ — и образовался тотъ причудливый племенной узоръ, въ которомъ на общемъ фонѣ широко разлившейся великорусской народности и до сихъ поръ еще выступаютъ довольно яркія, непокрытыя ею пятна. Все говоритъ еще объ измѣнчивыхъ

судьбахъ этой страны, объ ея исторической молодости. Последовательныя встрѣчи и наслоенія народныхъ волнъ, какъ и вездѣ, сопровождались здѣсь глубокимъ, хотя и медленнымъ процессомъ взаимной переработки встрѣтившихся народностей. И какъ вездѣ, господствующая въ тотъ или иной моментъ народность, видимо поглощая и перерабатывая по своему образцу подчиненные ей элементы, и сама не остается безъ вліянія съ ихъ стороны. Эта сложная сѣть взаимныхъ вліяній опутываетъ всю исторію Поволжскаго края, не прекращаясь и до настоящаго времени. И, конечно, судьбу своихъ предшественниковъ испытала и русская народность: успѣвъ ассимилировать значительную массу коренного инородческаго населенія, она и сама въ большей или меньшей степени окрасилась въ его цвѣтъ, воспринявъ нѣкоторыя черты его расы, а быть можетъ, отчасти и культуры. Вотъ почему не приходится искать здѣсь какихъ-нибудь чистыхъ расовыхъ типовъ; и если мы еще говоримъ о финнахъ, тюркахъ и монголахъ, то имѣемъ въ виду не столько ихъ физическій типъ, сколько сумму этнографическихъ признаковъ, и больше всего языкъ. Въ слѣдующей главѣ мы и остановимся на такихъ этнографическихъ группахъ современнаго Поволжья.

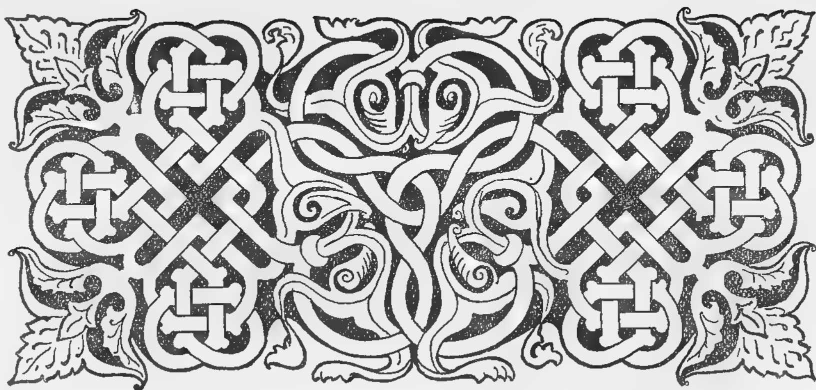

Черемисская свадьба.

Черемисы Казанской губ.

V.

Этнографическій очеркъ главнѣйшихъ племенныхъ группъ.

Если разбить все населеніе нашей области на крупныя этнографическія группы, руководствуясь главнымъ образомъ раздѣленіемъ по языку, то получимъ слѣдующую общую картину: почти $^2/_3$ всего населенія составляетъ русскій народъ — 64 %, изъ которыхъ около 5 % приходится на долю малороссовъ. Около $^1/_4$ (23 %) составляютъ всѣ тюркскія племена — татары, башкиры, киргизы, чуваши. На долю финскихъ племенъ приходится во всей области около 7,5 % (сюда входятъ: мордва, черемисы, вотяки, мещеряки). Нѣмцевъ — около 4 %; и, наконецъ, монголовъ, калмыковъ — всего не болѣе 1,5 %. Но если мы обратимся къ племенному составу населенія отдѣльныхъ губерній, то увидимъ, что эта общая картина не вездѣ одинакова. Такъ, русскій элементъ особенно рѣшительно преобладаетъ въ серединѣ области: въ Саратовской губ., гдѣ онъ достигаетъ 83 %, затѣмъ въ Симбирской и Самарской — 68 % и 69 %; напротивъ, на югѣ, въ Астраханской губ. на его долю приходится уже всего 54 %, а на сѣверѣ, въ Казанской не болѣе 40 %: здѣсь, какъ видимъ, уже преобладаютъ инородцы, именно тюрки — та-

тары (до 54%) съ примѣсью различныхъ финновъ. Отсюда къ югу тюркскій элементъ постепенно убываетъ — въ Симбирской губ. до 19%, въ Самарской — до 14%, въ Саратовской — до 5%, и только въ Астраханской губ., слабо заселенной русскими, тюркская народность снова замѣтно выступаетъ въ лицѣ киргизовъ (около 30%). Финскій элементъ въ своемъ распредѣленіи слѣдуетъ въ общемъ за тюркскимъ: въ Симбирской губ. — 12%, въ Самарской — около 9%, въ Саратовской — 5% и только въ Казанской губ. онъ развитъ непропорціонально слабо (до 7%). Монголы (калмыки) держатся исключительно въ Астраханской губ. Такое распредѣленіе этнографическихъ элементовъ легко объясняется исторіей заселенія края. Русская народность, вливавшаяся съ сѣвера и запада, на сѣверѣ натолкнулась на плотную массу осѣдлаго финно-тюркскаго населенія, а потому и не могла здѣсь получить надъ нимъ перевѣса. Напротивъ, въ серединѣ области русская колонизація нашла раздолье почти незанятыхъ земель, на которыя, естественно, и устремилась главной своей массой. На югѣ условія климата и орошенія положили предѣлъ земледѣльческой колонизаціи, и только берега Волги и Каспійскаго моря своими рыбными богатствами могли привлечь сюда значительныя массы русскихъ переселенцевъ. Наконецъ, слабое распространеніе финскихъ племенъ въ Казанской губерніи, несомнѣнно, объясняется продолжительнымъ наслоеніемъ на нихъ тюркскихъ народностей, рано перешедшихъ здѣсь къ осѣдлому быту.

Послѣ этого общаго обзора перейдемъ къ болѣе близкому знакомству съ отдѣльными народностями, начавъ съ великорусской. Ей, какъ господствующей, слѣдовало бы удѣлить первое мѣсто и по объему. Но такъ какъ подробный очеркъ великоруссовъ читатель найдетъ въ другомъ томѣ этого изданія, то здѣсь мы можемъ ограничиться лишь тѣми особыми чертами, которыя отличаютъ великоруссовъ Поволжья. Мы уже видѣли, какую замѣтную роль въ колонизаціи этого края играла бродячая Русь, стекавшаяся сюда со всѣхъ концовъ страны. Такимъ образомъ, уже самый процессъ колонизаціи создавалъ почву для подбора наиболѣе сильныхъ, энергичныхъ и подвижныхъ элементовъ. Впослѣдствіи и жизнь

Нѣмецъ-колонистъ Саратовской губ.

этой окраины, полная движенія, тревогъ и опасностей, дѣйствовала въ томъ же направленіи. Наличность въ средѣ Поволжскаго населенія религіозныхъ отщепенцевъ — раскольниковъ, искавшихъ здѣсь возможности свободно устраивать свою духовную жизнь, несомнѣнно также не осталась безъ вліянія на его духовный обликъ, оживляя въ немъ религіозные запросы и побуждая разрѣшать ихъ внѣ зависимости отъ оффиціальной церкви. А долговременное мирное сожительство съ разновѣрными инородцами развивало въ немъ вѣротерпимость, расширяло его религіозный кругозоръ. Культурное вліяніе инородческихъ элементовъ не могло быть значительнымъ при этой сравнительно низкой ступени развитія, на которой они стояли; оно отразилось развѣ — и то въ слабой степени — на языкѣ, обогативъ его нѣсколькими финскими и тюркскими словами, да, быть можетъ, на элементахъ народныхъ сказокъ, пѣсенъ, повѣрій, обычаевъ, наконецъ, мелкихъ подробностей житейскаго уклада.

Съ другой стороны, удаленность отъ центровъ развивающейся цивилизаціи и городской жизни способствовала сохраненію среди здѣшнихъ великоруссовъ многихъ особенностей стариннаго бытового уклада и живыхъ воспоминаній прошлаго. Здѣсь, въ глуши еще можно встрѣтить старинную русскую одежду, старинныя пѣсни, вспоминающія то тяготу бурлацкой жизни, то подвиги волжскихъ разбойниковъ. Сохранилась еще во многихъ мѣстахъ старинная крестьянская многосемейность, выражающаяся, какъ мы видѣли, въ высотѣ „естественнаго“ прироста населенія.

Наконецъ, и природа страны не осталась безъ вліянія на бытъ великоруссовъ. Сравнительная сухость климата, а мѣстами — въ южной половинѣ — и слабое развитіе рѣчной сѣти сдѣлали здѣсь особенно замѣтной притягательную силу рѣкъ, что и выразилось въ размѣрахъ селеній. Стянувшись преимущественно по берегамъ рѣкъ, они разрастаются здѣсь до огромныхъ размѣровъ, особенно въ длину, — оставляя сравнительно пустынными междурѣчныя пространства. И чѣмъ шире раздвигаются петли рѣчной сѣти, тѣмъ больше разрастаются села по ея берегамъ. Такъ, особенно маловодная Астраханская губернія, гдѣ рѣчныя богатства Волги еще

болѣе увеличиваютъ ея притягательную силу, является первой въ Россіи по величинѣ и многолюдности селеній, но зато и первой же почти (послѣ Архангельской губерніи) по пустынности междурѣчныхъ пространствъ (на одно селеніе приходится въ среднемъ 650 жителей, больше 100 домовъ и почти 170 кв. верстъ незаселеннаго пространства). Самарская губ., также довольно скудно орошенная, стоитъ въ этомъ отношеніи на второмъ мѣстѣ; напротивъ, Казанская съ ея частой рѣчной сѣтью уже не выдѣляется этимъ признакомъ среди остальныхъ губерній Европейской Россіи.

Малорусская народность, населяющая въ количествѣ около $^1/_2$ милліона преимущественно южную черноземную и степную половину области, раскинулась болѣе или менѣе обширными островами среди сплошной великорусской массы. Подробный этнографическій очеркъ малоруссовъ найдемъ въ другомъ томѣ, здѣсь же мы коснемся лишь исторіи ихъ переселенія и тѣхъ измѣненій, которыя они претерпѣли на своей новой родинѣ. Впервые, какъ мы видѣли, они появились здѣсь въ XVII вѣкѣ, при колонизаціи сторожевой линіи, протянувшейся отъ Царицына къ Дону. Въ дальнѣйшемъ движеніи вольныхъ переселенцевъ выдающуюся роль сыграло чумачество, обслуживавшее главнѣйшіе торговые пути въ южной части Поволжья. И теперь еще сплошная полоса малорусскихъ поселеній между Эльтонскимъ озеромъ и Камышиномъ, затѣмъ и далѣе къ сѣверо-западу, ясно намѣчаетъ старинный путь перевозки соли; другая такая же полоса направляется отъ Николаевской слободы (противъ Камышина) вдоль Волги къ озеру Баскунчакскому, къ которому позднѣе перешелъ центръ тяжести соляной промышленности; третья полоса малорусскихъ поселеній тянется по склонамъ возвышенностей Ергеней, намѣчая путь отъ Царицына къ Ставрополю Кавказскому. Наконецъ, широкая полоса малоруссихъ острововъ углубляется, начинаясь противъ Саратова, въ плодородныя самарскія степи, уходя въ предѣлы Уфимской губ.; заселеніе этой полосы является послѣднимъ этапомъ малорусской колонизаціи, вызванной все возраставшей земельной тѣснотой въ коренной Малороссіи; чумачество едва ли играло тутъ замѣтную роль.

Тамъ, гдѣ малоруссы заняли сплошныя обширныя пространства, или гдѣ поселились среди инородцевъ, отъ которыхъ они держатся особнякомъ, они хорошо сохранили все своеобразіе языка и быта, отъ традиціонныхъ мазанокъ съ уютными садочками вокругъ и до мельчайшихъ подробностей одежды. Но при болѣе тѣсномъ сожительствѣ съ великоруссами, — причемъ нерѣдко та и другая народность образуютъ смѣшанныя селенія — малоруссы очень скоро поддаются вліянію своихъ болѣе многочисленныхъ сосѣдей. Они постепенно забываютъ свой языкъ, начинаютъ одѣваться и строить избы по русски, наконецъ, воспринимаютъ и великорусскій общинный строй, такъ что съ теченіемъ времени лишь отдѣльныя черты быта, отдѣльные, болѣе мелкіе звуки языка, да воспоминанія старины выдаютъ ихъ украинское происхожденіе. Все говоритъ о томъ, что малоруссовъ ожидаетъ здѣсь полное раствореніе въ массѣ родственной великорусской народности, и, быть можетъ, лишь нѣкоторое смягченіе звуковъ языка надолго останется здѣсь какъ память о малорусской колонизаціи.

Гораздо упорнѣе сохраняютъ свою самобытность нѣмцы, занимающіе почти сплошную территорію по обоимъ берегамъ Волги, въ Камышинскомъ уѣздѣ Саратовской губ. и въ Новоузенскомъ — Самарской. Общая площадь занятыхъ ими земель достигаетъ $1^1/_2$ милліона десятинъ или 14.400 верстъ, что составляетъ площадь почти равную королевству Вюртембергскому. Хотя эта территорія мѣстами прорѣзана великорусскими, а еще чаще малорусскими поселеніями, но все же нѣмцы образуютъ здѣсь гораздо болѣе компактную массу, чѣмъ, напримѣръ, малоруссы, и это обстоятельство было, несомнѣнно, одной изъ причинъ ихъ бо́льшей этнографической устойчивости. Другой причиной былъ, повидимому, тотъ сравнительно высокій уровень культурности, съ которымъ они явились въ Поволжье, и который давалъ имъ нѣкоторыя основанія смотрѣть сверху внизъ на своихъ русскихъ сосѣдей. Большая часть нѣмецкихъ владѣній составилась изъ участковъ, отведенныхъ имъ правительствомъ еще въ XVIII вѣкѣ (по 30 десятинъ на семью); но впослѣдствіи первоначально занятая ими площадь была ими значительно расширена путемъ прикупки

земельныхъ участковъ у сосѣдей, процессъ, повидимому, не закончившійся и до настоящаго времени. Съ самаго начала поставленные въ выгодныя матеріальныя условія различными льготами со стороны Русскаго правительства, нѣмецкіе колонисты сумѣли поставить свое хозяйство на прочныя основанія, не пошатнувшіяся и теперь, въ моментъ общаго экономическаго упадка. Но, конечно, не однѣ только льготы, кстати въ большинствѣ давно уже прекращенныя, были причиною такихъ успѣховъ: едва ли не большее значеніе имѣлъ здѣсь и сравнительно высокій уровень культурности, которымъ отличается нѣмецкое населеніе Поволжья. Правда, оно не является здѣсь элементомъ быстраго прогрессивнаго развитія, но все же культурные успѣхи его несомнѣнны и прочны. Народное образованіе стоитъ здѣсь выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ коренныхъ русскихъ областяхъ. Почти въ каждой колоніи имѣется благоустроенная школа, въ содержаніи которой принимаетъ непосредственное участіе и мѣстное населеніе; всѣ грамотны по-нѣмецки, а въ послѣднее время развивается и русская грамотность, потребность въ которой вызывается болѣе оживленными сношеніями съ окружающимъ міромъ. Такимъ образомъ, хотя нѣмцы и сохраняютъ еще свою самобытность, но есть не мало признаковъ ихъ постепеннаго сближенія съ русскимъ населеніемъ. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ симптомовъ этого является широкое распространеніе среди нихъ столь типичной для великоруссовъ общинной формы землевладѣнія. Правда, внутренній распорядокъ въ нѣмецкой общинѣ во многихъ отношеніяхъ отличаетъ ее отъ типичной великорусской, отводя вообще больше мѣста элементамъ индивидуальной собственности и наслѣдственнаго права; но не нужно забывать, что, по приходѣ въ Россію, всѣ они получили свои участки на правахъ единоличнаго наслѣдственнаго владѣнія, и эта форма не безъ сопротивленія, конечно, уступила мѣсто современному строю.

Что касается внѣшней стороны быта, то область нѣмецкихъ поселеній въ Поволжьи до сихъ поръ остается какъ бы уголкомъ Германіи. Прямыя, перекрещивающіяся подъ прямымъ угломъ улицы, солидныя постройки, внутреннее убранство комнатъ и самое ихъ расположеніе, наконецъ, господствующая

всюду чистота и порядокъ — все рѣзко отличаетъ нѣмецкія „колонки“ отъ сосѣднихъ великорусскихъ и малорусскихъ деревень и станицъ. Къ тому же въ Самарской губ. почти всѣ нѣмецкія колоніи сохранили свои первоначальныя названія, напоминающія далекую родину колонистовъ; такъ цѣлый рядъ колоній по лѣвому берегу Волги отъ р. Иргиза до Покровской слободы (противъ Саратова) носитъ имена чуть ли не всѣхъ швейцарскихъ кантоновъ (Базель, Люцернъ и т. д.), откуда вышла значительная часть первоначальныхъ переселенцевъ.

По религіи нѣмцы большею частью протестанты, лишь отчасти католики. Но и протестантизмъ распространенъ не столько въ формѣ ортодоксальнаго лютеранства, сколько въ въ формѣ различныхъ сектъ (мениониты, гернгутеры, баптисты), привлеченныхъ сюда извѣстной льготой по отбыванію воинской повинности, очень существенныхъ для сектантовъ, въ принципѣ отвергающихъ войну. Хотя нѣмецкіе сектанты и не обнаруживаютъ вообще особой активности въ проповѣдываніи своей вѣры, но, повидимому, ихъ вѣроученія все женазамѣтно просачивались въ окружающую массу русскаго населенія, явившись одной изъ причинъ широкаго развитія и въ его средѣ аналогичныхъ сектантскихъ ученій. Такимъ образомъ, и съ этой стороны обособленность нѣмцевъ не такъ ужъ велика, какъ это кажется съ перваго взгяда, и можно думать, что съ повышеніемъ культурнаго уровня русскаго населенія она еще болѣе пойдетъ на убыль.

Отъ пришельцевъ съ далекаго запада переходимъ къ племенамъ восточнаго происхожденія. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ, какъ по численности, такъ и по занимаемому ими пространству, слѣдуетъ поставить татаръ. Общее число ихъ въ области превышаетъ $1\frac{1}{2}$ милліона, т. е. составляетъ около 12% всего населенія области и больше половины числа всѣхъ живущихъ здѣсь тюрковъ, включая сюда и киргизовъ. Главная масса татаръ живетъ въ Казанской губ., гдѣ они являются преобладающей народностью, затѣмъ въ Самарской, Симбирской, Саратовской и лишь нѣсколько десятковъ тысячъ въ Астраханской губ., въ устьяхъ Волги. Потомки грозныхъ завоевателей Россіи, подъ вліяніемъ финно-болгаръ, а затѣмъ и

русскихъ, давно уже утратили свой прежній бытовый укладъ и превратились въ мирныхъ, осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Даже въ физическомъ отношеніи современные татары представляютъ, несомнѣнно, смѣшанный типъ, въ которомъ черты первобытныхъ тюрковъ выступаютъ очень слабо, что особенно замѣтно при сопоставленіи татаръ съ ихъ болѣе, чистыми въ расовомъ отношеніи родичами, киргизами. По всей вѣроятности и русскій народъ принялъ нѣкоторое участіе въ образованіи этого типа. Правда, съ теченіемъ времени различіе религій поставило предѣлъ дальнѣйшему смѣшенію расъ, но въ старину, во время своихъ набѣговъ, татары насильственно вводили въ свою среду множество русскихъ плѣнниковъ, а еще чаще плѣнницъ — и насильственно же дѣлали послѣднихъ своими женами или наложницами. Современные татары среди всѣхъ приволжскихъ инородцевъ выдѣляются хорошимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; напротивъ, средній ростъ сближаетъ ихъ съ сосѣдями, а его значительныя колебанія указываютъ на смѣшеніе въ типѣ разнородныхъ элементовъ. Довольно широкое, округло-овальное лицо; сравнительно слабо выраженная монгольская скуластость; прямой, нерѣдко высокій и правильно очерченный носъ; широкій, разрѣзъ карихъ глазъ, лишь изрѣдка косо поставленныхъ и снабженныхъ монгольской складкой вѣка (чаще у женщинъ); умѣренно смуглый цвѣтъ кожи, довольно рѣдкая борода и усы и большей частью темные — но не грубые, какъ у монголовъ — волосы на головѣ — вотъ главнѣйшія черты татарскаго типа, сближающія его во многихъ отношеніяхъ съ европейскимъ.

Въ настоящее время, какъ мы сказали, магометанская религія, которую исповѣдуетъ огромное большинство поволжскихъ татаръ, служитъ къ обособленію ихъ отъ сосѣднихъ, немусульманскихъ народностей. Татары настолько ревностные послѣдователи Пророка, что его предписаніями въ значительной мѣрѣ опредѣляется самый строй ихъ жизни, не говоря уже о внѣшней, обрядовой сторонѣ. Поэтому описаніе ихъ быта удобнѣе всего начать съ очерка ихъ религіозной организаціи.

Принадлежность нашихъ татаръ суннитскому толку

ислама духовно связываетъ ихъ съ населеніемъ современной Турціи, но церковная организація ихъ совершенно автономна. Во главѣ татарскаго духовенства стоитъ казанскій муфтій, за которымъ слѣдуетъ стройная и прочная іерархія, начинаясь муллами (священники) и кончаясь духовными учителями — мюдариссами. Въ тѣсной связи съ церковной организаціей стоитъ организація народной школы, которая вслѣдствіе этого и носитъ, конечно, специфически-клерикальный оттѣнокъ. Почти въ каждомъ селеніи имѣется мечеть (или молитвенный домъ) и при ней всегда школа для мальчиковъ и отдѣльно для дѣвочекъ (медрессе и мекребе). Программа этихъ школъ очень ограниченная: татарская азбука, да чтеніе корана и другихъ большей частью духовныхъ книгъ вотъ почти все ея содержаніе. Русскій языкъ въ большинствѣ случаевъ не проходится, и татары выучиваются ему лишь на практикѣ, женщины же очень часто совсѣмъ не умѣютъ говорить по русски. Образованіе духовенства заканчивается въ спеціальныхъ училищахъ въ Казани, а иногда и въ другихъ центрахъ магометанской учености — напримѣръ, въ Бухарѣ, въ Константинополѣ. Число такихъ магометанскихъ школъ простирается въ одной Казанской губ. почти до 1000 съ 65,000 учащихся, что составляетъ болѣе 40 учащихся на каждую 1000 жителей (для всей массы населенія губерніи это число равно 34). Такимъ образомъ по распространенію элементарной грамотности татары стоятъ выше русскаго населенія, но общій уровень ихъ развитія едва ли много отъ этого выигрываетъ. Только за послѣдніе годы вмѣстѣ съ оживленіемъ національнаго чувства, стало замѣтно среди татаръ нѣкоторое стремленіе расширить узкія рамки мусульманской образованности, путемъ изданія на татарскомъ языкѣ книгъ (переводныхъ) общенаучнаго и художественнаго содержанія. Центромъ татарскаго книгопечатанія является также Казань, обслуживающая не только Поволжье, но и всю мусульманскую Россію.

Вся жизнь татарина, начиная съ одежды и кончая семейнымъ укладомъ, довольно строго регламентируется кораномъ, сунной (собраніе позднѣйшихъ къ нему добавленій) и шаріатомъ (собраніе положеній мусульманскаго права). Въ его одеждѣ больше всего обращаетъ на себя вниманіе посто-

янно выбритая голова, прикрытая, независимо отъ шапки, „тюбетейкой“, иногда почетная бѣлая чалма, отмѣчающая людей, посѣтившихъ Мекку; у женщинъ — чадра, которою онѣ по предписанію корана должны закрывать лицо передъ посторонними мужчинами; иногда чадрою служитъ халатъ, наброшенный на голову. Впрочемъ, этотъ старинный обычай закрывать лицо сохранился лишь среди болѣе состоятельныхъ классовъ; среди крестьянъ и городской бѣдноты, гдѣ женщины работаютъ наравнѣ съ мужчинами, чадра или совершенно исчезла, или сохранилась въ качествѣ пережитка, утративъ свое прямое назначеніе. Въ другихъ отношеніяхъ женскій костюмъ напоминаетъ мужской: та же длинная рубаха, тѣ-же, только болѣе широкія, шаровары (вмѣсто юбки), тотъ же „зилянъ“ (камзолъ-безрукавка); на ногахъ и у мужчинъ и у женщинъ мягкіе сапоги — „ичеги“. На головѣ женщины нерѣдко носятъ маленькую шапочку, украшенную позументомъ или серебряными монетами.

Весь распорядокъ дня даже въ обычное время уложенъ въ рамки религіозныхъ предписаній. Гдѣ бы татаринъ не находился — даже въ пути — онъ долженъ непремѣнно 5 разъ въ день совершить установленную молитву, послѣ предварительнаго омовенія: кто ѣздилъ по Волгѣ на пароходахъ, не разъ, конечно, видѣлъ татаръ, отправляющихся на молитву съ металлическимъ кувшинчикомъ въ рукахъ. По праздникамъ (въ пятницу) онъ аккуратно посѣщаетъ мечеть, а въ рамазанъ, продолжающійся цѣлыхъ четыре недѣли, строгость поста́ достигаетъ полнаго воздержанія отъ питья и пищи въ теченіе всего дня, отъ зари до зари.

Религія и старинный обычай управляютъ и пищевымъ режимомъ татарина, создавая глубокое отвращеніе къ однимъ родамъ пищи (свинина) и, напротивъ, особое пристрастіе — къ другимъ (конина, баранина, козлятина, молоко, кумысъ). Только употребленіе спиртныхъ напитковъ устояло передъ прямымъ запрещеніемъ ихъ кораномъ. Да и во всемъ внутреннемъ домашнемъ быту замѣтенъ еще глубокій отпечатокъ старины: дѣленіе дома на двѣ половины — мужскую и женскую, — хотя бы только ситцевой занавѣской (у бѣдняковъ); обиліе перинъ, подушекъ, дешевыхъ ковровъ и войлоковъ —

Татары-старшины.

Татарки Казанской губ.

все это придаетъ еще татарскому дому какой-то восточный характеръ, быть можетъ, напоминая отчасти и давнія привычки кочевой жизни.

Но особенно сильно вліяніе религіозныхъ нормъ и старинныхъ обычаевъ на строй татарской семьи. Достаточно напомнить, напримѣръ, что кораномъ допускается многоженство, какъ правило, и что шаріатъ чрезвычайно облегчаетъ разводъ супруговъ, по заявленію какъ той, такъ и другой стороны — и притомъ безъ всякихъ сложныхъ формальностей и безъ всякихъ ограниченій права на новый бракъ. Мусульманскій законъ юридически считаетъ женщину равноправной мущинѣ и довольно хорошо защищаетъ ея матеріальныя права. И если положеніе женщины въ татарской семьѣ не всегда бываетъ фактически равноправнымъ, то виноватъ въ этомъ старинный обычай затворничества женщинъ, который впрочемъ среди крестьянъ и рабочихъ почти уже исчезъ подъ давленіемъ суровой практики жизни. Та же жизнь ограничиваетъ предѣлами состоятельныхъ классовъ и обычай многоженства, осуществляемый вообще лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Но правомъ развода татары пользуются довольно широко. Вообще же приходится сказать, что, по крайней мѣрѣ въ крестьянской массѣ, положеніе женщины ничуть не хуже, чѣмъ у русскихъ сосѣдей.

Что касается самаго заключенія браковъ, то въ его обрядовой обстановкѣ сохранилось еще немало слѣдовъ древняго родового быта. Начать съ того, что формально бракъ заключается по иниціативѣ отцовъ жениха и невѣсты — обыкновенно при участіи свахи: женихъ и невѣста не должны видѣться до окончательнаго соединенія, они не присутствуютъ даже при самомъ обрядѣ бракосочетанія, совершаемомъ муллой. Обстановка ихъ перваго свиданія — уже въ качествѣ мужа и жены — сильно напоминаетъ обычай „умыканія“ невѣстъ: толпа молодыхъ родственниковъ жены, въ домъ которой мужа привозитъ свахъ, не пускаютъ его въ комнату, пока не получатъ отъ него выкупа; а жена въ это время притворно прячется, и мужъ долженъ открыть ей лицо. Послѣ этого перваго свиданія жена нерѣдко подолгу еще остается въ домѣ своихъ родителей, и мужъ какъ

будто тайкомъ ѣздитъ къ ней, избѣгая встрѣчи съ тестемъ и тещей. Наконецъ, видную роль во всякомъ сватовствѣ играетъ калымъ — по татарски „магэръ“ — уплачиваемый отцомъ жениха въ качествѣ выкупа за невѣсту. Всѣ эти обрядности въ настоящее время почти уже не отражаютъ дѣйствительныхъ житейскихъ отношеній, представляя лишь пережитокъ далекаго прошлаго. И даже заключеніе браковъ по рѣшенію отцовъ, безъ согласія жениха и невѣсты, въ крестьянскомъ быту является въ большинствѣ случаевъ лишь формой, несоотвѣтствующей содержанію.

Несмотря однако на всю свою видимую этнографическую обособленность, во многихъ, пожалуй, наиболѣе существенныхъ сторонахъ быта татары все болѣе и болѣе подчиняются вліянію господствующей народности, вынуждаемые къ этому требованіями самой жизни. Такъ, напримѣръ, по своему хозяйственному укладу и психологіи, татарское крестьянство и теперь уже очень мало отличается отъ русскаго: та же община, то же трехполье — и, прибавимъ, та же, если не бо̀льшая, матеріальная необезпеченность, переходящая слишкомъ часто въ настоящія голодовки. Татарскія деревни мѣстами еще сохранили свой старинный обликъ: кривыя улицы-односторонки, разбросанныя, прячущіяся за заборами постройки, двери открывающіяся внутрь, какой-то унылый, пустынный видъ — вотъ характерныя черты типичной татарской деревни. Однако вблизи русскихъ поселеній и городовъ всѣ эти особенности мало по малу утрачиваются, и татарскія деревни перестраиваются съ внѣшней стороны по русски. Приходится однако отмѣтить, что „власть земли“ надъ татарскимъ крестьяниномъ не такъ еще повидимому сильна, какъ надъ русскимъ. Татары сравнительно легко отрываются отъ своихъ полей, уходя на заработки въ качествѣ рабочихъ, прислуги или бродячихъ торговцевъ („шурумъ-бурумъ“). Торговля вообще является однимъ изъ самыхъ любимыхъ занятій татаръ, выдвигая надъ обѣднѣвшей массой немало крупныхъ капиталистовъ.

Все сказанное о татарахъ относится, собственно, къ населенію сѣверной, земледѣльческой полосы; что касается астраханскихъ татаръ, то они отчасти ведутъ еще полу-

кочевой образъ жизни, выходя каждое лѣто изъ поселковъ на пастбища; это потомки Ногайской орды, Кундровскіе татары, живущіе въ устьѣ Волги, въ Красноярскомъ уѣздѣ; другіе — Юртовскіе татары — живутъ вполнѣ осѣдло въ самой Астрахани (слобода Царевъ или Тіекъ) и въ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеніяхъ. Занятія ихъ: садоводство, кустарничество (ткачество, плетеніе цыновокъ-чаканокъ), но главное — наемный трудъ на разныхъ, преимущественно рыбныхъ промыслахъ.

Перейдемъ къ другимъ народностямъ Поволжья, родственнымъ татарской по языку, отчасти и по происхожденію. Это киргизы, населяющіе лѣвобережную степь Астраханской губ. и представляющіе болѣе чистый типъ тюрковъ, чѣмъ татары; башкиры, разбросанные по восточному краю Самарской губ., — народъ съ замѣтной примѣсью финской крови; наконецъ, чуваши — по видимому, финскій народъ, испытавшіе тюркское вліяніе. Что касается киргизовъ, то описаніе ихъ отнесено въ томъ, посвященный всей заселенной ими территоріи отъ Волги до западныхъ границъ Китая. Башкиры, сыгравъ въ XVIII вѣкѣ довольно шумную роль въ исторіи Средняго Поволжья, послѣ того были оттѣснены русской колонизаціей далѣе на востокъ, въ Приуралье, гдѣ и сосредоточивается въ наше время ихъ главная масса; за ихъ описаніемъ мы отсылаемъ читателя къ другой половинѣ настоящаго тома. Такимъ образомъ, наша задача ограничивается описаніемъ чувашъ, обитающихъ почти исключительно въ Среднемъ Поволжьѣ.

Большая часть чувашской народности (около $^2/_3$) живетъ въ Казанской губ., занимая юго-западный ея уголъ (между Волгой и Сурой), и лишь отдѣльные ея островки раскинулись отсюда на югъ и юго-востокъ, въ губерніи Симбирскую, Саратовскую (очень мало) и Самарскую. Общее число ихъ простирается до $1^1/_2$ милліона, что составляетъ больше 7 % ко всему населенію Поволжья.

Наружность чувашъ не представительна. Низкій ростъ, неуклюжая походка, плосковатое лицо съ нерѣдко выдающимися скулами и узковатыми глазами (обыкновенно темнокарими), блѣдный, иногда смуглый, цвѣтъ кожи — все это

дѣлаетъ чувашъ однимъ изъ менѣе красивыхъ народовъ Поволжья.

Исторія чувашъ остается до сихъ поръ очень мало выясненной. Большинство изслѣдователей сходится лишь на признаніи ихъ финскаго происхожденія. Чувашскій языкъ носитъ на себѣ слѣды самыхъ разнородныхъ вліяній, указывающихъ, повидимому, на широкое участіе предковъ этого народа въ торговлѣ съ отдаленными странами. По своему словесному матеріалу — это нарѣчіе татарскаго языка съ замѣтной примѣсью монгольскихъ, арабскихъ и персидскихъ корней; но грамматическія формы сближаютъ чувашскій языкъ съ финскими нарѣчіями, что не мѣшаетъ, впрочемъ, татарамъ и чувашамъ понимать другъ друга послѣ нѣкотораго навыка. Первыя достовѣрныя извѣстія о чувашахъ, какъ о народѣ, входившемъ въ составъ Казанскаго царства, появляются въ XVI вѣкѣ. Послѣ покоренія Казани этотъ народъ однимъ изъ первыхъ вошелъ въ сферу русскаго вліянія, распространившагося постепенно на всѣ стороны жизни, начиная съ религіи и кончая одеждой. Въ послѣднемъ отношеніи въ настоящее время они совсѣмъ почти обрусѣли и только въ болѣе глухихъ углахъ можно встрѣтить еще своеобразный самодѣльный костюмъ, въ которомъ (у женщинъ) украшенія изъ яркихъ цвѣтныхъ нашивокъ, бисера, раковинъ и монетъ играютъ видную роль. Въ старинной женской одеждѣ особенно характеренъ причудливо разукрашенный нагрудникъ и громадный кожаный шлемообразный головной уборъ. Характеренъ также обычай, еще сохранившійся среди женщинъ, обертывать обутыя въ лапти ноги толстымъ слоемъ чернаго сукна.

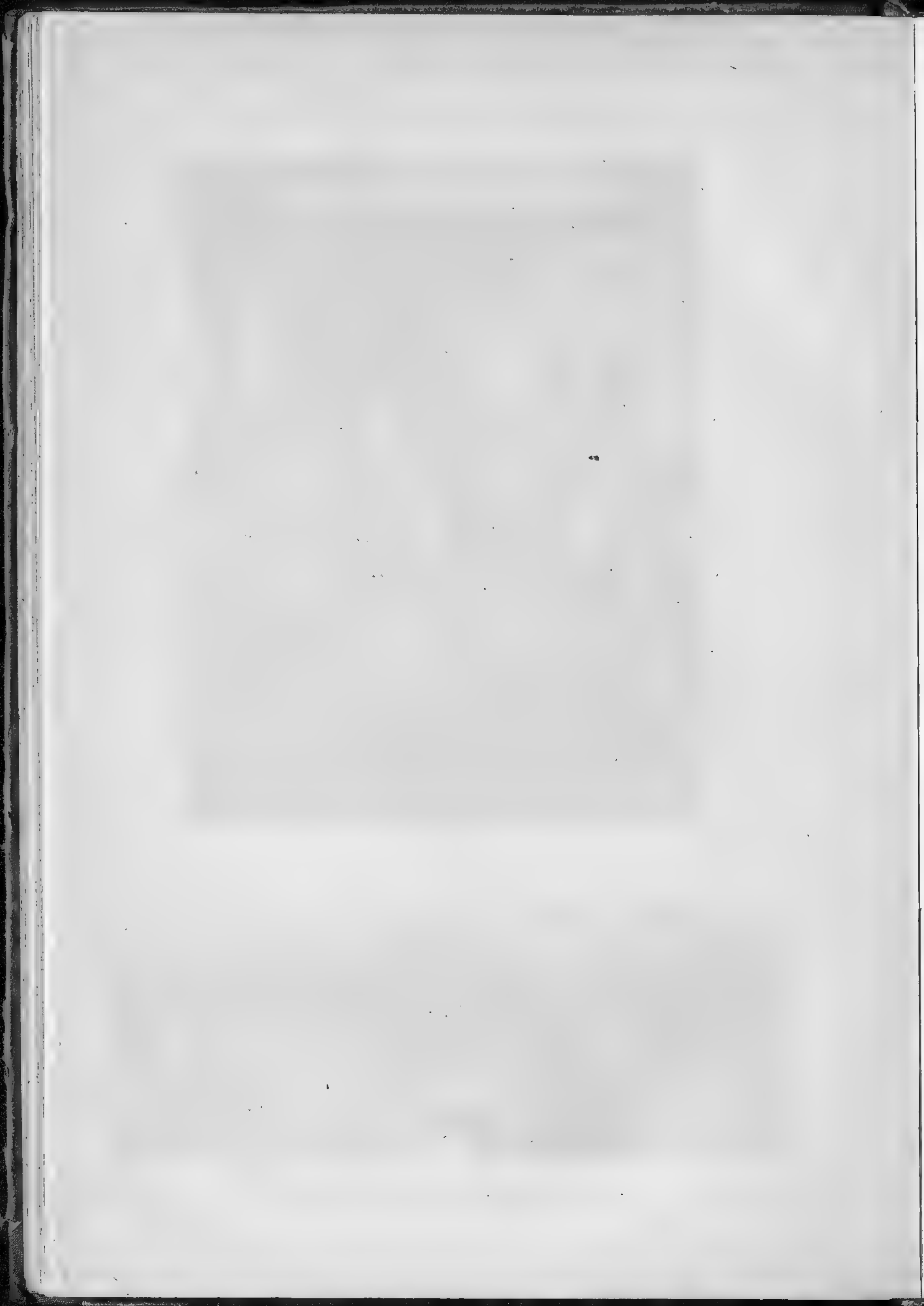
Чувашскія деревни встарину отличались той же разбросанностью и безпорядочностью, какъ и татарскія. Но теперь по общему своему виду поселенія чувашъ мало отличаются отъ русскихъ, такъ же какъ и по внутренней обстановкѣ избъ, если не говорить объ ихъ специфической неопрятности. Кое-гдѣ сохранились еще курныя, или, какъ ихъ называютъ, „черныя“ избы, съ печами безъ трубы и нерѣдко съ землянымъ поломъ, что вовсе не свидѣтельствуетъ, однако, о большей бѣдности чувашскаго населенія по сравненію съ русскимъ.

Татары.

Татарскія кибитки въ Ногайской степи.

Огромное большинство чувашъ переведено въ православіе, хотя въ значительной мѣрѣ только номинально. Однако нѣкоторая ихъ часть (до 2 %) продолжаетъ еще держаться своего языческаго культа, сохранившаго черты глубокой древности. Чувашская религія въ основѣ своей построена на дуализмѣ добраго и злого начала — Торы и Шайтана (Сатана), впослѣдствіи сильно осложненномъ олицетвореніемъ силъ природы, болѣзней и т. д. Верховный владыка и творецъ міра — Тора — выдѣлилъ изъ себя цѣлый олимпъ мужскихъ и женскихъ божествъ, раздѣлившихъ между собою небо, землю и судьбы человѣка. Высшее изъ нихъ — Сюльди-Тора съ семьей (Сюлдыръ по чувашски — звѣзда) — властитель неба и всего міра; за нимъ слѣдуютъ 18 небесныхъ и нѣсколько земныхъ боговъ, всѣ съ семействами. Точно также и злое начало. Шайтанъ съ теченіемъ времени принялъ характеръ абстракціи, уступивъ ближайшее къ людямъ мѣсто цѣлому ряду злыхъ Кереметей, съ происходеніемъ которыхъ связанъ у чувашъ миѳъ о первомъ грѣхопаденіи человѣка. Кереметь (по арабски гюреметь — священное) это первенецъ Сюльди-Торы, убитый и сожженный людьми по подговору Шайтана. Изъ его пепла, развѣяннаго по вѣтру, всюду, куда онъ попадалъ, выростали деревья, и въ нихъ возродились тысячи озлобленныхъ, мстительныхъ кереметей. Впослѣдствіи они еще болѣе размножились благодаря бракамъ и населили каждый уголокъ чувашской земли, образовавъ цѣлую іерархію, завѣдуя то цѣлой округой, то отдѣльной деревней, пашней, уголкомъ лѣса, рѣкой и т. д. Они-то и поражаютъ человѣческій родъ всевозможными бѣдствіями и болѣзнями, для избавленія отъ которыхъ необходимо непрестанно приносить Кереметямъ умилостивительныя жертвы. Кромѣ сонмища Кереметей есть еще нѣсколько злыхъ божествъ, происходящихъ отъ самаго Шайтана. Есрель, ангелъ смерти (арабскій Азраиль), Аръ-сюри — лѣшій, кричащій филиномъ, наконецъ, довольно добродушный, хотя любящій подшутить на человѣкомъ Ийэ — домовой. Все это запутанное сплетеніе вѣрованій осложняется еще культомъ предковъ, вытекающимъ изъ вѣрованія въ загробную жизнь, построенную на подобіе земной.

Умершіе вмѣшиваются въ дѣла живыхъ, любятъ принимать участіе въ пиршествахъ и требуютъ себѣ жертвъ. Сообразно этому въ гробъ умершаго чуваши кладутъ все необходимое для перваго обзаведенія на томъ свѣтѣ, смотря по привычкамъ и роду занятій покойника. Кромѣ того три раза въ годъ — въ Троицкую недѣлю, среди зимы и на третій день Пасхи совершаются общественныя поминки на кладбищахъ, причемъ угощеніе покойниковъ, заканчивается обыкновенно пьяной оргіей участниковъ. Для сношенія съ божествами и духами умершихъ чуваши въ болѣе важныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи жрецовъ, іомзей, являющихся въ то же время колдунами и знахарями. Цѣлый рядъ общественныхъ жертвоприношеній пріуроченъ къ важнѣйшимъ событіямъ земледѣльческой жизни, причемъ Кереметь требуютъ особеннаго почета, и только для нихъ строятся особыя молитвенныя сооруженія — деревянные заборы вокругъ жертвенныхъ мѣстъ. Въ послѣднее время къ цѣлому ряду наслоеній, изъ которыхъ состоитъ, повидимому, чувашская религія, присоединяется еще новое, въ видѣ элементовъ христіанскаго культа, постепенно проникающаго въ языческую среду, причемъ чувашскій олимпъ все болѣе и болѣе обогащается именами наиболѣе почитаемыхъ христіанскихъ святыхъ.

Впрочемъ, немного дальше этого пошла и значительная часть крещеныхъ чувашъ. Съ дѣтской наивностью многіе изъ нихъ все еще называютъ икону „богомъ угла" и выше всего ставятъ „Миколу-бога", отводя Христу довольно скромное мѣсто. Но всетаки языческій культъ несомнѣнно падаетъ, теряя свои первобытную ясность и цѣльность, такъ что недалеко уже, вѣроятно, то время, когда онъ перейдетъ въ область преданій и пережитковъ.

Хотя въ основѣ своей домашній бытъ чувашскихъ крестьянъ складывается въ общемъ такъ же, какъ у русскихъ, но на поверхности его, въ обычаяхъ и обрядахъ, сопровождающихъ разныя житейскія обстоятельства, еще замѣтно проглядываетъ глубокая старина. Особенно замѣтно это въ свадебныхъ обрядахъ. Чувашскія дѣвушки обыкновенно выходятъ замужъ въ болѣе позднемъ возрастѣ, чѣмъ это принято у русскихъ: невѣста въ 25, даже 30 лѣтъ еще не считается

у нихъ слишкомъ старой; семья всегда очень цѣнитъ рабочую силу подростающаго поколѣнія и старается задержать его дома какъ можно больше. Напротивъ, женятся чуваши очень рано, обыкновенно до 20 лѣтъ (въ старину нерѣдко лѣтъ 14—15). Какъ и у татаръ, бракъ имѣетъ здѣсь формально характеръ сдѣлки между родами, хотя фактически заключается обычно по инціативѣ самыхъ молодыхъ людей, сближающихся на зимнихъ посидѣлкахъ. Въ случаѣ согласія родителей послѣдніе черезъ сваху вступаютъ въ переговоры о калымѣ, которая должна уплатить за невѣсту семья жениха. Передъ вѣнчаніемъ, когда женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой, родственники послѣдней всегда разыгрываютъ сцену притворнаго сопротивленія — намекъ не исчезнувшій обычай похищенія женщинъ. Случается однако, что при несговорчивости родителей невѣсты относительно размѣровъ калыма, семья жениха и на самомъ дѣлѣ похищаетъ невѣсту, заручившись черезъ сваху ея согласіемъ. Въ такихъ случаяхъ послѣ вѣнчанія бываютъ и настоящія, не притворныя драки, но послѣ уплаты пониженнаго калыма, почти всегда дѣло оканчивается миромъ. Вліяніе татарскихъ обычаевъ сказывается въ томъ, что жена послѣ свадьбы иногда лишь черезъ нѣсколько дней переселяется въ домъ мужа, а также въ практикѣ разводовъ, которые по чувашскому обычному праву, какъ и у татаръ, совершаются чрезвычайно легко, иногда послѣ суда деревенскихъ стариковъ и съ соблюденіемъ различныхъ символическихъ обрядовъ.

Такіе же прирожденные земледѣльцы, какъ и русскіе крестьяне, чуваши испытали и одну съ ними судьбу, переживъ рядомъ съ ними всю тяготу крѣпостного права. При такихъ условіяхъ естественно. что руссификація этого народа пошла быстрыми шагами, и будущее сліяніе его съ русской массой не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Къ числу народностей финскаго корня, не только по происхожденію, какъ чуваши, но и по языку, принадлежатъ въ предѣлахъ Средняго Поволжья мещеряки, черемисы, вотяки и мордва. Мещеряки въ настоящее время, благодаря полному обрусѣнію, сохранились только по имени (на западѣ Саратовской губ.). Черемисы, вообще довольно многочислен-

ные и сохранившіе свою еще самобытность, въ нашей области играютъ второстепенную роль, населяя въ количествѣ около 130.000 душъ сѣверо-западный уголъ Казанской губ. (преимущественно это „луговые“ черемисы, т. е. живущіе по лѣвому берегу Волги); главная же масса черемисъ живетъ въ сосѣдней Вятской губ., къ описанію которой и пріурочено ознакомленіе съ этимъ народомъ. То же въ еще большей мѣрѣ относится къ вотякамъ, число которыхъ — въ Казанской и Самарской губерніяхъ — не достигаетъ въ Поволжьѣ и 15 тыс. Намъ остается познакомиться съ мордвой, какъ по области распространенія, такъ и по числу самой многочисленной финской народностью Средняго Поволжья.

Мордовскія поселенія, то сплошныя, то въ видѣ отдѣльныхъ островов, разбросаны по южной части Симбирской, по сѣверной части Саратовской и по всей Самарской губ.; но и за предѣлами области мордва населяетъ на западѣ — Нижегородскую, Пензенскую и Тамбовскую губерніи, а на востокѣ — губерніи Уфимскую и Оренбургскую. Коренной территоріей и, повидимому, родиной мордовскаго народа можно считать область между Волгой, Окой, Сурой и притоками Мокши. Здѣсь онъ выработалъ свой языкъ, начатки своей культуры, здѣсь испыталъ и первыя вліянія со стороны сосѣдей — литовцевъ, готовъ, отчасти какихъ-то народовъ иранскаго происхожденія.

Мордва въ то время дѣлилась вѣроятно на нѣсколько племенъ, управляемыхъ князьками. Болгарское владычество не отняло у нея самостоятельности, которая сохранилась отчасти и при татарахъ: послѣдніе ограничились наложеніемъ дани и только въ нѣкоторыя мордовскія области послали своихъ князей-мирзъ. Но вскорѣ послѣ покоренія Казани русскими положеніе мордвы рѣзко измѣнилось къ худшему. Усиленный притокъ русскихъ переселенцевъ, притѣсненія со стороны чиновниковъ и помѣщиковъ, которымъ въ качествѣ крѣпостныхъ были отданы мордовскіе крестьяне; наконецъ, насильственное обращеніе въ христіанство, сопровождавшееся мѣрами репрессіи противъ упорствующихъ, все это угнетало мордву и создавало среди нея тревожное настроеніе, прорывавшееся въ частыхъ вспышкахъ народныхъ возстаній. Мордва участвовала

Моленіе кереметямъ.

Мордва.

неизмѣнно во всѣхъ крестьянскихъ бунтахъ, потрясавшихъ Поволжье въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ этой неравной борьбѣ она утратила послѣдніе остатки своей независимости и большую часть своихъ исконныхъ земель, перешедшихъ къ монастырямъ и помѣщикамъ. И вотъ уже со второй половины XVII вѣка мордва ищетъ выхода въ массовомъ переселеніи на новыя земли, появляясь на территоріи теперешней Саратовской губ.. на Самарской лукѣ, а въ XVIII заливаетъ широкой волной все Заволжье и отчасти Приуралье. Это разсѣяніе мордвы среди массы одновременно съ ней двигавшейся русской народности явилось одной изъ причинъ ея сравнительно быстраго обрусѣнія. Очутившись на новыхъ мѣстахъ, среди чужого народа, мордва шагъ за шагомъ теряла свое этнографическое наслѣдство, и только тамъ, гдѣ она живетъ сплошною массой, кое-что изъ этого наслѣдства сохранилось до нашихъ дней.

Изъ всѣхъ финскихъ племенъ Поволжья и Прикамья мордва — наиболѣе рослый, здоровый и крѣпкій народъ, не обнаруживающій никакихъ признаковъ вырожденія. Отличается мордва и довольно правильными, нерѣдко тонкими и красивыми чертами лица. Съ давнихъ поръ эта народность дѣлится на два племени — мокшу и эрзю, — различающихся въ настоящее время и по физическому типу. Первая населяетъ главнымъ образомъ коренную территорію мордвы (на западѣ), вторая, болѣе многочисленная, преобладаетъ на востокѣ, въ Заволжьѣ. Мокша, повидимому, лучше сохранила свой первоначальный типъ, отличаясь болѣе смуглымъ цвѣтомъ кожи и темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ; среди эрзянскаго племени, напротивъ, преобладаютъ бѣлокурые субъекты со свѣтлыми глазами. Это племенное дѣленіе распространяется и на область языка: мокша и эрзя говорятъ на столь различныхъ нарѣчіяхъ, что съ трудомъ понимаютъ другъ друга; оба эти нарѣчія являются типичными финскими языками, лишь со слабой примѣсью татарскихъ и чувашскихъ словъ, а за послѣднее время проникло въ него и много русскихъ элементовъ. Значительная часть мордвы совершенно забыла свой языкъ, большинство пользуется русскимъ, мѣшая его съ роднымъ, даже между своими.

Въ области внѣшняго, матеріальнаго быта оба племени въ настоящее время почти совершенно утратили свою оригинальность. Всего больше она сохранилась въ женской одеждѣ, да и то въ болѣе глухихъ мѣстахъ. Одежда мокшанки состоитъ изъ длинной прямой рубахи („панарь"), расшитой у подола и поддернутой у пояса; если прибавить сюда лапти (иногда грубые, кожаные коты) да толстую суконную обвертку на ногахъ до колѣнъ, то мы получаемъ полный лѣтній костюмъ мокшанскихъ женщинъ. Одежда эрзянокъ въ основѣ своей та же, только рубаха спускается почти до пола, и лѣтомъ поверхъ ея надѣвается еще „шушпанъ", — родъ вышитаго кафтана, очень похожаго на черемисскій „сюсьпанъ" или на сарафанъ южно-великорусскаго покроя. Для защиты отъ холода мордовки надѣваютъ подобный же кафтанъ изъ самодѣльнаго бѣлаго сукна, расшитый по подолу. Праздничная одежда дополняется различными, смотря по мѣстности, яркими и пестрыми украшеніями, расшитыми бисеромъ и бахромчатыми назадниками, разукрашенными передниками, поясами, нагрудниками; но особенно характерны головныя украшенія, отличающіяся причудливыми формами (лопатообразныя, рогатыя, цилиндрическія) и большимъ разнообразіемъ даже въ предѣлахъ одной и той же племенной группы.

Въ постройкѣ жилищъ и въ планировкѣ селеній мордва давно уже усвоила русскій образецъ; отъ прежней безпорядочности не осталось и слѣда, и только неряшливость внутренней обстановки остается специфическимъ признакомъ мордовскаго жилья.

Въ религіозномъ отношеніи мордва въ гораздо большей мѣрѣ утратила свою самобытность, чѣмъ это мы видѣли у чувашъ. Формально язычество уже не существуетъ, и только живая еще память о немъ осталось въ народныхъ преданіяхъ, повѣстяхъ, наконецъ, въ обычаяхъ и обрядахъ, вплетающихся въ обряды православной церкви. Такъ, въ обрядахъ погребенія и поминокъ ясно еще проглядываетъ культъ предковъ, составлявшій, повидимому, основу мордовскихъ вѣрованій, какъ дополненіе къ господствовавшему въ старину родовому быту. Связь человѣка съ родомъ не порывалась тогда послѣ его смерти; за гробомъ начиналась для него новая жизнь, по-

Мордовскія женщины.

строенная по образцу земной и на тѣхъ же самыхъ родовыхъ отношеніяхъ. Естественно поэтому, что покойникъ, какъ и всякій старшій родичъ, получившій притомъ со смертью таинственную сверхъестественную силу, требовалъ къ себѣ особаго уваженія и заботъ. Поэтому уже при погребеніи покойникъ снабжался — а мѣстами и теперь еще снабжается — всѣмъ что нужно для человѣка на первое время, — вплоть до палки для отпугиванія загробныхъ собакъ. Но устроившись на новосельи и принявъ тамъ новый обликъ сверхъестественнаго существа, и покойникъ въ свою очередь не забываетъ живыхъ: если ему оказываютъ почетъ и уваженіе — тогда онъ становится духомъ-покровителемъ рода или семьи; въ противномъ случаѣ онъ можетъ отплатить жестокой местью. Такимъ образомъ, покойники и теперь еще составляютъ для мордвы предметъ не только почитанія, но и страха, который еще болѣе усиливается повѣрьями о людоѣдствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ — вампировъ. Вотъ почему мордва и послѣ погребенія не перестаетъ заботиться о своихъ покойникахъ, всячески стараясь расположить ихъ въ свою пользу. Ни одно важное начинаніе, ни одинъ большой праздникъ не обходятся безъ приглашенія предковъ въ качествѣ наиболѣе почетныхъ гостей. Интересно, что въ настоящее время этотъ первобытный культъ пріурочивается главнымъ образомъ къ наиболѣе почитаемымъ христіанскимъ праздникамъ. Такъ, въ среду на Страстной недѣлѣ во многихъ мѣстахъ для покойниковъ топится баня, а затѣмъ устраивается угощеніе. Предковъ же призываютъ передъ посѣвомъ, послѣ жатвъ, при различныхъ семейныхъ торжествахъ и т. д.

Въ древнихъ вѣрованіяхъ мордвы, повидимому, міръ предковъ тѣсно сливается съ міромъ божествъ, управлявшихъ всѣми человѣческими дѣлами и всей природой. Ближе всего къ человѣку стояли покровители жилища — юртъ-ава — двора, овиновъ, бань, улицы, деревни — (веленъ-пазъ), полей и т. д. Затѣмъ слѣдовали духи явленій окружающей природы: богиня воды — ведь-ава, лѣса — вирь-ава, вѣтра — вармъ-ава, грома и молніи — Пугине-пазъ (славянскій Перунъ). Наконецъ, во главѣ всего мірозданія стоялъ богъ солнца — Чипазъ у эрзи, Шибавасъ или Шкай — у мокши. Интересно, что большин-

ство мордовскихъ божествъ женскаго рода („ава" — по мордовски — мать) — это матери, хозяйки вещей; можетъ быть, это былъ одинъ изъ пережитковъ матріархата (материнской власти), господствовавшаго по всей вѣроятности среди предковъ мордвы. Всѣмъ этимъ, нерѣдко кровожаднымъ божествамъ, также приносились жертвы въ примитивныхъ зданіяхъ вродѣ чувашскихъ заборовъ для Кереметей. Существовали и жрецы, выродившіеся въ современныхъ колдуновъ и знахарей.

Не безъ сопротивленія отказалась мордва отъ вѣры своихъ отцовъ. На насильственное крещеніе она отвѣчала возстаніями, избіеніями миссіонеровъ, тайнымъ жертвоприношеніемъ своимъ старымъ богамъ. И, конечно, не религіозныя гоненія сломили ея упорство: гораздо сильнѣе повліяло въ этомъ направленіи долговременное мирное сожительство съ русской народной массой, особенно на югѣ, гдѣ мордва разсѣялась среди раскольниковъ и сектантовъ. Здѣсь замѣтно болѣе глубокое воспріятіе новой вѣры, о чемъ свидѣтельствуетъ широкое распространеніе среди южной и восточной мордвы различныхъ, преимущественно мистическихъ, сектъ: „Божьихъ людей", „Собесѣдниковъ", „Блаженныхъ" и др.

Въ сферѣ семейныхъ отношеній современная мордва мало отличается отъ русскихъ крестьянъ. Ея старинная „многотягольность" постепенно отходитъ въ область преданій. Положеніе женщины въ семьѣ вообще довольно хорошее. Только въ имущественномъ отношеніи она недостаточно обезпечена: по мордовскому обычному праву имущество жены и мужа составляетъ одно нераздѣльное цѣлое и послѣ смерти мужа переходитъ къ его роду или дѣтямъ (только у мокши оно наслѣдуется вдовой) — и здѣсь отпечатокъ родового быта проглядываетъ довольно замѣтно. Въ противоположность татарамъ и чувашамъ обычное право мордвы не допускаетъ формальнаго развода, и только въ крайнихъ случаяхъ супруги рѣшаются на фактическій разрывъ. Свадебные обряды напоминаютъ то, что мы видѣли у чувашъ: та же процедура сватовства съ торгомъ о калымѣ („питне"), та же симуляція похищенія невѣсты жениховымъ родомъ, нерѣдко и неподдѣльное похищеніе, оканчивающееся однако почти всегда примиреніемъ сторонъ послѣ уплаты уменьшеннаго ка-

Мордовки въ праздничномъ нарядѣ.

Мордва.

лыма. Въ свадебныхъ пѣсняхъ, отличающихся большимъ разнообразіемъ — и, прибавимъ, нескромностью, — воспоминанія о древнемъ родовомъ бытѣ слышатся очень ясно. Замѣтно и вліяніе русскихъ обычаевъ, больше всего въ томъ, что на ряду съ калымомъ вступаетъ на сцену и приданое, на пріобрѣтеніе котораго нерѣдко и затрачивается весь калымъ.

Наконецъ, по своему хозяйственному и земельному строю мордва совершенно неотличима отъ русскаго крестьянства: такъ же какъ и тамъ земледѣліе составляетъ основу всей жизни, и община лежитъ въ основѣ земельныхъ отношеній — и эта близость житейскаго уклада лучше всякихъ обрусительныхъ мѣропріятій способствуетъ быстро идущему процессу обрусѣнія мордовской народности.

Совершенно своеобразное, обособленное положеніе среди народностей Поволжья занимаютъ калмыки, исторіи которыхъ мы уже коснулись въ предыдущей главѣ. Оторвавшись отъ главной массы своихъ родичей, ушедшихъ обратно въ Азію, астраханскіе калмыки представляютъ собою, какъ бы осколокъ азіатскаго міра кочевниковъ, заброшенный сюда набѣжавшей волною. Сама природа ихъ пустынной страны создала для нихъ своего рода крѣпость, препятствуя проникновенію въ ихъ среду окружающаго осѣдлаго населенія. И только благодаря этому ничтожный по численности народецъ — въ настоящее время ихъ всего 172.000. — смогъ въ теченіе $2^1/_2$ вѣковъ сохранить свою племенную и этнографическую индивидуальность.

По своей физической организаціи наши калмыки и теперь еще являются типичными монголами. Средній ростъ, относительно короткія ноги, значительная длина туловища; большой, преимущественно коротковальный (брахицефалическій) черепъ; плоское скуластое лицо съ мало выдающимся, приплюснутымъ въ основаніи носомъ; темные, узкіе, косо-поставленные глаза, очень часто съ характерной „монгольской“ складкой верхняго вѣка; толстые, грубые, прямые, блестящечерные волосы на головѣ, и въ то же время рѣдкая растительность въ бородѣ, усахъ и на тѣлѣ; наконецъ, смуглый, желтоватый цвѣтъ кожи — все это придаетъ наружности калмыковъ рѣзкій „азіатскій“ характеръ. Однако и въ этой

сравнительно однородной массѣ, приглядѣвшись внимательнѣе, уже можно открыть несомнѣнные признаки смѣшенія расъ, „метисаціи“, вносящей особенно на окраинахъ степи, значительное разнообразіе въ только что описанный типъ. Значительныя колебанія въ ростѣ, варіаціи формы головы, лица, глазъ и волосъ — все это говоритъ о приливѣ чужой крови — какъ можно думать, преимущественно великоруссовъ.

И въ одеждѣ своей калмыки сохранили старинный азіатскій покрой. Вообще она очень незамысловата. У мущинъ — грубая холщевая рубаха, чаще всего синяго цвѣта и такія же штаны, заправленныя въ кожаные сапоги съ подковами; поверхъ рубахи обыкновенно такого же цвѣта бешметъ горскаго типа, непремѣнно перетянутый узкимъ кожанымъ поясомъ, иногда съ серебряными украшеніями на концахъ; зимой, конечно, шуба, чаще всего овчинная. Четырехугольныя калмыцкія шапки являются прототипомъ нашихъ кучерскихъ, но въ послѣднее время калмыки охотно замѣняютъ ихъ русскими форменными фуражками разныхъ образцовъ и цвѣтовъ. Женщины носятъ широкую, длинную блузу, и широкія шаровары, на головѣ маленькую шапочку съ разными украшеніями. Пожилыя обыкновенно носятъ шапки мужского покроя, что придаетъ имъ еще болѣе старообразный видъ. Наиболѣе распространеннымъ украшеніемъ служатъ тяжелыя, громоздкія навѣски на косахъ и такія же серьги; послѣднія носятъ нерѣдко и мужчины, но всегда въ одномъ ухѣ. Отличительнымъ признакомъ духовенства являются ярко-красный халатъ съ широкими рукавами. Калмыцкихъ ребятишекъ лѣтъ до 8 очень часто можно встрѣтить въ костюмѣ Адама, внутри кибитокъ даже зимой, и жгучее солнце степей дѣлаетъ ихъ похожими на забавныя бронзовыя статуэтки съ живыми черными глазами.

Главнымъ, до послѣдняго времени почти исключительнымъ, занятіемъ калмыцкаго народа является скотоводство. Больше всего держатъ калмыки овецъ, за ними слѣдуютъ коровы (особой степной породы), лошади и, наконецъ, верблюды. Скотъ для калмыковъ это то же, что земля для русскаго крестьянина. Когда-то они обладали огромными стадами, но теперь отъ этихъ богатствъ сохранились лишь жалкіе остатки

(въ среднемъ на семью приходится всего 12 овецъ, 4 коровы, 1 лошадь и $^1/_2$ верблюда); а такъ какъ и распредѣлены они далеко не равномѣрно, то значительная масса народа оказывается совершенно обездоленной. И все же эти бѣдняки до послѣдней возможности цѣпляются за свое привычное занятіе: потерявъ собственный скотъ, они нанимаются пастухами къ своимъ болѣе счастливымъ родичамъ; и только крайность заставляетъ ихъ искать заработка на сторонѣ, за предѣлами родной степи. Въ послѣднее время значительное число калмыковъ роботаетъ на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ, гдѣ они очень цѣнятся, по своей выносливости и неприхотливости. Калмыцкое хозяйство ведется совершенно первобытнымъ способомъ и въ томъ одна изъ причинъ его неустойчивости. Кочуя по всей пустынной степи въ предѣлахъ отмежеванныхъ каждому роду территорій, калмыки берутъ у природы лишь то, что она сама имъ даетъ. Отсутствіе кормовыхъ запасовъ и защиты скота отъ холодовъ дѣлаетъ калмыковъ совершенно безпомощными въ борьбѣ съ бѣдствіями, сокращая до минимума вмѣстимость этой въ сущности огромной страны. Вотъ почему, несмотря на прежнюю рѣдкость населенія, она уже и теперь почти достигла здѣсь предѣла своего роста. Впрочемъ, нужно замѣтить, что переходъ къ высшей болѣе продуктивной формѣ хозяйства представляется здѣсь невозможнымъ уже въ силу естественныхъ условій, и только близорукость чиновниковъ могла создать мечту о прикрѣпленіи калмыковъ къ опредѣленной осѣдлости. Немало попытокъ было предпринято въ этомъ направленіи, но всѣ они неизмѣнно оканчивались неудачей, только еще болѣе расшатывая калмыцкое хозяйство. И только на окраинахъ степи, напр. въ Ергеняхъ, гдѣ осѣдлый бытъ дѣйствительно возможенъ, калмыки сами собою къ нему переходятъ, учась у русскихъ сосѣдей.

Условіемъ кочевого быта опредѣляется въ главныхъ чертахъ весь строй калмыцкой жизни. Жилищемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ служитъ переносная кибитка — по калмыцки „кхеръ“, построенная изъ легкихъ деревянныхъ рѣшетокъ, обтянутыхъ кошмами (войлокомъ). Въ отличіе отъ полушаровидной киргизской кибитки, „кхеръ“ имѣетъ видъ невысокаго цилиндра, прикрытаго слегка усѣченнымъ кону-

сомъ. Внутреннее убранство крайнѣ незатѣйливо: нѣсколько кошмъ, брошенныхъ на полъ и на деревянную кровать, иногда простенькіе ковры по стѣнамъ, ящикъ съ идолами — „бурханами“ — и рядомъ столикъ для жертвоприношеній; скудная хозяйственная утварь; посреди кибитки священное мѣсто ея — очагъ, обыкновенно простая ямка, вырытая въ землѣ съ примитивнымъ тагономъ для установки котла. Дымъ, выходящій черезъ отверстіе въ крышѣ, покрываетъ густой копотью всю внутреннюю обстановку жилья, а лежащая на ней печать крайней неряшливости дѣлаетъ ее еще болѣе неприглядной. Всюду слѣды навоза, составляющаго къ тому же въ видѣ кизяка (сушеный навозъ) и единственное почти топливо калмыковъ; посуда моется чаще всего только языками собакъ; невѣроятное количество насѣкомыхъ, миріадами скачущихъ, а еще болѣе ползающихъ всюду, можетъ привести въ ужасъ даже неприхотливаго человѣка. Только по окраинамъ своей территоріи, да кое-гдѣ около храмовъ калмыки отчасти перешли къ постояннымъ жилищамъ, жалкимъ лачугамъ изъ сырцоваго кирпича, еще менѣе гигіеничнымъ, чѣмъ ихъ грязный „кхеръ“. Калмыцкія кибитки обыкновенно располагаются среди степи небольшими безпорядочными группами, образуя кое что вродѣ временныхъ деревень — такъ называемые, „хотоны“. Только въ зимнее время хотоны обыкновенно фиксируются въ центрѣ болѣе надежныхъ пастбищъ. Столь же незатѣйлива и пища калмыковъ. Въ старину, при обиліи скота, они питались почти исключительно мясомъ домашнихъ животныхъ и молочными продуктами. Теперь мясная пища составляетъ привилегію богатыхъ, для массы народной это рѣдкое лакомство. Основой же калмыцкаго стола является кирпичный чай съ молокомъ, бараньимъ саломъ (или масломъ) и солью, дополняемый небольшимъ количествомъ плохо испеченнаго, твердаго какъ камень, хлѣба, да различными видоизмѣненіями молока (сушенный творогъ, кислое молоко — „арьянъ“, молочная водка — „арька“). Вообще, питаніе калмыцкой массы поражаетъ наблюдателя своей умѣренностью, граничащей съ голоданіемъ.

Калмыки пришли въ Россію въ качествѣ воинственной орды съ патріархально-аристократическимъ родовымъ строемъ.

Калмычки.

Калмыцкій хурулъ близъ Астрахани.

Потомки хановъ — предводителей — образовали здѣсь сословіе высшаго дворянства — нойоновъ, за ними слѣдовало рядовое дворянство — зайсанги, являвшіеся главами, а впослѣдствіи и владыками родовъ; остальная масса постепенно перешла на положеніе крѣпостныхъ, въ которомъ и оставалась до 1892 года. Въ настоящее время калмыцкое дворянство сохранило свое значеніе лишь постольку, поскольку за нимъ закрѣплены извѣстныя привилегіи по владѣнію землей; въ культурномъ отношеніи оно почти не выдѣляется изъ общей массы. Впрочемъ, какъ представители родовъ, зайсанги и теперь еще играютъ нѣкоторую роль въ общественныхъ отношеніяхъ.

Сохранившійся у калмыковъ родовой строй отражается на многихъ сторонахъ жизни, но больше всего на ихъ брачномъ правѣ. Женятся они очень рано, лѣтъ 16—18, дѣвушки же могутъ вступать въ бракъ уже съ 14 лѣтъ; понятно, что при такихъ условіяхъ власть семьи въ заключеніи брачнаго договора выступаетъ съ особенной силой. Центромъ тяжести во всякомъ сватовствѣ является калымъ, значительная часть котораго, впрочемъ, возвращается въ родъ жениха, въ качествѣ приданаго. Въ свадебныхъ же обрядахъ съ особенной яркостью симулируется актъ похищенія невѣсты, который калмыки умѣютъ разыгрывать съ большой экспрессіей, при дѣятельномъ участіи старухъ. Нерѣдки и случаи неподдѣльныхъ похищеній, предпринимаемыхъ и здѣсь ради уменьшенія калыма. Положеніе женщины въ семьѣ довольно незавидное. Неся всю тяжесть домашнихъ работъ, она должна уступать мужчинамъ лучшее мѣсто у очага, лучшій кусокъ за скудной трапезой. Наслѣдственное право также охраняетъ интересъ однихъ мужчинъ, совершенно игнорируя женщинъ. Многоженство допустимо, но рѣдко практикуется. Рѣдки также и случаи допускаемаго религіей развода.

Изъ своей далекой родины калмыки принесли съ собой и религію — буддизмъ, сильно искаженный, впрочемъ, элементами грубыхъ суевѣрій. Сущности буддизма огромное большинство калмыковъ не понимаетъ, представляя многочисленному (до $2^0/_0$) духовенству заботиться объ его изученіи; но и духовенство въ массѣ очень невѣжественно, и только „бакши“, мѣстные учителя вѣры, выдѣляются своей начитанностью

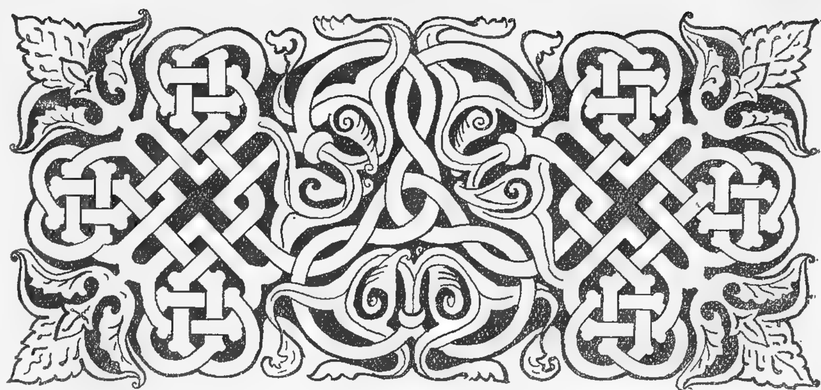
и пользуются выдающимся почетомъ со стороны калмыцкой массы. Религіознымъ центромъ калмыковъ является Тибетъ, откуда они получаютъ свои священныя книги и другіе предметы; оттуда же исходитъ посвященіе ихъ главнаго мѣстнаго ламы. Калмыцкое духовенство — гелюнги съ цѣлой іерархіей помощниковъ — по закону безбрачно; оно пополняется изъ всѣхъ слоевъ населенія путемъ подготовки мальчиковъ при храмахъ — хурулахъ — разбросанныхъ по всей степи, рѣзко бросающихся въ глаза своей причудливой индійско-китайской архитектурой.

Свѣтская, русская грамотность распространяется среди калмыковъ очень медленно, хотя учатся они охотно и обнаруживаютъ живой умъ и недурныя способности. Но недостатокъ русскихъ школъ при огромности разстояній дѣлаетъ ихъ почти недоступными для огромнаго большинства.

Въ административномъ отношеніи калмыки также обособлены отъ остального населенія. Они подчинены „Управленію калмыцкимъ народомъ“, находящемуся въ Астрахани, а ближайшимъ образомъ 8-ми „улуснымъ“ попечителямъ, живущимъ въ „ставкахъ“ среди степи. При улусныхъ управленіяхъ находится и избираемый калмыками судъ „Зорго“, судящій на основѣ обычнаго права подъ контролемъ русскихъ чиновниковъ.

Будущее калмыцкаго народа, повидимому, довольно печально: родная степь становится тѣсна, и, несмотря на всю свою привязанность къ ней, калмыкамъ приходится искать изъ нея выхода; а выходъ этотъ все болѣе и болѣе затрудняется переполненіемъ ближайшихъ рынковъ рабочаго труда.

VI.

Промышленность и торговля.

Въ предыдущей главѣ намъ не разъ приходилось касаться хозяйственной жизни отдѣльныхъ народностей. Теперь отвлечемся, насколько это возможно, отъ племенной пестроты и вглядимся въ общую картину хозяйственной жизни Поволжья.

Мы уже имѣли случай отмѣтить, что основной фонъ этой жизни составляетъ земледѣліе; можно даже сказать, что при данныхъ соціальныхъ и культурныхъ условіяхъ земледѣліе уже достигло здѣсь предѣла своего развитія. Чтобы судить о высотѣ этого предѣла, достаточно сопоставить относительную величину территоріи области съ той долей, какая на нее приходится въ общемъ производствѣ главныхъ продовольственныхъ хлѣбовъ; и тогда окажется, что четыре чисто земледѣльческія губерніи Поволжья (не считая Астраханской), составляя лишь около 7% площади 50 губерній Евр. Россіи, производятъ въ среднемъ (3 послѣднія пятилѣтія) около 11% изъ суммы урожая тѣхъ же 50 губерній. Гораздо болѣе скромную роль играетъ здѣсь промышленность фабрично-заводская; въ то время, какъ стоимость урожая только главнаго типа хлѣбовъ (въ 4 губ.) опредѣляется приблизи-

тельно въ 220—250 милліоновъ рублей, продуктъ всѣхъ отраслей фабрично-заводской промышленности, при самой высокой оцѣнкѣ, едва ли превыситъ 150 мил. руб., и притомъ $^2/_3$ этого производства состоятъ въ переработкѣ продуктовъ того же сельскаго хозяйства.

Такимъ образомъ, Среднее Поволжье по справедливости можетъ считаться одной изъ богатѣйшихъ житницъ Россіи. Кто же хозяева этой житницы? Какъ распредѣляется она между участниками производства? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, приведемъ нѣсколько данныхъ, характеризующихъ распредѣленіе земель между главными владѣльцами, включивъ въ разсмотрѣніе и Астраханскую губ. Если исключить изъ общей суммы земли киргизовъ (7 милліоновъ десятинъ) и калмыковъ ($6^1/_2$ мил. дес.), да еще такъ называемыя „неудобныя земли (около $7^1/_2$ мил. дес.), то всего пригодной для земледѣлія земли окажется въ области 32 мил. дес., которыя и распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Больше половины всей этой площади — 53, 5% — принадлежитъ крестьянамъ въ качествѣ надѣльныхъ земель; если же присоединить сюда земли, купленныя крестьянскими обществами въ дополненіе къ своему надѣлу, то на долю крестьянской массы придется больше 57% отъ всей площади. Слѣдующая по величинѣ доля — около 22% — составляетъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ и промышленныхъ предпріятій; сюда же присоединены и купчія земли крестьянъ, единолично владѣющихъ своими участками, а съ другой стороны не вошли владѣнія цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, выдѣленныя нами въ предыдущую группу. На третьемъ мѣстѣ стоятъ владѣнія казны, составляющія, около 13%; четвертое мѣсто занимаетъ площадь удѣльныхъ земель — около $6^1/_2$%. Остальныя земли распредѣлены между церквами и монастырями ($^1/_2$%), городами, земствами и др. учрежденіями ($^1/_2$%).

При первомъ взглядѣ на эти цифры можетъ, пожалуй, показаться, что здѣсь то ужъ крестьяне не могутъ пожаловаться на малоземелье: вѣдь имъ принадлежитъ большая половина этой плодороднѣйшей страны, тогда какъ въ среднемъ, по Россіи на долю крестьянъ приходится не больше $^1/_3$ всѣхъ земель. Но стоитъ намъ раздѣлить всю площадь крестьян-

скихъ земель (вмѣстѣ съ купленными цѣлыми обществами) на соотвѣтстующее имъ число дворовъ, какъ получимъ уже весьма скромную среднюю величину въ 13,5 десятинъ на 1 дворъ (однѣ надѣльныя земли даютъ 12,5 дес. на 1 дворъ). Если мы примемъ въ соображеніе, что земля является здѣсь главнѣйшимъ источникомъ пропитанія народныхъ массъ, мы уже не скажемъ, конечно, что это слишкомъ много. Еще рѣзче перемѣнится картина, если вглядѣться въ распредѣленіе земель по отдѣльнымъ губерніямъ. Оно далеко не одинаково. Въ Астраханской губ. крестьянамъ принадлежитъ 68,5% всей пригодной земли, въ среднемъ по 33 дес. на дворъ. Да, здѣсь крестьянинъ не можетъ еще пожаловаться на малоземелье. Въ общемъ не можетъ онъ пожаловаться на него и въ Самарской губ., гдѣ на каждый дворъ приходится около 20 дес., и на всю крестьянскую массу около 54%. Но могутъ ли считать себя счастливыми владѣющіе почти 60% всей земли казанскіе крестьяне, если на каждый дворъ приходится здѣсь всего 8,5 дес.? Или даже саратовскіе, владѣющіе почти половиной земли, но на дворъ только по 9,5 дес. Наконецъ, симбирскіе съ ихъ жалкими уже надѣлами въ 6,8 дес. на дворъ, которые даже въ массѣ своей не составляютъ половины всей земли? А если прибавить къ этому, что и въ каждой губерніи различныя группы крестьянъ обезпечены землей далеко не одинаково, то намъ станетъ понятнымъ, почему даже въ многоземельной Самарской губ. часть крестьянъ уже испытываетъ земельный „голодъ“: вѣдь и здѣсь огромная масса общинъ (бывшихъ крѣпостныхъ) владѣетъ болѣе чѣмъ скромными надѣлами по 8 дес. на дворъ! Стоитъ только по аналогіи представить себѣ, насколько же спускаются отъ средней величины надѣлы въ малоземельныхъ губерніяхъ, чтобы окончательно отказаться отъ иллюзіи крестьянскаго многоземелья.

Приглядимся внимательнѣе къ частной единоличной собственности. Общее число частныхъ владѣній въ области превышаетъ 20.000, болѣе всего ихъ въ Симбирской губ. меньше всего въ Астраханской. Средній размѣръ владѣнія — около 350 дес. (отъ 140 въ Симбирской губ., до 1300 — въ Астраханской). Численно почти всюду преобладаютъ мелкіе собственники (до 100 дес.); только въ Астраханской губ.

они составляютъ меньше половины, въ остальныхъ превышаютъ 60%, а въ Симбирской даже 80%. Но по отношенію къ общей площади частно-владѣльческой земли преобладающей формой оказывается, напротивъ, во всемъ Поволжьѣ крупная собственность (больше 1000 дес.). Всюду площадь крупныхъ владѣній превышаетъ половину, въ Саратовской она достигаетъ $^2/_3$, въ Самарской $^4/_5$, а въ Астраханской даже $^9/_{10}$.

При распредѣленіи владѣній по сословіямъ владѣльцевъ, выступаетъ другая черта частнаго землевладѣнія — его преимущественно дворянскій характеръ. Правда по численности крестьяне и здѣсь всюду преобладаютъ; но по размѣрамъ владѣнія во всѣхъ почти губерніяхъ на первомъ планѣ стоятъ дворяне: въ ихъ рукахъ не только бо̀льшая половина всей частной собственности, но и большая часть площади крупныхъ владѣній (до $^2/_3$); особенно выдѣляется въ этомъ отношеніи Симбирская губ., напротивъ, въ Самарской дворяне уступаютъ первое мѣсто купцамъ.

Такова общая картина современнаго распредѣленія земель: среди моря мелкихъ крестьянскихъ владѣній, какъ огромные острова, выступаютъ дворянскія, а отчасти и купеческія латифундіи; средняя собственность всюду играетъ совершенно подчиненную роль. Однако съ теченіемъ времени эта картина не остается неизмѣнной. Оглядываясь лишь на послѣднія два десятилѣтія, уже можно замѣтить прежде всего нѣкоторое увеличеніе общей площади крестьянскихъ земель, но оно происходитъ во много разъ медленнѣе, чѣмъ ростъ самого населенія, и дробленіе крестьянскихъ надѣловъ идетъ своимъ чередомъ. Съ другой стороны, и частныя владѣнія, переходя изъ рукъ въ руки, замѣтно уменьшаютъ свой средній размѣръ. Какъ ни велика теперь роль латифундій, но нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ она была еще больше; и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно падаетъ удѣльный вѣсъ дворянства, какъ землевладѣльческаго класса: все болѣе и болѣе выдвигается новая сила, сила промышленнаго и торговаго капитала, которая, какъ мы видѣли, и теперь уже въ Самарской губерніи заняла первое мѣсто.

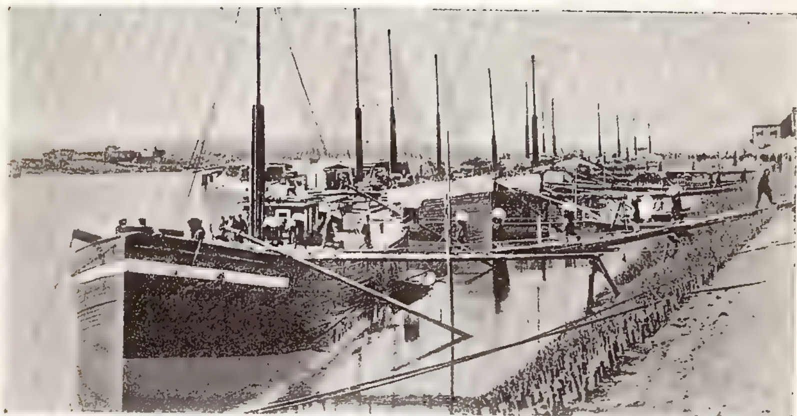
Намъ остается добавить, что благодаря растущему зе-

мельному голоду все усиливается за послѣднее время развитіе аренды частно-владѣльческихъ земель крестьянами и стремленіе послѣднихъ расширить свои измельчавшіе надѣлы путемъ прикупки земли черезъ Крестьянскій банкъ или инымъ способомъ. Но и тотъ и другой выходъ плохо разрѣшаютъ земельный вопросъ, ставя крестьянъ въ положеніе еще болѣе тяжелой экономической зависимости. А въ послѣднее пятилѣтіе положеніе еще болѣе осложнилось противообщинной политикой правительства. Трудно предвидѣть, какъ далеко зайдетъ вызванный ею процессъ разрушенія общины, но во всякомъ случаѣ, говоря о настоящемъ моментѣ, приходится еще разъ напомнить, что общинная форма землепользованія является здѣсь безусловно господствующей — и не только среди великоруссовъ, но и среди осѣдлыхъ инородцевъ.

Только что изложенныя земельныя отношенія отражаются на всѣхъ сторонахъ сельско-хозяйственной жизни страны. Прежде всего они вліяютъ на распредѣленіе земель по угодьямъ. Въ среднемъ по области распредѣленіе это таково. Если исключить земли кочевниковъ и „неудобныя“ земли, то 58% всей площади окажется подъ различными видами пашни, около 16,5% подъ лѣсомъ, 14% подъ естественными пастбищами и 11,5% подъ сѣнокосными лугами. Но эта общая картина рѣзко мѣняется, смотря по характеру владѣній: такъ, плохо обезпеченные землей крестьяне, стараясь какъ можно болѣе расширить пашни насчетъ другихъ угодій, доводятъ ее въ среднемъ почти до $^2/_3$, а площадь лѣса сокращаютъ до какихъ — нибудь 4%. Напротивъ, въ частныхъ владѣніяхъ пашня составляетъ лишь около половины ихъ площади, за то и лѣсная площадь расширяется здѣсь до 17—18%. Самая пашня неодинаково разверстывается у крестьянъ и у частныхъ владѣльцевъ, а въ связи съ этимъ стоитъ и вся система веденія хозяйства. Какъ извѣстно, въ большей части Европейской Россіи господствующей у крестьянъ системой является сравнительно мало продуктивное трехполье, при которомъ посѣвомъ всегда занято около $^2/_3$ распаханной земли, остальная-же $^1/_3$ „отдыхаетъ“. Около 60% пашни занимаетъ посѣвъ и у крестьянъ Поволжья. Но все же настоящее трехполье, съ удобреніемъ незасѣяннаго „пара“,

можно считать господствующей формой лишь въ наиболѣе малоземельныхъ губерніяхъ — Казанской, Симбирской и Саратовской. На остальномъ пространствѣ области выработался у крестьянъ своего рода компромиссъ между традиціоннымъ трехпольемъ и еще болѣе примитивной залежной системой хозяйства. Эта послѣдняя состоитъ въ томъ, что лишь небольшая часть земли отводится нѣсколько лѣтъ подъ рядъ подъ посѣвъ, а все остальное пространство составляетъ „залежь“, въ которой земля естественнымъ путемъ возстановляетъ истощенную посѣвомъ силу. Такая система возможна только на плодородныхъ дѣвственныхъ почвахъ и при условіи широкаго земельнаго простора. Въ старину на югѣ и востокѣ области эта система и практиковалась крестьянами въ чистомъ видѣ. Но затѣмъ, все болѣе возраставшая тѣснота заставляла ихъ захватывать подъ посѣвъ все большую площадь ихъ залежи, пока мѣстами она не стала, наконецъ, играть подчиненную роль какъ бы третьяго „парового“ поля. Къ сожалѣнію недостатокъ средствъ и традиціонный предразсудокъ, будто черноземъ не выноситъ удобренія, помѣшали крестьянамъ заимствовать у трехполья и сильную ею сторону — удобреніе отдыхающаго поля. Въ результатѣ быстрое истощеніе этихъ богатѣйшихъ земель, лишенныхъ возможности исподоволь возстановлять свое плодородіе. Совершенно иную картину мы видимъ въ частно-владѣльческихъ хозяйствахъ: здѣсь въ области трехполья послѣднее начинаетъ уже подниматься на высшую ступень плодо-перемѣнной или многопольной системы, при которой пашня дѣлится на большее число частей, и подъ паромъ пустуетъ лишь небольшая ея доля ($^1/_6$, $^1/_7$, $^1/_8$). Напротивъ, на югѣ, на просторѣ латифундій могла еще сохраниться первобытная залежная система, связанная здѣсь съ широкимъ развитіемъ скотоводства. Въ средней части области соединяются черты наиболѣе первобытной и наиболѣе совершенной системы — залежи замѣняются обширными посѣвами различныхъ кормовыхъ травъ, составляющими здѣсь одно изъ условій широкаго развитія тонкоруннаго овцеводства.

Если ко всему сказанному добавить, что и вся земледѣльческая техника, вслѣдствіе лучшаго снабженія скотомъ, орудіями и т. д., гораздо выше поставлена въ частно-владѣльче-

Нагрузка баржъ.

Рыбацкія тони.

скихъ хозяйствахъ, то мы не будемъ удивляться, если и результатъ хозяйства — урожай — окажется въ нихъ значительно выше, чѣмъ у крестьянъ. Въ среднемъ, по области больше всего собирается ржи, почти столько же, сколько всѣхъ остальныхъ хлѣбовъ вмѣстѣ (не считая картофеля); за рожью слѣдуетъ овесъ — въ количествѣ почти вдвое меньшемъ, а затѣмъ пшеница, урожай которой составляетъ почти $^1/_3$ урожая ржи, причѣмъ площадь ея посѣвовъ сосредоточивается въ южной половинѣ области; всѣ остальныя растенія (картофель, просо, гречиха, ячмень, горохъ и т. д.), играютъ совершенно подчиненную роль. Если мы обратимся теперь къ распредѣленію урожая между крестьянскими и владѣльческими хозяйствами, то окажется прежде всего, что у крестьянъ урожай пшеницы составляетъ меньше $^1/_3$ урожая ржи, а у частныхъ владѣльцевъ почти половину этого послѣдняго. Но гораздо важнѣе то, что и относительная урожайность на крестьянскихъ земляхъ всюду и для всѣхъ хлѣбовъ на 10—25% ниже, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ. А въ неурожайные годы эта разница еще болѣе увеличивается, потому что лучшая обработка земли помогаетъ растеніямъ переносить неблагопріятныя климатическія условія: полный неурожай постигаетъ обыкновенно только крестьянскія поля, у частныхъ владѣльцевъ дѣло ограничивается чаще всего лишь его пониженіемъ.

Но если частые здѣсь неурожаи ставятъ крестьянъ лицомъ къ лицу съ голодной смертью, то и въ средніе годы большая часть ихъ только-только въ состояніи прокормиться хлѣбомъ, собраннымъ на своихъ поляхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если весь сборъ ржи и пшеницы съ крестьянскихъ земель (за вычетомъ сѣмянъ) раздѣлить на число душъ сельскаго населенія, мы получимъ всего около 10 пуд. на душу, т. е. на цѣлыхъ 2 пуда меньше той оффиціально принятой нормы въ 12 пуд., которая и сама-то стоитъ на границѣ полуголоднаго существованія. Странная картина: богатая область, производящая въ общемъ значительный — до 50 милліоновъ пудовъ — избытокъ продовольственнаго хлѣба, не въ состояніи прокормить главнаго работника на своей нивѣ, вынужденнаго искать иныхъ источниковъ пропитанія, чуждыхъ традиціоннаго хлѣбопашества. Тамъ, гдѣ это возможно, онъ

пытается замѣнить часть своихъ хлѣбныхъ полей посѣвами другихъ растеній, имѣющихъ большую денежную цѣнность. Такъ, въ Саратовской губ. изъ года въ годъ расширяются посѣвы растеній съ масленистыми сѣменами — подсолнечника, льна, конопли; здѣсь же, вокругъ нѣмецкой колоніи Сарепты широко раскинулись небозримыя поля горчицы, а въ Самарской губ. разводятъ довольно много табаку — махорки. Подобное же значеніе подсобныхъ промысловъ имѣютъ мѣстами огородничество и садоводство. Собственно огородничество развивается широко лишь вокругъ городовъ, гдѣ обезпеченъ сбытъ его легко портящихся продуктовъ. Особенно выдѣляется оно, какъ самостоятельный промыселъ, въ Саратовской, отчасти въ Симбирской губ. (у мордвы) и вокругъ г. Астрахани. Гораздо большее самостоятельное значеніе имѣетъ особая форма огородничества, такъ называемое бахчеводство; какъ центры этого промысла особенно извѣстны Царицынскій уѣздъ Саратовской губ. (посадъ Дубовка — дыни) и Царевскій уѣздъ Астраханской губ. (быковскіе, иначе камышинскіе арбузы.) Обыкновенно этимъ промысломъ занимаются болѣе самостоятельные крестьяне, т. к. онъ сопряженъ съ большимъ промышленнымъ рискомъ.

Садоводство, во всѣхъ отрасляхъ его, довольно сильно развито во всей области, но въ среднихъ крестьянскихъ хозяйствахъ играетъ второстепенную роль. Особенно широкое промышленное значеніе имѣетъ оно въ Саратовской губ., но почти исключительно на узкой полосѣ по правому берегу Волги. Уже здѣсь кое-гдѣ приходится прибѣгать къ искусственному орошенію садовъ; оно становится безусловно необходимымъ въ Астраханской губ., гдѣ къ обычнымъ средне-русскимъ сортамъ фруктовъ присоединяется цѣлый рядъ южныхъ; виноградъ, абрикосы, айва и т. д.

Особенно же почетное мѣсто среди второстепенныхъ отраслей сельскаго хозяйства — но опять таки не средняго крестьянскаго — занимаетъ въ области скотоводство. Въ общемъ число головъ скота раза въ $1^1/_2$ превышаетъ здѣсь число людей. Однако значеніе совершенно самостоятельнаго промысла скотоводство имѣетъ лишь на крайнемъ югѣ, у калмыковъ и киргизовъ; мы уже говорили, какъ оно тамъ ве-

дется и здѣсь коснемся лишь его состоянія въ земледѣльческихъ центрахъ Поволжья. У крестьянъ почти всюду скотъ является лишь необходимымъ инвентаремъ въ хозяйствѣ, какъ рабочая сила, а въ области трехполья и источникъ удобренія; но даже и въ этихъ предѣлахъ крестьянское скотоводство развито далеко не достаточно. Такъ, напр., въ Казанской и Симбирской губерніяхъ приходится въ среднемъ всего по одной коровѣ и по одной лошади на дворъ, и только въ Самарской и Астраханской губ. относительное число лошадей удваивается. Понятно, что при такихъ условіяхъ неизбѣжно должна развиваться безлошадность крестьянскихъ хозяйствъ, являющаяся самымъ яркимъ симптомомъ ихъ упадка. И дѣйствительно, въ обѣихъ сѣверныхъ губерніяхъ число безлошадныхъ дворовъ составляетъ уже около $^1/_3$ ихъ общаго числа и только въ Самарской губ. спускается до $^1/_4$. Такимъ образомъ, эта отрасль сельскаго хозяйства сосредоточивается почти исключительно въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, да и то лишь на югѣ, въ области залежной системы. Зато здѣсь она достигаетъ широкаго развитія, особенно въ формѣ овцеводства. Изъ 7 милліоновъ овецъ, содержащихся по всей области, около $4^1/_2$ мил. приходится на Астраханскую губ. и южныя части Саратовской и Самарской; здѣсь на обширныхъ залежахъ пасется до $^1/_2$ милліона однихъ тонкоруныхъ овецъ — мериносовъ, разводимыхъ почти исключительно ради ихъ цѣнной шерсти. Другія породы разводятся и для шерсти, и для мяса.

Разведеніе лошадей на продажу (конскіе заводы) развито больше всего въ Саратовской губерніи; если не считать падающаго съ каждымъ годомъ табуннаго коневодства въ Астраханской губ,, то для народной массы этотъ промыселъ почти утратилъ всякое значеніе. Въ связи съ коневодствомъ стоитъ приготовленіе кумыса; когда-то этотъ здоровый напитокъ пользовался здѣсь самымъ широкимъ распространеніемъ, особенно въ Самарской и Астраханской губ. Теперь производство кумыса сосредоточилось почти исключительно вокругъ кумысолѣчебныхъ пунктовъ, превратившись въ спеціальный кумысный промыселъ.

Наконецъ, въ качествѣ мелкаго подсобнаго промысла служитъ разведеніе домашней птицы, особенно куръ и гусей, а и также и пчеловодство, — этотъ старинный промыселъ инородцевъ лѣсного Поволжья. Слѣдуетъ отмѣтить, что эти отрасли хозяйства гораздо болѣе доступны крестьянской массѣ, особенно пчеловодство. Правда, крестьянскія пасѣки по размѣрамъ значительно меньше владѣльческихъ, но все же изъ общаго числа ульевъ по области (около 460 тысячъ) на долю крестьянъ приходится почти 93%.

Подводя итоги всѣмъ дополнительнымъ сельско-хозяйственнымъ промысламъ, мы видимъ, что хотя мѣстами они и составляютъ довольно крупный источникъ дохода, но послѣдній вообще проходитъ въ главной массѣ мимо крестьянскихъ рукъ и на пополненіе изъ него всего дефицита въ крестьянскомъ хозяйствѣ расчитывать, очевидно, не приходится. Очевидно, крестьяне вынуждены искать пополненія бюджета гдѣ-нибудь помимо своего скуднаго надѣла — и вотъ ихъ ищущія работъ руки прежде всего протягиваются къ сосѣднимъ латифундіямъ. Тамъ, гдѣ это возможно, возникаютъ разнообразныя арендныя отношенія, которыя цѣлымъ рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ видѣ испольной обработки земли и т. д. сливаются съ отношеніями наемнаго труда и капитала. Въ послѣдней формѣ земледѣльческій трудъ на время совершенно отрывается отъ собственнаго надѣла работника и увлекается въ общій круговоротъ рабочаго рынка, территорія котораго далеко выходитъ за предѣлы Поволжья. Такъ возникаетъ отхожій земледѣльческій промыселъ, привлекающій со всей области сотни тысячъ крестьянъ, да, пожалуй, не меньшее число ихъ изъ сосѣднихъ западныхъ губерній. Главный потокъ этого движенія въ предѣлахъ Поволжья направляется внизъ по Волгѣ — изъ сѣверной области малоземелья въ южную страну латифундій. По пути этотъ потокъ растекается по обоимъ берегамъ Волги сначала по ближайшимъ, а потомъ и по болѣе далекимъ имѣньямъ, причемъ значительная масса народа отвлекается въ южное Приуралье, въ Область Войска Донского и на Кавказъ.

Не вся однако масса этого потока поглощается сельскимъ хозяйствомъ. Двигаясь по Волгѣ, значительная часть рабо-

чаго люда осѣдаетъ тутъ же, насыщая потребность судоходства и торговли. Впрочемъ, гораздо больше участвуетъ въ этихъ промыслахъ мѣстное населеніе приволжскихъ селъ, для которыхъ Волга и теперь еще является щедрой кормилицей — особенно благодаря своимъ огромнымъ еще рыбнымъ богатствамъ. Въ старину рыболовство по всей Волгѣ составляло, пожалуй, самое важное подспорье къ земледѣльческому промыслу. Теперь оно опустилось почти исключительно въ низовья, но зато здѣсь достигло огромныхъ размѣровъ, угрожая полнымъ истребленіемъ всякой рыбы. Чтобы судить объ этихъ размѣрахъ достаточно сказать, что съ ограниченнаго участка Волги отъ Царицына до Астрахани и съ ближайшихъ участковъ моря добывается отъ 10 до 15 милліоновъ пудовъ разной рыбы на сумму до 25 мил. рублей; а число вылавливаемыхъ здѣсь рыбъ превышаетъ 1½ милліарда. Начиная отъ Царицына, рыболовство становится главнымъ промысломъ населенія, а отъ Енотаевска — почти исключительнымъ. Однихъ только наемныхъ рабочихъ здѣсь собирается временами сотни тысячъ. Въ настоящее время большая часть рыбныхъ промысловъ сосредоточилась въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, на долю крестьянъ остались лишь худшіе участки, да наемный трудъ на чужихъ промыслахъ. Вотъ эта-то капитализація рыбной промышленности и была главной причиной быстраго истощенія рыбныхъ богатствъ Волги и Каспійскаго моря. Захвативъ въ свои руки устье Волги, крупные промышленники пріурочиваютъ главный ловъ къ тому времени, когда рыба массами устремляется въ него для метанія икры. Правда, закономъ запрещено всякое рыболовство въ періодъ икрометанія съ 15 мая по 15 іюля и кромѣ того вообще на запретныхъ полосахъ расположенныхъ противъ протоковъ устья на пути главнаго хода рыбы. Но во первыхъ до 15 мая огромныя массы рыбы уже успѣваютъ придти въ движеніе, а во вторыхъ, запрещая ловъ въ морскихъ запретныхъ полосахъ, законъ не препятствуетъ вылавливанію рыбы въ самыхъ протокахъ, тотчасъ по входѣ ея въ рѣку. Ограничивая самые пріемы рыболовства (частота сѣтей, ихъ длина и т. д.), законодательство только отчасти охраняетъ рыбныя стаи отъ полнаго уничтоженія. И понятно, что именно крупные промыш-

ленники, обладающіе болѣе совершенными орудіями лова и лучшими участками, являются главными виновниками массового вылавливанія рыбы при самомъ ея входѣ въ рѣку. Правда, среди мелкихъ промышленниковъ-крестьянъ сильно развито такъ называемое хищничество, то есть ловля рыбы въ запретныхъ участкахъ и въ запретное время; но въ сущности вредъ, приносимый рыболовству всѣми этими мелкими хищниками,— только капля въ морѣ по сравненію съ узаконеннымъ хищничествомъ крупныхъ низовыхъ промышленниковъ — иначе нельзя назвать современную организацію волжско-каспійскаго рыболовства, основанную на преграждeніи пути идущей для икрометанія рыбы. Результаты такого хозяйничанья уже рѣзко сказываются. Конечно, въ самомъ низу, благодаря усовершенствованной техникѣ, вылавливается теперь рыбы значительно больше, чѣмъ въ старину. Но и здѣсь эту прибыль приходится отнести на сравнительно малоцѣнныя породы (сельди, вобла, тарань и др.), которая раньше не утилизировалась, уловъ же цѣнныхъ породъ красной рыбы все болѣе и болѣе уменьшается, даже абсолютно. Что же касается остального теченія Волги, то отъ его былыхъ богатствъ остались только жалкіе слѣды. Даже мелкая красная рыба (стерлядь) почти исчезла на всемъ протяженіи отъ Твери до Нижняго-Новгорода; а въ среднемъ теченіи Волги, гдѣ раньше сосредоточивался главный ловъ, рыболовство низведено на степень мелкого подсобнаго промысла. Нѣкоторую роль въ истребленіи рыбныхъ богатствъ играетъ, повидимому, и загрязненіе Волги нефтью, но во всякомъ случаѣ не столь важную, какъ только что указанныя причины.

Такъ какъ почти весь уловъ низовыхъ промысловъ, предназначается для вывоза, то естественно возникла необходимость тутъ же его и консервировать посолкой, чему очень благопріятствуетъ близость крупныхъ соляныхъ промысловъ. Такимъ образомъ, на ряду съ „тонями", т. е. мѣстами лова, въ каждомъ предпріятіи возникаютъ такъ называемые „промыслы" или „ватаги", гдѣ рыба подвергается той или иной обработкѣ, и затѣмъ хранится въ огромныхъ погребахъ до отправки. Эти ватаги составляютъ уже переходъ къ крупнымъ предпріятіямъ фабрично-заводскаго типа, сосредоточивающимъ и главную

массу постоянныхъ рабочихъ, занятыхъ въ этой отрасли промышленности.

Кромѣ рыбной ловли по сѣверному побережью Каспія распространенъ также тюленій промыселъ, въ зимнее время увлекающій промышленниковъ далеко отъ береговъ на ледяныя поля замерзшаго моря. Тюленей бьютъ самымъ примитивнымъ орудіемъ, „чекушей", т. е. толстой палкой съ желѣзными остріями. Продуктомъ этого промысла является сало и шкурки.

Сухопутными представителями животнаго міра Поволжье вообще не богато. Поэтому только крайній лѣсной сѣверъ, не вездѣ еще утратившій свои пушныя богатства, да крайній югъ съ его стадами водяной птицы, еще сохранили нѣкоторыя данныя для занятія промысловой охотой. Но и теперь уже этотъ промыселъ не играетъ существенной роли. Чтобы закончить длинный рядъ промысловъ, разрабатывающихъ естественныя богатства края, намъ остается упомянуть о горнозаводской промышленности. Развита она здѣсь вообще довольно слабо, и только добываніе соли въ Астраханской губ. составляетъ очень крупный промыселъ. Самымъ богатымъ мѣсторожденіемъ соли является здѣсь озеро Эльтонъ въ 140 верстахъ къ востоку отъ Волги; однако съ теченіемъ времени центръ соляной промышленности передвинулся отсюда къ югу на оз. Баскунчакское, болѣе выгодно расположенное относительно Волги (всего въ 50 верстахъ отъ нея). Для перевозки добытой соли построена спеціальная желѣзная дорога, соединяющая Баскунчакъ съ пристанью Владиміровской. Трудъ добыванія соли чрезвычайно тяжелъ: рабочимъ приходится подолгу стоять по колѣна въ „рапѣ", которая страшно разъѣдаетъ кожу, несмотря на защиту ея непромокаемой обувью. Главную массу рабочихъ составляютъ киргизы, калмыки и татары — русскихъ очень мало. Число рабочихъ на всѣхъ соляныхъ промыслахъ достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ, а количество добываемой соли составляло въ 1907 году около 25 милліоновъ пудовъ. Большая часть соли вывозится за предѣлы области, за покрытіемъ надобностей рыбныхъ промысловъ.

Другимъ центромъ горнодобывающей промышленности является Симбирская губ., гдѣ подъ г. Сызранью выламывается

въ видѣ асфальтоваго камня и гудроннаго песчаника больше 20 % всѣхъ асфальтовыхъ продуктовъ, добываемыхъ въ Россіи. Тутъ же они и перерабатываются на нѣсколькихъ заводахъ. Въ той же губерніи добывается (больше кустарнымъ способомъ) сѣрный колчеданъ, тамъ же, а еще болѣе въ Саратовской губ. выламывается жерновой камень, обдѣлкой котораго заняты мѣстные кустари. Наконецъ, если мы прибавимъ сюда ломку известняка у подножія Жигулей, гипса въ Казанской губ., кое-гдѣ разработку залежей фосфоритовъ, да еще глины и песка для гончарнаго и стекляннаго производства, то мы исчерпаемъ всю область использованія минеральныхъ богатствъ.

По мѣрѣ того, какъ непосредственное общеніе съ природой въ процессѣ добывающей промышленности, вслѣдствіе все увеличивающейся земельной тѣсноты, перестаетъ удовлетворять основныя потребности народныхъ массъ, мелкіе и крупные всходы обрабатывающей промышленности все болѣе и болѣе начинаютъ проглядывать изъ общаго фона жизни. Большое разнообразіе отраслей не позволяетъ намъ сдѣлать ихъ исчерпывающій обзоръ, мы можемъ лишь намѣтить ихъ общія направленія.

Ближе всего къ земледѣльческому населенію стоятъ мелкіе кустарные промыслы, составляющіе естественное дополненіе къ основному промыслу, особенно въ зимнее время. Невозможно столько нибудь точно оцѣнить удѣльный вѣсъ этой промышленности въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Конечно, она не играетъ здѣсь такой роли, какъ въ центральномъ промышленномъ районѣ но все же, несомнѣнно, она кормитъ здѣсь сотни тысячъ, если не милліоны народа, увеличивая его доходность въ общей массѣ на десятки милліоновъ рублей. Больше всего распространены кустарные промыслы на малоземельномъ сѣверѣ, на югѣ встрѣчаются лишь островами. Родъ занятій опредѣляется главнымъ образомъ природой, дающей для нихъ сырой матеріалъ. Такъ, въ лѣсистыхъ Казанской и Симбирской губ. естественно развились различные виды обработки дерева — промыслы экипажный, корзиночный, бондарный, столярно-плотничный, рогожно-лапотный, щепочный, токарный, наконецъ, винокурный и дегтярный. Часть этихъ промысловъ выходитъ и за

Тони на Волгѣ.

Соляная пристань Владимировка.

предѣлы территоріи сплошныхъ лѣсовъ, появляясь кое-гдѣ въ Саратовской и даже Самарской губерніяхъ. Въ связи съ нѣкоторыми изъ этихъ производствъ. въ качествѣ дополненія къ нимъ, развился на сѣверѣ же кузнечный промыселъ, начавшійся съ оковки экипажей и колесъ, но затѣмъ развившійся и въ другихъ направленіяхъ, вплоть до изготовленія сельскохозяйственныхъ орудій — плуговъ, вѣялокъ и т. д. Въ Казанской же губерніи, въ области распространенія глинъ, замѣтно развился гончарный промыселъ, а въ Симбирской и Саратовской губерніяхъ крестьяне занимаются обдѣлкой жерноновъ.

Кромѣ естественныхъ продуктовъ, матеріаломъ для кустарныхъ промысловъ служатъ и продукты сельскаго хозяйства. Особенно замѣтны различные виды кожевенныхъ производствъ — выдѣлка кожъ въ Казанской и Саратовской губерніяхъ, скорняжный и сапожный промыселъ. Ткацкая промышленность матеріаломъ для которой служатъ не только мѣстные ленъ, пенька и шерсть, но и чужеземный хлопокъ, больше развита въ средней и южной полосѣ. Всеобщей извѣстностью пользуются, напримѣръ, саратовскія сарпинки, изготовляемыя въ нѣмецкихъ колоніяхъ, а въ Самарской губ. цѣлыя волости заняты выдѣлкой грубыхъ суконъ, холста, полотенецъ и т. д. Напротивъ, непосредственная обработка шерсти, промыселъ странствующихъ шерстобитовъ и валяльщиковъ составляетъ спеціальность Казанской губ.; такой же отчасти характеръ имѣетъ портняжный промыселъ, развившійся въ Саратовской губерніи. Этимъ длиннымъ перечисленіемъ далеко не исчерпывается все разнообразіе крестьянской промышленности, но остальные виды ея разсѣяны островами и не имѣютъ существеннаго значенія.

Какъ и вездѣ, тяжелая экономическая зависимость отъ капитала рядомъ незамѣтныхъ переходовъ сближаетъ самостоятельныхъ кустарей съ наемными рабочими, въ большей или меньшей степени утратившихъ связь съ землей и перешедшихъ въ городъ на фабрику. Сообразно слабому здѣсь развитію фабрично-заводской промышленности число такихъ рабочихъ въ области сравнительно очень невелико; оно едва достигаетъ 70,000, т. е. составляетъ менѣе 0,6% по отношенію

ко всему населенію края. Вся сумма производства дѣлится между губерніями слѣдующимъ образомъ: на долю Саратовской губ. приходится больше $^1/_3$ (37 %), Самарской и Казанской — по 22 %, Симбирской — 13 % и, наконецъ, на долю Астраханской губ. достается не болѣе 6 %. Мы уже говорили, что фабрично-заводская промышленность тѣсно связана здѣсь съ земледѣліемъ. Въ самомъ дѣлѣ, центромъ тяжести является здѣсь обработка питательныхъ веществъ, черпающая сырой матеріалъ исключительно изъ продуктовъ земледѣлія; эта группа производствъ даетъ больше половины всей суммы производимыхъ въ области продуктовъ (въ переводѣ на деньги) и сосредоточивается главнымъ образомъ въ двухъ губерніяхъ — Саратовской и Самарской. А въ предѣлахъ этой группы опять таки доминируетъ одна крупнѣйшая отрасль — именно мукомольное дѣло. Чтобы очертить размѣры этой отрасли достаточно сказать, что мукомольная промышленность Поволжья даетъ почти 20 % изъ суммы этого рода продуктовъ, вырабатываемыхъ по всей Россіи, что она составляетъ почти $^3/_4$ въ производствѣ по области питательныхъ продуктовъ и около 43 % во всемъ фабрично-заводскомъ производствѣ края. Къ этому нужно добавить, что и по размѣрамъ отдѣльныхъ предпріятій и по высотѣ техническаго оборудованія мукомольное дѣло принадлежитъ къ типу крупнаго производства. Преобладаютъ огромныя паровыя мельницы (въ Саратовѣ, Самарѣ, отчасти и въ Казани).

На второмъ мѣстѣ по суммѣ оборотовъ стоитъ обработка различныхъ животныхъ продуктовъ — производства кожевенное, стеариновое, свѣчное, мыловаренное. На ихъ долю приходится больше 13 % всего фабрично-заводскаго производства области и больше половины ихъ (по суммѣ) сосредоточено въ Казанской губерніи, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ пустили глубокія корни еще со временъ Болгарскаго царства. По размѣрамъ предпріятій эта группа стоитъ значительно ниже предыдущей, особенно кожевенное дѣло, гдѣ мелкія предпріятія уже преобладаютъ; только огромный стеариновый заводъ бр. Крестовниковыхъ въ Казани выдѣляется своими размѣрами.

На третьемъ мѣстѣ надо поставить группу производствъ по обработкѣ шерсти (около 8 %), сосредоточившуюся (до

75 %) въ Симбирской губ. За ней слѣдуетъ обработка дерева (около 5,5 %), $^{3}/_{4}$ котораго, по стоимости продукта, составляетъ лѣсопильное дѣло, достигшее наибольшаго развитія въ Саратовской губ. Отмѣтимъ, наконецъ, обработку, металловъ и въ частности машиностроительное и пароходостроительное дѣло, сосредоточившееся въ Казанской, отчасти въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ; эта группа даетъ еще 5 % въ общей суммѣ производствъ. Остальныя производства, въ томъ числѣ и обработка волокнистыхъ веществъ, составляющая центръ тяжести въ Московскомъ промышленномъ районѣ, играютъ здѣсь совершенно подчиненную роль, распредѣляя между собою оставшіеся 11 % общей суммы производства края.

Развитіе кустарныхъ и отхожихъ промысловъ, возникновеніе и ростъ крупныхъ производствъ — все съ очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что и этотъ молодой край уже вышелъ изъ первобытной стадіи натуральнаго хозяйства, а это предполагаетъ широкое развитіе въ немъ торговли, какъ необходимаго дополненія къ производительной промышленной дѣятельности.

Впрочемъ, существованіе здѣсь великаго воднаго пути уже само по себѣ всегда создавало здѣсь условія для оживленнаго торговаго движенія; но въ старину, какъ мы видѣли, Волга связывала только концы области, а затѣмъ и центръ Россіи съ заморскими странами, — теперь вся область тяготѣетъ къ своей великой рѣкѣ, какъ торговой артеріи, всѣ ея части связаны съ ней тѣснѣйшими узами экономическихъ отношеній. И, что особенно важно отмѣтить, теперь не только направленіе торговли опредѣляется существующими естественными дорогами, но и самые пути сообщенія — желѣзныя дороги — возникаютъ вновь для удовлетворенія нуждъ торговли и промышленности.

Общая тенденція всей торговой жизни края достаточно опредѣляется основнымъ типомъ его промышленной дѣятельности. Мы уже видѣли, что главныя развѣтвленія этой послѣдней направлены всецѣло на добываніе сырья и его первоначальную обработку, и среди этого сырья на первомъ

мѣстѣ стоитъ хлѣбъ. Правда, крестьянская масса далеко не обезпечена здѣсь своимъ хлѣбомъ и вынуждена, цѣной тяжелаго труда, покупать его у частныхъ владѣльцевъ; но зато эти послѣдніе располагаютъ такимъ избыткомъ хлѣба, который, даже за покрытіемъ всѣхъ крестьянскихъ недочетовъ, составляетъ по области на менѣе 50—60 мил. пудовъ одного только продовольственнаго хлѣба. Этотъ-то избытокъ и составляетъ главный предметъ вывоза за предѣлы области. Чтобы оцѣнить его величину, достаточно сказать, что она составляетъ не менѣе 12 % всего вывоза зерновыхъ хлѣбовъ изъ Россіи за границу. А такъ какъ на ряду съ хлѣбомъ вывозятся изъ области и другіе продукты сельскаго хозяйства, то удѣльный вѣсъ этого послѣдняго въ торговой жизни края еще болѣе увеличивается.

Если бы мы могли окинуть однимъ взглядомъ всю область, въ то время, когда сельско-хозяйственная жизнь ея, повидимому, замерла подъ заваломъ зимнихъ снѣговъ, мы увидѣли бы картину самаго оживленнаго движенія. По всей сѣти мелкихъ и крупныхъ грунтовыхъ дорогъ, какъ по капиллярамъ кровеносной системы, ползутъ безчисленные обозы съ хлѣбомъ, направляясь къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, къ пристанямъ Волги и другихъ значительныхъ рѣкъ области. Достигнувъ этихъ болѣе крупныхъ торговыхъ артерій, хлѣбные грузы на нѣкоторое время успокаиваются, то подъ открытымъ небомъ, то въ спеціальныхъ амбарахъ, выстроившихся длинными вереницами возлѣ всѣхъ значительныхъ волжскихъ пристаней, то, наконецъ, въ грандіозныхъ зернохранилищахъ — элеваторахъ, составляющихъ привилегію лишь самыхъ крупныхъ узловъ хлѣбной торговли (Самара, Саратовъ, Камышинъ и др.). На желѣзнодорожныхъ станціяхъ хлѣбъ ожидаетъ очереди, наступающей обыкновенно не скоро, а на рѣчныхъ пристаняхъ — открытія навигаціи, чтобы снова пуститься въ дальній путь. Значительная часть хлѣба пользуется долгой зимней стоянкой, чтобы переработаться въ муку и крупу, но дальнѣйшая судьба его отъ этого не мѣняется: по желѣзнымъ дорогамъ хлѣбные грузы уже за зиму успѣваютъ уйти на западъ и юго-западъ, къ портамъ Балтійскаго и Чернаго морей, или къ Волгѣ, — чтобы дожидаться здѣсь

весны. А весь хлѣбъ, притекшій за зиму къ Волгѣ, весною грузится на баржи, съ первыми же пароходами устремляется вверхъ по рѣкѣ, и соединившись съ хлѣбнымъ потокомъ, притекшимъ по Камѣ изъ сосѣдняго Приуралья, опять такъ уходитъ за предѣлы области — черезъ Рыбинскъ и Маріинскую систему въ Петербургъ. Большая часть хлѣбныхъ грузовъ отправляется изъ области именно этимъ великимъ воднымъ путемъ, который привлекаетъ ихъ своей дешевизной. Однако чрезмѣрное перегруженіе Маріинской системы давно уже вызвало насущную потребность въ развитіи желѣзнодорожной сѣти, которая и отвлекаетъ теперь отъ Волги довольно значительную массу грузовъ. Въ самомъ планѣ этой сѣти ясно отражаются потребности мѣстной дорговли. Семь желѣзно-дорожныхъ стволовъ упираются восточными концами въ Волгу, образуя какъ-бы разрубъ гигантской воронки, узкій конецъ которой оканчивается далеко на западѣ, у Рижскаго залива; рядъ поперечныхъ вѣтвей устанавливаетъ сообщеніе этой воронки съ Чернымъ моремъ. Два наиболѣе мощныхъ ствола (у Самары и у Саратова) переходятъ и на восточный берегъ Волги, образуя здѣсь какъ-бы вторичныя воронки, захватывающія своими развѣтвленіями Самарскую, а отчасти и Астраханскую губ. Несмотря на усиленное желѣзно-дорожное строительство, эта сѣть далеко еще не достигла даже средней для Европейской Россіи степени густоты. Но характерно, что именно наиболѣе хлѣбородныя губерніи стоятъ на первомъ мѣстѣ и по густотѣ желѣзнодорожной сѣти: гуще всего она въ Саратовской, Симбирской и Самарской губерніяхъ (12, 15 и 11 верстъ на 1000 кв. верстъ пространства), доставляющихъ главную массу вывозимыхъ хлѣбовъ.

По тому же самому руслу протекаютъ и другія струи торговыхъ теченій — то вмѣстѣ съ хлѣбнымъ потокомъ, то въ обратную сторону. Впрочемъ, и для нихъ общею цѣлью является вывозъ сырыхъ или полуобработанныхъ продуктовъ за предѣлы области. Правда, навстрѣчу массѣ сырья устремляются изъ западныхъ промышленныхъ центровъ продукты обрабатывающей промышленности, но изъ нихъ на долю Поволжья остается сравнительно немного, главная же масса, не задерживаясь уходитъ дальше на востокъ, въ Приуралье, Си-

бирь и Среднюю Азію. То же можно сказать и о продуктахъ бакинской нефтяной промышленности, которые огромной массой вливаются въ Поволжье черезъ Астрахань, но лишь для того, чтобы, пробѣжавъ по Волгѣ и желѣзнымъ путямъ, широко разлиться по всей Россіи. Принимая въ Астрахани больше 200 милліоновъ пудовъ нефтяныхъ протуктовъ, Волга уже въ Царицынѣ выбрасываетъ изъ нихъ на желѣзныя дороги около 10%, еще больше въ Саратовѣ — и такъ до самаго Рыбинска, гдѣ оставшаяся масса вливается въ Маріинскую систему. Впрочемъ, и на долю самого Поволжья съ его пароходствами остается немалое количество — до $^1/_4$ — этого рода грузовъ. Еще болѣе безслѣдно пробѣгаетъ черезъ область средне-азіатскій хлопокъ, стремясь къ западнымъ промышленнымъ центрамъ. Болѣе глубокіе интересы затрагиваются движеніемъ лѣсныхъ матеріаловъ, которые своей массой — отъ 70 до 100 милліоновъ пудовъ — даже перевѣшиваютъ массу хлѣбныхъ грузовъ. Они стремятся навстрѣчу послѣднимъ съ сѣвернаго конца области къ ея южнымъ предѣламъ, преимуществено весною, въ видѣ мощнаго потока плотовъ, среди которыхъ мѣстами мелькаютъ красивыя, нарядныя бѣляны, несущія на себѣ чистенькія, какъ будто игрушечныя избушки.

Часть этого груза осѣдаетъ по пути, удовлетворяя нужды безлѣсистыхъ мѣстностей самого Поволжья, но главная масса достигаетъ болѣе южныхъ пристаней — Саратова и особенно Царицына и, переработавшись здѣсь отчасти на лѣсопильныхъ заводахъ, устремляется на западную желѣзнодорожную сѣть для вывоза за предѣлы области. Однако и лѣсная торговля лишь отчасти имѣетъ своимъ источникомъ Поволжье, главная же масса лѣсныхъ матеріаловъ притекаетъ въ него изъ болѣе густыхъ лѣсовъ сосѣднихъ сѣверныхъ и восточныхъ губерній, по многочисленнымъ развѣтвленіямъ Волжской системы.

Напротивъ, рыбная торговля обслуживаетъ всецѣло интересы мѣстной промышленности. Изъ ея центра — Астрахани, куда стекается весь уловъ, ежегодно вверхъ по Волгѣ отправляется отъ 12 до 15 милл. пудовъ разной рыбы, на сумму до 25—30 милл. рублей. Такъ какъ многіе сорта этого

товара не переносятъ долгаго храненія, то отправка производится не только въ навигацію, но и зимою — черезъ степь на верблюдахъ, или по желѣзной дорогѣ; такимъ путемъ везется свѣжая, малосольная и замороженная рыба, соленая же и сушеная отправляется обыкновенно водою.

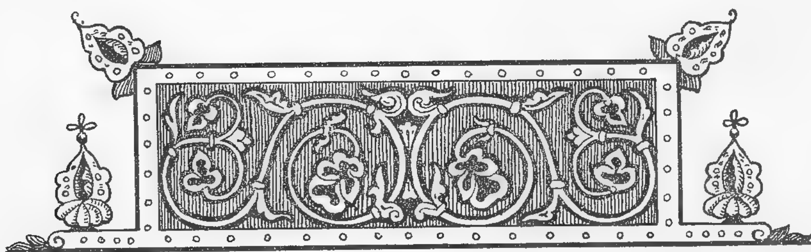
Вторымъ перегрузочнымъ центромъ рыбной торговли является Царицынъ, черезъ который проходитъ бо́льшая часть рыбы, направляющейся на западныя желѣзныя дороги. На долю же самого Поволжья изъ всей этой массы остается ничтожное сравнительно количество для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ.

Въ томъ же направленіи идетъ и соляная торговля (до 25 мил. пуд.), обслуживающая еще болѣе ограниченный районъ. Достигнувъ по сѣверной дорогѣ пристани Владиміровки, баскунчакская соль перемалывается здѣсь на нѣсколькихъ мельницахъ, грузится на суда и поднимается вверхъ по Волгѣ, отдѣливъ лишь небольшую часть на долю Астрахани; а начиная съ Царицына она перегружается постепенно на желѣзныя дороги.

Общій грузооборотъ области — не считая грузовъ, пробѣгающихъ черезъ ея предѣлы безъ задержекъ и перегрузокъ въ пути, достигаетъ огромной цифры полмилліарда пудовъ, большая часть которыхъ на ряду съ оживленнымъ пассажирскимъ движеніемъ направляется по Волгѣ и ея притокамъ. Къ услугамъ этого огромнаго движенія здѣсь существуетъ и соотвѣтственно обширный флотъ. Всего по Волгѣ, отъ Астрахани до Рыбинска плаваетъ около 7000 судовъ, изъ нихъ около 1500 паровыхъ, а среди послѣднихъ преобладаютъ (около 80%) буксирные пароходы. Въ старину, какъ извѣстно, выдающуюся роль въ передвиженіи судовъ играло бурлачество; съ начала XIX вѣка люди все болѣе и болѣе замѣняются лошадьми, а съ половины этого вѣка и паровой тягой, которая въ настоящее время оттѣснила на задній планъ всѣ другіе способы передвиженія. Вслѣдствіе этого число всѣхъ служащихъ на волжскомъ флотѣ сравнительно невелико — около 20.000 чел.; но если прибавить сюда огромное количество грузчиковъ, работающихъ на пристаняхъ, то армія труда,

тяготѣющая къ судоходству, получитъ довольно внушительныя размѣры сотенъ тысячъ.

Къ волжскому флоту въ Астрахани примыкаетъ флотъ Каспійскаго моря, въ составѣ котораго числится около 250 пароходовъ и до 500 парусныхъ судовъ, не считая мелкихъ. Типъ этихъ судовъ совершенно иной — они гораздо глубже сидятъ въ водѣ и въ силу этого лишь немногія изъ нихъ могутъ доходить до самой Астрахани, а большинство останавливается на якорѣ среди взморья, гдѣ и образуютъ цѣлые плавучіе городки — такъ называемые „9-ти футовый“ и „12-ти футовый“ рейды; сообщеніе же съ Астраханью производится небольшими пароходами и парусными судами. Перегрузка товаровъ съ одного флота на другой и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ Астраханскаго порта.

Плоты на Волгѣ.

Бѣляна.

VII.

Нѣкоторыя черты духовной культуры. Главнѣйшіе городскіе центры.

Въ предыдущей главѣ мы очертили главныя направленія народно-хозяйственной жизни Поволжья. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ съ такой же подробностью остановиться на другихъ, еще болѣе сложныхъ сторонахъ народной жизни, и мы принуждены выдѣлить изъ нихъ лишь нѣкоторыя, наиболѣе существенныя. Коснемся прежде всего современнаго уровня духовной культуры, поскольку онъ выражается, хотя бы въ распространеніи элементарной грамотности. Въ среднемъ по области грамотное населеніе составляетъ 18 %, а если исключить дѣтей до 9 лѣтъ — 27 %. И ту и другую цифру приходится признать очень низкими по сравненію съ соотвѣтствующими величинами для 50 Европейскихъ губерній (23 % и 30 %). Если же сопоставить ихъ съ данными по Московской, напримѣръ, губерніи (40 % и 49 %), то низкій уровень грамотности еще болѣе бросится въ глаза. Однако отдѣльныя губерніи области довольно рѣзко въ этомъ отношеніи различаются между собою. Выше всего стоитъ Саратовская губ. (24 % и 31 %) и очень близко къ ней Самар-

ская (22 % и 29 %). Напротивъ, на послѣднемъ мѣстѣ по грамотности населенія расположились Симбирская и Астраханская губерніи (16 % и 20 %). Казанская занимаетъ середину. Высокій уровень грамотности въ двухъ среднихъ губерніяхъ Поволжья объясняется, несомнѣнно, значительной здѣсь примѣсью нѣмцевъ, которые всѣ поголовно грамотны. Картина въ общемъ довольно неутѣшительная. Однако школьное дѣло поставлено здѣсь вовсе не такъ ужъ плохо, какъ можно заключить изъ приведенныхъ цыфръ. Процентъ учащихся въ низшихъ школахъ въ общей массѣ населенія довольно близокъ здѣсь къ средней величинѣ для европейскихъ губерній, а напримѣръ, въ Самарской и Саратовской губ. достигаетъ величины, характеризующей Московскую губ. (больше 5 %). Общее число учебныхъ заведеній въ области достигаетъ довольно внушительной цифры 9000, а число учащихся достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ. Преобладаютъ, конечно, школы низшаго типа (около 7600), за ними слѣдуютъ среднія — общія и спеціальныя (около 70) и, наконецъ, 5 учебныхъ заведеній высшаго типа. Значительное число школъ находится кромѣ того въ вѣденіи магометанскаго духовенства. По отношенію числа низшихъ школъ къ массѣ населенія выше всего стоитъ Самарская губ. (1 школа 1520 на жит.), рядомъ съ нею Казанская губ. (1 школа на 1560 жителей), потомъ Саратовская (1 шк. на 1650 жит.), Симбирская (1 шк. на 1710 жит.) и, наконецъ, Астраханская (1 шк. на 2000 жит.). За послѣдніе 15 лѣтъ всѣ эти цифры замѣтно понизились, что указываетъ на несомнѣнное развитіе школьнаго дѣла, составляющаго одну изъ главныхъ заботъ мѣстныхъ земствъ. Но все же приходится признать, что школа еще очень далека отъ населенія, особенно въ пространственномъ отношеніи. Такъ, даже въ Казанской губ. одна русская низшая школа приходится на 35 кв. верстъ пространства, и даже здѣсь, по даннымъ земской статистики, за порогомъ школы остается больше 40% дѣтей школьнаго возраста. А въ другихъ губерніяхъ положеніе еще хуже, особенно въ Астраханской губ., гдѣ 1 школа приходится чуть не на 60 кв. верстъ! Какъ видимъ, послѣдняя губернія во всѣхъ отношеніяхъ является наиболѣе отсталой, и нельзя не поставить этого въ связь съ

Видъ Казани со Спасской башни.

тѣмъ обстоятельствомъ, что она до сихъ поръ остается лишенной земскихъ учрежденій.

Но вѣдь не одна только грамотность и не одна школа является симптомомъ и проводникомъ духовнаго развитія народа. Сама жизнь выступаетъ въ роли учителя — и здѣсь, въ Поволжьѣ эта роль всегда была очень дѣятельна. Мы уже говорили о томъ подборѣ наиболѣе сильныхъ тѣломъ и духомъ, наиболѣе энергичныхъ и дѣятельныхъ элементовъ, который происходилъ во время колонизаціи края. Впослѣдствіи пышно развившееся торговое движеніе сдѣлалось важнымъ факторомъ дальнѣйшаго развитія, содѣйствуя расширенію житейскаго кругозора. Въ этомъ же направленіи дѣйствовала и пестрота этническаго и религіознаго состава, при долговременномъ мирномъ сожительствѣ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ условій выработался современный типъ поволжскаго населенія, хотя въ массѣ своей и безграмотнаго, но сильнаго своей подвижностью, предпріимчивостью, обширнымъ и разностороннимъ житейскимъ опытомъ, наконецъ, живыми духовными запросами. Остановимся нѣсколько подробнѣе на послѣдней чертѣ характера, выражающейся особенно въ многочисленныхъ теченіяхъ свободной религіозной мысли. Уже оффиціальная статистика, склонная вообще преуменьшать количество уклонившихся отъ православія, отмѣчаетъ по всей области больше 3 % старообрядцевъ и сектантовъ по отношенію къ массѣ православнаго населенія. Несомнѣнно, что эту величину нужно значительно увеличить. Но и кромѣ цыфръ есть немало другихъ симптомовъ, указывающихъ на сильное развитіе здѣсь не только раскола, но и сектантства во всѣхъ многочисленныхъ развѣтвленіяхъ. Сколько новыхъ сектъ возникло — и возникаетъ — именно здѣсь, здѣсь же воспринимая и первые жестокіе удары со стороны государственной власти и церкви! Сколько энергіи, заслуживающей лучшаго примѣненія, затрачивается здѣсь на внѣшнюю борьбу съ сектантствомъ и сейчасъ, уже на почвѣ закона о „вѣротерпимости".

И эта напряженность борьбы служитъ, пожалуй, наиболѣе яркимъ симптомомъ силы поволжскаго сектантства. Сектантство раскинулось по области вообще довольно равномѣрно, только старообрядчество (поповщина) до сихъ поръ еще группируется

преимущественно около своего стариннаго центра — по р. Иргизу, въ Самарской губерніи. Характерно, что сектантство возникаетъ здѣсь даже на почвѣ языческихъ вѣрованій, въ качествѣ попытокъ ихъ обновленія элементами христіанскаго культа, а иногда и морали. Напомнимъ, напримѣръ, движеніе, вызванное въ XVIII вѣкѣ „Кузькой — мордовскимъ богомъ“ среди Мордвы, а за недавнее время развитіе черемисской языческой секты „Кугу - сорта“, затрагивающей не только внѣшнюю сторону культа, но и болѣе глубокіе элементы морали.

Много разъ приходилось намъ подчеркивать преимущественно земледѣльческій характеръ населенія Поволжья. Однако и городская культура начинаетъ расцвѣтать здѣсь, хотя немногочисленными, но довольно уже пышными цвѣтами. Всѣхъ городовъ въ области около 60, съ населеніемъ около 1.200.000; но изъ нихъ лишь какой-нибудь десятокъ, поглощающій болѣе 70% всего городского населенія, имѣетъ широкое значеніе въ общественной и торгово-промышленной жизни края. Только на нихъ мы и остановимъ наше вниманіе.

Первымъ крупнымъ городомъ, который мы встрѣтимъ, пересѣкая область по теченію Волги, будетъ Казань, — когда-то столица всего Поволжья, только за послѣднее время уступающая первенство Саратову. Впрочемъ, съ Волги мы увидимъ Казань лишь издали, на разстояніи 7 верстъ. Она расположена по холмамъ лѣвобережныхъ террасъ, при устьѣ рѣки Казанки, и большую часть года отдѣлена отъ Волги широкой, на буграхъ застроенной слободами поймѣ. Здѣсь по дамбѣ проходитъ начало Московско-Казанской желѣзной дороги, а также электрическій трамвай, соединяющій городъ съ пристанями. Сдѣлавшись съ половины XVI вѣка оплотомъ русскаго владычества въ Поволжьи, Казань очень скоро утратила слѣды своего происхожденія: разрушенная татарская крѣпость замѣнена русскимъ Кремлемъ, и только „Сумбекина“ башня, да 15% татарскаго населенія служатъ почти единственными памятниками татарской старины.

Въ настоящее время Казань занимаетъ площадь въ 14 кв. верстъ, съ населеніемъ болѣе 160.000. Ея торговое значеніе опредѣляется узловымъ положеніемъ недалеко отъ устья

Камы и на концѣ желѣзной дороги; дѣятельность послѣдней, впрочемъ, сильно парализуется отсутствіемъ моста черезъ Волгу, которая во время ледохода иногда на нѣсколько дней отрѣзаетъ Казань отъ Москвы. Зато волжскія пристани отправляютъ огромныя количества хлѣбныхъ грузовъ — до 10 милліоновъ пудовъ. Промышленное развитіе города началось еще при Петрѣ Великомъ, основавшемъ здѣсь первую суконную фабрику и адмиралтейство. Въ настоящее время въ Казани около 300 фабрикъ и заводовъ, перерабатывающихъ преимущественно питательныя вещества и продукты скотоводства. Выдѣляются по размѣрамъ стеариновый и мыловаренный заводъ бр. Крестовниковыхъ и кожевенные Алафузовскіе заводы. Долгое время Казань была единственнымъ крупнымъ центромъ просвѣщенія, къ которому тяготѣло все Поволжье, и даже Приуралье. Въ 1804 году въ ней былъ основанъ университетъ, а впослѣдствіи къ нему присоединились и другія учебныя заведенія высшаго типа: ветеринарный институтъ, духовная академія — центръ восточнаго миссіонерства, наконецъ, съ недавняго времени высшіе Женскіе курсы. Около 30 среднихъ учебныхъ заведеній и до 80 низшихъ даютъ образованіе 15.000 учащихся; 10 библіотекъ и 15 типографій дополняютъ картину города, какъ культурнаго центра.

Съ внѣшней стороны Казань производитъ впечатлѣніе довольно благоустроеннаго города (электричество, трамвай); но пульсъ общественной жизни бьется въ ней довольно вяло, чувствуется какая-то отрѣзанность отъ западныхъ центровъ русской жизни, особенно замѣтная въ зимнее время.

Вслѣдъ за Казанью, на разстояніи полсутокъ пути по Волгѣ, передъ нашими глазами выступитъ Симбирскъ — на гребнѣ высокаго обрыва праваго берега Волги, омываемый сзади водами Свіяги, бѣгущей на сѣверъ. Городъ былъ основанъ въ 1648 году въ качествѣ крѣпости для защиты Поволжья отъ Ногайскихъ татаръ и понизовой вольницы. Губернскимъ городомъ онъ сталъ лишь съ конца XVIII вѣка. Тогда же Симбирскъ сдѣлался центромъ мѣстнаго дворянства, которое именно въ Симбирской губерніи пустило наиболѣе глубокіе корни, до сихъ поръ оставивъ по себѣ памятникъ

въ тихой и просторной „Дворянской“ части города. Симбирскъ — самый маленькій изъ губернскихъ городовъ области — площадью до 3 кв. в. и съ населеніемъ около 50.000. Его промышленное значеніе ничтожно, и только торговля, преимущественно хлѣбная, дѣлаетъ его довольно крупнымъ мѣстнымъ центромъ; вывозъ одного только хлѣба по Волгѣ достигаетъ 4—5 милліоновъ пудовъ. Съ 1899 года Симбирскъ соединенъ съ московско-казанской желѣзнодорожной вѣтвью, идущей на станцію Рузаевку, отвлекая сюда отъ Волги часть грузовъ. Просвѣтительное значеніе Симбирска опредѣляется слѣдующими скромными цыфрами: меньше десятка среднихъ учебныхъ заведеній, до 30 низшихъ, 6 библіотекъ и 5 типографій. Вообще, это тихій городокъ, съ очень слабымъ развитіемъ общественныхъ интересовъ.

Проѣхавъ Жигули и Самарскія ворота, мы увидимъ на высокомъ здѣсь лѣвомъ берегу Волги четвертый по величинѣ городъ области — Самару. Возникла она въ 1586 году, какъ первый шагъ русской колонизаціи въ Заволжьи и начало построенной впослѣдствіи Оренбургской сторожевой линіи. Послѣ умиротворенія края Самара долгое время влачила жалкое существованіе уѣзднаго или даже заштатнаго захолустья, и только въ половинѣ XIX вѣка, имѣя до 15.000 жителей, была, наконецъ, сдѣлана центромъ губерніи. Съ тѣхъ поръ, благодаря развитію пароходства, а еще болѣе послѣ проведенія черезъ нее Оренбургской желѣзной дороги (въ 1877 г.), Самара начала быстро расти и въ настоящее время это большой, богатый городъ съ площадью въ 11 кв. верстъ и населеніемъ около 95.000 жителей. Ея торговое значеніе опредѣляется пересѣченіемъ здѣсь трехъ крупнѣйшихъ торговыхъ магистралей не только данной области, но и всей Россіи: Волги, Сибирской желѣзной дороги, идущей отсюда на Москву черезъ Сызрань и на Челябинскъ черезъ Уфу, и Средне-Азіатской желѣзной дороги, отдѣляющейся отъ предыдущей линіи на станціи Кинель — черезъ Оренбургъ на Ташкентъ. Кромѣ того глубокій и обширный затонъ въ устьѣ рѣки Самары дѣлаетъ Самарскую пристань выдающейся по удобству погрузки. Торговые обороты Самары огромны: однихъ хлѣбныхъ грузовъ она собираетъ ежегодно до 20 мил-

Казань. Университетъ.

Казань. Видъ Кремля.

ліоновъ пудовъ и почти столько же отправляетъ — по Волгѣ (больше половины) и по желѣзной дорогѣ, на западъ. А Оренбургская линія подвозитъ изъ Киргизскыхъ степей массу продуктовъ скотоводства (кожи, шерсть, сало), также передаваемыхъ Самарой дальше. Фабрично-заводская промышленность развита здѣсь слабѣе, чѣмъ въ Саратовѣ и Казани, но все же число фабрикъ и заводовъ достигаетъ почти сотни съ суммой производства свыше 10 мил. рублей. Среди производства господствуетъ крупное мукомольное (перемалывается больше 10 мил. пудовъ одной пшеницы). Не отстаетъ Самара и въ обще-культурномъ отношеніи. Правда въ ней нѣтъ высшихъ учебныхъ заведеній, но больше десятка среднихъ и около 60 низшихъ школъ дѣлаютъ ее довольно крупнымъ просвѣтительнымъ центромъ. 8 библіотекъ, 11 типографій и нѣсколько газетъ являются симптомами довольно широкихъ умственныхъ запросовъ и оживленной общественной жизни. Въ послѣднемъ отношеніи Самара стоитъ значительно выше, чѣмъ напр. Казань, уступая только Саратову.

Сибирская желѣзная дорога на западъ отъ Самары проходитъ сначала по лѣвому берегу Волги, затѣмъ перебрасывается черезъ нее по грандіозному Александровскому мосту (13 пролетовъ на протяженіи $1^1/_2$ верстъ) и вскорѣ встрѣчаетъ городъ Сызрань, служащую какъ бы дополненіемъ. Самары на правомъ берегу Волги. Возникнувъ вь 1683 г., подобно другимъ городамъ Поволжья, для защиты отъ безпокойныхъ элементовъ населенія, Сызрань къ половинѣ XIX вѣка переросла тогдашнюю Самару, но затѣмъ конкуренція этого центра замедлила ея ростъ, такъ что теперь она почти въ три раза меньше Самары (площадь $4^1/_2$ кв. в. и населеніе $36^1/_2$ тысячъ); но зато она едва уступаетъ по населенности своему губернскому центру — Симбирску, а въ промышленномъ отношеніи даже перевѣшиваетъ его. Общая сумма производства достигаетъ здѣсь $3^1/_2$ мил. рублей, причемъ преобладаетъ мукомольное дѣло; число заводовъ — около сотни. Сызрань отправляетъ по Волгѣ около $30^1/_2$ мил. пудовъ сырого и переработаннаго зерна и перегружаетъ на желѣзную дорогу значительное количество нефтяныхъ продуктовъ. Въ Сызрани сибирская магистраль дѣлится на двѣ вѣтви: одна, главная

направляется къ Москвѣ черезъ Тулу, а другая туда же черезъ Инзу, Рузаевку и Рязань. Особаго просвѣтительнаго значенія Сызрань не имѣетъ, хотя все же въ ней имѣется нѣсколько среднихъ и до 20 низшихъ школъ.

По пути отъ Сызрани до Саратова мы встрѣтимъ на правомъ берегу еще два довольно крупныхъ центра, все значеніе которыхъ органичивается почти исключительно хлѣбной торговлей: Хвалынскъ съ 15,000 жит., отправляющій ежегодно хлѣба отъ 5 до 6 мил. пудовъ, а затѣмъ вдвое большій по населенности Вольскъ (встарину „Волгскъ"), соединенный вѣтвью съ Московско-Саратовской ж. д. и грузящій хлѣба до 3 мил. пудовъ. Впрочемъ, въ Вольскѣ и фабрично-заводская промышленность представлена 40 предпріятіями (преимущественно мельницы), съ производствомъ до 2 милл. руб.

На разстояніи двухъ сутокъ пути отъ Казани широко раскинулся на правомъ берегу Волги, въ котловинѣ между горами, первый по величинѣ городъ Поволжья — Саратовъ. Однако въ лѣтнее время мы увидимъ его съ парохода лишь на разстояніи 3—4 верстъ, за цѣлымъ моремъ желтыхъ песковъ, которыми Волга забросала здѣсь свой правый берегъ, перенеся фарватеръ къ лѣвому. Кромѣ того, въ вѣтряную погоду очертанія города лишь смутно выступаютъ изъ облаковъ бѣлой пыли, подымающейся съ огромной площади его наполовину немощеныхъ улицъ. Въ концѣ XVI в. Саратовъ уже существовалъ въ качествѣ небольшой крѣпостцы, но не на правомъ, а на лѣвомъ берегу Волги, верстъ на 10 выше по теченію. Повидимому, перенесеніе города на его теперешнее мѣсто произошло въ концѣ XVII вѣка, послѣ Разинскаго бунта. Въ половинѣ XIX вѣка Саратовъ былъ уже довольно крупнымъ по тому времени городомъ съ населеніемъ до 70,000; съ тѣхъ поръ его развитіе пошло еще болѣе быстрыми шагами, чему особенно способствовала построенная въ 1870 году желѣзная дорога, первая въ Среднемъ Поволжьѣ, соединившая Саратовъ черезъ Тамбовъ, Козловъ и Рязань съ Москвой; впослѣдствіи эта дорога продолжена за Волгу до Уральска. Современный Саратовъ раскинулся по огромной площади около 13 кв. верстъ съ населеніемъ около 200,000 и является однимъ изъ крупнѣйшихъ по торговлѣ центровъ Поволжья.

Размѣрами своего грузооборота Саратовъ уступаетъ только Астрахани: его пристани принимаютъ до 60 мил. пудовъ разныхъ грузовъ (до 30 мил. пудовъ нефтяныхъ продуктовъ, около 10 мил. пуд. лѣса, болѣе 1 мил. пуд. рыбы, столько же соли и т. д.); большая часть этихъ грузовъ направляется по желѣзной дорогѣ на западъ; напротивъ, вверхъ по Волгѣ отправляется почти весь хлѣбъ (до 8 мил. пуд.), собирающійся за зиму въ Саратовѣ и отчасти перерабатываемый здѣсь на крупныхъ паровыхъ мельницахъ. По развитію промышленности Саратовъ первый городъ во всей области. Въ немъ около 190 фабрикъ и заводовъ, съ общей суммой производства до 20 мил. руб., причемъ $^3/_4$ этой суммы даетъ мукомольное дѣло. Съ внѣшней стороны Саратовъ въ своей центральной части производитъ впечатлѣніе благоустроеннаго и оживленнаго города. Къ сожалѣнію, его обширныя окраины далеко не безупречны, особенно со стороны санитарнаго благоустройства. Достаточно сказать, что изъ 130 верстъ его улицъ всего 35 верстъ замощены, остальныя утопаютъ или въ пыли или въ грязи — а по ночамъ и во мракѣ; дѣло ассенизаціи и водоснабженія также поставлено крайне плохо. Вѣроятно въ связи съ этимъ стоитъ и непомѣрно высокая смертность среди Саратовскаго населенія — около 44 на 1000 жителей — далеко превышающая среднюю для Россіи норму — около 34 на 1000 жит. Благодаря высокой смертности, естественный приростъ городского населенія ничтоженъ, и быстрый ростъ Саратова зависитъ почти исключительно отъ притока населенія извнѣ. Какъ центръ просвѣщенія, Сарадовъ занимаетъ видное мѣсто во всемъ Поволжьѣ. Широкое развитіе школьнаго дѣла (около 100 низшихъ и до 20 среднихъ школъ) значительное число библіотекъ (10), типографій (12), нѣсколько печатныхъ органовъ, наконецъ, наличность значительныхъ интеллигентныхъ силъ — все это ставитъ Саратовъ едва ли не на первомъ мѣстѣ въ области. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, Саратовъ получилъ и свой Университетъ, впрочемъ пока еще ограничивающійся однимъ медицинскимъ факультетомъ.

Почти напротивъ Саратова, на лѣвомъ, самарскомъ берегу Волги широко раскинулась (на 10 кв. верстъ) Покровская слобода (около 30 тыс. жит.), играющая роль пригорода

Саратова. Расположенная болѣе выгодно на волжскомъ фарватерѣ, Покровская слобода отвлекаетъ отъ саратовскихъ пристаней значительную часть грузовъ; это одна изъ крупнѣйшихъ хлѣбныхъ пристаней, отправляющая вверхъ по Волгѣ до 6 мил. пуд. Въ этомъ все ея значеніе. Отъ Покровской слободы Московско-Саратовская дорога продолжается на Уральскъ.

На полпути между Саратовомъ и Царицыномъ мы встрѣтимъ еще двѣ крупныхъ пристани, расположенныя одна противъ другой, на правомъ, саратовскомъ берегу: Камышинъ (около 20,000 жит.), а на лѣвомъ, астраханскомъ — Николаевскую слободу (болѣе 30.000 жит.). Камыщинъ является началомъ желѣзной дороги, идущей на Балашовъ и Тамбовъ. Все значеніе этихъ двухъ пунктовъ ограничивается торговлей, преимущественно хлѣбной, Камышинъ отправляетъ хлѣба по жел. дор. до 5 мил. пуд., по Волгѣ до 1 мил. пуд., а Николаевская слобода — до 3 мил. пуд.

Въ южномъ углу Саратовской губ., въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга крутымъ изгибомъ начинаетъ уклоняться на востокъ, покидая Приволжскую возвышенность, стоитъ 5-й по величинѣ городъ Поволжья — Царицынъ. Основанный, вѣроятно, почти одновременно съ Саратовомъ и ради той же цѣли — защиты отъ кочевниковъ, Царицынъ и дальнѣйшей своей судьбой напоминаетъ своего старшаго брата. Только съ половины XIX вѣка начался его усиленный ростъ, вызванный развитіемъ торговли, особено послѣ постройки въ 1871 году Грязе-Царицынской ж. д. И вотъ за 50 лѣтъ его населеніе увеличилось почти въ 12 разъ, достигнувъ крупной цыфры 80.000 — быстрота роста довольно рѣдкая для русскаго города. Кромѣ Грязе-Царицынской, къ Царицыну подходятъ еще двѣ желѣзныя дороги: Волго-Донская — отъ Калача на Дону и Тихорѣцкая вѣтвь Ростово-Владикавказской ж. д. Все значеніе Царицына въ его торговлѣ и въ передачѣ товаровъ съ Волги на желѣзныя дороги и обратно. Мы уже говорили, что это одинъ изъ главныхъ пунктовъ перегрузки, съ одной стороны, идущей изъ Астрахани нефти (больше 20 мил. пуд.) и рыбы (12 мил. пуд.), съ другой — сплавляемаго сверху лѣса, по торговлѣ которымъ Царицынъ занимаетъ

Самара. Видъ набережной.

Астрахань. Биржа при устьѣ р. Кутума.

Сара
вате
стан
ших
6 м
слоб
Урал

тимъ
тивъ
(окол
лаев
нача
Все
преи
жел.
лаев

Волг
поки
город
одно
отъ
напо
XIX
торго
цынс
почт
строт
Гряз
лѣзн
и Ти
ченіе
ровъ
говор
съ с
20 м
маго

первое мѣсто во всемъ Поволжьѣ. Наконецъ, и хлѣба онъ отправляетъ до 10 мил. пуд. Промышленная дѣятельность города опредѣляется суммой въ $2^1/_2$ мил. руб. (преимущественно лѣсопильное дѣло). Культурно просвѣтительная роль этого купеческаго города очень незначительна.

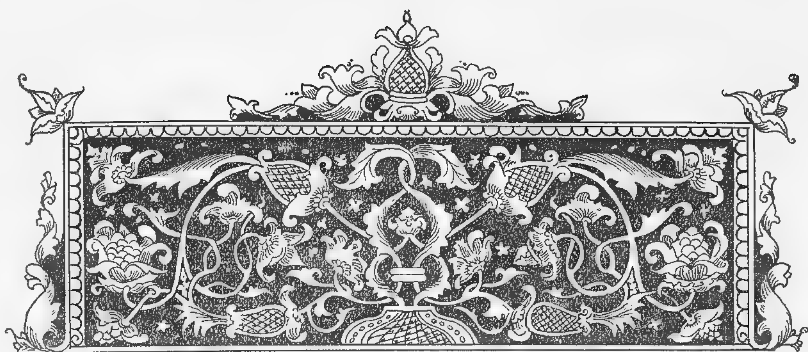
Еще одни сутки пути среди унылаго однообразія Прикаспійскихъ равнинъ, — и передъ нами развертывается своеобразная панорама Астрахани — конечнаго пункта волжскаго пароходства и второго по населенности города Поволжья. Далеко разбросалась она со своими 150,000 жителей по плоскимъ, низменнымъ островамъ между протоками волжскаго устья, и только памятникъ XVI вѣка, кремль, замѣтно выдѣляется на своемъ „Заячьемъ бугрѣ“. А всюду кругомъ, по протокамъ, каналамъ и по главному фарватеру кипитъ шумная торговая жизнь, всюду мелькаютъ паруса судовъ, напоминающихъ своимъ типомъ о близости моря, которое однако отстоитъ отъ города еще на 80 верстъ. Основанная на этомъ мѣстѣ еще въ XIV вѣкѣ (татарами), Астрахань, подобно другимъ городамъ Поволжья, начала особенно быстро развиваться съ половины XIX вѣка. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась крупнѣйшимъ по торговлѣ городомъ всего Поволжья, являясь посредникомъ между центромъ и окраинами Россіи съ одной стороны, между Россіей и Персіей — съ другой. Ея торговые обороты достигаютъ 100 мил. руб., а грузооборотъ и судоходство ставятъ ее рядомъ съ такимъ крупнымъ русскимъ портомъ, какъ Одесса. Не лишена Астрахань и промышленной дѣятельности: ея производство достигаетъ довольно крупной цифры въ 6 мил. руб. (лѣсопильное дѣло, обработка питательныхъ продуктовъ).

Но зато какъ центръ широкой общественной жизни, Астрахань стоитъ едва ли не на послѣднемъ мѣстѣ среди губернскихъ городовъ Поволжья. Она до сихъ поръ не дождалась еще земскихъ учрежденій, и только недавно желѣзная дорога соединила ее съ обще-русской сѣтью (черезъ ст. Урбахъ Рязанско-Уральской ж. д.), а до тѣхъ поръ въ зимнее время сотни верстъ пустынной степи отдѣляли ее отъ остального культурнаго міра. Можно думать, что проведеніе желѣзной дороги послужитъ началомъ болѣе разносторонняго развитія

Астрахани, но пока она остается въ сущности такимъ же „разноязычнымъ торжищемъ", какимъ былъ сотни лѣтъ тому назадъ ея предшественникъ Итиль.

Такъ, молодые города, развившіеся въ земледѣльческой серединѣ области, въ мѣстахъ наибольшаго сгущенія желѣзнодорожной сѣти, постепенно перетягиваютъ къ себѣ общественную жизнь изъ древнихъ культурныхъ центровъ, возникшихъ когда-то на концахъ Поволжья, — и въ этомъ можно видѣть симптомъ глубокаго измѣненія историческихъ перспективъ. Очевидно, торговля уже не играетъ здѣсь той исключительной роли, какую играла когда-то въ старину; центръ тяжести передвинулся къ земледѣлію, на которомъ строится, какъ видимъ, не только деревенская, но и городская жизнь современнаго Поволжья.

Приуральскій край.

Приуральскій край, охватывающій губерніи Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую, лежитъ на рубежѣ Европы и Азіи, на границѣ Европейской и Азіатской Россіи. На сѣверѣ и сѣверо-западѣ Приуралье сосѣдитъ съ обширной Вологодской губерніей, на западѣ съ Вятской и губерніями Средняго Поволжья. На востокѣ къ нему прилегаетъ Сибирь, а южнѣе области Тургайская и Уральская. Въ этихъ предѣлахъ Приуральскій край занимаетъ огромное пространство, почти равное по величинѣ Франціи. Въ средней своей части, на протяженіи почти тысячи верстъ, онъ прорѣзывается съ сѣвера на югъ длиннымъ Уральскимъ хребтомъ. Хребетъ этотъ, отграничивающій Россію отъ Сибири, но служащій скорѣе ихъ экономическому сближенію, придаетъ совершенно особый характеръ не только физической природѣ края, но въ значительной степени опредѣляетъ собою и судьбы его населенія.

Высокимъ и дикимъ кряжемъ вступаетъ Уралъ въ сѣверные предѣлы края и, понемногу расширяясь, наполняетъ своими отрогами большую часть Пермской губерніи. Долины между этими отрогами и равнины у ихъ подошвы заняты болотами и лѣсами, мрачными, почти непроходимыми. Хо-

лодный климатъ и скудныя лѣсныя почвы почти исключаютъ возможность земледѣлія въ этой суровой странѣ, гдѣ на первое мѣсто выдвигается пользованіе минеральными богатствами Урала.

Дальше на югъ, постепенно понижаясь, Уралъ почти утрачиваетъ характеръ нагорья и расплывается въ ряды пологихъ холмовъ, которыми едва отдѣляются одна отъ другой равнины Россіи и Сибири.

У истоковъ рѣкъ Бѣлой и Міасса Уралъ вновь принимаетъ видъ настоящей горной страны. Широко разбѣгаются здѣсь его скалистые хребты, теряясь среди безконечной равнины или охватывая цвѣтущія лѣтомъ долины съ плодородной почвой, съ растительностью богатой и разнообразной, съ климатомъ сухимъ и знойнымъ.

Восточная часть края — Зауралье — однообразная и плоская равнина, покрытая болотами и лѣсами на сѣверѣ, заключающая въ себѣ южнѣе много прѣсныхъ озеръ, а еще далѣе къ югу, гдѣ она всхолмлена послѣдними отрогами Урала, изобилующая солеными озерами, — представляетъ собою незамѣтный переходъ къ сосѣднимъ равнинамъ Зап. Сибири и къ необозримымъ степямъ и пустынямъ Туркестана.

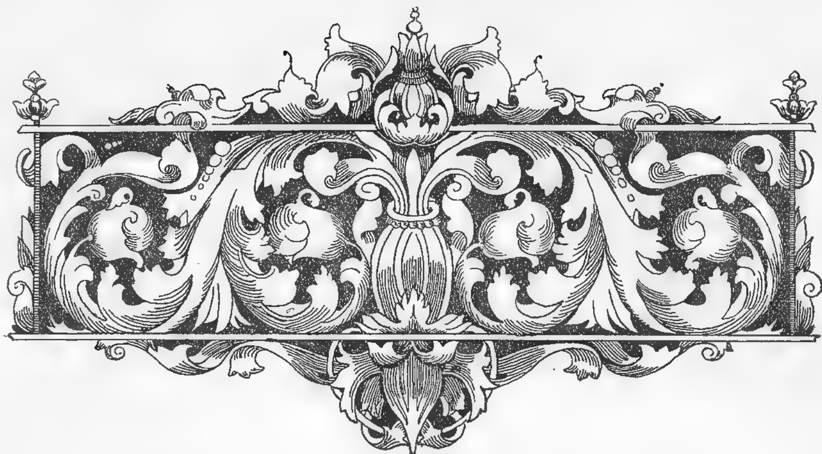
Вслѣдствіе своего географическаго положенія, огромнаго протяженія съ сѣвера на югъ и присутствія богатыхъ рудныхъ мѣсторожденій, Приуральскій край занимаетъ совершенно особое мѣсто среди другихъ областей Европейской Россіи. Связанный съ послѣдней не только топографически, но и узами историческаго прошлаго, онъ естественно тяготѣетъ къ ней больше, чѣмъ къ лежащей за нимъ Сибири. Въ то же время Уральскій хребетъ, благодаря особенностямъ своего строенія, никогда не представлялъ и неодолимаго препятствія для сношеній Россіи съ прилегающей къ нему Сибирью. Во времена сѣдой древности различныя финскія и тюрко-татарскія племена переходили Уралъ, а затѣмъ частью разливались по обширной равнинѣ Европейской Россіи, частью осѣдали въ Приуральѣ. Уже въ начальные вѣка нашей исторіи стали проникать сюда новгородцы. Въ XIV вѣкѣ они основываютъ поселенія на Вяткѣ, а потомъ проникаютъ и за Каму. Въ XVI вѣкѣ черезъ Уралъ уже проходитъ

торговый путь въ Сибирь. Первая серьозная попытка колонизаціи края русскими относится къ тому времени, когда Строгановы стали привлекать сюда русское населеніе. Однако прочное основаніе заселенію края было положено только съ началомъ развитія горнозаводскаго дѣла на Уралѣ, въ началѣ XVIII столѣтія. Въ южномъ Уралѣ, гдѣ русскимъ колонизаторамъ пришлось столкнуться съ воинственнымъ и свободолюбивымъ племенемъ башкиръ, мирное развитіе края встрѣчалось съ препятствіями почти до самаго конца XVIII вѣка.

Инородческое населеніе Приуралья, крайне пестрое по своему этнографическому составу, медленно сливается съ господствующимъ русскимъ населеніемъ, понемногу расплываясь въ его массѣ. Но нѣкоторые изъ инородцевъ еще и до сихъ поръ сохранили свой языкъ и вѣрованія и многія особенности своего общественнаго и семейнаго быта.

Громадныя рудныя богатства Урала и счастливое сочетаніе всѣхъ условій для ихъ эксплоатаціи вызвали въ краѣ мощное развитіе горной промышленности и сдѣлали его однимъ изъ самыхъ важныхъ въ этомъ отношеніи раіоновъ Россіи. Періоды ея разцвѣта смѣнялись, впрочемъ, эпохами упадка, что, несомнѣнно, отражалось весьма неблагопріятно на мѣстномъ населеніи, такъ или иначе связаннымъ съ этою промышленностью и зависящемъ отъ нея.

Уралъ.

Длинный, вытянутый болѣе чѣмъ на двѣ тысячи верстъ. Уральскій хребетъ мало похожъ на болѣе юныя по своему геологическому возрасту цѣпи Альпъ или Кавказа съ ихъ высокими, рѣзко обособленными, бѣлѣющими снѣгомъ вершинами и гребнями. Выдвинутыя здѣсь подземными силами въ отдаленныя геологическія эпохи складки земной коры испытали въ теченіе временъ многія разрушенія, размывались текучими водами, сглаживались, округлялись и понижались, такъ что въ настоящее время представляютъ только остатки ихъ прежняго величія и мѣстами даже незамѣтно сливаются съ прилегающими къ нимъ равнинами. Начинаясь у береговъ Ледовитаго океана, складки эти тянутся, то по двѣ — три параллельно, то — южнѣе — расходясь въ большемъ числѣ вѣерообразно, — до Прикаспійской низменности, до пустынь, прилегающихъ къ Аральскому морю.

Несмотря на свое большое протяженіе, Уралъ бѣденъ высокими вершинами и сравнительно не широкъ. На сѣверѣ ширина его нагорья не превышаетъ 70 верстъ, на югѣ —

благодаря расхожденію его хребтовъ, она достигаетъ полутораста верстъ. Наибольшія высоты представляютъ здѣсь скалистыя вершины Иремель (1598 м.) и Яманъ-Тау (1642 м.), но самая значительная вершина Урала, гигантскій Тельпосъ-Исъ (1688 м.), находится въ Сѣверномъ Уралѣ, въ дикой и мало населенной части нагорья.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ прежнія геологическія эпохи вершины Урала достигали гораздо большей высоты, и все его нагорье было выше и шире. Теперь средняя высота Уральскаго хребта не превышаетъ 500 метровъ (полверсты), а въ эпоху его юности онъ былъ, вѣроятно, втрое и вчетверо выше. Образованіе его относится къ т. наз. каменноугольному періоду. Въ т. наз. девонскую эпоху на мѣстѣ Урала существовалъ только рядъ небольшихъ острововъ, о которые разбивались волны окружавшаго ихъ моря. Но въ тотъ періодъ, когда въ различныхъ мѣстахъ Европы происходило (въ мелкихъ заливахъ тогдашняго моря) отложеніе растительныхъ остатковъ, превратившихся впослѣдствіи въ каменный уголь, на мѣстѣ прежнихъ острововъ уже возникла сплошная полоса суши, слои которой, сложившись въ складки, дали начало длинному и высокому хребту. Образованіе этого хребта продолжалось, несомнѣнно, много вѣковъ и закончилось только къ началу слѣдующаго т. наз. пермскаго періода. Проявленіе подземныхъ, тектоническихъ силъ было особенно мощнымъ на востокѣ, со стороны Сибири, что видно изъ того, что каменныя толщи восточнаго склона нагорья представляются разорванными, смятыми, разбитыми рядомъ трещинъ. По этимъ трещинамъ изливались мѣстами потоки лавъ и застывали затѣмъ на горныхъ склонахъ. Часто эти изверженныя изъ нѣдръ земли породы — діабазы, граниты, порфиры — образуютъ дикіе, живописные утесы на вершинахъ Урала или, прорванныя какой-нибудь горной рѣкой, выступаютъ въ ея отвѣсныхъ берегахъ. Скалистые восточные склоны Урала круто обрываются къ низменности Западной Сибири, тогда какъ на западѣ главныя складки сопровождаются меньшими, и переходъ къ равнинѣ болѣе постепененъ. Объясняется это различіе въ значительной степени тѣмъ, что въ третичный періодъ восточный склонъ Урала представлялъ

собою западный берегъ огромнаго моря, заливавшаго тогда обширную низменность Сибири. Слѣды работы этого моря, разрушавшаго болѣе восточныя складки Урала, сохранились еще и теперь мѣстами на большой высотѣ на склонахъ хребта.

Въ періодъ, непосредственно предшествовавшій современному, море еще разъ подошло къ Уралу, въ эпоху т. наз. каспійской трансгрессіи. Немного ранѣе, въ т. наз. ледниковый періодъ, Сѣверный Уралъ покрывали мощные ледники, которые, спуская съ его склоновъ ледяные потоки, способствовали также его разрушенію и пониженію. Отложенные этими ледниками наносы были, впрочемъ, позже размыты и почти совершенно снесены послѣдовавшимъ послѣ стаянія ледниковъ разливомъ Ледовитаго моря.

Такъ создалось и постепенно разрушалось Уральское нагорье. Утративъ много въ своей высотѣ, ширинѣ и рѣзкости очертаній, оно и теперь сохранило свою основу въ слагающихъ его складкахъ и жилахъ горныхъ породъ, въ тянущихся на сотни верстъ цѣпяхъ и хребтахъ. Несмотря на свое огромное протяженіе эти хребты выказываютъ довольно простое строеніе въ слагающихъ ихъ породахъ и въ расположеніи послѣднихъ. Въ средней оси нагорья выступаютъ обыкновенно древнѣйшія кристаллическія породы, къ краямъ ихъ смѣняютъ болѣе позднія осадочныя образованія. На западѣ, гдѣ Уралъ постепенно понижается къ равнинѣ Россіи, этотъ планъ строенія выраженъ въ большей полнотѣ; на востокѣ же, гдѣ отложенія Сибирскаго моря скрыли подъ своими толщами древнія образованія, онъ представляется менѣе ясно выраженнымъ.

Обыкновенно Уралъ подраздѣляютъ на три: Сѣверный, Средній и Южный Уралъ.

Сѣверный Уралъ наиболѣе дикъ, суровъ и пустыненъ. Начинается онъ у безлюдныхъ береговъ Карскаго моря одинокой сопкой — Константиновымъ камнемъ, поднимающимся среди пустынной тундры. Рядъ низкихъ холмовъ идетъ отъ него къ берегу моря, а кругомъ него все та же необозримая тундра, гдѣ на сѣверо-востокѣ, на далекомъ горизонтѣ рисуются ближайшія части хребта Пай-хоя, этого сѣвернаго послѣдняго отрога Урала. Южнѣе скалистаго Константинова камня

Сѣверный Уралъ.

поднимаются крутыми уступами вершины Минисея съ обрамляющими его озерами и Арка-Пая, съ которыхъ открываются широкіе виды, и на раскинутыя по тундрѣ озера, и на блестящее на сѣверѣ море. За ними Уралъ принимаетъ уже видъ настоящаго хребта, скалистаго, дикаго, разорваннаго ущельями бѣгущихъ съ него рѣкъ. Его голыя, сѣрыя вершины здѣсь уже превышаетъ 2000 футовъ. Рядомъ съ главнымъ хребтомъ тянутся такіе же меньшіе кряжи, бѣлѣющіе даже лѣтомъ пятнами снѣга. Между ними въ глубокихъ долинахъ непроходимыя болота и топи смѣняются блѣдною зеленью мховъ, въ которыхъ прячутся ползучія березы и ивы. Мѣстами по склонамъ, скрываясь отъ леденящаго вѣтра, пріютились тощія лиственницы и ели, первыя предвѣстницы могучихъ далѣе лѣсовъ. Кое-гдѣ въ долинахъ блеснетъ синевой озерко или излучина шумливой рѣчки, оживляя грустный ландшафтъ окружающихъ горъ.

Немного южнѣе Арка-Пая Уралъ поворачиваетъ на юго-западъ. Многократно изгибаясь, онъ сохраняетъ, однако, это направленіе на протяженіи 400 слишкомъ верстъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ поднимается зубчатая вершина Нетью и гдѣ съ горъ быстро скатывается шумящая Кара, Уралъ отсылаетъ къ сѣверо-западу отъ себя хребетъ Пай-хой. Кара бѣжитъ то глубокими ущельями, среди отвѣсныхъ обрывовъ, то въ узкой долинѣ съ пологими берегами. Почти до самаго своего устья она сопровождаетъ Пай-хой, который тянется по тундрѣ и, добравшись до береговъ Ледовитаго океана, скрывается въ глубинѣ его водъ, чтобы снова появиться въ видѣ скалистыхъ гребней на островѣ Вайгачѣ. Издали Пай-хой кажется сплошною цѣпью высокихъ горъ, подернутыхъ синеватой дымкой. Но стоитъ приблизиться, и это впечатлѣніе исчезаетъ. Вмѣсто непрерывной цѣпи передъ нами ряды отдѣльныхъ сопокъ и короткихъ невысокихъ горныхъ хребтовъ, между которыми разстилается болотистая тундра. Даже самыя высокія вершины поднимаются здѣсь немногимъ болѣе тысячи футовъ. Мягкія очертанія Пай-хоя, зелень его пологихъ склоновъ, среди которыхъ лишь мѣстами пробивается сѣрая поверхность камня, мало напоминаютъ крутые и скалистые хребты Урала. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ все ниже и ниже становятся горы, а послѣднія

скалы на берегу Югорскаго шара едва превышаютъ 100 футовъ. Разрѣзанный поперечной долиной, которая занята водами пролива, Пай-хой выступаетъ на островѣ Вайгачѣ, образуя сначала его высокій, скалистый берегъ; дальше въ глубинѣ острова, онъ тянется въ видѣ двухъ хребтовъ, оканчиваясь на его сѣверныхъ берегахъ среди мертвой полярной природы.

Самъ Уралъ продолжается къ югу рядомъ параллельныхъ кряжей, среди которыхъ выдѣляется высокій Уралъ-тау, служащій главнымъ водораздѣльнымъ гребнемъ. Нагорье здѣсь узко и едва достигаетъ ширины 30 верстъ. Крутыми обрывами падаетъ оно къ низменности западной Сибири, и горный ландшафтъ сразу смѣняется картиной равнины, откуда Уралъ рисуется непрерывной стѣной горъ, увѣнчанныхъ зубчатымъ гребнемъ. Нѣкоторыя точки этого гребня поднимаются выше трехъ тысячъ футовъ, какова напр., гора Пай-еръ, высочайшая вершина всего полярнаго Урала, на склонахъ которой почти круглый годъ остается снѣгъ.

Перейдя полярный кругъ и описавъ дугу, выпуклую на западъ, Уралъ снова принимаетъ свое прежнее направленіе, сохраняя его до горы Сабли. Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ все больше и больше мѣняются картины горъ. Продольныя долины дѣлаются все шире, самъ хребетъ повышается, а его склоны одѣты лѣсомъ, надъ которымъ поднимаются оголенныя каменныя вершины. Сотни шумныхъ ручьевъ и рѣчекъ бѣгутъ здѣсь въ глубокихъ горныхъ ущельяхъ, нарушая покой огромной, таинственной лѣсной пустыни.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Уралъ круто поворачиваетъ къ югу, онъ распадается на сложную сѣть отдѣльныхъ хребтовъ, надъ которыми господствуетъ вершина Сабли. Поднятая до высоты почти полутора верстъ, она издали кажется высокимъ зубчатымъ кряжемъ, за которымъ синѣютъ лѣсистые отроги водораздѣльнаго Урала. Нагорье здѣсь расширяется въ цѣлую горную страну, дикую, суровую, но полную своеобразной прелести. Его отроги далеко заходятъ здѣсь въ равнину Сибири, а на западѣ добираются до извилистой Печоры, образуя ея живописные берега. Такой широкой полосой, среди которой извивается водораздѣлъ между рѣками Россіи и Сибири, Уралъ тянется, все повышаясь, до огромнаго Тельпосъ-Иса.

Восточные гребни Урала то спускаются ниже его западныхъ отроговъ, то повышаются надъ ними своими зубчатыми вершинами.

Глубокими ущельями врѣзываются здѣсь, бѣгущіе къ Печорѣ и Оби, потоки въ каменную толщу низкаго водораздѣльнаго кряжа. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ главный хребетъ Урала прорванъ долиной рѣки Щугора, поднимается могучій Тельпосъ-Исъ, высочайшая вершина Уральскаго нагорья. Рѣка Щугоръ начинается нѣсколькими истоками и, направляясь на сѣверъ, течетъ сначала въ широкой долинѣ. Многочисленные пороги преграждаютъ ея теченіе, а въ трехъ мѣстахъ русло рѣки стѣснено высокими известковыми скалами. Въ одномъ изъ такихъ ущелій падаетъ со скалы прелестный водопадъ въ 7 фут. высотою. Особенно живописна мѣстность у такъ наз. Желѣзныхъ воротъ, гдѣ широкая рѣка сжимается бѣлыми пластами известняка, по трещинамъ котораго спускаются внизъ отъ покрывающаго вершину лѣса зеленыя полоски дерна, кустарники и деревья. Сквозь эти каменныя рамки виднѣется по ту сторону воротъ гладкая поверхность рѣки съ ея зелеными берегами, а вдали — темный хвойный лѣсъ, на фонѣ котораго поднимается исполинскій Тельпосъ-Исъ, составляя одинъ изъ западныхъ отроговъ Урала. Его крутые, почти недоступные склоны, покрыты каменистыми розсыпями, а на вершинѣ поднимаютъ свои острые зубья два рядомъ стоящихъ гребня. Отсюда открываются прелестные виды на окружающія горы, на весь этотъ хаосъ утесовъ, зубцовъ, крутыхъ скатовъ, то засыпанныхъ обломками камня, то покрытыхъ свѣжею зеленью сбѣгающихъ внизъ хвойныхъ лѣсовъ. Таинственность окружающей обстановки, малодоступность и причудливость очертаній вершины Тельпосъ-Иса пугаютъ здѣсь воображеніе человѣка, который сдѣлалъ его обиталищемъ нечистаго духа, строго оберегающаго тайну своего убѣжища.

На югъ отъ своей высочайшей вершины Уралъ, сначала уклонившись немного къ западу, а затѣмъ чуть замѣтно къ востоку, тянется въ видѣ двухъ почти непрерывныхъ хребтовъ до истоковъ Печоры. Наиболѣе значительныя его вершины почти всѣ поднимаются къ западу отъ водораздѣльной

цѣпи, болѣе низкой, широкой и довольно извилистой. Печора здѣсь далеко отходитъ отъ горъ и пространство между хребтомъ и ею заполнено длинными, широкими и низкими увалами, среди которыхъ въ продольныхъ долинахъ текутъ ея притоки. Несмотря на пониженіе Урала къ югу, отдѣльныя вершины его и здѣсь достигаютъ довольно значительной величины, каковы напр., Койбъ у истоковъ Печоры, Ишеримъ и Яльпингъ-Иверъ. Основаніемъ, на которомъ выдвигаются эти горы служитъ главный хребетъ Урала, составляющій полосу водораздѣла и поднимающійся выше предѣла лѣсной растительности, которая достигаетъ здѣсь 2400 ф. высоты. Ниже этой линіи склоны горъ покрыты дремучими лѣсами изъ кедра, лиственницы и ели. Мѣстами, по крутымъ склонамъ водораздѣльнаго хребта рѣзко выдѣляются голыя, лишенныя растительности каменистыя розсыпи. На пологихъ же скатахъ, гдѣ застаивается вода, образуются болота, большею частью высыхающія съ поверхности къ концу лѣта. Коегдѣ попадаются роскошные луга, поражающіе обиліемъ видовъ растущихъ на нихъ травъ.

Чѣмъ выше, тѣмъ все больше и больше мельчаетъ лѣсъ, тѣмъ чаще начинаютъ встрѣчаться открытыя мѣста, покрытыя огромными каменными обломками, настоящія „моря скалъ“. Здѣсь уже царство мховъ и лишайниковъ, сплошь одѣвающихъ камни и скалы, подъ прикрытіемъ которыхъ кое-гдѣ растетъ низкорослый можжевельникъ. Его смѣняетъ ползучая береза, которая, густо разростаясь, такъ низко стелется по камнямъ, что какъ бы замѣняетъ собою сплошной травянистый покровъ.

Водораздѣльный хребетъ Урала — эта главная ось всей системы горъ — сложенъ здѣсь изъ различныхъ кристаллическихъ породъ, среди которыхъ главную роль играютъ такъ наз. кристаллическіе сланцы, а на ряду съ ними сіениты и габбро. Сланцы эти, вообще полого падающіе къ востоку, на самомъ гребнѣ залегаютъ почти горизонтально.

Съ востока къ главному хребту Урала примыкаетъ высокая гряда, которая отстоитъ отъ него лишь на 15—20 верстъ. Она тянется параллельно Уралу въ видѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ горъ, среди которыхъ особенно выдается огромный Чи-

стопъ. Пространство между главнымъ хребтомъ и этою грядою заполнено массой невысокихъ возвышенностей, то голыхъ, то покрытыхъ по склонамъ лѣсами. Еще дальше къ востоку, къ Сибирской низменности, широко разстилается полоса невысокихъ уваловъ. Здѣсь уже нѣтъ отдѣльно стоящихъ высокихъ горъ; быстрыя горныя рѣки, притоки Лозьвы, прерываемыя въ своемъ стремительномъ бѣгѣ порогами, текутъ среди отвѣсныхъ береговъ, а съ крутыхъ уступовъ ихъ скалъ смотрятся въ воду мохнатыя ели.

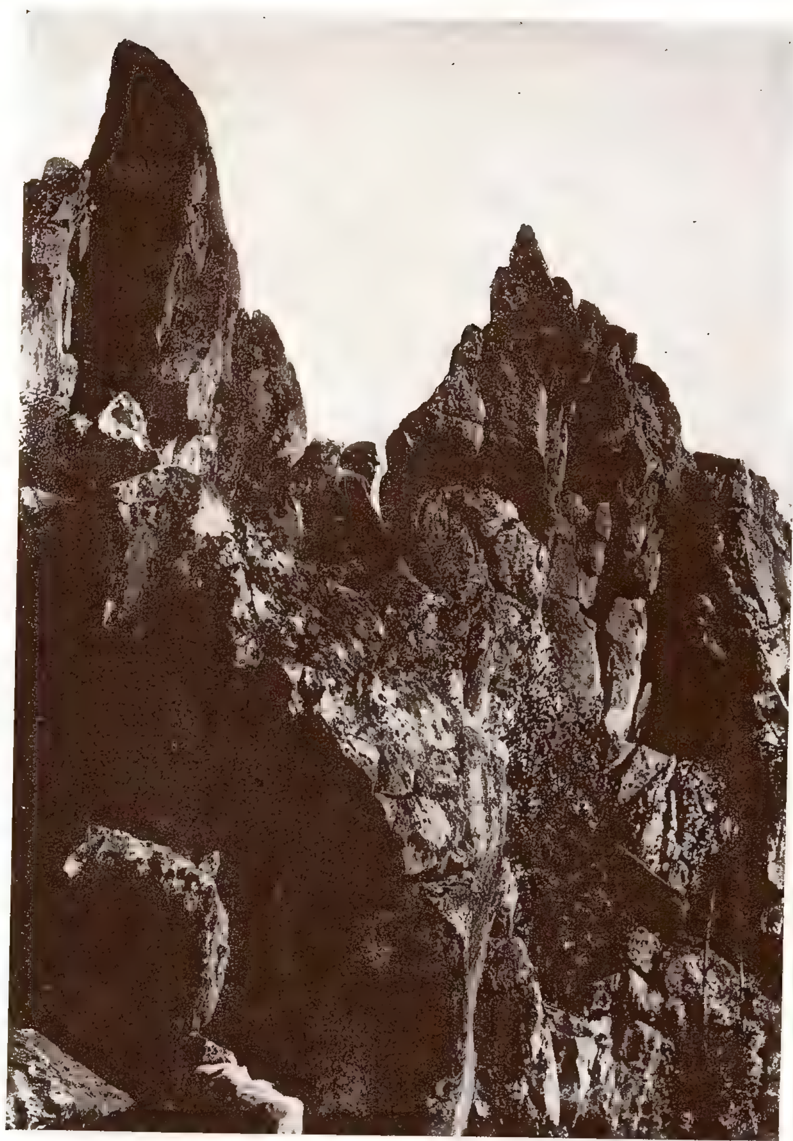
Широко разбѣгаются по равнинѣ хребты западнаго склона Урала, а среди нихъ въ долинахъ текутъ въ своихъ зеленыхъ берегахъ безчисленныя горныя рѣки. Однѣ изъ нихъ несутъ свои воды въ глубокую Каму и далѣе въ Волгу, другія — въ Печору, а съ нею и въ холодное Ледовитое море. Всѣ наиболѣе крупныя рѣчки начинаются на самомъ гребнѣ Урала — на широкомъ водораздѣлѣ въ видѣ небольшихъ ручьевъ, часто въ разстояніи десятковъ сажень одна отъ другой. Вытекая изъ-подъ снѣжныхъ пятенъ, которыя здѣсь сохраняются въ теченіи цѣлаго лѣта, и проходя болотца, во множествѣ раскинутыя по водораздѣлу, ручейки скатываются въ долины и скоро превращаются въ быстрые горные потоки. Изъ трехъ такихъ ручьевъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ поднимаетъ свои зубы высокій Койбъ, родится могучая Печора, самая большая рѣка Сѣвернаго Урала. По соединеніи своихъ трехъ истоковъ въ одну рѣку, Печора въ видѣ настоящей горной рѣки стремительно несется черезъ пороги и камни въ узкой долинѣ извилистымъ потокомъ. Нѣсколько разъ измѣнивъ свое направленіе, Печора, выйдя изъ горъ, поворачиваетъ на сѣверъ и спокойно течетъ вдоль западныхъ предгорій Урала, то отходя отъ него, то снова приближаясь къ нему. Пройдя огромное пространство среди настоящей лѣсной пустыни, эта могучая, но безлюдная рѣка, сдѣлавъ крутой изгибъ сначала къ югу, а затѣмъ къ сѣверу, впадаетъ въ длинную и узкую Печорскую губу, образуя обширную дельту.

Южнѣе истоковъ Печоры, съ того же западнаго склона, начинается Вишера, которая уже за предѣлами лѣсной растительности въ видѣ небольшого потока бѣжитъ по своему каменистому руслу. Долго идетъ Вишера вдоль гребней Урала.

прячась въ своей дикой, но живописной и глубокой долинѣ. Отойдя отъ Урала къ западу и принявъ извилистую Колву, она дѣлается судоходной и, наконецъ, изливаетъ свои воды въ широкую Каму. Рядомъ съ Печорой родится и сибирская Лозьва, которая вмѣстѣ съ Сосьвой даетъ Тавду, притокъ Тобола. Какъ и другія рѣки восточнаго склона, Лозьва часто измѣняетъ скорость своего теченія, изъ быстро несущагося потока вдругъ превращается въ тихую и спокойную рѣку.

Зарождаясь на невысокомъ водораздѣлѣ, почти соединенныя своими истоками, Печора и Лозьва представляютъ какъ бы естественный путь изъ Россіи въ Сибирь, которымъ издавна пользовались мѣстные инородцы. Такихъ путей (переволоковъ) извѣстно много (до 15) въ безлюдномъ сѣверномъ Уралѣ, и ихъ доступность обусловливается какъ незначительной высотой и шириной его кряжей, такъ и сходящимися верховьями рѣкъ европейской и сибирской сторонъ. Наибольшей извѣстностью изъ этихъ переволоковъ пользуются, во-первыхъ, Саблинскій, идущій мимо горы Сабли, а затѣмъ тотъ, который лежитъ между верховьями рѣкъ Щугора и Сѣверной Сосьвы. Черезъ этотъ перевалъ пролегаетъ дорога, часто называемая Сибиряковской, по имени извѣстнаго Сибирякова, который разработалъ ее и доставлялъ по ней хлѣбъ съ Оби на Печору. Не менѣе извѣстенъ и перевалъ ведущій отъ р. Вишеры къ р. Ивделю, притоку Лозьвы, мимо вершины Денежкинъ камень.

Отъ прибрежій рѣчки Тулайки уже начинается постепенный подъемъ по крутой тропѣ, представляющей собою рядъ уступовъ, заполненныхъ водою. Съ перевала черезъ первый изъ хребтовъ Урала видны остроконечныя вершины его другихъ кряжей, куда и направляется дальнѣйшій путь послѣ перехода черезъ горную рѣчку Лалту. Далѣе тропа подходитъ къ берегамъ рѣки Ваграна и, перейдя на его лѣвую сторону, круто поднимается среди мѣстности, усѣянной валунами и щебнемъ. Склоны горъ одѣты кедровникомъ, лиственницей и елью. Дальше — уже сплошныя россыпи каменнаго щебня, гдѣ только опытный глазъ проводника различаетъ почти теряющуюся тропу. Два огромныхъ конуса, увѣнчивающихъ вершину „камня“, рисуются здѣсь на нѣжно-

Александровская сопка.

голубомъ фонѣ неба. Тропа вьется по ущелью между вершинами, гдѣ на зеленомъ коврѣ мховъ выдѣляется своеобразная альпійская растительность. Съ высоты перевала, открывается дивная панорама безконечнаго ряда горъ, которыя какъ будто разсѣяны въ безпорядкѣ и напоминаютъ собою внезапно застывшія волны бурнаго моря. (Малаховъ).

Этотъ путь былъ извѣстенъ издавна и имъ пользовались еще въ первые годы послѣ покоренія Сибири. Онъ составлялъ часть того огромнаго пути, который шелъ отъ Ярославля на Тотьму, Великій Устюгъ и, наконецъ, къ Соликамску. Отсюда онъ направлялся по притоку Вишеры р. Вилсую къ перевалу, а послѣ него къ рѣкѣ Ивделю и далѣе до города Лозвинска. Изъ него, уже направлялись водою, внизъ по рѣчкамъ Лозьвѣ, Тавдѣ и Тоболу. Впослѣдствіи этотъ путь, игравшій такую значительную роль въ началѣ сношеній Россіи съ Сибирью, былъ замѣненъ такъ наз. Бабиновской дорогой, которая шла прямо изъ Соликамска въ Верхотурье. Въ 1597 году она уже получила нѣсколько благоустроенный видъ, а послѣ построенія города Верхотурья (1598 г.) и открытія въ немъ таможни, эта дорога уже стала обязательнымъ и оффиціальнымъ трактомъ для проѣзда въ Сибирь и обратно. Но съ 1783 г. она почти утрачиваетъ свое значеніе и ее замѣняетъ болѣе южный путь (извѣстный впрочемъ и ранѣе) изъ Кунгура на Екатеринбургъ и далѣе на Тобольскъ.

Все болѣе и болѣе понижаясь, хребты Средняго Урала понемногу склоняются къ юго-востоку; только въ самомъ его концѣ, гдѣ горы принимаютъ видъ широкихъ лѣсистыхъ уваловъ, и гдѣ переходъ изъ Россіи въ Сибирь легче всего, они снова какъ бы надламываются и мѣняютъ свое направленіе.

Средній Уралъ, составляя непосредственное продолженіе Сѣвернаго, вначалѣ высокъ, скалистъ и въ видѣ двухъ параллельныхъ кряжей тянется къ югу.[1]) Его вершины, Денежкинъ и Конжаковскій камни все еще поднимаются на значительную высоту, почти не уступая вершинамъ Сѣвернаго Урала. Спускаясь быстро къ равнинѣ Сибири, Средній

[1]) Средній Уралъ очень часто подраздѣляютъ на 3 части, считая отъ сѣвера къ югу: Богословскій Уралъ, Гороблагодатскій и Екатеринбургскій.

Уралъ заполняетъ своими отрогами на западѣ громадную область Закамья, сплошь покрытую лѣсами. Въ видѣ длинныхъ и иногда довольно высокихъ грядъ тянутся они параллельно главному Уралу, выдаваясь своими голыми, скалистыми вершинами. Эти удлиненныя возвышенности, смѣняющіяся кое-гдѣ плоскими и пологими хребтами, носятъ названіе „парма". Они представляютъ собою передовыя, выдвинутыя наиболѣе на западъ, складки системы Урала, которая возникла, какъ уже было сказано, вслѣдствіе давленія на пласты земной коры съ востока. Вначалѣ правильныя, складки эти не выдерживали здѣсь, на востокѣ, страшнаго давленія: онѣ разрывались, мѣстами опрокидывались, разбивались сбросами и трещинами, которыя давали выходъ массивнымъ породамъ, извергавшимся изъ нѣдръ земли. Глубокіе слои кристаллическихъ породъ также были захвачены складчатостью и, поднятые на значительную высоту, образовали главный хребетъ Урала. Разорванные и безъ того при самомъ своемъ возникновеніи, его восточные хребты къ тому же были разрушены всесокрушающимъ временемъ. Вода вырыла себѣ глубокія русла, прорѣзавъ каменныя ихъ толщи. Размывая шагъ за шагомъ горы, рѣки откладывали добываемый ими матеріалъ въ долинахъ. Полуразрушенный, полусмытый Уралъ обнажилъ, такимъ образомъ, недоступныя нѣдры слагающихъ его массъ, и вотъ почему восточные склоны, главнымъ образомъ Средняго Урала, такъ богаты полезными для человѣка минералами и рудами, среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ золоту (и платинѣ). Снесенное вмѣстѣ съ продуктами разрушенія къ подножію горъ, оно добывается здѣсь обыкновенно изъ такъ наз. розсыпей (а отчасти и изъ коренныхъ мѣсторожденій, золотоносныхъ кварцитовъ).

За то какъ не похожи въ этомъ отношеніи на восточные кряжи Урала его западные хребты. Въ толщахъ слагающихъ ихъ породъ лишь кое-гдѣ попадается каменный уголь.

Изъ двухъ продольныхъ хребтовъ, которыми тянется къ югу Богословскій Уралъ, западный, представляющій собою водораздѣлъ, нѣсколько ниже восточнаго.

Главный водораздѣльный хребетъ сохраняетъ свое прежнее направленіе и сопровождается по обѣимъ сторонамъ значительными возвышенностями, такъ что Уралъ здѣсь достигаетъ большой ширины. Самыя высокія его вершины, называемыя „камнями“, принадлежатъ или главной цѣпи Урала, или поднимаются восточнѣе его въ видѣ отдѣльныхъ горъ. Такихъ „камней“ встрѣчается много въ этой части Урала, но наибольшею извѣстностью пользуются за свою высоту слѣдующіе, стоящіе одинъ за другимъ отъ сѣвера къ югу: Денежкинъ камень, Тылайскій или Конжаковскій, Косвинскій, Павдинскій, Лялинскій и Магдалинскій. Уединенно поднимается Денежкинъ камень на одномъ изъ восточныхъ отроговъ. Могучій хвойный лѣсъ, среди котораго бѣгутъ шумныя рѣки, несущія свои воды въ извилистую Сосьву, растетъ у подошвы и по склонамъ этого дикаго „камня“. Скоро лѣсъ смѣняется низкимъ кустарникомъ, или группами свѣтлыхъ березъ, ольхи и рябины. Дальше по склонамъ лишь голые камни и скалы, и такъ то самаго верху, гдѣ поднимаются четыре отдѣльныхъ вершины. По бокамъ главной изъ нихъ находятся двѣ другихъ, отдѣленныя отъ первой глубокими каменистыми падями.

Сплошные, часто болотистые лѣса, покрывающіе область западныхъ предгорій Урала (до Камы) и суровый климатъ, благодаря которому глубокій снѣжный покровъ держится здѣсь иногда болѣе полугода, дѣлаютъ эту мѣстность невозможною для развитія земледѣлія. Находящіеся здѣсь населенные пункты обязаны своимъ существованіемъ только горному дѣлу, которое началось въ этой мѣстности еще со второй половины прошлаго столѣтія.

Таковъ же характеръ и восточныхъ склоновъ Урала, гдѣ на необозримыхъ пространствахъ тянутся непроходимыя лѣсныя дебри, прерываемыя лишь озерами, болотами и множествомъ рѣкъ. Чѣмъ дальше отъ Урала, тѣмъ рѣже населеніе, которое группируется лишь вблизи немногихъ золотыхъ пріисковъ. На самомъ Уралѣ, въ его долинахъ, прячутся рѣдкіе горные заводы, работами на которыхъ и кормится окрестное населеніе.

Приблизительно подъ 60^0 с. ш. Уральскій хребетъ от-

даетъ отъ себя длинный отрогъ, который на многія сотни верстъ тянется къ сѣверо-западу, къ берегамъ Ледовитаго океана. Скрывшись въ водахъ Чешской губы, этотъ отрогъ, который зовется Тиманомъ, снова выходитъ на пустынномъ Канинскомъ полуостровѣ. Тиманъ начинается въ видѣ плоской возвышенности, „пармы“, которая поднимается лишь на 300 ф. Прервавшись затѣмъ на значительное протяженіе, Тиманъ вновь обозначается пологими кряжами, которые затѣмъ расплываются въ широкую полосу невысокихъ уваловъ, выполняющихъ пространство между Ижмой, притокомъ Печоры, Мезенью и притоками Вычегды, которые и берутъ съ него начало. Далеко на сѣверѣ, вблизи Печоры, Тиманъ уже состоитъ изъ ряда параллельныхъ кряжей, округленныхъ и сглаженныхъ, то лишенныхъ растительности, то покрытыхъ лѣсами.

Восточный изъ этихъ кряжей, названный Каменноугольной грядой, сопровождается съ запада такъ наз. Чайцынскимъ камнемъ, который оканчивается непосредственно на берегу Ледовитаго океана. Далѣе къ западу тянется собственно Тиманскій камень, а за нимъ — послѣдній — Косминскій камень. Хребты Тимана представляютъ въ настоящее время лишь остатки тѣхъ складокъ, которыми они были образованы въ одну изъ отдаленнѣйшихъ геологическихъ эпохъ. Долгое время измѣнило ихъ почти до неузнаваемости, тѣмъ болѣе, что разрушенію ихъ способствовалъ мощный ледяной покровъ, одѣвавшій ихъ въ ледниковый періодъ, а затѣмъ и смѣнившія его волны моря, среди котораго ихъ невысокія вершины поднимались лишь въ видѣ одинокихъ острововъ.

Къ югу отъ Богословскаго Урала нагорье быстро понижается, но за то расползается въ ширину. Непосредственнымъ продолженіемъ Богословскаго Урала служитъ та часть его, которую обыкновенно называютъ Гороблагодатскимъ Ураломъ. Широкій и низкій, онъ даже наиболѣе высокими своими вершинами едва достигаетъ 2800 ф. На восточномъ его хребтѣ, который и здѣсь выше западнаго, водораздѣльнаго, поднимается рядъ сопокъ: Качканаръ, Кудрявый и Саранный Камни; обособленной является гора Бла-

годать, сложенная изъ магнитнаго желѣзняка. Качканаръ поднимается въ видѣ огромнаго конуса, увѣнчаннаго на вершинѣ двумя острыми зубьями: Полуденнымъ и Сѣвернымъ рогомъ. Между ними гребень горы представляетъ цѣлый рядъ скалистыхъ утесовъ съ зубчатыми вершинами, которыя покрыты низкорослыми березами, елями, кедрами, пихтами и верескомъ. По склонамъ же Качканара растетъ прекрасный боровой лѣсъ.

Немного сѣвернѣе того мѣста, гдѣ находится гора Благодать, Уралъ начинаетъ измѣнять свое направленіе и уклоняется къ юго-востоку. Въ немъ выдаются здѣсь своею высотою только два кряжа, все дальше и дальше отходящіе одинъ отъ другого. Съ боковъ тянутся невысокіе увалы, а лощины между ними или поросли лѣсами, или заняты болотами и озерами. Далѣе на югѣ, въ Екатеринбургскомъ Уралѣ горы почти теряютъ свой прежній обликъ, и передъ нами разстилается уже настоящая холмистая равнина, среди которой хоть кое-гдѣ поднимаются невысокіе и короткіе кряжи. Значеніе Урала, какъ хребта, который бы разграничивалъ Европу съ Азіей, почти утрачивается, и перевалъ черезъ горы (на пути къ Екатеринбургу) достигаетъ лишь 1155 футовъ высоты.

Водораздѣльный хребетъ, представлявшій въ болѣе сѣверныхъ частяхъ Урала непрерывную горную цѣпь, иногда скалистую, дикую и высокую, здѣсь едва замѣтенъ. Въ видѣ пояса невысокихъ равнинъ, изобилующихъ болотами и озерами, тянется онъ среди окружающихъ его кряжей. Часто онъ такъ неясенъ и настолько сглаженъ, что бѣгущія съ него въ разныя стороны рѣчки начинаются изъ одного и того же болота. Вообще невысокій, онъ только на югѣ достигаетъ 1740 футовъ, немного уступая въ этомъ отношеніи тѣмъ кряжамъ, которые слагаютъ Уралъ въ наиболѣе низкихъ его мѣстахъ.

Несмотря на крайнюю сглаженность, на сильное пониженіе кряжей, и здѣсь западный и восточный склоны Урала разнятся между собою. Западный склонъ имѣетъ холмистый характеръ и мѣстность изборождена рѣчными долинами. Переходъ отъ этихъ холмистыхъ пространствъ къ самому хребту почти незамѣтенъ и совершается постепенно.

На востокѣ же хребты Урала и здѣсь мѣстами очень круто и рѣзко обрываются передъ зауральской равниной, представляющей собою невысокую, слабо всхолмленную мѣстность, по которой въ изобиліи разбросаны небольшія, богатыя рыбой озера.

Многія изъ этихъ озеръ представляли нѣкогда большіе бассейны, отъ которыхъ въ настоящее время сохранились лишь торфяныя болота, кое-гдѣ еще бѣлѣющія своими „окнами“. Но большое количество ихъ разбросано еще и теперь въ этой части Урала. Обширныя и глубокія, обрамленныя красивыми, поросшими лѣсомъ берегами, они придаютъ особую прелесть горному ландшафту. Нѣкоторыя изъ этихъ озеръ достигаютъ весьма значительной величины, какъ напр. Иртяшъ, который занимаетъ площадь болѣе двухсотъ квадратныхъ верстъ. Въ озера скатываются горные ручьи и рѣчки, берущіе начало изъ безчисленныхъ нагорныхъ ключей. Хороши и красивы многія озера Урала, но лучшее изъ нихъ все таки Иткуль. „Представьте себѣ большое, глубокое озеро, окруженное со всѣхъ сторонъ значительными горами, съ крутыми отвѣсными берегами, принимающее множество рѣчекъ, текущихъ въ широкихъ долинахъ съ самою разнообразною растительностью. Лѣса здѣсь довольно рѣдки, но представляютъ собою самое счастливое сочетаніе березы и сосны, которыя достигаютъ огромной величины; кондовыя сосны и громадные пни ясно показываютъ, что здѣсь еще не такъ давно былъ дремучій непроходимый лѣсъ и что это только остатки его прежняго величія“. (Сабанѣевъ). Озеро Иткуль лежитъ уединенно среди окружающихъ его горъ. Но сколько озеръ собраны въ живописныя группы, или представляютъ собою настоящія водныя цѣпи. Какой длинный рядъ прелестныхъ озеръ окаймляетъ на востокѣ подножіе Урала на протяженіи многихъ десятковъ верстъ и кончается огромнымъ, покрытымъ островами озеромъ Увельды! Озера Силачъ, Сунгулъ, Киреты, Карасье, Большіе Касли, Большой и Малый Косигачъ — все это въ сущности одно огромное озеро, мѣстами суженное, съ красивыми затѣйливыми очертаніями. И всѣ эти озера заключаютъ въ себѣ значительныя рыбныя богатства, къ сожалѣнію безпощадно и неразумно расхищаемыя человѣкомъ.

Озеро Тургоякъ.

Саткинскіе пороги.

Но истиннымъ украшеніемъ горнаго ландшафта Урала служатъ его многочисленныя рѣки. Сложною и прихотливою сѣтью покрываютъ онѣ западную часть горъ; за то на востокѣ ихъ значительно меньше и часто онѣ соединяютъ здѣсь лишь болота да озера. Всѣ рѣки западнаго склона скатываются въ многоводную Каму, главную артерію Приуральскаго края, и изъ нихъ наибольшею извѣстностью, какъ по величинѣ и красотѣ береговъ, такъ и по ихъ значенію пользуются Уфа и особенно Чусовая. Послѣдняя родится на западномъ склонѣ Урала, а затѣмъ течетъ вдоль крайняго его западнаго отрога на сѣверъ и, повернувъ, наконецъ, къ западу, впадаетъ въ Каму. Долина ея отличается своеобразною прелестью, на берегахъ ея то и дѣло поднимаются огромныя скалы, т. наз. „бойцы". Трудно представить себѣ ту огромную силу, какую должна была имѣть рѣка, чтобы прорвать тѣ каменныя твердыни, среди которыхъ извивается ея русло. Но кромѣ Чусовой еще множество рѣкъ, вродѣ Яйвы, Сылвы, Вогулки и многихъ другихъ, бѣгутъ по склонамъ Урала, питаемыя обильными его дождями и снѣгами. И всѣ онѣ неустанно, годами, вѣками совершаютъ свою разрушительную работу.

Но этого мало. На восточномъ склонѣ Урала, на значительной высотѣ, скалы горъ какъ бы обмыты, обточены, сглажены и выказываютъ видъ подобный тому, который мы встрѣчаемъ на скалистыхъ морскихъ берегахъ. Очевидно, это результаты многовѣковой работы морскихъ волнъ, подтачивавшихъ береговые утесы. Значитъ обширный морской бассейнъ заливалъ нѣкогда своими водами даже высокія части Урала.

Впрочемъ, разрушаясь въ однѣхъ своихъ частяхъ, Уралъ какъ бы вновь созидался въ другихъ. Море заполняло своими осадками неровное дно, отлагало осадки въ долинахъ залитыхъ ими горъ. А когда схлынуло, текучія воды частью продолжали ту же созидательную работу, къ которой не оставались безучастными и растенія, благодаря которымъ образовались тѣ болотистыя пространства, которыя такъ часты въ этой зонѣ Урала.

Такъ на первоначальномъ фундаментѣ, созданномъ подземными силами, выросло новое зданіе, строителями котораго

были вода и атмосфера. Объ этомъ говорятъ на Уралѣ и мягкія, округлыя очертанія его горъ, и зелень лѣсовъ, покрывающихъ ихъ пологіе склоны, и долины его быстрыхъ рѣкъ, и трудъ человѣка, которому такъ легко отдаетъ теперь, недоступный прежде, Уралъ свои неисчерпаемыя богатства.

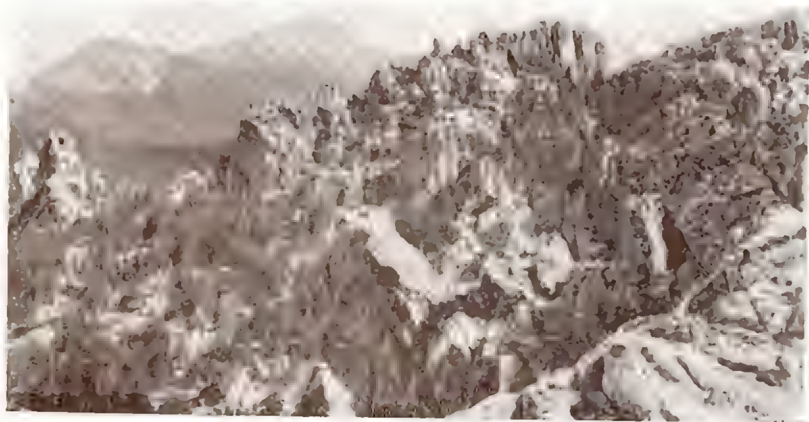
Въ южной своей части Средній Уралъ начинаетъ повышаться и, наконецъ, переходитъ въ широко развѣтвленную горную систему, въ цѣлый вѣеръ хребтовъ, надъ лѣсистыми склонами которыхъ рѣзко выступаютъ скалистыя вершины. Уралъ какъ бы дѣлаетъ здѣсь послѣднюю попытку подняться до прежней своей высоты и, почти успѣвъ въ этомъ, замираетъ среди безводныхъ степей своимъ крайнимъ южнымъ отрогомъ — Мугоджарами.

Южный Уралъ начинается высокой Юрмой, за которой сразу раздѣляется на три самостоятельныя вѣтви, изъ которыхъ восточная носитъ названіе Ильменскихъ горъ, а западная горъ Уренгайскихъ. Въ серединѣ между ними тянется лѣсистый Уралъ-Тау, водораздѣльный хребетъ, самый древній изъ всѣхъ этихъ трехъ. Отклонившись сначала немного къ западу, хребты идутъ затѣмъ прямо къ югу. Ильменскія горы въ видѣ двухъ, а мѣстами и четырехъ кряжей, тянутся самостоятельной горной цѣпью параллельно Уралъ-Тау. Между этими темными, одѣтыми лѣсомъ хребтами, раскинулась долина р. Міаса, широкая, свѣтлая съ березовыми перелѣсками и сосновыми борами, которые смѣняются сплошными поемными лугами, воздѣлываемыми полями или поросшими березой болотами. Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ она становится шире, такъ какъ Уралъ-Тау отходитъ все больше и больше къ юго-западу, а Ильменская цѣпь тянется прямо на югъ. Въ своемъ сѣверномъ концѣ она достигаетъ наибольшей своей высоты, затѣмъ постепенно поднимается и, наконецъ, переходитъ въ ряды незначительныхъ холмовъ.

Уралъ-Тау, центральная цѣпь Южнаго Урала, является однообразнымъ, невысокимъ, мѣстами прерваннымъ горнымъ хребтомъ. Сложенный изъ кристаллическихъ породъ, онъ представляетъ собою длинную, нѣкогда болѣе высокую складку, которая крутыми и отвѣсными обрывами падаетъ на востокѣ и мягко понижается къ западу. Наиболѣе вы-

Путь къ Таганаю.

Общій видъ Малаго Таганая.

el 3.

сокія его вершины едва достигаютъ 3000 ф. Все время понижаясь къ югу, Уралъ-Тау въ верховьяхъ рѣки Урала внезапно поднимается вновь сопкой Уйташъ, а затѣмъ переходитъ въ невысокую горную гряду, которая въ южныхъ предѣлахъ его едва замѣтна. Великолѣпные лѣса изъ душистой пихты и темной ели, перемѣшанныхъ съ березой и осиной, покрываютъ его гребни и склоны, смѣняясь кое-гдѣ сочною зеленью горныхъ луговъ; только на югѣ лѣса почти исчезаютъ, и тогда степная растительность покрываетъ его низкія возвышенности.

Гора Юрма начинаетъ собою самую высокую изъ цѣпей Южнаго Урала — Уреньгайскую. Это не сплошная, непрерывная горная цѣпь, а рядъ отдѣльныхъ хребтовъ, то короткихъ, то длинныхъ, но всегда высокихъ, мѣстами неприступныхъ, со скалистыми вершинами, очень живописныхъ. Одинъ за другимъ встаютъ здѣсь такіе каменные колоссы, какъ Таганай, Уреньга, Яманъ-Тау, Иремель. По имени самаго длиннаго изъ этихъ кряжей — Уреньги и вся цѣпь получила свое названіе.

Массивный кряжъ Юрмы, окруженный мѣстами почти непроходимыми болотистыми топями, весь обросшій лѣсомъ, увѣнчанъ наверху широкимъ и гладкимъ гребнемъ, откуда открывается далекій видъ. Прямо на сѣверъ бѣгутъ пологіе, лѣсистые хребты Средняго Урала, кое-гдѣ въ долинахъ едва замѣтными лентами вьются ближнія рѣчки или блестятъ озера, на востокѣ мягкія очертанія зеленыхъ Ильменскихъ горъ, на югѣ скалистый Таганай, а за нимъ далекія горы — все синѣе и туманнѣе.

Къ югу отъ Юрмы, раздѣляемый отъ нея обширной равниной, гдѣ зыбучія лѣсныя болота смѣняются грудами безпорядочно разбросанныхъ валуновъ, поднимается тремя скалистыми вершинами огромный Таганай, господствуя благодаря своей высотѣ надъ окружающимъ его горнымъ ландшафтомъ. За Таганаемъ высится длинная Уреньга, а между ними, въ долинѣ быстраго Ая, пріютился Златоустъ, одинъ изъ оазисовъ человѣческаго труда среди первобытной, но прекрасной природы Урала.

Къ югу отъ Уреньги идетъ хребетъ Ивалды и Ягодныя

горы. Цвѣтущая долина рѣки Тюлюка отдѣляетъ отъ нихъ на востокѣ кряжъ Авалякъ, а на югѣ Иремель. Послѣдній рѣзко прерываетъ собою идущую въ юго-западномъ направленіи Уреньгайскую цѣпь, которая какъ бы замѣняется цѣлымъ рядомъ хребтовъ иного простиранія. Описавъ дугу, Иремель поворачиваетъ къ юго-западу и здѣсь поднимается на высоту 5243 ф. Сѣверо-западный склонъ Иремеля очень пологій и не имѣетъ болотъ, этихъ обычныхъ спутниковъ большинства наиболѣе высокихъ вершинъ Урала, а потому подъемъ на него съ этой стороны не представляетъ затрудненій. „Вдоль гребня Иремеля идетъ рядъ живописныхъ сопокъ, подняться на которыя сравнительно не трудно, такъ какъ въ осыпяхъ здѣсь отсутствуютъ тѣ гигантскія глыбы, которыя дѣлаютъ почти неприступными сопки на другихъ болѣе западныхъ хребтахъ, а также сѣверо-восточный склонъ того-же Иремеля“ (Карпинскій). Вотъ какъ передаетъ свои впечатлѣнія извѣстный писатель Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, совершившій восхожденіе на этотъ колоссъ Южнаго Урала: „первое, что намъ предстояло сдѣлать — это перевалить по каменистой дорогѣ кряжъ Авалякъ. Задача оказалась довольно трудной, потому что горная, изрытая дождями каменистая дорога была ужасна. Съ вершины Аваляка открылся видъ на Иремель, который поднимался на сѣверѣ сплошной розсыпью фіолетоваго цвѣта — ни дерева, ни кусточка. Я еще въ первый разъ на Уралѣ видѣлъ такую громадную гору, состоявшую изъ сплошного камня. Общій контуръ горы не представлялъ собою ничего особеннаго, потому что вершина была вытянута въ одну линію, какъ у громаднаго стога сѣна. Издали едва можно было разсмотрѣть на вершинѣ горы два „кабана“, т. е. выдавшіяся скалы. Въ Среднемъ Уралѣ ихъ называютъ „шиханами“. Иремель протянулся съ запада на востокъ, точно громадный корабль, сѣвшій на мель и загородившій теченіе, — другія горы синими валами тянулись съ сѣвера на югъ.“

„Нашъ подъемъ на большой Иремель начался не прямо, а большимъ обходомъ. Сначала мы должны были подняться на высокую сѣдловину, связывавшую оба Иремеля и, такимъ образомъ, обогнуть Большой Иремель съ восточной стороны.

Гора Таганай.

Этотъ подъемъ съ каждымъ шагомъ впередъ дѣлался все труднѣе. Скоро лѣсъ остался назади, и мы ѣхали по самому верху сѣдловины: слѣва поднималась каменистая круча Большого Иремеля, вправо розсыпи и скалы Малаго. Но скалы здѣсь составляли исключеніе, а обѣ горы по преимуществу состояли изъ розсыпей. Издали такая розсыпь походитъ на мостовую, а вблизи она превращалась въ громадные камни, точно высыпанные съ вершины горы. Подняться верхомъ на лошади по такой розсыпи нечего и думать, а можно только карабкаться пѣшкомъ, перелѣзая съ одного камня на другой. Дальнѣйшій подъемъ къ главному кабану Иремеля шелъ на протяженіи цѣлой версты по такому же, какъ и прежде горному, каменистому болоту. Самъ кабанъ — огромная круча, сложенная изъ камней, высотой сажень въ шестьдесятъ, подъемъ на которую не представляетъ большого подвига".

„Съ высоты кабана открывался великолѣпный видъ, хотя онъ и былъ загроможденъ перекрещивавшимися горами, точно онѣ здѣсь столкнулись, какъ сбѣжавшееся въ одну кучу стадо. Лучшій видъ, пожалуй, былъ въ сторону засѣвшаго глубоко въ горахъ Тюлюка. Другой видъ открывался на югъ, въ сторону Тирлянскаго завода, около котораго поднималась огромная сопка. Самая вершина Иремель представляла собой громадную плоскость, точно гора была срѣзана".

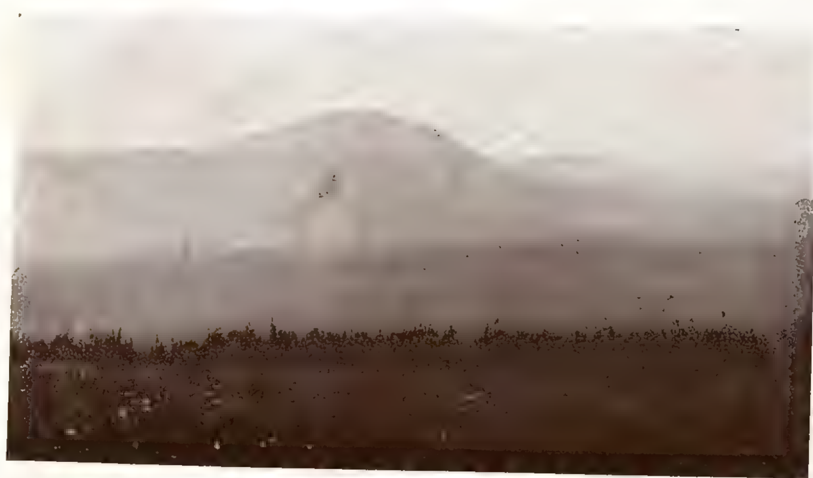
Но всѣхъ выше, всѣхъ скалистѣе огромный, мало извѣстный Яманъ-Тау, въ видѣ двухъ конусовъ поднимающійся къ юго-западу отъ Иремеля. Исполинскіе Конжаковскій и Денежкинъ „камни" да могучій Тельпосъ-Исъ — вотъ его соперники по высотѣ. Вокругъ Яманъ-Тау разстилается настоящая лѣсная пустыня, гдѣ прячутся робкіе олени и козули и свободно бродитъ медвѣдь, самый крупный хищникъ Урала. Обширныя свѣтлыя поляны, всѣ заросшія душистыми травами въ ростъ человѣка, прерываютъ эти могучіе лѣса изъ ели, пихты, березы и стройной лиственницы. Мѣстами по нимъ бѣгутъ быстрыя рѣчки, шумящія по камнямъ, вродѣ Нуры, Инзера и др. Вблизи самаго Яманъ-Тау разбросано нѣсколько топкихъ моховыхъ болотъ, заваленныхъ грудами валуновъ и поросшихъ рѣдкой и чахлой растительностью. Чѣмъ ближе къ

вершинѣ, тѣмъ больше мѣняется мѣстность. Вмѣсто безконечныхъ лѣсовъ здѣсь зеленѣютъ луга, на которыхъ кое-гдѣ высятся мохнатыя ели, да изрѣдка попадаются низкія, полузасохшія пихты. Эти горныя настбища поднимаются высоко по склонамъ. Даже въ сѣдловинѣ между двумя огромными, покрытыми розсыпью конусами Яманъ-Тау онѣ еще пестрѣютъ яркимъ ковромъ своихъ милыхъ цвѣтовъ. Конусы горы состоятъ изъ огромныхъ валуновъ кварцитовъ, кварцевыхъ песчаниковъ и конгломератовъ, сплошь покрытыхъ мхомъ да лишайникомъ. Разпластываясь по землѣ, прикрывая собою всѣ острые углы камней, стелется здѣсь и своеобразный можевельникъ, добираясь вмѣстѣ съ лишайникомъ до самой вершины. Съ открытой площадки послѣдней „открывается широкій горизонтъ съ чудной панорамой во всѣ стороны уходящихъ въ даль темно-зеленыхъ, черныхъ и сѣрыхъ хребтовъ“. (Красильниковъ).

Къ востоку отъ Яманъ-Тау поднимается сначала хребетъ Авалякъ, а за нимъ и невысокій Уралъ-Тау; вдоль него течетъ въ своей скалистой и живописной долинѣ рѣка Бѣлая а со склоновъ Урала въ нее скатываются многочисленные, извилистые и быстрые ея притоки, вродѣ Узяка, Каны, Авзяна и др. На восточныхъ склонахъ Уралъ-Тау зарождается могучій Уралъ, несущій свои воды въ Каспійское море. Сопровождая теченіе рѣки, или раздѣляя его притоки, поднимается здѣсь цѣлый рядъ значительныхъ возвышенностей, каковы напр. хребетъ Указы, Бугасты, Авыръ и пр. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Уралъ далеко отходитъ отъ водораздѣльнаго Уралъ-Тау, все пространство между ними наполнено группами горныхъ кряжей различнаго направленія. То они тянутся вдоль главнаго хребта, то какъ-бы пересѣкаются другъ съ другомъ, то поднимаются отдѣльными странной изогнутой формы (хребетъ Урязы) массивами. За рѣкой Ураломъ рѣзко выдающіеся кряжи только мѣстами тянутся правильными рядами, составляя продолженіе Ильменскихъ горъ. Здѣсь они еще покрыты лѣсами, но дальше къ востоку мѣстность быстро измѣняется, представляя собою невысокую горную страну, усѣянную плоскими холмами, которые поднимаются то уединенно, то соединяются въ небольшія группы, а лежащія между ними

Розсыпь близъ Большого Яманъ-Тау

Гора Большой Яманъ-Тау.

плоскія и широкія долины придаютъ мѣстности почти совершенно степной характеръ.

Весь восточный склонъ южнаго Урала заполненъ рядомъ озеръ, которыя становятся тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ дальше въ степь, въ предѣлы Азіи. Вдоль самаго Уралъ-Тау, въ глубокихъ долинахъ сопровождающихъ его кряжей, раскинулись настоящія горныя озера, глубокія съ прѣсной и чистой, какъ хрусталь, водой, въ которыхъ отражаются и стиснувшія озеро скалы, и темная зелень обросшаго ихъ лѣса. Уже не тѣ озера въ области плоскихъ холмовъ. На низкихъ и скучныхъ ихъ берегахъ лишь кое-гдѣ одиноко поднимаются выступы скалъ; лишенныя стока, онѣ часто имѣютъ солоноватую воду. Еще дальше отъ Урала, гдѣ разстилается необъятная равнина, мѣстами бѣлѣющая своими солончаками, раскинуто безчисленное множество настоящихъ степныхъ озеръ.

Если на востокѣ Урала горный ландшафтъ быстро смѣняется однообразіемъ равнины, то къ западу отъ своей главной складки — Уралъ-Тау, горы, напротивъ, достигаютъ наибольшаго развитія. Юго-западное ихъ направленіе, которое только намѣчалось въ началѣ Южнаго Урала, здѣсь выражено вполнѣ явственно. Длинные, могучіе хребты какъ бы отталкиваются отъ центральнаго кряжа и только далеко на западѣ снова возвращаются къ направленію, общему для Урала.

Южнѣе Златоуста начинается цѣлый рядъ короткихъ, но высокихъ горныхъ хребтовъ, которые тянутся вдоль Уреньгайской цѣпи, къ западу отъ нея и отдѣляются долинами рѣкъ сначала Ая, а потомъ Юрезани. Изъ нихъ особенно выдается Нургушъ, а его продолженіемъ служитъ низкій, но длинный хребетъ Бакты, къ югу отъ котораго высится Бѣлетуръ. Но одной изъ самыхъ длинныхъ и высокихъ цѣпей Южнаго Урала, увѣнчанной живописными вершинами, является хребетъ Зигальга и ея продолженіе — хребетъ Нары. Осыпи изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ покрываютъ склоны этихъ кряжей, а ихъ подножіе охватываютъ глубокія болота и топи, полныя тѣхъ же камней. Трудно добраться до ихъ высокихъ вершинъ, но за то отсюда сразу можно окинуть взоромъ всѣ цѣпи продольныхъ хребтовъ, которыя какъ волны гигантскаго прибоя чередою бѣгутъ къ синѣющему вдали Уралъ-Тау.

Дикъ и непривѣтливъ Уралъ далекаго Сѣвера. Мрачно стоятъ окутанныя снѣгомъ вершины его скалистыхъ кряжей, поднимаясь надъ пустынными тундрами или моремъ хвойнаго лѣса, гдѣ непроглядныя чащи смѣняются гарями, наводящими на путника щемящую сердце тоску. Въ глубокихъ долинахъ бѣгутъ его никому не нужныя рѣчки, а кругомъ тишь и безлюдье. Человѣкъ здѣсь рѣдкій гость, и привольно живется въ этомъ мірѣ камня и лѣса только дикому звѣрю.

За то какъ хорошъ, какъ плѣнителенъ Южный Уралъ! Его каменные кряжи сверху до низу также одѣты зеленымъ покровомъ лѣса, но какого лѣса! Здѣсь заросли крѣпкаго дуба смѣняются купами бѣлоствольныхъ березъ, широколистный кленъ и вязъ сбѣгаютъ по склонамъ въ долины, а высоко въ горахъ яркіе и сочные луга обрамлены, какъ рамами, темною зеленью хвойнаго лѣса. По широкимъ, цвѣтущимъ долинамъ безчисленныхъ рѣкъ раскинулись покосы и пастбища. Вдобавокъ во многихъ изъ этихъ долинъ, въ невзрачныхъ съ виду слояхъ песку и глины, таится драгоцѣнный металлъ, а цѣлыя горы сложены изъ желѣза. И какъ контрастъ съ этой роскошной и богатой природой — рѣдкія и убогія поселенія человѣка.

Къ югу отъ хребта Нары Уреньгайская цѣпь образуетъ еще нѣсколько отдѣльныхъ хребтовъ, изъ которыхъ наибольшей высоты достигаютъ Мал. Яманъ-Тау и Кара-Ташъ. Послѣднимъ звеномъ этой длинной цѣпи является кряжъ Ирендыкъ, большой отрогъ, отходящій отъ Уреньгайскаго хребта между истоками рѣкъ Бѣлой и Урала. Извѣстный въ началѣ, до прорыва его рѣкой Кизиломъ, подъ именемъ хр. Киркты, онъ имѣетъ видъ широкой, расплывчатой, но довольно высокой возвышенности, вершина которой — горное скалистое плато. На сѣверѣ его сплошь покрываютъ густые сосновые лѣса, а со склоновъ съ гармоничнымъ шумомъ сбѣгаютъ безчисленные ручьи и рѣчки въ плодоносныя долины Сакмары и Урала. Едва замѣтно понижаясь къ югу, хр. Ирендыкъ обрывается внезапно у горы Джиль-башъ крутымъ уступомъ и дальше получаетъ видъ возвышенной равнины, гдѣ мѣсто лѣса занимаютъ горныя степи. По мѣрѣ движенія къ югу эта холмистая равнина понемногу становится выше и, нако-

нецъ, около рѣки Урала вздымается скалистымъ Губерлинскимъ кряжемъ, составляющимъ правый берегъ рѣки. Крутыя, съ острыми и голыми вершинами, поросшія только по склонамъ низкими степными травами, изрѣзанныя глубокими логами, Губерлинскія горы совсѣмъ не похожи на остальные кряжи Урала и отличаются пустынностью и дикой красотой своихъ пейзажей. При томъ онѣ не отличаются высотою, лишь мѣстами достигая 1500 ф.

Среди многочисленныхъ отроговъ и вѣтвей, которыя отбрасываетъ отъ себя та же Уреньгайская цѣпь къ западу, наиболѣе значительной является та, которая зовется Общимъ Сыртомъ. Онъ начинается въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Бѣлая дальше всего вдается на югъ, и представляетъ собою цѣлую систему плоскихъ холмовъ и волнообразныхъ возвышенностей, сложенныхъ то изъ песчаниковъ, то изъ известняковъ. Мѣстами эти возвышенности одѣты на вершинахъ лѣсомъ, но большею частью онѣ совершенно безлѣсны и покрыты степною растительностью. Кое-гдѣ среди отроговъ Общаго Сырта поднимаются довольно значительныя вершины причудливыхъ очертаній или лежатъ озера. Отдѣляясь отъ Уреньгайской цѣпи, возвышенности Общаго Сырта входятъ нѣсколькими отдѣльными вѣтвями въ обширное пространство между Ураломъ и Волгой и служатъ здѣсь водораздѣлами многихъ рѣкъ. Представляя собою окраину обширной Арало-Каспійской низменности, Общій Сыртъ на югѣ носитъ чисто степной характеръ. Его вершины здѣсь безплодны, голы, и только по склонамъ его отроговъ иногда встрѣчается черноземъ.

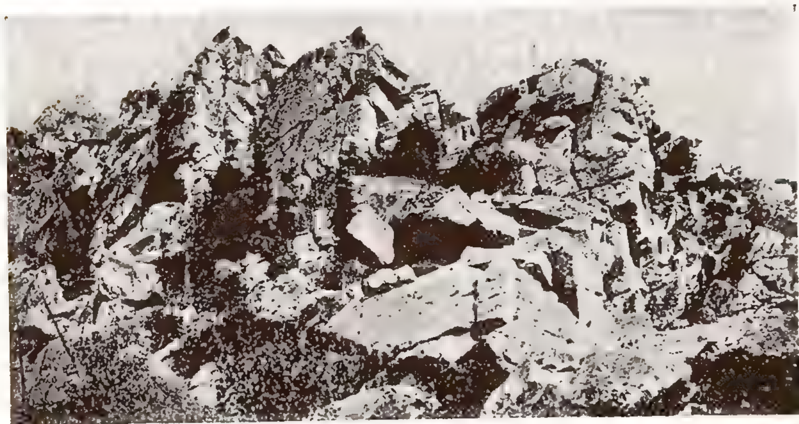
Огромныя Уральскія горы, широкія въ своей южной части, какъ бы внезапно обрываются, достигнувъ береговъ рѣки Урала. Однако длинный и узкій хребетъ Мугоджары, идущій прямо къ югу и упирающійся въ пустынное плоскогорье Усть-Урта, которое раздѣляетъ Каспійское и Аральское моря, еще продолжаетъ собою Уралъ. На протяженіи почти двухсотъ верстъ тянется среди однообразной и скучной степи эта каменистая гряда въ видѣ двухъ продольныхъ кряжей, а въ стороны отъ нихъ разбѣгаются отроги. Вообще невысокія, горы эти только въ средней своей части достигаютъ 1000 футовъ.

Въ сѣверной своей части Мугоджары довольно живописны. Онѣ прорѣзаны мѣстами глубокими балками, по дну которыхъ часто бѣгутъ ручьи, съ берегами „покрытыми зарослями березы, таловъ, ветлы, черемухи, осины, крушины, жимолости, боярышника; по скатамъ балокъ бобовникъ и таволга переплетены вѣтвями ежевики. Шиповникъ дѣлаетъ чащу мѣстами непроходимой. Въ особенности хороша эта мѣстность въ весеннее время, когда въ цвѣту черемуха, и таволга, и бобовникъ; соловьиная пѣснь ни на минуту тогда не умолкаетъ". (М. Леваневскій). Но въ южныхъ своихъ частяхъ Мугоджары печальны и угрюмы. Я помню, какъ послѣ долгаго и утомителнаго степного пути мы замѣтили, наконецъ, на далекомъ горизонтѣ неясныя очертанія Мугоджаръ. Въ степи всякая, даже незначительная возвышенность, вырисовывается какъ то особенно ясно и привлекаетъ къ себѣ невольно вниманіе, не говоря уже о невысокихъ горахъ. Разъ увидѣвъ ихъ, уже невозможно оторвать отъ нихъ взора. Какъ гигантскій магнитъ, притягиваютъ и манятъ къ себѣ эти голубоватыя издали горы, которыя становятся единственнымъ предметомъ нашихъ желаній. Но вотъ передъ нами и Мугоджары въ видѣ ряда невысокихъ холмовъ, на которые мѣстами взбѣгаетъ жалкая степная растительность. Кое-гдѣ на пологихъ склонахъ небольшіе, въ формѣ столбовъ вертикальные обрывы гранита, главная масса котораго скрыта рыхлою почвой, а подъ нимъ мелкая розсыпь изъ его же обломковъ. Гранитъ необыкновенно хрупокъ и легко разсыпается отъ малѣйшаго прикосновенія. Такіе же обрывы и на вершинѣ, откуда видны убѣгающія въ далекую степь цѣпи холмовъ, такихъ же безцвѣтныхъ, однообразныхъ и безжизненныхъ, какъ и окружающая ихъ мертвая, печальная степь.

Южный Уралъ почти не отличается отъ Средняго по своему строенію. Его центральный, водораздѣльный кряжъ сложенъ, какъ мы выше видѣли, изъ слюдистыхъ кварцитовъ и другихъ кристаллическихъ породъ. На востокѣ къ этому поясу примыкаетъ полоса гранитовъ, гнейсовъ и сіенитовъ, прорванныхъ кое-гдѣ порфирами и габбро. На западномъ же его склонѣ огромныя пространства занимаютъ осадочныя отложенія девонской, каменноугольной и пермской системъ. По-

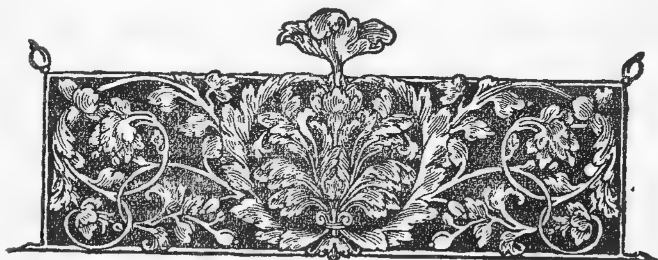

Камни на вершинѣ Большого Ямань-Тау.

Уральская сопка на границѣ Азіи.

добно Среднему Уралу Южный также заливался моремъ, которое нѣсколько разъ подходило къ его склонамъ и глубоко въ него внѣдрялось. Послѣднимъ изъ такихъ морей былъ огромный Каспій. Онъ также занесъ осадками глубокія впадины своего дна. Тогда рѣки Урала были гораздо короче и текли въ болѣе высокихъ долинахъ. Отступившее море оставило многочисленные слѣды своего пребыванія въ видѣ чуждыхъ кореннымъ породамъ Урала осадковъ, которые иногда (напр. въ долинѣ рѣки Бѣлой) лежатъ на большой высотѣ.

III.

Рѣки.

Стекающіе со склоновъ Урала ручьи и потоки, сливаясь между собою, образуютъ, наконецъ, рѣки, изъ которыхъ однѣ доставляютъ притоки Печоры, Камы и Урала, другія же впадаютъ въ Тоболъ и относятся къ системѣ сибирской Оби. Водораздѣлъ между рѣками западнаго и восточнаго склона не представляетъ прямой линіи, а идетъ извилисто, перемѣщаясь то болѣе къ востоку, то къ западу. Этимъ объясняется, почему нѣкоторыя рѣки, текущія на западъ, заходятъ своими истоками гораздо восточнѣе притоковъ нѣкоторыхъ сибирскихъ рѣкъ, и наоборотъ. Мѣстами на водораздѣлѣ совсѣмъ отсутствуютъ горы, и ихъ замѣняютъ обширныя болотистыя пространства.

Зарождаясь на склонахъ хребтовъ, на плоскихъ возвышенностяхъ, въ болотахъ, или даже (на сѣверѣ) изъ пятенъ почти нестаивающаго лѣтомъ снѣга, рѣки Урала пробираются обыкновенно сначала среди камней (по каменистымъ розсыпямъ) въ видѣ незначительныхъ ручьевъ по мелкимъ и узкимъ ложбинамъ. Пополняясь понемногу водою сосѣднихъ ручьевъ,

онѣ несутся дальше уже шумнымъ и извилистымъ потокомъ. На западномъ склонѣ такіе потоки, благодаря большому количеству выпадающихъ дождей, скоро принимаютъ видъ настоящихъ горныхъ рѣкъ, съ значительнымъ уклономъ ложа, съ обильными переборами или порогами, съ скалистыми, утесистыми берегами. Такова, напр., Вишера, которая на протяженіи болѣе ста верстъ бѣжитъ продольной долиной, поражая красотой своихъ береговъ, гдѣ одинъ за другимъ, одинъ выше другого, поднимаются „камни"; такова и Чусовая.

Часто рѣчныя долины расширяются, горы отходятъ отъ рѣки, уступая мѣсто низменностямъ, на которыхъ раскинулись болота или ярко-зеленые луга. Во многихъ случаяхъ здѣсь существовали нѣкогда озера, отъ которыхъ теперь почти не осталось и слѣда.

Тамъ, гдѣ рѣка, стараясь пробраться на равнину, прорываетъ горный кряжъ, вдоль котораго она текла до сихъ поръ, ея поперечная долина узка и ограждена отвѣсными, крутыми берегами. Стѣсненная береговыми скалами, рѣка увеличиваетъ свою скорость и быстро несется по узкому, иногда необычайно живописному ущелью. Чѣмъ тверже породы, изъ которыхъ сложены горы, прорѣзанныя рѣкою, тѣмъ уже ущелье, круче обрывы его стѣнъ, болѣе дики его скалы. Но если породы податливы и мягки, тогда долина рѣки развертывается на ширину нѣсколькихъ верстъ, а ея склоны спускаются въ видѣ обширныхъ ступеней, или терассъ.

Глубокія ущелья невольно вызываютъ вопросъ, какъ могли потоки прорвать эти каменныя твердыни, часто болѣе высокія, чѣмъ тотъ хребетъ, съ котораго онѣ стекаютъ? Надо думать, что въ ту отдаленную эпоху, когда изъ всѣхъ горныхъ кряжей существовалъ только высокій Уралъ-Тау, съ его склоновъ текли уже рѣки къ окружавшимъ его равнинамъ. Однако та подземная сила, которая создала Уралъ-Тау, этотъ первый водораздѣльный хребетъ, продолжала выдвигать все новые и новые параллельные хребты; медленно поднимаясь на пути древнихъ рѣкъ, эти кряжи постепенно прорѣзались ими; врѣзываясь въ каменныя толщи выступавшихъ складокъ, рѣки углубляли свое русло, оставляя мѣстами слѣды своей послѣдовательной работы въ видѣ терассъ.

Уже бѣглый взглядъ на карту Приуральскаго края показываетъ, что западная, европейская часть нагорья орошена гораздо обильнѣе, чѣмъ Зауралье, гдѣ на югѣ рѣки принимаютъ уже характеръ степныхъ. Какую сплошную сѣть представляетъ собою одна Кама со своими многочисленными притоками, изъ которыхъ большинство удобно для судоходства, или, по крайней мѣрѣ, для сплава плотовъ и лѣса. Таковы, напр., рѣки Коса, Уролка, Кондасъ, Иньва, Обва, Очеръ, Сива и многія другія, впадающія въ Каму съ правой стороны. Съ лѣвой же въ нее катятъ свои воды Веслена, Лунья, Леманъ, Кельтма, Вишера съ Колвой, Усолка, Яйва, Косьва, Чусовая съ Сылвой, Тулва, Буй и, наконецъ, Бѣлая со своими притоками Нугушомъ, Зиганомъ, Зилимомъ, Инзеромъ, Симомъ, Уфой и пр. Въ предѣлахъ только одной Пермской губерніи длина всѣхъ притоковъ вмѣстѣ съ длиной самой Камы достигаетъ почти 16 000 верстъ (15 434 в.). Въ южной части Приуральскаго края течетъ длинный Уралъ, принимающій справа Большой Кизилъ, Таншалыкъ, Губерлю и Сакмару, и слѣва Гумбейку, Караганку, Сувундукъ, Кумакъ и, наконецъ, Илекъ. Кромѣ этихъ рѣкъ впадающая въ Волгу Самара орошаетъ своими притоками западную часть Оренбургской губерніи.

Не то въ Зауральи, гдѣ меньшее количество падающихъ осадковъ отражается и въ меньшемъ количествѣ рѣкъ, которыя здѣсь далеко не образуютъ такой густой сѣти, какъ въ западной половинѣ края. Къ тому же рѣки Зауралья менѣе обильны водою, ихъ горное теченіе сравнительно коротко и онѣ быстро скатываются къ низменности западной Сибири, гдѣ медленно текутъ среди необъятныхъ болотистыхъ и лѣсныхъ пространствъ сибирской тайги. Всѣ рѣки Зауралья принадлежатъ къ системѣ многоводной Оби. На сѣверѣ текутъ Лозьва и Сосьва, которыя уже въ предѣлахъ Тобольской губерніи сливаются въ судоходную Тавду, а кромѣ нихъ Тура, Ница и Исеть. Лозьва родится въ горномъ кряжѣ Лундхусенъ, покрытомъ почти никогда нетающимъ снѣгомъ и, выйдя изъ горной области Урала вблизи такъ наз. Лозьвинской пристани, уже дѣлается судоходной, по крайней мѣрѣ, въ весеннюю пору. На огромномъ протяженіи ея берега совершенно пустынны и безлюдны, и только небольшая дере-

р. Чусовая. Высокій камень.

вушка Першина *) представляетъ собою, кажется, самый выдающійся населенный пунктъ, гдѣ весною производится нагрузка и разгрузка пароходовъ. Въ предѣлахъ края самымъ большимъ притокомъ Лозьвы является Ивдель съ расположеннымъ на немъ селеніемъ Никито-Ивдельскимъ, самымъ сѣвернымъ пунктомъ зауральской половины края. Порожистая Сосьва, эта типичная горная рѣка Урала, уже отъ такъ наз. Филькинской пристани становится судоходна, а изъ ея многочисленныхъ притоковъ **) Ваграпъ считается сплавнымъ отъ Петропавловскаго завода. Рѣка Тура, принимая два значительныхъ притока Салду и Тагилъ, уже отъ устья перваго можетъ считаться судоходной, а по Тагилу уже возможенъ сплавъ лѣса отъ Нижне-Тагильскаго завода на протяженіи 190 верстъ. Южнѣе Туры течетъ ея длинный притокъ Пыжма, которая вслѣдствіе своей маловодности почти не пригодна для судоходства. Еще далѣе къ югу восточный склонъ Урала орошаетъ рѣка Исеть, вытекающая изъ довольно большого Исетскаго озера. Въ предѣлахъ края она течетъ на протяженіи 300 верстъ, но по своему значенію для него мало отличается отъ маловодной Пыжмы. Изъ притоковъ Исети наиболѣе значительнымъ является извилистый Міасъ, который то спокойно течетъ среди низкихъ своихъ береговъ, то, разбиваясь о подводныя гряды, съ шумомъ несется среди красивыхъ ущелій. На юго-востокѣ края протекаетъ Тоболъ, принимающій въ себя кромѣ другихъ, правда немногочисленныхъ притоковъ, рѣку Уй, одну изъ самыхъ длинныхъ рѣкъ южнаго Зауралья.

По сравненію съ своимъ обширнымъ пространствомъ Приуральскій край почти лишенъ одного изъ наиболѣе важныхъ условій, способствующихъ развитію промышленности — хорошихъ путей сообщенія. Вотъ почему рѣки края, особенно въ его западной части, всегда имѣли для него важное значеніе. Но при всемъ ихъ обиліи и многоводности эти удобные пути страдаютъ многими недостатками. Въ верхнемъ, а иногда и среднемъ своемъ теченіи рѣки Урала бурно мчатся въ видѣ

---

*) Около дер. Першиной находятся остатки перваго въ Сибири русскаго города Лозьвинска, существовавшаго уже въ 1590 году.

**) Въ Сосьву впадаютъ рѣки Шегультанъ, Турья, Каква и Ляля съ притокомъ Лобвой.

горныхъ потоковъ, обильныхъ порогами, что совершенно исключаетъ возможность пользоваться ими здѣсь, какъ судоходными рѣками; по нимъ возможенъ только сплавъ лѣса, да и то лишь въ весеннее время. Нѣкоторыя рѣки Урала, пролагая себѣ путь черезъ известняки, скрываются мѣстами подъ землей, иногда на протяженіи многихъ верстъ, и выходятъ на поверхность въ другомъ мѣстѣ далѣе. Таковъ, напр., Вилмай, притокъ рѣки Вильвы, имѣющій нѣсколько верстъ подземнаго теченія. То же самое наблюдается у рѣкъ Кумыша и Чизмы, притоковъ Чусовой, у рѣки Губахи, притока Косьвы, у Муравьи и Вельсы, впадающихъ въ Вишеру. Интересна еще рѣка Симъ, также скрывающаяся подъ землей и долина которой извѣстна своими пещерами. На восточномъ склонѣ Урала такія подземныя теченія имѣютъ рѣки Ушма, Тальтія и Тосемья, составляющія притоки рѣки Лозьвы. Не малымъ препятствіемъ судоходству служатъ и такъ наз. заломы на рѣкахъ Урала, которые представляютъ собою нагроможденіе цѣлыхъ деревьевъ и карчей, попадающихъ въ рѣки во время весенняго половодья и загромождающихъ ихъ во всю ширину. Эти заломы бываютъ то постоянными, т. е. такими, которые, не измѣняя своего положенія, только увеличиваются ежегодно вслѣдствіе приносимаго рѣкою новаго лѣса, то пловучіе, которые легко уносятся ледоходомъ и вновь появляются по спадѣ водъ въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ.

Благодаря суровости климата Приуралья, особенно въ сѣверной его части, его рѣки замерзаютъ на очень продолжительное время и въ нижнемъ своемъ теченіи иногда уже въ концѣ октября бываютъ скованы ледянымъ покровомъ. На юго-востокѣ, однако, существуютъ и такія рѣки, которыя, благодаря значительному уклону своего русла и бурному теченію зимой, иногда совершенно не замерзаютъ, не смотря даже на сильные временами морозы. Непригодныя мѣстами для судоходства, рѣки зимою обыкновенно представляютъ собою прекрасные пути сообщенія, которыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края пользуются въ гораздо большей степени, чѣмъ тѣми, которые существуютъ здѣсь въ лѣтнее время. Весною, во время таянія снѣга, рѣки необыкновенно сильно переполняются водою, и этимъ мощнымъ, но быстро проходящимъ подъемомъ

ихъ водъ, обыкновенно и пользуются на Уралѣ, правда меньше теперь, чѣмъ въ былое, старое время. Быстро наступающій паводокъ также быстро смѣняется и мелководьемъ. Поэтому необходимо торопиться со сплавомъ и, если упущено удобное время, то приходится пользоваться уже осеннимъ подъемомъ воды. Правда, почти всѣ заводы Урала имѣютъ запасныя водохранилища въ видѣ большихъ прудовъ, часто напоминающихъ собою настоящія озера, возникшія благодаря запрудѣ какой-нибудь горной рѣчки. Однако пользованіе ими часто представляетъ неудобства и требуетъ значительныхъ затратъ. Поэтому главнымъ временемъ сплава остается весна. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ весеннихъ сплавовъ по рѣкѣ Чусовой Маминъ-Сибирякъ: „Чусовая въ межень, т. е. лѣтомъ, представляетъ собой, въ горной своей части, рядъ тихихъ плесъ, гдѣ вода стоитъ какъ зеркало; эти плесы соединяются между собою шумливыми перекатами. На нѣкоторыхъ переборахъ вода стоитъ всего на 4 вершкахъ, а теперь она поднялась на три аршина и неслась впередъ сплошнымъ пѣнистымъ валомъ, который покрылъ всѣ плесы и переборы. Самые опасные переборы, вродѣ Кашинскаго, сдѣлались еще страшнѣе въ полую воду потому, что здѣсь теченіе рѣки сдавлено утесистыми берегами“.

„Главную красоту чусовскихъ береговъ составляютъ скалы, которыя съ небольшими промежутками тянутся сплошнымъ утесистымъ гребнемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно отвѣсно поднимаются вверхъ, сажень на шестьдесятъ. Подъ такими скалами рѣка катится черной волной, съ подавленнымъ рокотомъ, жадно облизывая всѣ выступы и углубленія, гдѣ лѣтомъ топорщится зеленая травка и гнѣздятся молоденькія ели и пихты. Барка подъ такими скалами плыветъ въ густой тѣни, свѣтъ падаетъ сверху разсѣивающейся полосой. Сыростью и холодомъ вѣетъ отъ этихъ каменныхъ стѣнъ, на душѣ становится жутко и хочется еще разъ взглянуть на яркій солнечный свѣтъ, на широкое приволье горной панорамы, на синее небо, подъ которымъ дышится такъ легко и свободно“.

„Самыя высокія и массивныя скалы — еще не самыя опасныя. Большинство настоящихъ „бойцовъ“ стоятъ совер-

шенно отдѣльными утесами, точно зубы гигантской челюсти. Опасность создается направленіемъ водяной струи, которая бьетъ прямо въ скалу, что обыкновенно происходитъ на самыхъ крутыхъ поворотахъ рѣки *). Обыкновенно боецъ стоитъ въ углу такого поворота и точно ждетъ добычи, которую ему броситъ рѣка. Душой овладѣваетъ неудержимый страхъ, когда барка сдѣлаетъ судорожное движеніе и птицей полетитъ прямо на скалу . . . На баркѣ мертвая тишина, бурлаки прильнули къ поноснымъ, боецъ точно бѣжитъ навстрѣчу, еще одинъ моментъ — и наше суденышко разлетится вдребезги. Но вотъ барка быстро повернула носъ отъ бойца и визгливо проходитъ мимо него однимъ бортомъ: опасность также быстро минуетъ, какъ приходитъ, и не хочется вѣрить, что кругомъ опять зеленые берега и барка плыветъ въ совершенной безопасности".

„Скоро мы завидѣли и Молоковъ. Это была громадная скала, стоявшая къ верховьямъ рѣки покатымъ ребромъ, образуя наклонную плоскость, по которой вода взбѣгала пѣнящимся валомъ на нѣсколько сажень и съ ужаснымъ ревомъ скатывалась обратно въ рѣку, превращаясь въ бѣлую пѣну. Вся рѣка подъ Молоковымъ представляла бѣлую вспѣненную массу, точно кипящее молоко; отсюда и названіе бойца Молоковъ. Наша барка подходила къ бойцу въ мертвомъ молчаніи. Въ воздухѣ висѣла водяная пыль, садившаяся на лицо паутиной. Съ каждымъ мгновеніемъ разстояніе между баркой и бойцомъ дѣлалось все меньше и меньше. Вотъ барка врѣзалась носомъ въ клокочущую гряду майдановъ и тяжело колыхнулась, точно ее подхватили тысячи могучихъ рукъ и понесли на боецъ. До страшнаго выступа всего нѣсколько сажень; чувствуешь, какъ холодѣетъ внутри, въ глазахъ рябитъ. Чувство физическаго ужаса овладѣваетъ всѣми одинаково, сознаніе едва теплится. Кажется, все погибло, спасенія нѣтъ . . . Барка повернулась къ бойцу бокомъ и прошла отъ него всего на разстояніи какихъ-нибудь шести четвертей, можно рукою достать, но вѣдь это всего одно мгновеніе, и не

*) Въ настоящее время опасность эта въ значительной степени устранена тѣмъ, что по дну рѣки волочится тяжелый, въ нѣсколько десятковъ пудовъ грузъ, который сдерживаетъ движеніе барки.

Два камня изъ „Пяти братьевъ“ на рѣкѣ Чусовой.

хочется вѣрить, что опасность промелькнула, какъ сонъ, и также быстро теперь бѣжитъ отъ насъ, какъ давеча бѣжала навстрѣчу. Мы въ суводи, барка плыветъ ровно, навстрѣчу поднимаются по рѣкѣ клочья пѣны. Впереди двѣ исковерканныхъ массы, около которыхъ бурлитъ вода: это убившіяся барки".

„Мы пробѣжали мимо Разбойника *) совсѣмъ благополучно. За Разбойникомъ весь берегъ былъ усыпанъ бурлаками съ убившихся здѣсь барокъ, которыхъ насчитывали больше десяти. Эта картина страшнаго разрушенія быстро промелькнула мимо насъ, оставляя въ душѣ самое смутное впечатлѣніе. Нѣсколько утонувшихъ бурлаковъ лежали на берегу, двоихъ откачивали на холстахъ, которые притащили бабы изъ ближней деревни. Среди большихъ покойниковъ выдавался только трупъ мальчика лѣтъ двѣнадцати. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку съ голыми ногами, въ одной розовой ситцевой рубашкѣ, точно спалъ. Вѣроятно, это былъ ученикъ сплавщика. Три бабы стояли около него и съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на бездушное дѣтское тѣло. А солнце такъ весело освѣщало весь берегъ и Чусовую, точно кругомъ была идиллія".

Сплавъ металловъ и лѣса по Чусовой производится только весной. Благодаря огромному количеству воды, выпускаемой изъ глубокаго Ревдинскаго завода, горизонтъ рѣки поднимается на сажень и болѣе, и караваны барокъ спѣшатъ уйти, пользуясь этимъ водянымъ валомъ, до устья. Въ настоящее время неудобство и опасности подобныхъ весеннихъ сплавовъ, уносившихъ столько жизней, уже отошли въ область преданій.

Кромѣ весенняго подъема воды, который продолжается обыкновенно сравнительно короткое время, рѣки Урала, вслѣдствіе своего крутого паденія, быстро вздуваются послѣ сильныхъ дождей и также быстро спускаютъ воду въ сухое время. Болѣе постоянной является осенняя прибыль водъ, которая большею частью начинается въ августѣ и продолжается до конца сентября. Такимъ образомъ, быстрое теченіе

---

*) Разбойникомъ называется „боецъ", непосредственно слѣдующій за „бойцомъ" Молоковымъ.

въ верхней и средней части, обиліе переборовъ и мелей, короткій весенній паводокъ, мелководье лѣтомъ и, наконецъ, ледоставъ въ теченіе почти полугода въ достаточной степени уменьшаютъ то значеніе рѣкъ Приуралья, которое онѣ могли бы имѣть при другихъ условіяхъ. У самой значительной и важной изъ рѣкъ края, Камы, продолжительность навигаціи бываетъ: у Березняковъ Соликамскаго уѣзда 170 дней, въ Перми 176 дней, въ Осѣ 178 дней; самый же высокій горизонтъ весеннихъ водъ для той же рѣки достигаетъ: у Березняковъ 3,5 саж., у Перми 4,5 саж. и у Осы 3,9 саж.; полная вода въ рѣкѣ держится около $1^1/_2$ мѣсяцевъ.

Нѣкоторыя изъ рѣкъ Приуральскаго края, сближаясь своими истоками съ истоками рѣкъ чуждыхъ имъ бассейновъ, являются частями тѣхъ почти непрерывныхъ и раздѣляемыхъ только незначительными промежутками, „волоками", водныхъ путей, которые соединяютъ различныя области Евр. Россіи. Такова, напр., та же Кама, которая сообщается съ бассейнами Сѣв. Двины и Печоры. Съ первой Кама соединяется посредствомъ рѣкъ Сѣв. и Южн. Кельтмы и далѣе бывшимъ Сѣверо-Екатерининскимъ каналомъ на протяженіи почти 17 верстъ. Съ другой стороны Кама сообщается съ Двиной черезъ рѣку Березовку, отъ праваго притока которой, Волога, проходитъ къ рѣкѣ Немѣ, впадающей въ Вычегду, семиверстный Бухонинъ Волокъ. Но самое важное значеніе имѣетъ соединеніе Камы съ Печорою, которое происходитъ черезъ ту же Березовку и ея притоки. Березовка начинается въ с.-з. углу Чердынскаго уѣзда и, направляясь къ югу, впадаетъ въ такъ наз. Чусовское озеро, изъ котораго выходитъ рѣка Вишерка, притокъ Колвы. Протекая среди довольно красивыхъ береговъ, покрытыхъ то сочными высокими травами, то поросшихъ сосновымъ лѣсомъ, Березовка принимаетъ съ правой стороны упомянутый выше Вологъ, а съ лѣвой очень незначительную р. Еловку, въ которую впадаетъ ея длинный притокъ, текущая съ сѣвера р. Вогулка. Эта рѣка лѣтомъ похожа гораздо болѣе на ручей, прихотливо извивающійся среди болотистой низменности и мѣстами почти скрывающійся въ кустарникахъ, которые обильно растутъ на его берегахъ. Однако весною, а послѣ продолжительныхъ дождей и осенью, Вогулка судоходна

уже для довольно большихъ плоскодонныхъ судовъ почти до самаго своего истока, т. е. до того мѣста, откуда начинается такъ наз. „Печорскій волокъ“, который на протяженіи четырехъ верстъ отдѣляетъ Вогулку отъ рѣки Волосницы, притока Печоры.

Торговый путь, идущій этими рѣками и волокомъ, существовалъ уже въ далекомъ прошломъ, и до настоящаго времени имѣетъ большое значеніе для населенія обширнаго Печорскаго края*). Покрытый дремучими лѣсами, непроходимыми болотами и пустынными тундрами, не имѣющій удобныхъ земель, суровый по климату — Печорскій край почти не знаетъ земледѣлія. Его населеніе поневолѣ должно довольствоваться привознымъ хлѣбомъ, который съ большими затрудненіями доставляется сюда частью зимою, частью лѣтомъ по рѣкамъ и волоку. Вдобавокъ трудность доставки, задержки въ пути очень значительно повышаютъ стоимость хлѣба, что вызываетъ даже голодовки, которыя нерѣдки въ Печорскомъ краѣ. Вся торговля находится въ рукахъ чердынцевъ, съ которыми въ этомъ отношеніи соперничаютъ предпріимчивые зыряне — ижемцы. Чердынцы возятъ на нижнюю Печору, въ Ижму, Усть-Цыльму, Пустоверскъ главнымъ образомъ ржаную муку и зерновой хлѣбъ. Хлѣбъ весенней покупки на камскихъ пристаняхъ перегружается въ Чердыни на мелкія суда и поднимается вверхъ по Колвѣ, Вишеркѣ, Чусовскому озеру и Березовкѣ до Усть-Еловской пристани; здѣсь онъ складывается въ амбары до зимняго пути, съ началомъ котораго перевозится на разстояніи 45 верстъ гужемъ на Якшинскую пристань на Печорѣ и снова хранится здѣсь до открытія навигаціи по этой рѣкѣ. Кромѣ хлѣба сюда же перевозятся соль, различные съѣстные припасы и, наконецъ, разнаго рода мануфактурные товары**). Съ Печоры идетъ преимущественно

---

*) Этимъ путемъ уже въ 1600-хъ годахъ доставлялся хлѣбъ съ Березовки на Печору. О немъ сообщаютъ многія лица, посѣтившія этотъ край въ разное время (Поповъ, Рычковъ, Латкинъ, Гофманъ, Штукенбергъ).

**) Не безъинтересны нѣкоторыя данныя, которыя показываютъ количество различныхъ товаровъ, перевозимыхъ этимъ путемъ. Съ рѣки Камы на Печору доставляется ежегодно (въ среднемъ): хлѣба 270.000 пуд., соли 40.000 п. и разныхъ товаровъ 20.000 п.; всего 330.000 п. Съ Печоры на Каму: рыбы 50.000 п., точильнаго и брусяного камня 50.000 п., ворвани 15.000 п., всего 115.000 пуд.

рыба, а также ворвань, мѣха, оленьи шкуры. Въ настоящее время только нѣкоторая часть грузовъ весною и осенью доставляется по рѣкамъ Вогулкѣ и Волосницѣ. Суда уже совершенно не перевозятъ черезъ волокъ, а везутъ гужемъ только товары, которые на Волосницѣ грузятъ на другія суда *).

Ни одна изъ многочисленныхъ рѣкъ Приуральскаго края не имѣетъ для него такого большого экономическаго значенія, какъ многоводная Кама. Эта могучая рѣка — Бѣлая, какъ ее называютъ инородцы — родится среди болотъ и лѣсовъ сѣвера Вятскаго края и, пройдя 1764 версты, широкимъ потокомъ вливается въ Волгу. Отъ своего истока она направляется сначала на сѣверъ и долго течетъ среди низкихъ береговъ по лѣсной и болотистой мѣстности. Дойдя до Сѣверныхъ уваловъ рѣка поворачиваетъ къ востоку, слѣдуя направленію этихъ возвышенностей и, принявъ Кельтму, круто поворачиваетъ къ югу. Здѣсь лѣвый берегъ Камы крутъ и обрывистъ, правый же остается пологимъ низменнымъ. На всемъ этомъ протяженіи до Вишеры Кама не судоходна и годна только для сплава лѣса. За то послѣ впаденія горной Вишеры Кама — уже широкая, многоводная, оживленная рѣка. Быстро, но плавно несетъ она свои воды среди угрюмыхъ, дикихъ, но живописныхъ береговъ. На одной сторонѣ рѣки отвѣсно поднимаются известковые береговые утесы, то обнаженные, то съ растущимъ на нихъ лѣсомъ, а съ другой — сѣрые, однообразные холмы или болотистыя низины смѣняются изумрудною зеленью поемныхъ луговъ, а всюду въ сторону отъ рѣки, куда только хватаетъ глазъ, до самаго горизонта сплошной, густой хвойный лѣсъ и лѣсъ безъ конца. Изъ немногочисленныхъ пристаней въ этой части Камы наибольшее значеніе имѣютъ Соликамскъ, Дедюхинъ, Ленва, Березняки, Новое Усолье и др., лежащія въ мѣстностяхъ, богатыхъ соляными промыслами.

Принявъ Чусовую, Кама измѣняетъ свое направленіе и

---

*) Насколько, вообще, незначителенъ здѣсь товарообмѣнъ, показываютъ, слѣдующія цифры (для 1886 г.). Весною этого года съ Вогулки на Волосницу было перевезено 1500 пуд., а осенью обратно 5000 пуд., всего такимъ образомъ только 5500 пуд.

р. Чусовая. Камни „Дыроватыя ребра“.

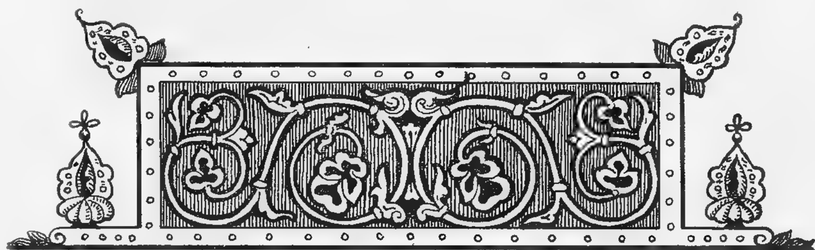
поворачиваетъ сначала на западъ, а далѣе на юго-западъ. Здѣсь Кама течетъ настолько извилисто, дѣлаетъ такіе частые изгибы и повороты въ разныя стороны, что на каждую версту ея прямого теченія приходится верста извилинъ. Да и берега ея уже не тѣ: правда, лѣвый все еще остается болѣе высокимъ, чѣмъ правый, но на немъ уже нѣтъ тѣхъ огромныхъ утесовъ, которые придавали ему раньше такую своеобразную красоту. Возвышенности уже замѣняются просто цѣпями скучныхъ песчаныхъ холмовъ. Мѣстами и они исчезаютъ и тогда на берегахъ разстилаются низкія, покрытыя лѣсомъ пространства. Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ Кама дѣлается все шире и шире, мѣстами на ней появляются острова и отмели, иногда даже затрудняющія судоходство. Здѣсь въ Каму вливаются длинная тысячеверстная Вятка и быстрая Бѣлая, а по ихъ водамъ приходятъ въ рѣку огромные караваны судовъ съ продуктами Урала — чугуномъ и желѣзомъ, или плывутъ безчисленные плоты изъ богатаго лѣсами Вятскаго края. За то вверхъ по этимъ рѣкамъ идетъ соль и главнымъ образомъ хлѣбъ, который сотнями тысячъ пудовъ посылаютъ на сѣверъ плодородныя, черноземныя области юга Россіи.

Рѣка Бѣлая родится въ самыхъ нѣдрахъ горной страны южнаго Урала, между хребтами Иремелемъ и Авалякомъ. Долго и стремительно бѣжитъ рѣка на югъ, по своей дикой, узкой долинѣ, гдѣ тѣснины смѣняются то причудливыми котловинами съ темными отверстіями овраговъ, то густо заросшими роскошнымъ лѣсомъ скалами горъ, го фантастическими скалами, выступающими изъ густой зелени. Проходя мимо одного изъ колоссовъ южнаго Урала — Яманъ-Тау, „Бѣлая круто вьется между входящими въ нее скалами, все болѣе и болѣе грозными и высокими, и далеко, вся въ облакахъ, виднѣется вершина горы. Но вдругъ изъ-за сѣрой скалы, едва прикрытой лѣсомъ, выплываетъ огромная, полукругомъ выгнутая скала. У подножія ея Бѣлая реветъ и стонетъ среди пороговъ, стремительно катясь впередъ и мча съ неимовѣрной быстротой плоты, управляемые то смѣлой, то робкой рукой человѣка, который кажется маленькимъ и слабымъ, сравнительно съ громадными скалами и могучей рѣкой“ (Симонъ). Встающія ей на пути каменныя громады горъ заставляютъ,

наконецъ, рѣку повернуть сначала къ западу, а потомъ и прямо на сѣверъ. Выйдя изъ предгорій Урала, Бѣлая тихо и плавно течетъ среди низкихъ, поросшимъ камышами береговъ въ широкой цвѣтущей долинѣ.

Одной изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ юга Приуральскаго края является Уралъ, который сбѣгаетъ съ южныхъ отроговъ хребта Уй-Ташъ и течетъ сначала съ сѣвера на югъ до притока Ори, потомъ поворачиваетъ къ западу и почти на всемъ своемъ протяженіи по этому направленію составляетъ южную границу Оренбургской губерніи съ Киргизскими степями. Ниже города Оренбурга Уралъ вступаетъ уже въ предѣлы Уральской области. Въ своемъ верхнемъ теченіи Уралъ довольно быстрая рѣка, бѣгущая въ стѣсненной горами долинѣ, которая чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ дѣлается все шире и шире. Тамъ, гдѣ Уралъ течетъ къ западу, между самыми большими изъ своихъ притоковъ, Сакмарой и Илекомъ, долина его снова съуживается подходящими къ рѣкѣ отрогами горъ. Дальше Уралъ уже настоящая степная рѣка, текущая въ широкой (до 5 верстъ) долинѣ среди пологихъ, заросшихъ тальникомъ береговъ. Узкій, неглубокій и крайне извилистый Уралъ въ нижней части своего теченія весною разливается иногда на огромныя пространства, быстрота его водъ увеличивается и рѣка, подмывая свои рыхлые берега, заграждаетъ получившимся такимъ образомъ матеріаломъ свое русло. Тогда Уралъ отклоняется въ сторону, отыскиваетъ себѣ новый путь, а его прежнее русло уже образуетъ цѣпь озеръ, которые иногда соединяются другъ съ другомъ узкими рукавами. „Стоя тутъ, на берегу Урала, прихотливо изгибающагося среди низменныхъ, покрытыхъ старицами и озерами береговъ, трудно повѣрить, что имѣешь дѣло съ горной рѣчкой, протекающей вблизи водораздѣла рѣкъ русскихъ и сибирскихъ, а не съ типичной среднерусской рѣкой“ (Чернышевъ). Если Уралъ мало судоходенъ въ верхнемъ и даже среднемъ теченіи, несмотря на свое выгодное положеніе, и годенъ только для сплава лѣса въ этихъ частяхъ, за то въ его нижнихъ частяхъ огромное значеніе имѣетъ рыболовство, раціонально и высоко поставленное уральскимъ казачествомъ.

Наиболѣе значительнымъ притокомъ Урала является Сакмара, которая начинается также среди горъ и почти на всемъ своемъ протяженiи идетъ параллельно главной рѣкѣ. Такъ же какъ и Уралъ въ верхнемъ теченiи Сакмара пригодна только для сплава лѣса и совершенно не годится для судоходства. Въ нее впадаетъ много притоковъ, изъ которыхъ большая часть представляетъ изъ себя незначительные горные потоки. Самый большой изъ нихъ Икъ, несущiйся мѣстами по узкой живописной долинѣ, гдѣ горы иногда падаютъ въ рѣку огромными, крутыми утесами.

IV.

Климатъ и почва.

Климатъ Приуралья неодинаковъ въ различныхъ его частяхъ, что объясняется его громаднымъ протяженіемъ съ сѣвера на югъ и возвышающимся на немъ длиннымъ нагорьемъ. Расположенный на крайнемъ востокѣ Евр. Россій, въ большомъ отдаленіи отъ Атлантическаго океана, Приуральскій край относится къ области т. наз. континентальнаго климата съ довольно рѣзкими колебаніями температуры въ теченіе года, причѣмъ, чѣмъ южнѣе, тѣмъ эти колебанія больше, что видно изъ слѣдующей таблицы:

	Средн. t⁰ зимы.	лѣта.	Ср. годовая t⁰.
Богословскъ . . .	— 17,6	+ 15,0	— 1,4
Екатеринбургъ. .	— 15,1	+ 16,6	+ 1,3
Златоустъ.	— 16,6	+ 16,4	+ 0,2
Оренбургъ	— 15,4	+ 21,6	

Изъ этой таблицы видно, что въ то время какъ въ Богословскѣ, лежащемъ въ сѣверныхъ предѣлахъ края, зима лишь немногимъ холоднѣе, чѣмъ въ Оренбургѣ, лѣто, напротивъ, значительно прохладнѣе. Болѣе низкія температуры Златоуста противъ таковыхъ же Оренбурга объясняются поло-

Саткинскіе пороги

Рѣка Тесьма близъ Тагачая.

женіемъ перваго среди отроговъ Уральскаго хребта. Особенной суровостью отличается климатъ сѣверной части Приуралья. Въ сентябрѣ здѣсь уже начинаетъ падать снѣгъ, а въ октябрѣ въ иные годы прочно устанавливается зима. Морозы иногда доходятъ до 30° и болѣе. Сильные западные вѣтры приносятъ зимою обильные снѣга и вызываютъ иногда настоящіе бураны. Въ тихія же и ясныя ночи суровыя и пустынныя горы, одѣтыя снѣжнымъ покровомъ, освѣщаются временами трепетнымъ свѣтомъ сѣверныхъ сіяній. Переходъ отъ зимы къ веснѣ, которая начинается здѣсь обыкновенно въ серединѣ апрѣля, совершается необычайно быстро; достаточно нѣсколькихъ дней послѣ того какъ земля освободится отъ снѣга, — и склоны горъ и долины рѣкъ уже покрыты яркою и сочною зеленью травъ. Однако обильные снѣга, выпадающіе на западныхъ склонахъ Урала въ гораздо большемъ количествѣ, задерживаютъ иногда на двѣ-три недѣли развитіе растительности. Да и вообще Зауралье теплѣе западной половины края, такъ напр., въ Кизеловскомъ заводѣ число теплыхъ дней въ году равно 98, а въ Богословскомъ заводѣ, лежащемъ за Ураломъ и даже сѣвернѣе перваго пункта, оно равно 111; точно также въ Перми теплыхъ дней насчитывается 127, а въ Ирбитѣ ихъ уже 138, въ Рождественскомъ заводѣ 147, а въ Шадринскѣ 159. Лѣто на сѣверѣ края довольно жаркое и отличается обиліемъ осадковъ, которые выпадаютъ здѣсь преимущественно въ началѣ и серединѣ лѣта.

Зима въ южныхъ частяхъ Приуральскаго края почти такая же суровая, какъ и на сѣверѣ. Ея отличительною особенностью являются частые степные бураны, при сильныхъ сѣверовосточныхъ вѣтрахъ. Предвѣстникомъ бурана въ степи обыкновенно служитъ появленіе небольшого облака на горизонтѣ, которое при приближеніи очень быстро увеличивается въ размѣрахъ и, наконецъ, превращается въ огромную тучу, застилающую весь небосклонъ и дѣлающую день похожимъ на темную ночь. Огромныя массы снѣга, гонимыя рѣзкимъ вѣтромъ, съ оглушительнымъ ревомъ несутся по степи, мѣстами нагромождаясь въ громадные сугробы. Эти страшные бураны, наводящіе ужасъ на непривычнаго человѣка, продолжаются по нѣскольку часовъ, а иногда бушуютъ цѣлыми сут-

ками. Это настоящій бичъ для обитателей степи — кочевниковъ, скотъ которыхъ гибнетъ во время бурановъ тысячами. Стада угоняются мятелями за сотни верстъ, погибая въ оврагахъ и озерахъ, или дѣлаются добычей хищныхъ звѣрей. Не менѣе пагубна и гололедица, которая случается обыкновенно вслѣдствіе наступленія сильныхъ морозовъ послѣ оттепели. Всѣ пастбища покрываются тогда ледяной корой, которую напрасно стараются разбить своими копытами лошади. Не будучи въ состояніи добыть себѣ кормъ, животныя погибаютъ во множествѣ отъ истощенія.

Но если зима здѣсь сурова, за то лѣто жарко и знойно. Короткая и сравнительно ранняя весна, которая начинается и здѣсь въ степи на востокѣ раньше, чѣмъ въ горахъ, представляетъ лучшее время года, когда лишь грѣющее, но еще не жгучее, какъ лѣтомъ, солнце вызываетъ къ жизни роскошную растительность. Лѣтомъ временами зной становится почти нестерпимымъ и еще болѣе усиливается сухими восточными вѣтрами, которые въ степной части Приуралья часто въ нѣсколько дней губятъ посѣвы. Въ горахъ, напротивъ, дожди часты и сильны, да и вообще Уральскій хребетъ, изобилующій осадками, представляетъ собою узкую полосу края, рѣзко отличающуюся въ этомъ отношеніи отъ широкой равнинной его части.

Дождя и, главнымъ образомъ, снѣга падаетъ на западныхъ склонахъ Урала, какъ уже сказано, вообще больше, чѣмъ на восточныхъ. Собственно говоря, осадками обильно только самое нагорье, тогда какъ по мѣрѣ удаленія отъ него въ ту и другую сторону, количество осадковъ постепенно уменьшается, что видно, напр., изъ слѣдующей таблицы:

Къ западу отъ Ур. хребта.	Годовое количество осадковъ въ мм.	Къ востоку отъ Ур. хребта.	Годовое количество осадковъ въ мм.
Соликамскъ . . .	538	Богословскъ . . .	530
Пермь	630	Ирбитъ	518
Бисеръ	751	Верхотурье . . .	418
Красноуфимскъ.	462	Шадринскъ . . .	424
Оренбургъ	385	Троицкъ	360

Нагорье является и наиболѣе холодной частью края, что объясняется его сравнительно высокимъ положеніемъ. Особенно значительной величины достигаетъ эта разница лѣтомъ.

Лучшимъ климатомъ изъ трехъ губерній Приуральскаго края пользуется губ. Уфимская, особенно въ своей западной части. Сравнительно высокая годовая температура Уфы (+ 3,0), менѣе суровая, чѣмъ въ остальныхъ губ. края зима (— 13,0), жаркое, но не знойное, довольно влажное лѣто, теплая весна и осень, отсутствіе рѣзкихъ вѣтровъ — все это отличаетъ Уфимскую губ. отъ прочихъ областей не только Приуралья, но даже и вообще Евр. Россіи и издавна упрочило за ней извѣстность одной изъ лучшихъ лѣчебныхъ мѣстностей послѣдней.

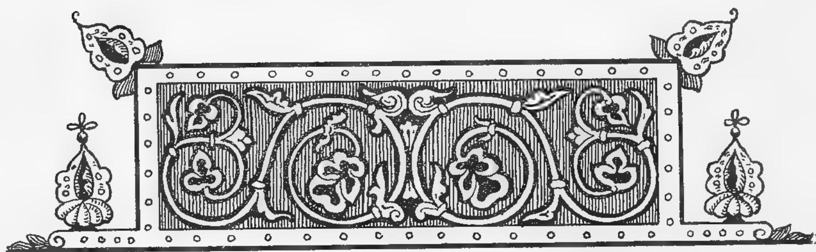
Одной изъ яркихъ климатическихъ особенностей Приуралья является обиліе грозъ, особенно въ горахъ. Большинство грозъ бываетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, самомъ дождливомъ на Уралѣ.

Почвы Приуральскаго края также отличаются разнохарактерностью, что зависитъ главнымъ образомъ отъ выхода разнообразныхъ породъ, слагающихъ Уральскія горы и отъ рельефа поверхности. Большія пространства Приуралья заняты горами покрыты лѣсомъ и болотами и потому почти не оставляютъ мѣста для развитія здѣсь хорошихъ плодородныхъ почвъ. По серединѣ края тянется широкая (до ста и болѣе верстъ въ ширину) полоса каменистыхъ почвъ, негодныхъ для земледѣлія. Глубокія долины между хребтами и ихъ отрогами заняты то иловатыми, то торфяными почвами, а на крайнемъ сѣверѣ края, уже на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ, мѣстами встрѣчается слой вѣчной мерзлоты. Существованіе такого слоя замѣчается обыкновенно въ сырыхъ мѣстахъ съ торфяной почвой; торфъ, будучи плохимъ проводникомъ тепла, препятствуетъ лежащему ниже слою нагрѣваться солнечными лучами.

Къ западу и къ востоку отъ горъ каменистыя почвы смѣняются на сѣверѣ края красно-бурыми глинами, суглинками и супесями, среди которыхъ мѣстами разбросаны и участки черноземныхъ почвъ невысокаго качества. На этихъ почвахъ, уже вполнѣ пригодныхъ для земледѣлія и группируется глав-

нымъ образомъ земледѣльческое населенiе края. Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ чаще начинаютъ попадаться участки черноземныхъ почвъ, которыя вообще больше развиты къ западу, чѣмъ къ востоку отъ Урала. Особенно хороши почвы въ западной части Уфимской губернiи, гдѣ тучный черноземъ, не уступающiй по своимъ качествамъ лучшимъ почвамъ Евр. Россiи, покрываетъ толстымъ слоемъ большiя пространства, понемногу, однако, оскудѣвая и изчезая къ югу.

Въ восточной части Приуралья также встрѣчается черноземъ, слой котораго утолщается по мѣрѣ движенiя къ югу. Но уже недалеко отъ предгорiй, черноземныя степи постепенно смѣняются сначала глинистыми, а потомъ и песчаными пространствами, гдѣ плодородная почва встрѣчается лишь по берегамъ степныхъ озеръ или рѣкъ. Мѣстами на югѣ встрѣчаются и солончаки, называемые такырами — слѣды когда-то бывшихъ на этихъ мѣстахъ озеръ. Иногда эти такыры смѣняются такъ наз. сорами, неглубокими ложбинами, сухими лѣтомъ и, наконецъ, такъ наз. гаками, остатками небольшихъ озеръ, которыя даже при сильныхъ жарахъ все же сохраняютъ на своей поверхности немного воды.

р. Симъ около Миньярскаго завода.

Пещера на р. Симѣ.

V.

Растительный и животный міръ.

Лѣса Приуральскаго края, хищнически истребляемые человѣкомъ, покрываютъ однако еще до сихъ поръ его обширныя пространства. Стройная лиственница, могучій кедръ, пихта, сосна и ель одѣваютъ хребты Урала, смѣняясь лишь на высокихъ вершинахъ представителями альпійской флоры. Въ южныхъ частяхъ Приуралья на ряду съ хвойными пышно разростаются дубъ, кленъ, вязъ, ясень, липа и другія лиственныя породы, образуя обширные лѣса южнаго Урала. Къ западу и особенно къ востоку отъ предгорій лѣса понемногу рѣдѣютъ и сохраняются лишь въ видѣ небольшихъ перелѣсковъ или островковъ, которые, состоя изъ группъ березы, дуба, осины, липы, черемухи и др., придаютъ мѣстности видъ настоящей лѣсостепи. Еще дальше и древесная растительность исчезаетъ, уступая мѣсто степямъ.

Наибольшее распространеніе въ краѣ имѣетъ лѣсная область. На западномъ склонѣ Урала лѣсъ начинается приблизительно около 65^0 с. ш., тогда какъ на восточномъ склонѣ онъ добирается до 67^0 с. ш. Лѣсъ покрываетъ здѣсь не только склоны горъ, но поднимается даже до высоты 1000 футовъ. По мѣрѣ движенія къ сѣверу верхняя граница лѣсного покрова опускается все ниже и ниже, и, наконецъ, лѣсъ покрываетъ только подножіе горъ, скоро исчезая совер-

шенно. Настоящіе дремучіе лѣса сохранились лишь въ сѣверныхъ частяхъ Приуралья, куда еще мало проникаетъ человѣкъ и гдѣ почти не существуетъ заводовъ, истребившихъ вообще на Уралѣ огромное количество лѣса. На сотни верстъ тянется здѣсь мрачная, глухая тайга. Громадныя ели, покрытыя прядями бородатаго лишайника, пихты, вырванныя съ корнями и лежащія на влажной лѣсной почвѣ, гдѣ роскошно разростаются кусты папоротниковъ, красавецъ-кедръ, стройныя сосны — все это образуетъ здѣсь густую, непроходимую чащу. Мѣстами эти таежныя площади прерываются обширными гарями, или топкими моховыми болотами. Переплетающіяся вѣтви деревьевъ создаютъ таинственный полумракъ въ этихъ безконечныхъ лѣсахъ, а мертвая тишина, царствующая здѣсь, только изрѣдка нарушается слабымъ пискомъ рябчика, шумнымъ взлетомъ глухаря, или тяжелыми, медленными шагами хозяина уральской тайги — медвѣдя. Въ сухое время года огромныя площади лѣсовъ истребляются иногда страшными лѣсными пожарами. Вслѣдствіе рѣдкости населенія борьба съ этими пожарами невозможна. Разъ начавшись, пожаръ продолжается недѣлями и мѣсяцами, и даже выпавшій снѣгъ не въ состояніи иногда его прекратить. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда жертвой огня сдѣлается торфъ, который способенъ тлѣть въ теченіи цѣлой зимы. „Съ вершины горы, въ сумерки, вскорѣ послѣ солнечнаго заката, зрѣлище лѣсного пожара не имѣетъ себѣ подобнаго: ближе всего тлѣютъ и догораютъ высохшіе древесные пни и сухіе отжившіе стволы, дающіе продолжительную пищу пламени; тамъ и сямъ съ грохотомъ валятся они, подгорѣвъ у основанія, дымятся обгорѣлые остовы сосенъ, черными мохнатыми привидѣніями торчатъ ели и пихты, кое-гдѣ высятся великаны-лиственницы, а впереди свирѣпствуетъ цѣлый адъ: огненные языки то съ трескомъ гонятся вѣтромъ и принимаютъ видъ какъ бы огненнаго, быстро текущаго и всепоглощающаго потока, то высоко вздымаются къ небу и огонь, вспыхнувъ на минуту, затемняется густыми черными клубами дыма. Это мгновенно обгораетъ густая хвоя ели, пихты или кедра, еще прежде высохшая отъ жара и, судя по тому, зрѣлище пожара ельниковъ и пихтовниковъ должно быть всего ужаснѣе“. (Сабанѣевъ).

Спускаясь по склонамъ Урала, лѣса, сохраняя почти тотъ же характеръ, переходятъ на востокѣ, въ Зауральѣ, въ полосу сибирскихъ мрачныхъ „урмановъ"; на западѣ, гдѣ населеніе гуще и гдѣ потребность въ лѣсномъ матеріалѣ гораздо больше, они значительно порѣдѣли. Лиственныя породы, сравнительно рѣдкія на сѣверѣ края, по мѣрѣ движенія къ югу встрѣчаются все чаще и чаще: осина, липа, береза, дубъ, ильмъ, кленъ, вязъ, различныя породы ивъ, черемуха, ольха, тополь, рябина, орѣшникъ вносятъ разнообразіе въ скучную растительность хвойныхъ лѣсовъ. Однако эти лиственныя породы привольно разростаются только у подножія хребтовъ и отроговъ Урала, въ долинахъ его многочисленныхъ рѣкъ, да изрѣдка взбираются по склонамъ кряжей въ видѣ низкихъ, иногда искривленныхъ деревьевъ. Одна только береза да осина спорятъ за мѣсто на высокихъ склонахъ горъ съ тѣми же соснами, елями и лиственницами, которыя даже въ южномъ Уралѣ являются господствующими.

На высокихъ, скалистыхъ гребняхъ и вершинахъ Урала— царство альпійской флоры. Деревья уже не могутъ проростать въ этомъ поясѣ или принимаютъ уродливую форму, стволы ихъ лишаются коры, высыхаютъ и живутъ только нижнія вѣтви. На голыхъ камняхъ вершинъ ютятся кустарниковыя ивы, различные виды можжевельника, который иногда поднимается, распластываясь по каменнымъ осыпямъ скалъ, до самыхъ вершинъ, да различные лишайники; пользуясь малѣйшими неровностями и трещинками камня, лишайники плотно обволакиваютъ ихъ въ видѣ цвѣтного или буроватаго налета. На ряду съ ними здѣсь же встрѣчаются различные виды травянистыхъ растеній, свойственныхъ полярнымъ странамъ.

Въ Зауральѣ, особенно на югѣ, растительность носитъ уже характеръ лѣсо-степной. Съ удаленіемъ отъ горъ лѣса сохраняются въ видѣ отдѣльныхъ рощицъ, а между ними остаются широкія пространства степи, покрытой весною сочной пеленой кормовыхъ травъ. Ковыль, ржаникъ, луговой мятликъ, люцерна, лебеда, клеверъ, верблюжья трава, гребенчатка и др. застилаютъ красивымъ и пестрымъ цвѣтнымъ ковромъ ровную степь. Изъ луковичныхъ растеній степь украшаютъ степная лилія и дикій тюльпанъ, а мѣстами

растутъ также боярышникъ и чагирь. Еще дальше въ степь и на песчаной и солончаковой почвѣ встрѣчается лишь чахлая растительность, состоящая изъ различнаго вида солянокъ, острeца, полыни и куги.

Дремучіе лѣса Приуралья, его горы, долины, озера и обширныя пространства примыкающихъ степей даютъ пріютъ сравнительно обильному животному населенію. Изъ млекопитающихъ самымъ крупнымъ хищникомъ является медвѣдь, который встрѣчается еще почти во всѣхъ лѣсныхъ уѣздахъ. Широкимъ распространеніемъ, особенно въ степныхъ частяхъ края, пользуется волкъ, приносящій значительный ущербъ стадамъ кочевниковъ. Въ горныхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ изрѣдка встрѣчаются рысь и россомаха. Куница, ласка, хорекъ и горностай водятся почти повсемѣстно на Уралѣ и по его предгоріямъ, какъ и лисицы. По лѣсистымъ берегамъ живетъ выдра. Соболь, встрѣчавшійся прежде часто, сталъ рѣдокъ, а бобръ исчезъ, повидимому, окончательно. Кабанъ, изрѣдка попадающійся на югѣ края, существовалъ раньше и въ болѣе сѣверныхъ уѣздахъ, на что указываютъ названія нѣкоторыхъ озеръ въ Зауральѣ. Бѣлка держится повсюду въ лѣсахъ. Въ среднемъ и южномъ Уралѣ, въ болѣе глухихъ лѣсахъ, живетъ козуля. На всемъ просторѣ таежной полосы бродятъ лоси, а также сѣверные олени, которые въ полосѣ нагорья заходятъ далѣе къ югу, чѣмъ въ Евр. Россіи и Зап. Сибири.

Птицы Урала, въ общемъ тѣ же, что и въ Евр. Россіи, но нѣкоторые виды здѣсь встрѣчаются чаще и въ большемъ числѣ особей. Глухари, рябчики, тетерева обычны въ лѣсахъ, на голыхъ скалахъ вьютъ свои гнѣзда бурые грифы, беркуты, соколы, а на уединенныхъ озерахъ и болотахъ, особенно весною, собирается безчисленное множество всякой водяной и болотной дичи: гагаръ, утокъ разныхъ видовъ, лебедей, гусей, куликовъ, бекасовъ, дупелей и др. Въ области лиственныхъ и островныхъ лѣсовъ лѣтомъ гнѣздуетъ множество пѣвчихъ птицъ. Наконецъ, Зауральскія озера издавна славились богатствомъ ихъ рыбнаго населенія, которое привлекаетъ сюда и многихъ чаекъ, скопъ и другихъ птицъ, питающихся рыбой.

VI.

Русское населеніе.

Приуралье въ доисторическую и историческую эпоху.

Человѣкъ населилъ Приуральскій край еще въ очень отдаленную эпоху, хотя вѣроятно и позже, чѣмъ многія другія мѣстности южной и средней Россіи. Такъ, едва ли онъ существовалъ здѣсь въ древнѣйшій періодъ каменнаго вѣка, такъ наз. палеолитическій, когда современниками человѣка были мамонтъ, покрытый шерстью носорогъ, пещерный медвѣдь и другіе, вымершіе давно виды животныхъ. Въ Польшѣ, на Днѣпрѣ, на Дону найдены были слѣды человѣка этого отдаленнаго періода, но ихъ неизвѣстно въ Приуральѣ. Находимыя здѣсь каменныя издѣлія относятся уже къ позднѣйшему періоду каменнаго вѣка, такъ наз. неолитическому, когда человѣкъ жилъ при современныхъ географическихъ условіяхъ, при современной флорѣ и фаунѣ, и — по крайней мѣрѣ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ — былъ уже знакомъ съ начатками земледѣлія и скотоводства. Находки древнихъ каменныхъ орудій не рѣдки въ Приуральѣ; въ казанскихъ

музеяхъ собраны массы ихъ, какъ и въ музеяхъ Москвы, Екатеринбурга, Уфы, Перми и др. Находятъ ихъ или случайно, на пашняхъ, въ лѣсу, по берегамъ рѣкъ, или на мѣстахъ, гдѣ производилась ихъ обдѣлка, гдѣ были поселенія, въ городищахъ и т. п. Среди нихъ встрѣчаются какъ оббитые, преимущественно кремневые (ножи, наконечники стрѣлъ и копій), такъ и сточенные или полированные (топоры, долота, кирки, молотки), даже съ сквознымъ отверстіемъ для насадки на рукоятку, сдѣланные изъ разныхъ породъ камня (песчаника, разныхъ сланцевъ, діоритовъ и др.). Нѣкоторыми изъ этихъ орудій пользовались и въ позднѣйшую металлическую эпоху, и ихъ находятъ иногда съ орудіями изъ мѣди и желѣза.

За каменнымъ вѣкомъ слѣдовалъ въ Приуральѣ вѣкъ мѣдный, который въ типѣ своихъ орудій представляетъ извѣстное сходство съ типами орудій сибирскихъ. Есть основаніе думать, что металлическая, въ частности мѣдная, культура была занесена сюда съ востока, изъ южной Сибири, а отчасти, можетъ быть, и изъ средней Азіи. Какъ извѣстно, въ Сибири, по верхнему Енисею, въ Минусинскомъ краѣ, находятъ массы древнихъ мѣдныхъ издѣлій (топоровъ-кельтовъ, ножей, кинжаловъ, наконечниковъ копій, долотъ, серповъ, удилъ, зеркалъ, булавокъ, бляхъ и т. д,), отчасти украшенныхъ изображеніями животныхъ (горныхъ козловъ, оленей, головами орловъ и т. п.). Повидимому, эта культура испытала извѣстное вліяніе съ юга, изъ Китая. Другой очагъ древней мѣдной культуры представляетъ Алтай и Киргизскія степи; въ Алтаѣ были найдены такъ наз. „чудскія копи", древніе шахты-рудники, въ которыхъ добывалась мѣдная руда, служившая для многочисленныхъ издѣлій. Въ этихъ копяхъ находили иногда и орудія древнихъ рудокоповъ — кайла или кирки изъ мѣди, оленьяго рога, камня; въ Императорскомъ Эрмитажѣ хранится найденная въ Алтаѣ мѣдная статуэтка древняго рудокопа: на головѣ его надѣтъ башлыкъ, вокругъ пояса короткая кожаная юбка, на ногахъ башмаки, на плечѣ сумка для руды, въ одной рукѣ молотокъ, въ другой — родъ клина, на рукахъ кожаныя рукавицы. Въ многихъ золотыхъ розсыпяхъ въ Кузнецкомъ Алатау и Киргизской степи также

Бронзовыя украшенія изъ двухъ женскихъ могилъ Котловскаго могильника.

находили мѣдные кельты и другія мѣдныя орудія. Изъ южной Сибири рудное дѣло было занесено, повидимому, и на Уралъ, гдѣ позднѣйшіе русскіе поселенцы также нашли многія древнія копи, названныя ими „чудскими". Обычно — это узкія подземныя шахты, развѣтвляющіяся на ходы и служившія для добыванія мѣдной руды („мѣдной зелени" и „мѣдной сини") въ песчаникахъ пермской геологической системы. Такія чудскія копи найдены были въ Пермской, Вятской, Уфимской, Казанской и Оренбургской губерніяхъ. Въ нихъ находили иногда и орудія, служившія для разработки руды — каменные топоры, молотки, кирки, мѣдныя кайла, кирки изъ оленьихъ роговъ. По близости копей иногда находятъ слѣды плавиленъмастерскихъ, каменныя формы для отливки орудій и украшеній, плавильные тигли. Немало найдено и различнаго оружія и орудій изъ мѣди, рѣже изъ бронзы (т. е. изъ мѣди съ примѣсью олова). Преобладаютъ между ними такъ наз. кельты — топоры со втулкой для насадки на деревянную, загнутую рукоятку, къ которой они прикрѣплялись помощью мѣдныхъ гвоздей (для чего въ нихъ просверливались сквозныя отверстія), или помощью веревки, (для чего около отверстія втулки дѣлалось ушко). Нѣкоторые кельты насаживались такъ, что лезвее приходилось въ одной плоскости съ рукояткой — такіе служили, очевидно, топорами, другіе же такъ, что лезвее приходилось поперекъ же рукоятки, въ такомъ случаѣ эти орудія должны были служить мотыгами. Кромѣ кельтовъ встрѣчаются и настоящіе топоры, кирки съ четырехъграннымъ остріемъ, изрѣдка — ножи, кинжалы, наконечники копій, серпы, удила, чаще — наконечники стрѣлъ. Пользованіе мѣдными орудіями продолжалось еще долго и послѣ того, какъ стало извѣстно желѣзо; въ нѣкоторыхъ городищахъ и могильникахъ находили мѣдныя орудія совмѣстно съ желѣзными. Наиболѣе извѣстные могильники этой эпохи (начала желѣзнаго вѣка) были открыты на берегахъ Камы (особенно въ Вятской губ.), именно у с. Котловки, Елабужскаго уѣзда и близъ с. Ананьина, недалеко отъ г. Елабуги. Въ первомъ при костякахъ были найдены каменныя, костяныя и бронзовыя орудія, куски мѣдной руды, бронзовыя украшенія (мѣдныя гривны, бляхи, пряжки, привѣски), во второмъ — многочисленныя бронзовыя орудія

и оружіе, но также и желѣзное, причемъ кромѣ собственно погребенія найдены и слѣды трупосожженія.

Что касается городищъ, то ихъ найдено много по Камѣ, Вяткѣ, а также и за Ураломъ, между прочимъ, и на нѣкоторыхъ озерахъ. Во многихъ изъ нихъ добыта масса костей дикихъ и домашнихъ животныхъ, а также издѣлій изъ кости, что было поводомъ къ названію ихъ „костеносными". Обиліе костей доказываетъ, что обитатели этихъ городищъ занимались усердно охотой (за лосемъ, оленемъ, бобромъ, медвѣдемъ и др.), а также разводили и домашнихъ животныхъ (собакъ, свиней, барановъ, крупный рогатый скотъ, лошадей). Кромѣ костяныхъ издѣлій (наконечниковъ стрѣлъ, шилъ, иголъ, долотъ, рыболовныхъ крючковъ, гребней, ложекъ, рукоятокъ ножей, просверленныхъ звѣриныхъ зубовъ-подвѣсокъ) попадаются и бронзовыя или мѣдныя стрѣлки, шилья, иглы, кольца, привѣски, а также формы и тигли для отливки, и изрѣдка — желѣзные небольшіе ножи. Интересно городище, находящееся на берегу Камы, близъ впаденія въ нее р. Вятки, у дер. Грохань. Тутъ найдены — одна могила, нѣсколько глинобитныхъ печей и каменокъ — со слоями золы, костями животныхъ, черенками глиняныхъ горшковъ, мѣдными шлаками, обломками мѣдныхъ котловъ, и многочисленныя орудія — изъ кости, бронзы, желѣзные ножи, глиняныя пряслицы (отъ веретенъ) и т. д.

Населеніе, жившее здѣсь въ эти древнія эпохи, принадлежало, вѣроятно, къ финскому племени. Оно находилось уже на довольно высокой степени культуры: умѣло добывать руду, выдѣлывать мѣдное оружіе и орудія, а позже ознакомилось и съ желѣзомъ, разводило домашнихъ животныхъ, занималось, повидимому, земледѣліемъ, умѣло прясть, ткать, лѣпить глиняную посуду. Оно находилось также — какъ сейчасъ увидимъ — въ торговыхъ сношеніяхъ съ отдаленными странами, обладало нѣкоторымъ искусствомъ въ изображеніи животныхъ, въ изготовленіи разныхъ украшеній и проявляло извѣстныя религіозныя вѣрованія, сводившіяся, повидимому, къ шаманскому культу и къ сношенію съ небесными и подземными божествами при посредствѣ миѳическихъ звѣрей и птицъ.

Что касается торговыхъ и культурныхъ сношенiй, то они начались у здѣшняго населенiя, повидимому, еще до начала нашей эры. Въ нѣкоторыхъ прикамскихъ и приуральскихъ могильникахъ найдено желѣзное оружiе (мечи, кинжалы), напоминающее по своимъ формамъ — скиѳское изъ южной Россiи; обилiе мѣстами бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, нѣкоторые античные сюжеты на серебряныхъ сосудахъ — также указываютъ, повидимому, на заносъ съ юга Россiи, изъ области скиѳовъ и черноморскихъ греческихъ колонiй. Что эти колонiи имѣли нѣкоторыя свѣдѣнiя о Приуральскомъ краѣ явствуетъ изъ данныхъ, сообщаемыхъ о немъ Геродотомъ (V в. до Р. Х.); отсюда съ Урала получали греки, вѣроятно, и золото, изъ котораго ихъ мастера-художники выдѣлывали изящныя золотыя украшенiя, масса которыхъ была найдена въ греческихъ могилахъ Пантикапеи (Керчи) и въ нѣкоторыхъ скиѳскихъ „царскихъ“ курганахъ. О дальнѣйшихъ торговыхъ сношенiяхъ говорятъ находки въ краѣ монетъ — начиная съ первыхъ вѣковъ нашей эры (индо-парѳянскiя монеты I-го вѣка по Р. Х.); особенно усилились эти сношенiя въ эпоху сассанидовъ (IV—VII вв.) а затѣмъ въ IX—X вѣкахъ, въ эпоху разцвѣта города Булгара, куда прiѣзжали съ юга по Волгѣ арабскiе купцы. Къ сассанидской эпохѣ относятся многочисленныя серебряныя издѣлiя, находимыя въ различныхъ мѣстностяхъ края (до отдаленнаго сѣвера), преимущественно сосуды — чаши, блюда, тарелки, кувшины, часто съ изображенiями реальныхъ или миѳическихъ животныхъ, всадниковъ, восточныхъ царей, — несомнѣнно древнеперсидской и арабской работы, — также массивныя серебряныя шейныя гривны, подвѣски въ видѣ полумѣсяца, браслеты, бляхи, иногда съ филигранью, и т. п. Подобнаго рода предметы попадаются въ Россiи только въ Приуральѣ и Прикамьѣ, что указываетъ на исключительное направленiе сюда въ тѣ эпохи торговаго движенiя съ персидскаго востока. Движенiе это шло первоначально, вѣроятно, караваннымъ путемъ — по Аму-Дарьѣ, вдоль Аральскаго моря, черезъ степи, по Иртышу, Турѣ, а позже — воднымъ путемъ, по Каспiю, Волгѣ и Камѣ. Въ числѣ серебряныхъ сосудовъ попадаются также византiйской работы, даже съ эмблемами христiанства,

но по всей вѣроятности, они попадали въ край изъ вторыхъ рукъ, по путямъ, шедшимъ изъ Персіи. Привозъ такихъ цѣнныхъ издѣлій показываетъ, что край въ то время могъ и давать многое, пригодное для обмѣна; вѣроятно, такими предметами торговли служили цѣнные мѣха, мѣдь, кожи, воскъ, а, можетъ быть, и рабы.

Притокъ сюда многихъ серебряныхъ издѣлій съ художественными на нихъ изображеніями могъ способствовать развитію художественныхъ стремленій и въ мѣстномъ населеніи, которое, впрочемъ, уже подъ вліяніемъ сибирскаго искусства усвоило себѣ навыки въ реальномъ изображеніи нѣкоторыхъ животныхъ формъ. Какъ и въ другихъ областяхъ и въ другія культурныя эпохи, искусство здѣсь служило преимущественно религіознымъ цѣлямъ. Особенно любопытны бронзовыя и мѣдныя изображенія летящихъ или парящихъ птицъ (съ развернутыми крыльями). Связь ихъ съ культомъ видна напр. изъ того, что около Сысерьскаго завода на Караульной горѣ, былъ найденъ рядъ ихъ, воткнутыхъ въ стоячемъ положеніи, въ землю; какъ будто они символизировали собою вѣстниковъ, долженствовавшихъ летѣть къ небу и передать мольбы людей небеснымъ духамъ. По типу эти птицы напоминаютъ то голубя, то гагару, то хищниковъ; встрѣчаются птицы о двухъ и о трехъ головахъ; у многихъ имѣется на груди изображеніе человѣческаго лица. Попадаются и съ головою совы или ушастаго филина, а иныя имѣютъ при птичьихъ крыльяхъ звѣриную голову. Кромѣ такихъ миѳическихъ крылатыхъ существъ извѣстны многія находки бронзовыхъ изображеній различныхъ звѣрей, — медвѣдя, волка, соболя, лошади и др., — изображенія змѣи, всадника на змѣѣ и т. д., наконецъ, — оригинальныхъ миѳическихъ существъ, которымъ археологи дали названіе „ящеровъ." Это какой-то гадъ или звѣрь, своеобразной формы, часто съ рогомъ на носу, иногда несущій на себѣ человѣка или даже двухъ, и повидимому тоже стоявшій въ связи съ шаманскимъ культомъ. (Извѣстно, напр., что у якутскихъ шамановъ важную роль играютъ и птицы, въ томъ числѣ и двухголовыя, и какой-то миѳическій звѣрь, различный у каждаго шамана).

Многія изъ такихъ изображеній животныхъ играли,

Чудскія изображенія летящихъ птицъ (и звѣрей).

впрочемъ, роль вотивныхъ, приносившихся въ жертву божествамъ. Замѣчательны въ этомъ отношеніи находки, сдѣланныя въ т. наз. „костищахъ“ Пермской губ., въ особенности въ Гляденовскомъ костищѣ, открытомъ на одномъ изъ мысовъ поемной долины Камы, въ 7 верстахъ отъ г. Перми. Здѣсь, въ толстомъ слоѣ животныхъ костей, болѣе или менѣе пережженыхъ, найдено было до 2000 предметовъ различныхъ эпохъ, но большей частью первыхъ 6—7 вѣковъ нашей эры. Въ числѣ этихъ предметовъ имѣются и костяные, и мѣдные, и желѣзные; рядомъ съ бытовыми, — напр. стрѣлками, ножами, долотами, миніатюрными топориками, копейцами, кирками, глиняной посудой — оказались разнообразныя украшенія — бусы, серьги, перстни, бляшки, индо-пароянскія и сассанидскія монеты, а также многочисленныя мѣдныя изображенія дикихъ животныхъ, птицъ, „ящеровъ“, змѣй, пчелъ, собакъ, овецъ, коровъ, свиней, лошадей, людей (мужчинъ и женщинъ), всадниковъ и т. д. Всѣ эти предметы, очевидно, были приношеніями божеству, символизировавшими дѣйствительныя жертвы или выражавшими извѣстныя пожеланія (напр. успѣшной охоты, пчеловодства, скотоводства и т. п.).

Вліяніе этой приуральской культуры распространялось далеко за предѣлы Приуралья, и многія позднѣйшія бронзовыя, т. наз. шумящія украшенія (привѣски) въ видѣ птичекъ, коньковъ и т. д., часто снабженныхъ лапками, бубенчиками и т. п., встрѣчаемыя въ могильникахъ средней и сѣв. Россіи, вѣроятно развились на основѣ болѣе древнихъ приуральскихъ изображеній животныхъ. Такого рода шумящія подвѣски характеризуютъ особенно финскіе могильники VII—VIII вѣковъ, а отчасти и болѣе поздніе. Приуральская доисторическая культура также была финскою, хотя первоначально, можетъ быть, угро-финскою, т. е. созданною народностями, родственными современнымъ вогуламъ и остякамъ. Въ пользу этого говорятъ характерные религіозные символы (изображенія птицъ, звѣрей, людей), напоминающіе подобные же у названныхъ инородцевъ сѣв. Урала и низовьевъ Оби, жертвенныя мѣста и нѣкоторыя другія бытовыя особенности. Съ другой стороны, извѣстно, что вогулы жили нѣкогда южнѣе и западнѣе, чѣмъ теперь, и, повидимому, отступили къ сѣверу и востоку передъ движеніемъ

другихъ финскихъ племенъ, въ свою очередь потѣсненныхъ русской колонизаціей.

Первыми изъ русскихъ племенъ стали проникать въ Приуралье и на Печору новгородцы, именно съ XV—XII вѣковъ. Въ XIII вѣкѣ Пермь уже упоминается въ договорныхъ грамотахъ, какъ новгородское владѣніе. Въ XIV вѣкѣ сюда проникаетъ христіанство, которое проповѣдывалъ здѣсь св. Стефанъ Пермскій. Около того же времени Пермскій край входитъ въ составъ владѣній Московскаго великаго княжества.

Значительное вліяніе на колонизацію Пермскаго края оказали богатые солепромышленники Строгановы. Обладая крупными средствами и отличаясь предпріимчивостью, Строгановы энергично принялись за эксплоатацію богатствъ края и быстро упрочили русское владычество въ предѣлахъ занятой ими области, именно въ верхнемъ теченіи Камы и ея притоковъ. Они строили здѣсь городки и населяли ихъ „охочими“ людьми, содержавшимися на ихъ счетъ. Защищая такимъ образомъ эти отдаленныя восточныя окраины Московскаго государства, Строгановы приносили большую ему пользу, за что и пользовались разными привилегіями. Не довольствуясь занятыми ими землями, Строгановы пользовались случаями къ расширенію предѣловъ русскихъ владѣній. Появленіе на Камѣ Ермака съ его казацкою дружиной дало имъ поводъ направить эту вольницу на покореніе Сибири. Но главное значеніе Строгановыхъ заключается въ заселеніи края, въ заведеніи здѣсь солеваренъ, въ приступѣ къ добычѣ рудъ, въ проложеніи дорогъ, въ развитіи торговыхъ сношеній, хотя эти культурные успѣхи и достигались на счетъ закабаленія инородцевъ, изъ коихъ пермяки въ особенности испытали на себѣ бремя закрѣпощенія.

Въ южномъ Приуральѣ русскіе встрѣтились съ тюркскимъ племенемъ, башкирами, именно уже въ царствованіе Іоанна III, когда его воеводы, „воюючи казанскія мѣста“, проникли до р. Бѣлой. Въ 1557 году башкиры, отдавшіеся добровольно въ подданство Россіи, являются уже ея данниками. Въ 1586 былъ основанъ городъ Уфа, и въ томъ же году городъ Самара. Съ этого времени начинается колонизація края, въ предѣлы Башкиріи переселяются татары, мещеряки, тептяри, черемисы и

другіе инородцы. Съ этого же времени среди башкиръ начинается глухое броженіе, враждебное Москвѣ, приведшее къ ряду возстаній, въ результатѣ которыхъ это когда-то гордое, богатое и свободолюбивое племя было сломлено, усмирено, лишилось многихъ своихъ земель, и превратилось въ обѣднѣлую, апатичную народность, сохраняющую однако особенности своего быта, въ томъ числѣ и принятое ими отъ татаръ мусульманство.

Колонизація Приуралья русскими шла двумя путями. Во-первыхъ, это была такъ наз. вольная колонизація, во вторыхъ принудительная, успѣхъ и развитіе которой былъ тѣсно связанъ съ исторіей горнаго дѣла на Уралѣ. Внутреннія смуты въ государствѣ, тяжелыя экономическія условія, злоупотребленія властей, религіозныя гоненія, наконецъ, просто стремленіе къ личному обогащенію заставляли въ разныя времена многихъ искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія. Эти отдѣльныя личности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и цѣлыя толпы недовольныхъ или гонимыхъ и являлись передовыми піонерами русской вольной колонизаціи Приуралья. Изъ такихъ вольныхъ людей состояли и дружины Строгановыхъ, да и самаго Ермака. Несомнѣнно, что эти выходцы, только въ болѣе благопріятныхъ случаяхъ приносили существенную пользу дѣлу русской колонизаціи въ краѣ. Болѣе прочной являлась правительственная и заводская колонизація, состоявшая въ переселеніи въ Приуральскій край крестьянскаго населенія для разработки рудныхъ богатствъ. Горные заводы, нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ, обыкновенно пользовались такъ наз. приписными крестьянами, которые однако скоро были совершенно закрѣпощены и мало по малу превратились въ настоящихъ рабовъ. Такимъ образомъ, рука объ руку съ развитіемъ горнаго дѣла, шло и заселеніе края русскими людьми, потомки которыхъ и являются современнымъ заводскимъ, а отчасти и земледѣльческимъ населеніемъ средняго и отчасти южнаго Приуралья.

Численность и составъ современнаго населенія.

На обширной территоріи Приуральскаго края живетъ въ настоящее время около 7,000,000 человѣкъ. Изъ этого количества около двухъ милліоновъ приходится на долю инородческаго населенія. Самое многочисленное населеніе имѣетъ наиболѣе значительная изъ губерній Приуральскаго края — Пермская (около 3 милліоновъ). Ей немногимъ лишь уступаетъ самая маленькая изъ губерній края — Уфимская ($2^1/_2$ милл.). Наименьшею населенностью отличается Оренбургская губернія (около $1^1/_3$ милл.). Въ то время какъ въ первой изъ этихъ губерній число инородцевъ сравнительно невелико (около 100,000), въ губерніи Уфимской оно превосходитъ населеніе русское, а въ Оренбургской равняется приблизительно одной трети русскаго населенія. Однако въ послѣднее время русское населеніе понемногу увеличивается въ Уфимской губерніи. Что касается плотности населенія, то самую меньшую плотность, въ 9 человѣкъ на 1 кв. версту, имѣетъ Оренбургская губернія; за ней слѣдуетъ обширная Пермская губ., гдѣ на 1 кв. версту приходится 10 человѣкъ; наконецъ, наибольшую плотность имѣетъ Уфимская губ. — 19 человѣкъ на 1 кв. версту.

Этнографическій составъ населенія Пріуральскаго края отличается значительною пестротою. Кромѣ преобладающаго русскаго населенія на огромномъ пространствѣ края живетъ цѣлый рядъ финскихъ и тюркскихъ народностей, изъ которыхъ первое мѣсто по своей численности занимаютъ башкиры, которыхъ больше всего въ Оренбургской губерніи, затѣмъ въ Уфимской и немного къ Пермской. Кромѣ башкиръ въ краѣ живутъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ тептяри и мещеряки. За ними слѣдуютъ мордва и чуваши въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, черемисы въ Пермской и Уфимской, вотяки здѣсь же, татары и калмыки въ Оренбургской губерніи, и, наконецъ, пермяки и вогулы въ сѣверныхъ частяхъ Пермской губ.

VII.

Инородческое населеніе.

Пермяки.

Пермяки — народъ финскаго племени. Вмѣстѣ съ зырянами они составляютъ одинъ народъ комі, комі войтыр, колі отір, какъ они сами себя называютъ. Народъ комі находится въ близкомъ родствѣ съ вотяками, вмѣстѣ съ которыми составляетъ восточно-пермскую группу Финскаго племени.

Пермяки живутъ въ Пермской губерніи, сѣверной части Чердынскаго уѣзда, въ Соликамскомъ уѣздѣ по р. Иньвѣ и ея притокамъ и въ нѣсколькихъ селахъ Вятской губ. Общее число пермяковъ доходитъ до 190.000.

Доисторическая жизнь пермяковъ можетъ быть возстановлена отчасти только на основаніи изслѣдованія лингвистическаго матеріала и археологическихъ данныхъ. Изслѣдованіе финно-угорскихъ языковъ, къ группѣ которыхъ принадлежитъ и зыряно-пермяцкій языкъ, показало, что финно-угры жили нѣкогда рядомъ съ индо-иранцами, въ тѣ времена, когда финно-угорскіе языки составляли одно цѣлое, или по меньшей мѣрѣ когда различіе между ними было весьма незначительно. Всѣ финно-угорскіе языки имѣютъ слова заимствованныя изъ индо-иранскаго языка. Особенно много такихъ общихъ заимствованныхъ словъ встрѣчается въ языкахъ мордовскомъ,

черемискомъ, зыряно-пермяцкомъ, вотяцкомъ, вогульскомъ, остяцкомъ и венгерскомъ. Заимствованія эти указываютъ на весьма древнія формы индо-иранскаго языка, когда еще сохранился конечный s. Таковы заимствованныя зырянами слова vörkas „россомаха“, морд.-мокш. virgas. Зырянскія слова ozyr, ozer вот. uzyr, вогул. oder, oter указываютъ также на болѣе древнюю форму нежели историческія иранскія формы. До сихъ поръ не удалось точно опредѣлить, изъ какого языка заимствованы эти слова. Возможно, что это былъ какой-нибудь индо-иранскій языкъ, не оставившій прямого потомка. Индо-иранскія вліянія имѣютъ важное значеніе для опредѣленія прежняго мѣстожительства финно-угровъ, которое должно было находиться гораздо южнѣе теперешняго. Заимствованія изъ индо-иранскаго языка являются матеріалами для изученія культурнаго состоянія древнихъ финновъ. Заимствованными являются названія металловъ (золота, желѣза), изъ области скотоводства названіе быка, изъ области земледѣлія—сошникъ. Изъ общественныхъ отношеній зырянами-пермяками заимствованы слова: князь, богатый. Изъ области религіи зыряне-пермяки ничего не заимствовали. Но другіе народы финскаго племени заимствовали названіе Бога, финское juma, венгерское jo (основа jova) вогульск. jomas, остяц. jem.; мордва заимствовала pavas.

На основаніи лингвистическаго матеріала можно заключить, что прафинны, составлявшіе еще одно цѣлое, занимались уже земледѣліемъ, скотоводствомъ, умѣли доить скотъ, приготовлять масло, ткать, возводили постройки для себя и скота, имѣли пологъ для спанья. Вообще, прафинны стояли уже на довольно высокомъ сравнительно уровнѣ культуры.

Изъ другихъ народовъ оказали нѣкоторое культурное вліяніе на пермяковъ-зырянъ и вотяковъ чуваши. Это вліяніе происходило еще тогда, когда пермскія племена жили въ сосѣдствѣ и въ тѣсныхъ сношеніяхъ между собою. Пермяки-зыряне населяли и лѣвый берегъ Камы до самаго Уральскаго хребта, а на югъ ихъ мѣстожительство простиралось до теперешней границы Пермской и Уфимской губерній, возможно, что и дальше. На это указываютъ многочисленныя названія рѣкъ, озеръ, урочищъ, безъ труда объясняемыхъ изъ пермяцко-зырянскаго языка.

Пермяки-зыряне и остальные восточные финны пришли въ соприкосновенiе съ русскими довольно поздно, гораздо позже, чѣмъ западные финны. Въ восточно-финскихъ языкахъ не встрѣчается такихъ заимствованiй, которыя указывали бы на древнюю форму русскаго языка, тогда какъ такiя заимствованiя имѣются въ западно-финскихъ языкахъ.

Новгородцы столкнулись съ народомъ комi (зырянами-пермяками) сравнительно рано, на что указываютъ нѣкоторыя лѣтописныя указанiя. Въ XI в. они уже брали дань съ печорцевъ. Акты говорятъ, что Новгородъ до 1471 считалъ Пермь (Зырянскую и Пермскую землю) своей волостью, но фактическая власть его кончилась гораздо раньше. Знаменитый зырянскiй Памъ-сотникъ, противникъ Стефана Пермскаго, просвѣщавшаго зырянъ въ 1376—1397 гг., жаловался на Москву, откуда идутъ „дани тяжкiя и тiуны приставницы". Но Москва, взимая дань съ Перми великой, вынуждена была признавать ее до 1471 г. волостью Новгорода, хотя въ то же время князья московскiе въ нѣкоторыхъ документахъ (съ 1449 г.) титуловали себя князьями Пермскими. Въ 1471 году значительная часть Перми великой отошла къ Москвѣ. Въ 1472 году Москва завоевала верховья Камы. Войска подъ предводительствомъ князя Өедора Пестраго и Гаврила Нелидова разрушили Искаръ, Покчу, Уросъ, Чердынъ, взяли въ плѣнъ пермскихъ князей Коча, Бурмата, Мичкана, Зырана и Михаила Чердынскаго. Въ числѣ защитниковъ этихъ городовъ находилась и Новгородская дружина. Интересенъ списокъ, захваченной и посланной тогда въ Москву добычи — 16 сороковъ соболей, 29 поставовъ нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и 2 булатныя сабли. Ни Новгородъ, ни Москва по завоеванiи Перми великой не вмѣшивались во внутреннiя ея дѣла, сохраняли за ней ея самоуправленiе и нацiональныхъ князей. Впервые въ 1505 году былъ смѣщенъ пермскiй князь въ Чердыни и замѣненъ московскимъ воеводой. Но Москва не рѣшалась посягнуть на самоуправленiе пермяковъ. Воеводы и ихъ тiуны не могли сами разъѣзжать по селамъ и деревнямъ и собирать дань, но должны были довольствоваться установленной данью, которая доставлялась пермяками въ Чердынъ. Такого рода отношенiя между Пермью и Москвой продолжались

довольно долго, до самаго конца 17-го вѣка. Но судьба части пермяковъ сложилась болѣе печально. Иньвенскіе пермяки подпали въ крѣпостную зависимость отъ Строгановыхъ.

Правленіе Перми носило вѣчевой характеръ, отличалось отсутствіемъ исполнительной власти. Большую роль среди пермяковъ играли Тодыс', отличавшіеся праведной жизнью, которые руководили религіознымъ и общественнымъ бытомъ. Роль и значеніе пермяцкихъ князей „öксыр“ до сихъ поръ мало выяснены. Они во всякомъ случаѣ не несли судебныхъ функцій и руководили защитой городовъ во время нападенія извнѣ.
Въ настоящее время пермяки живутъ въ бревенчатыхъ избахъ, обыкновенно большихъ размѣровъ и высокихъ. Полъ устраивается на достаточной высотѣ надъ землей и подъ нимъ имѣется помѣщеніе, высотой больше роста человѣка. Оно сообщается прямо съ внутренностью избы, откуда можно въ него спускаться по лѣстницѣ. Теперь оно большею частью лишено пола, но болѣе старыя постройки всѣ имѣютъ полъ и еще второй ходъ прямо съ улицы. Приблизительно на высотѣ $2^{1}/_{2}$—3 арш. отъ пола устраиваются большія полати, отъ которыхъ до потолка остается такое же разстояніе. Но Иньвенскіе пермяки не устраиваютъ „гобоч выв“, возвышенной площадки высотой отъ пола въ 2 арш. (приблизительно), непосредственно прилегающей къ печкѣ и отдѣленной отъ полати небольшимъ розстояніемъ. Нѣтъ по близости полатей и окна.

Пермяцкая изба состоитъ изъ двухъ четыреугольныхъ срубовъ, соединенныхъ сѣнями и находящимися подъ одной крышей. Въ сѣни ведетъ крыльцо, которое замѣнялось раньше лѣстницей, состоявшей изъ одного толстаго бревна съ зарубками. Теперь обѣ половины избы служатъ для жилья. Одна приспособлена для лѣта, другая для зимы. Но встрѣчаются и постройки болѣе стараго типа, характернаго тѣмъ, что вторая половина приспособлена только для храненія предметовъ домашняго обихода. Жилая часть называется керку, нежилая куму; послѣдняя въ свою очередь состоитъ изъ двухъ этажей, верхняго и нижняго. Въ верхнемъ хранятся вещи нужныя для повседневнаго обихода, въ нижнемъ болѣе рѣдко употребляемыя и мука. Въ Пермскомъ краѣ рѣдко теперь можно встрѣтить курную избу, и печи обыкновенно дѣлаются изъ

кирпича. Пермяцкія избы новаго типа имѣютъ четырехскатную крышу, а старомодныя покрыты двускатной крышей, укрѣпленной шеломомъ, конецъ котораго обработанъ въ видѣ конской головы съ сильно развитой грудью, напоминающей зобъ птицы. Такое сочетаніе не случайно; пермякъ намѣренно придаетъ такимъ изображеніямъ смѣшанныя черты лошади и птицы; иногда онъ изображаетъ лебедя или утку съ ушами лошади. Такія изображенія имѣютъ религіозное значеніе. И среди „чудскихъ" предметовъ находятся бронзовыя изображенія птицъ съ ушами.

Внутренность избы пермяка отличается простотой. Мебель состоитъ изъ самодѣльнаго стола, скамеекъ, и самодѣльныхъ стульевъ изъ обрубковъ дерева „джек". Хлѣвъ у нихъ бываетъ двухъ видовъ: болѣе холодный—„карта" и болѣе теплый „гид". Первый предназначенъ для лошадей, коровъ, второй для телятъ, овецъ, а въ болѣе холодное время въ немъ держатъ и коровъ.

Пермяцкія деревни вообще чисты; около домовъ посажены березы. Много березъ около гуменъ.

Пища пермяковъ во многомъ сходна съ зырянской. Густая каша „рокъ" имъ была извѣстна, когда финно-угры соприкасались еще съ иранцами. „Рок" — густую кашу пермяки-зыряне готовятъ изъ ржаной муки. Жидкая каша „шид" приготовляется изъ ячменя на молокѣ „jevvašid" въ постные дни безъ молока az'a sid, который раньше приправлялся дико растущими растеніями. Мясо употребляютъ въ вареномъ, жареномъ и печеномъ видѣ. Изъ молока приготовляютъ сыръ-творогъ. Пермячки славятся искусствомъ печь разнообразные сорты хлѣба изъ ячменной муки. Разнообразныя шаньги, приготовляемыя изъ ячменной муки, масла, творога, молока, сметаны, играютъ большую роль въ питаніи пермяка. Извѣстное кушанье пельмени, которое такъ распространено въ Сибири, является національнымъ пермяцкимъ кушаньемъ. Оно по пермяцки называется пел' нан' (pel' n'an')—хлѣбъ по формѣ похожій на ухо. Но у пермяковъ начинкой пельменей является не мясо, а грибы. Пермяки много пьютъ браги, которая очень распространена по всей Пермской, а частью и Вятской губерніи. Иная пермяцкая семья тратила раньше на

брагу до 200 пудовъ овса. Брага приготовляется изъ ржаной муки и овса. Она бываетъ двухъ видовъ хмѣльная и нехмѣльная. Брага безъ хмѣли не дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ и, повидимому, не содержитъ алкоголя. Хмѣльная возбуждаетъ но, повидимому, все же очень мало содержитъ алкоголя. Отъ браги пермякъ никогда не приходитъ въ „веселое“ настроеніе, что уже бываетъ съ нимъ послѣ сотки вина.

Одежда пермяковъ довольно проста. На работѣ носятъ лапти, по праздникамъ и во время болѣе чистой работы сапоги. Мужчины носятъ рубашку и штаны изъ самодѣльнаго холста, затѣмъ зипунъ также изъ холста (шабуръ), а болѣе теплый—самодѣльнаго сукна (дукöс). Женщины носятъ сарафаны изъ самодѣльнаго холста, по праздникамъ ситцевые. Шубы, сшитыя изъ своихъ овчинъ, не представляютъ ничего оригинальнаго. Молодежь теперь носитъ пиджаки изъ матеріала, приготовленнаго на русскихъ фабрикахъ. Пояса, ремни для завязыванія обуви и чулки часто бываютъ украшены орнаментомъ.

Творцомъ вселенной, по вѣрованіямъ пермяковъ, является Іенъ, существо весьма доброе, живущее на небѣ. Создавъ міръ, Іенъ предоставилъ человѣку полную свободу и не вмѣшивается больше въ дѣла людей. Жизнь человѣка и природы идетъ по опредѣленному закону. Но этотъ законъ не предрѣшаетъ хода исторіи человѣчества, ни природы, ни даже отдѣльной личности. Въ вѣрованіяхъ пермяковъ нѣтъ судьбы, рока. Человѣку ничего заранѣе не предопредѣлено. Вся его жизнь будетъ зависѣть отъ личныхъ дѣйствій, отъ тѣхъ или иныхъ его поступковъ. Только въ дѣтствѣ его здоровье зависитъ отъ поведенія матери, отца и другихъ лицъ, состоящихъ съ нимъ въ духовномъ родствѣ. Эти лица, обязанныя охранять здоровье ребенка, несутъ отвѣтственность за него.

Пермяцкое религіозное міровоззрѣніе не знаетъ злыхъ духовъ, враждебныхъ человѣку, подталкивающихъ его на преступленія и дурные поступки. Свои дѣйствія пермякъ считаетъ исходящими отъ его собственной воли. Поэтому, разговоръ пермяковъ лишенъ такихъ выраженій какъ „чортъ попуталъ“, „лукавый смутилъ“. Нѣтъ у пермяка и ангела хранителя, защитника отъ несчастій, направляющаго его на добрый путь.

Пермякъ не любитъ внушеній чужой воли. Всѣ поступки опредѣляются его волей. Совершеніемъ грѣха, преступленіемъ, нарушеніемъ правъ другого человѣка, животнаго, несоблюденіемъ извѣстныхъ гигиеническихъ правилъ онъ можетъ вызвать рядъ бѣдствій, отражающихся не только на здоровьѣ его самаго, его семьи и его экономическомъ благосостояніи, но способномъ сказаться и на качествѣ урожая, ростѣ другихъ растеній, всей природѣ. Эти бѣдствія исходятъ не отъ воли какого нибудь божества, а зависятъ отъ свойствъ самой природы. Къ числу заразныхъ началъ, по вѣрованіямъ пермяковъ, относятся нѣкоторыя выдѣленія человѣка; зараза вырабатывается также послѣ сексуальныхъ отношеній, наконецъ, она образуется въ природѣ естественнымъ путемъ помимо воли и дѣйствій человѣка.

Задачей пермяка является изолировать себя, дорогихъ ему лицъ и другихъ существъ отъ соприкосновенія съ заразой. Много хлопотъ доставляетъ пермякамъ забота о сохраненіи здоровья ребенка. Взрослые мужчины и женщины, ведущіе супружескую жизнь, являются, по вѣрованіямъ пермяковъ, не только сами заразными, но и всѣ предметы, соприкасающіеся съ ними, считаются пропитанными заразой. При совмѣстной жизни подъ одной кровлей трудно бываетъ уберечь дѣтей отъ соприкосновенія съ заразой. Но пермякъ принимаетъ всѣ мѣры предосторожности. Даже ночью моютъ скобку дверей, за которую хватались загрязненными руками послѣ сексуальныхъ отношеній.

Во многихъ пермяцкихъ селахъ и деревняхъ дѣтей отправляютъ въ баню раньше мужчинъ, съ ними идутъ и женщины, но онѣ предварительно обмываются дома, хотя бы холодной водой, чтобъ избавить дѣтей отъ соприкосновенія съ своей заразой. Въ баняхъ для дѣтей употребляютъ особые сосуды, которые наглухо закрываются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мужчины моются раньше дѣтей и женщинъ. Матерямъ, кормящимъ грудью ребенка, предписывается строгое воздержаніе отъ супружескихъ сношеній. При нарушеніи ими этого правила, онѣ обязаны принять рядъ очистительныхъ мѣръ. Забота по охранѣ здоровья ребенка у пермяковъ лежитъ, главнымъ образомъ, не на матеряхъ, а на старыхъ женщинахъ, бабушкахъ,

оставившихъ уже супружескую жизнь. Но часто принимаютъ участіе въ охранѣ здоровья дѣтей и старухи не-родственницы, отличающіяся особой праведной жизнью и соотвѣтствующимъ для своей роли знаніемъ. Ихъ приглашаютъ въ болѣе важные моменты въ жизни ребенка — при рожденіи и заболѣваніяхъ.

Пермяки многія заболѣванія дѣтей, напр. разныя сыпи, рахитизмъ, приписываютъ заразѣ, развившейся послѣ сексуальныхъ отношеній. Зараза эта признается опасною не только для дѣтей, но и для животныхъ, собакъ, бѣлокъ, дичи, нѣкоторыхъ растеній, а равно и для охотниковъ. Мужчина-охотникъ теряетъ всѣ свои способности, прострѣленная и убитая имъ бѣлка не падаетъ съ дерева. Собака, соприкасающаяся съ нимъ, заражается отъ него. Она теряетъ чутье и другія способности. Появленіе на охотѣ нѣсколькихъ лицъ, не соблюдшихъ извѣстнаго воздержанія и не очистившихся водой, вызываетъ уменьшеніе количества дичи, пушныхъ звѣрей и вліяетъ на ихъ качество. Всякая зараза, даже небольшой шумъ или крикъ отражаются также, по мнѣнію пермяковъ, неблагопріятно на цвѣтеніи ржи. Въ это время требуется полное воздержаніе отъ супружескихъ сношеній, воспрещается стирка, полосканіе бѣлья, бѣленіе холста (бѣлятъ холстъ, постилая на траву), нельзя производить шума, крика. Самое цвѣтеніе ржи, по воззрѣніямъ пермяковъ, происходитъ въ полдень. Въ старину они поэтому прятались въ полдень по домамъ, запирали двери, завѣшивали окна, ложились въ пологъ и молча лежали около получаса. Теперь все это уже не строго соблюдается, но самое явленіе не исчезло, только внѣшнія черты его видоизмѣнились, приняли иной характеръ. До сихъ поръ въ полдень въ пермяцкой землѣ во время цвѣтенія ржи царитъ полная тишина. Въ это время нельзя также прикасаться голыми руками до колосьевъ, нельзя вблизи поля курить табакъ, громко разговаривать.

Защитницей урожая у пермяковъ является богиня „Вуншерка“ (Полудница), „Оборониха“. Она имѣетъ образъ женщины, обладаетъ чудными синеголубыми глазами, напоминающими цвѣтки василька, и бѣлыми какъ ленъ волосами. Она низкаго роста, не выше ржи, и, когда она прогуливается по полямъ, ея не видно. Она всегда бываетъ одѣта въ бѣленькое

платьице, на головѣ носитъ головной уборъ шемшуръ. Обходитъ ржаныя поля она въ полдень и защищаетъ ихъ отъ проникновенія нечистоты, заразы, шума. Такой обходъ она совершаетъ ежедневно до отцвѣтенія ржи. Затѣмъ она покидаетъ грѣшную землю, чтобъ снова вернуться въ слѣдующемъ году. Гдѣ „Вуншерка" проводитъ остальную часть года—неизвѣстно.

Богиня „Вуншерка" является воплощеніемъ чистоты, дѣвственности. Вся ея мысль и дѣятельность направлены къ сохраненію красоты природы, ея созидательной и производительной силы, гармоніи человѣческой личности, его радостей. Она не требуетъ отъ человѣка ни жертвъ, ни молитвъ; радость человѣка — ея радость, красота жизни — ея красота.

Ссоры, дрязги вліяютъ по мнѣнію пермяковъ на вырожденіе всей природы и въ частности человѣка. Распри изъ за земельныхъ надѣловъ вліяютъ на качество урожая, хлѣбные злаки чахнутъ. Сильныя же распри, сопровождающіеся неоднократнымъ проклятіемъ и иного рода руганью, вліяютъ и на самую природу; красота ея меркнетъ. Нарушеніе правъ живого существа не проходитъ безнаказанно. Виновникъ такъ или иначе долженъ пострадать. Собака, обиженная своимъ хозяиномъ, можетъ вызвать на него своимъ воемъ рядъ бѣдствій. Лошадь, у которой послѣ смерти сняли шкуру, преслѣдуетъ хозяина на томъ свѣтѣ, требуя одѣть себя. Воръ, нарушитель правъ другихъ, дѣлается болѣе воспріимчивымъ къ заболѣваніямъ. Зараза вырабатывается при совершеніи преступленія и затѣмъ усиливается воплями и жалобами обиженнаго. Воръ, преступникъ иногда долгое время можетъ оставаться не наказаннымъ, особенно когда потерпѣвшимъ является человѣкъ, не желающій преслѣдовать своего обидчика. Пермякъ же часто отказывается отъ преслѣдованій. Хлѣбные злаки, пушной звѣрь, дичь, рыба не могутъ, по его воззрѣнію, быть предметами спора и раздора, отъ этого они чахнутъ, вырождаются. Затѣмъ пермякъ, терпѣливо переносящій обиды, пріобрѣтаетъ лучшія способности, счастье, здоровье, дѣлается менѣе воспріимчивымъ къ заразѣ, заболѣваніямъ.

Иногда пермякъ, хотя очень рѣдко, желаетъ наказать неизвѣстнаго вора, похитившаго у него что-нибудь изъ

домашнихъ вещей. Этого онъ можетъ достигнуть произношеніемъ извѣстныхъ словъ, при помощи особыхъ, хотя и не сложныхъ магическихъ дѣйствій. Но самъ пермякъ обыкновенно не рѣшается прибѣгнуть къ такому радикальному средству и обращается за содѣйствіе къ Туну, Тӧдыс. Тунъ, отличаясь извѣстными нравственными качествами, можетъ нагнать болѣзнь на вора, съ цѣлью дать возможность ему задуматься и принести повинную. По возвращеніи вещи обратно потерпѣвшему и заявленіи о своемъ поступкѣ воръ получаетъ право на прощеніе и исцѣленіе, и потерпѣвшій обязанъ простить вора. Туны теперь уже не играютъ прежней роли и къ нимъ рѣдко кто обращается.

Религіозное міровоззрѣніе пермяковъ неразрывно связано съ ихъ соціальными воззрѣніями. Каждый человѣкъ имѣетъ право на жизнь и пропитаніе, и хлѣбъ родится на всѣхъ, если же его мало, то всѣ должны терпѣть недостатокъ. Голодающій, по воззрѣніямъ пермяковъ, является человѣкомъ обиженнымъ, обкраденнымъ людьми. Его жалобы могутъ повліять на качество урожая. Отсюда понятно, почему пермяки такъ внимательно заботятся о попеченіи старыхъ, немощныхъ людей и сиротъ. Есть лица, которыя имѣютъ до семи пріемышей. Иные берутъ нѣсколько пріемышей, имѣя 5—6 собственныхъ дѣтей. Къ пріемышамъ пермяки относятся хорошо, какъ къ своимъ роднымъ дѣтямъ. Пріемышъ наслѣдуетъ наравнѣ съ родными дѣтьми. Главный контингентъ пріемышей составляютъ внѣбрачные дѣти.

Отношеніе пермяковъ къ женщинамъ, акту дѣторожденія связано съ извѣстными религіозными представленіями, на первый взглядъ изобилующими кажущимися противорѣчіями. Женщина считается какъ бы нечистой, оскверненной. Встрѣча съ ней мужчинамъ приноситъ несчастіе. Она не можетъ пересѣкать имъ дорогу. Но, съ другой стороны, женщина стоитъ не только выше мужчинъ, но и попа и чиновниковъ, по этому она не должна кланяться имъ. Въ теченіи сорока дней послѣ родовъ женщина стоитъ наравнѣ съ Богородицей, поэтому она въ это время не должна ходить въ церковь и молиться. Женщина, родившая три раза по двойнѣ, на всю жизнь остается почитаемою. Приведенныя данныя,

кажущіяся противорѣчивыми, легко примиримы. Какъ уже было сказано, извѣстными дурными поступками человѣка вырабатывается въ природѣ ядъ, зараза. Этотъ ядъ можетъ быть обезвреженъ добрыми поступками, добровольными страданіями за благо другого. Женщины, по вѣрованіямъ пермяковъ, желая предотвратить опасность прекращенія дѣторожденія и такимъ образомъ гибели всего человѣчества, рѣшились идти на добровольное страданіе, распредѣлили всю заразу между собой. Поэтому, въ извѣстное время онѣ являются носительницами заразы, опасными для окружающихъ, и въ то-же время почитаемыми за свои добровольныя страданія.

Дѣвушки до супружеской жизни считаются какъ бы нейтральнымъ поломъ. Онѣ не переносятъ заразы и не почитаются какъ женщины. Но ихъ съ малаго дѣтства пріучаютъ соблюдать извѣстнаго рода правила, не пересѣкать дорогу мужчинамъ и т. д. Грѣшная женщина, обидѣвшая животныхъ, мужа, постороннихъ лицъ, бываетъ и не въ силахъ родить ребенка; трудные роды могутъ кончиться смертью родильницы. Женщина, позволившая ударить лучиной кошку, собаку, тнуть ихъ ногой, передъ родами должна просить у обиженнаго животнаго прощенія на колѣняхъ, со слезами на глазахъ, называя его нѣжными именами. Женщина, обидѣвшая мужа или постороннихъ лицъ, должна у нихъ просить прощенія на колѣняхъ.

Пермяцкое міровоззрѣніе не допускаетъ восхваленія какого бы то ни было, какъ въ глаза такъ и за глаза. При восхваленіи вырабатывается особая зараза, вредная для восхваляемаго лица, слушателей и самаго хвалящаго. Лицо восхваляемое теряетъ всѣ тѣ способности, за которыя его хвалятъ. Слушатель и хвалитель теряютъ часть своего здоровья, силы, способностей. Не полагается также, по воззрѣніямъ пермяковъ, называть человѣка жалкимъ, несчастнымъ. Лицо, позволившее такъ оскорбить себя, пострадаетъ такъ или иначе— заболѣетъ, потеряетъ способности. Но онъ можетъ удачнымъ отвѣтомъ предохранить себя отъ несчастія и перенести его на неумѣстно сердобольнаго человѣка. Особенно вредны, по воззрѣнію пермяковъ, неумѣренный восторгъ, удивленіе, которыя могутъ исходить отъ ничтожныхъ существъ.

Заразными являются и выдѣленія человѣка. Поэтому, пермякъ въ лѣсу зарываетъ свои выдѣленія, покрываетъ ихъ землей. Избѣгаетъ также пермякъ производить выдѣленія по близости рѣкъ, ключей, озеръ, нивы съ ребенкомъ, хлѣбомъ или молокомъ на рукахъ. Несоблюденіе одного изъ этихъ правилъ вызываетъ нежелательныя явленія, какъ напр., болѣзнь ребенка, ухудшеніе качества урожая. Вода же, какъ высшее существо, не заражается нечистотами, но она сама наказываетъ дерзкаго оскорбителя. Въ природѣ, по воззрѣніямъ пермяковъ, имѣется нѣсколько средствъ, предохраняющихъ человѣка отъ нѣкоторыхъ видовъ заразы. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ вода, культъ которой среди пермяковъ сильно развитъ. Весной, по вскрытіи рѣки, пермякъ приноситъ въ жертву ей кусочекъ сыру, крошку хлѣба, то же онъ даетъ и ключамъ. При возведеніи новаго дома пермякъ старается построить его поближе къ водѣ, хотя бы на одинъ вершокъ, чѣмъ стоялъ старый его домъ. Новобрачные послѣ свадебныхъ обрядовъ тоже одаряютъ воду кусочками хлѣба и сыра. Пермяки почитаютъ и самую стихію воды, которая не приняла еще опредѣленнаго образа. Представленіе пермяковъ о водяномъ сводится къ звѣриному существу съ человѣческими, женскими волосами. Водяные развились по воззрѣніямъ пермяковъ изъ стоячей, „мертвой“, воды, обладающей уже заразными свойствами, и сами они являются нечистыми.

Кромѣ воды, пермяки приписываютъ очищающее свойство соли (предохраняющей отъ гніенія) и можжевельнику, который сгорая уничтожаетъ дурной запахъ, причину и послѣдствіе болѣзней. Почитается также лѣсъ, благотворный воздухъ котораго вліяетъ благодѣтельно на здоровье и умиротворяетъ душу. Съ лѣсомъ связано почитаніе лѣснаго царя „Вӧр Айка“. Ему пермяки приносятъ въ даръ хлѣбъ, пирогъ съ рыбой, табакъ, иногда и водку. Все это несется въ лѣсъ и кладется на пень въ надеждѣ, что лѣсной царь, дядя лѣса, увидитъ угощеніе и возьметъ его себѣ. Этому лѣсному царю пермяки пишутъ даже прошеніе на берестѣ углемъ или на дощечкѣ, дѣлая вырѣзки ножемъ или топоромъ. Въ лѣсу, по вѣрованіямъ пермяковъ, обитаютъ человѣкоподобныя существа, занимающіяся, главнымъ образомъ, охотой и живущія,

какъ и люди, семьями. У нихъ есть старшой „большакъ“, лѣсной дядюшка, лѣсной царь „Вöр Айка“, благонравный сѣдой старикъ. Молодежь у лѣшихъ отличается тѣми же свойствами, что и у людей, любитъ шалости, проказы. Часто они загоняютъ корову пермяка въ лѣсъ, въ болото. И вотъ пермякъ жалуется на эти проказы хозяину лѣшихъ, лѣсному дядюшкѣ.

Въ домѣ, по вѣрованіямъ пермяковъ, живетъ „сусѣдко“, заботящійся о счастьѣ дома. Онъ не требуетъ отъ пермяка ничего кромѣ тихой, мирной жизни. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ пермяки вѣрятъ въ существованіе кикиморы, прожорливаго существа, которое поселяется въ домъ, гдѣ царитъ вражда, и тамъ оно питается хлѣбомъ. Это вѣрованіе однако не древнее и обязано, вѣроятно, чуждому вліянію.

Пермяки имѣютъ довольно отчетливое представленіе о загробной жизни. Послѣ смерти человѣкъ продолжаетъ на томъ свѣтѣ вести земную жизнь. Онъ уноситъ туда всѣ свои духовныя и физическія особенности и потребности. Для удовлетворенія покойника живые снабжаютъ его предметами первой необходимости. Ему кладутъ въ гробъ лишнюю пару бѣлья, лаптей, шапочку, деревянный ножикъ для плетенія лаптей. Его поминаютъ во время ѣды, питья, вѣря, что таинственно присутствующій покойникъ раздѣляетъ ихъ трапезу. Душа покойника живетъ въ гробу вмѣстѣ съ тѣломъ, помѣщаясь въ черепѣ. Она можетъ оттуда выходить и принимать тотъ тѣлесный образъ, какимъ владѣлъ умершій при жизни. Нѣкоторые пермяки до сихъ поръ вѣшаютъ на надгробныхъ памятникахъ, жердяхъ, столбцахъ, замѣняющихъ кресты, лоскутки холста, полотенца, которыми покойникъ могъ бы утромъ, вставши и умывшись, вытереть лицо, руки. Кладбища пермяковъ устраиваются на веселомъ, живописномъ, преимущественно холмистомъ мѣстѣ, откуда открывается видъ на поля, луга, селенія. Усопшій не прерываетъ связи съ землей, онъ постоянно заботится объ оставшихся въ живыхъ родственникахъ, объ ихъ благосостояніи и семейномъ счастіи. Пермяцкому міровоззрѣнію чуждо представленіе о раѣ, какъ мѣстѣ блаженства, и объ адѣ, какъ мѣстѣ мученій. Человѣкъ, совершившій много добрыхъ дѣлъ, уноситъ въ загробный міръ доброе сердце и получаетъ большую силу творить добро живымъ. Злой чело-

вѣкъ и на томъ свѣтѣ строитъ козни врагамъ своимъ, стремится нанести имъ вредъ. Но онъ не въ силахъ этого сдѣлать, ему мѣшаютъ добрые усопшіе, которые часто загоняютъ его въ болото. Поминками, добрымъ отношеніемъ живые могутъ умиротворить его злое сердце, послѣ чего онъ оставляетъ свои злыя намѣренія и перестаетъ мучиться. Смерть дѣтей пермяки склонны объяснять вмѣшательствомъ усопшихъ. Но они стараются увѣрить какъ умершаго ребенка, такъ и остальныхъ покойниковъ, что они очень огорчены смертью своего ребенка и вовсе не желали ея. Въ доказательство этого они стараются взять на воспитаніе чужого ребенка такого же возраста и пола и заботятся о немъ со вниманіемъ и любовью.

Въ нѣкоторыхъ пермяцкихъ деревняхъ уцѣлѣли до сихъ поръ женщины черешванки, занимающіяся угадываніемъ воли и желанія усопшихъ, а также и нѣкоторыхъ христіанскихъ святыхъ. Къ черешванкамъ обращаются страдающіе какой нибудь сравнительно невинной болѣзнью, которую, какъ они думаютъ, послалъ на нихъ кто либо изъ усопшихъ, желая напомнить ему о требуемыхъ имъ поминкахъ. Задачей черешванки является узнать имя усопшаго и родъ требуемыхъ поминокъ. Для этой цѣли она привѣшиваетъ топоръ на веревочкѣ и произноситъ рядъ именъ усопшихъ. При чьемъ имени топоръ зашевелится, въ память того и надо устроить поминки. Такое гаданіе является пережиткомъ шаманства, которое у пермяковъ вылилилось въ оригинальную форму. Требовательность усопшихъ была перенесена и на христіанскихъ святыхъ, которые только вмѣсто поминокъ требуютъ себѣ свѣчей и молебствія. Интересно жертвоприношеніе пермяковъ, бывающее 18-го Августа въ день святыхъ Флора и Лавра, въ с. Коча Чердынскаго уѣзда. Въ этотъ день пермяки, предварительно вымывшись въ банѣ и надѣвъ чистое бѣлье, шляпу, новыя лапти, колютъ нѣсколько быковъ, пожертвованныхъ для этой цѣли. Нѣкоторыя части животныхъ раздаются мѣстной администраціи, другія духовенству, а остальныя съѣдаются присутствующими и отдаются нищимъ, а остатки собакамъ. Въ этомъ праздникѣ думали видѣть пережитокъ кровавыхъ жертвоприношеній, бывшихъ во времена язычества. Но идею кровавыхъ жертвоприношеній трудно связать съ древнимъ дохристіанскимъ міровоззрѣніемъ

пермяковъ и зырянъ. Ни у тѣхъ, ни у другихъ нѣтъ божества, которое требовало бы въ жертву животныхъ, нуждалось въ пищѣ, было бы покровителемъ животныхъ. Это празднество слѣдуетъ скорѣе считать пережиткомъ общественныхъ угощеній, подобныя которымъ сохранились коегдѣ и теперь.

О семейномъ бытѣ пермяковъ были высказаны совершенно неосновательныя мнѣнія. Основываясь на данныхъ языка, на терминологіи родственныхъ отношеній, нѣкоторые ученые высказали предположеніе, что пермяки нѣкогда не знали индивидуальнаго брака, и жили въ т. наз. общемъ или групповомъ бракѣ. Но такая гипотеза совершенно необоснована и объясняется только незнакомствомъ съ свойствами пермяцкаго и вообще финскихъ языковъ. Нѣкоторая половая свобода между молодыми людьми существуетъ, правда, у пермяковъ и теперь, но она не имѣетъ ничего общаго съ распущенностью нравовъ. Связь происходитъ обычно съ однимъ лицомъ и, за рѣдкими исключеніями, кончается бракомъ.

Женщина у пермяковъ пользуется вообще въ общественной жизни всѣми правами мужчинъ; она является на сходъ и принимаетъ участіе въ его рѣшеніяхъ, хотя по закону она можетъ присутствовать на сходѣ только по довѣренности отъ мужа или отца. Дочери и сыновья пермяковъ пользуются одинаковыми правами и по наслѣдованію. Фактически самымъ законнымъ наслѣдникомъ является сынъ, оставшійся при отцѣ, обычно младшій, или незамужняя дочь при отдѣлившихся отъ отца братьяхъ. Такой наслѣдникъ получаетъ не только свой пай, но и все имущество родителей. Женщины, однако, не наслѣдуютъ имущества своей свекрови, прямыми наслѣдниками которой являются непосредственно ея дочери, хотя бы и замужнія.

Вдова, даже неимѣющая дѣтей, наслѣдуетъ все имущество своего покойнаго мужа, если она въ его домѣ. Она можетъ вступить въ новый бракъ, но обязана взять новаго мужа въ домъ, т. е. въ домъ своего покойнаго мужа, а сама не имѣетъ права переселяться въ домъ своего второго мужа. Если же она переселится, то теряетъ право на наслѣдство покойнаго мужа. Мужъ послѣ смерти жены не наслѣдуетъ ея

полнаго имущества, если послѣ нея не осталось дѣтей; онъ имѣетъ право только на постель, подушки, пологъ, что связано съ религіозными понятіями. Покойная жена можетъ навѣщать вдовца по ночамъ, слѣдовательно и сама можетъ нуждаться въ постели. Новая жена вдовца никакимъ образомъ не можетъ пользоваться постелью умершей, а если нарушитъ это правило, то неизбѣжно должна умереть.

Землепользованіе и землевладѣніе у пермяковъ почти совсѣмъ не изучены; нѣкоторыя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи имѣются только объ иньвенскихъ пермякахъ. Здѣсь община не успѣла еще развиться и только начинаетъ складываться. Возможно, что это было результатомъ долгой крѣпостной зависимости. Какъ ни не тяжелъ былъ для иньвенскихъ пермяковъ гнетъ крѣпостного права, они пользовались всетаки земельнымъ просторомъ. Графъ Строгановъ позволялъ своимъ крѣпостнымъ повсемѣстную расчистку лѣса для поженъ и пашенъ; не преслѣдовалась даже вырубка строевого лѣса. По освобожденіи же отъ крѣпостной зависимости иньвенскіе пермяки утратили значительную часть своихъ земельныхъ угодій. Особенно сильно пострадали мелкія общества и отдѣльные домохозяева, владѣвшіе дальними угодьями. Получилось, такимъ образомъ, неравномѣрное распредѣленіе земли. Населеніе старалось найти выходъ изъ такого положенія, но технику разверстанія земли не въ силахъ было выработать. Дѣло кончилось тѣмъ, что многоземельные отдали часть своихъ угодій малоземельнымъ. Мелкія земельныя общины, стремившіяся слиться съ другими болѣе крупными и многоземельными, потерпѣли полную неудачу. Пробовали распредѣлить заново наличность ревизскихъ душъ по отдѣльнымъ домохозяевамъ и по ней произвести разверстку земель. Но при этомъ не были приняты во вниманіе почвенныя условія; у нѣкоторыхъ участки оказались на холмахъ, на склонахъ, у другихъ на низменныхъ мѣстахъ. На холмахъ хорошій урожай бывалъ въ болѣе прохладное и дождливое лѣто, на низкихъ мѣстахъ въ болѣе жаркое. Черезъ три года крестьяне одумались и снова вернулись къ обработкѣ своихъ прежнихъ участковъ. Такъ и кончился неудачный „перемѣръ“ въ нѣкоторыхъ обществахъ Кудымкарской волости.

Пермяки отличаются вообще солидарностью, дружнымъ отстаиваніемъ своихъ интересовъ. Сельская выборная администрація не злоупотребляетъ довѣріемъ своихъ односельчанъ, по крайней мѣрѣ, не слышно на нее жалобъ. Пермяки домовиты, любятъ свое хозяйство, свою родину и о переселеніи и слышать не хотятъ, смотрятъ на него какъ на ссылку. Они проявляютъ нѣкоторое отрицательное отношеніе къ своимъ собратьямъ зырянамъ за ихъ любовь къ отхожимъ промысламъ. Пермяки скромны, на видъ застѣнчивы, но это не мѣшаетъ имъ держаться съ чувствомъ собственнаго достоинства. Они любятъ просвѣщеніе и возлагаютъ на него большія надежды; крестьяне Кудымкарской волости, не смотря на свою относительную бѣдность, все же ассигновали значительную сумму, около 18 тысячъ рублей, для сооруженія зданія и оборудованія городского училища по положенію 1872 года.

Свою положительность пермяки проявили и въ политическіе моменты. Въ 1905 году агитаторамъ удалось ихъ убѣдить, что земли, принадлежащія графу Строганову, отданы въ пользованіе народу, и что правительствомъ разрѣшена на три года безконтрольная вырубка лѣса для крестьянскихъ нуждъ. Мѣстная администрація растерялась, лѣсная стража и мелкіе служащіе сами раздѣляли общее убѣжденіе. Только лѣсные смотрители пытались противиться самовольнымъ порубкамъ. Казалось, что при такихъ обстоятельствахъ пермяки могли бы проявить враждебныя отношенія къ нелюбимымъ имъ смотрителямъ и другимъ начальникамъ. Но они держали себя вполнѣ корректно и провели только пассивный бойкотъ, не стали привозить начальству дровъ, воду, что они дѣлали раньше, а равно возобновили и послѣ 1905 года.

Умственныя способности пермяковъ не хуже, чѣмъ у другихъ народностей. Ученики въ школахъ отличаются способностью, прилежаніемъ и вниманіемъ. Учащіеся въ среднихъ школахъ идутъ часто въ числѣ лучшихъ учениковъ. По окончаніи учительскаго семинарія они продолжаютъ большей частью заниматься самообразованіемъ и проявляютъ живой интересъ къ окружающей жизни.

Пермяки очень гостепріимны. По вѣрованію пермяковъ,

хлѣбъ и трава родятся не только для него и его семьи, но и для гостей и проѣзжающихъ. Брать деньги съ проѣзжающаго все равно, что его обворовать. Нищенство среди пермяковъ не развито. Больные у пермяковъ пользуются особымъ вниманіемъ.

Большинство пермяковъ отличается низкимъ ростомъ и короткими ногами. Глаза у нихъ чаще сѣрые, волоса свѣтлорусые, иногда рыжеватые, но встрѣчаются и темнорусые субъекты съ сѣрыми или карими глазами, даже черноволосые. Преобладающій темпераментъ флегматичный, что даетъ ихъ русскимъ сосѣдямъ поводъ подшучивать надъ ними. Нѣкоторыя духовныя особенности иньвенскихъ пермяковъ объясняются долго тяготѣвшимъ надъ ними крѣпостнымъ правомъ. Старики-пермяки, испытавшіе на себѣ крѣпостной бытъ, рисуютъ его мрачными красками. Съ каждаго дома одинъ мужчина долженъ былъ работать на сѣнокосѣ у помѣщика. Домой его не отпускали; родные отправляли ему пищу черезъ десятскихъ и сотскихъ. По окончаніи сѣнокоса давался отпускъ на одинъ вечеръ помыться въ банѣ. На другой день его отправляли на Кувинскій заводъ, гдѣ онъ долженъ былъ работать сто дней, получая 3 коп. въ день. Но передъ отправленіемъ на заводъ ему въ волостномъ правленіи давали десять ударовъ розгами. По прибытіи на заводъ эту порцію повторяли. На заводѣ обращались вообще скверно; за большіе проступки били батогами. Если у крестьянина было два взрослыхъ сына, то второй сынъ долженъ былъ работать на заводѣ 35 дней. Въ домѣ, гдѣ не было вовсе мужчинъ, наравнѣ съ мужчинами должны были работать женщины. Отъ тяжелой работы померло много народу. При крѣпостномъ правѣ пермяки не могли научиться интенсивному хозяйству, ни какимъ-либо земельнымъ улучшеніямъ, не привыкли они и экономить лѣсъ. По освобожденіи же они попали въ совершенно иныя условія. Строевого лѣса и топлива у нихъ не оказалось. За пользованіе имъ нужно было платить большія суммы, непосильныя для пермяка при получаемой имъ низкой заработной платѣ. Значительная часть поженъ перешла, какъ выражаются пермяки, „за грань“, т. е. совсѣмъ отошла отъ нихъ. Извѣстную часть поженъ давали имъ въ

аренду на небольшіе сроки, другую не позволяли арендовать. Уменьшеніе количества пожень вызвало уменьшеніе скота и удобренія, безъ котораго пашни въ Иньвенскомъ краѣ плохо родятъ хлѣбъ. Часть пашенъ вслѣдствіе того была запущена и образовались пустыя земли, „отдыхающія", извѣстныя въ народѣ подъ названіемъ „шутимъ". За послѣдніе 50 лѣтъ скотоводство и земледѣліе у иньвенскихъ пермяковъ значительно уменьшились, приростъ же населенія увеличился, между тѣмъ другія отрасли хозяйства не успѣли развиться. Правда, заработки на заводахъ увеличились, но эти заработки не идутъ на увеличеніе питанія семьи пермяка, а цѣликомъ уходятъ на покупки билетовъ на дрова, строевой лѣсъ, затѣмъ — на мелкіе расходы. Кое-гдѣ пермяки теперь начинаютъ усиленно заниматься огородничествомъ.

Земельныя угодія, какъ уже было сказано, далеко не равномѣрно распредѣлены теперь между отдѣльными обществами и лицами. Крестьяне села Архангельска, напр., обладаютъ хорошими заливными лугами, расположенными по берегамъ р. Велвы и Иньвы, и потому всѣ достаточно зажиточны. Есть и еще рядъ селъ, экономическое благосостояніе которыхъ слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ, даже довольно хорошимъ. Но многія мелкія крестьянскія общества находятся совсѣмъ въ захудаломъ состояніи.

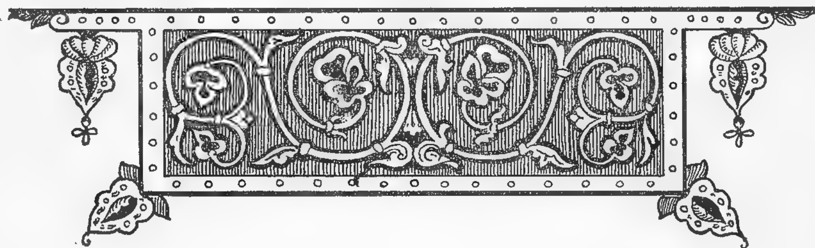
Особенно на краю гибели стоятъ деревни въ 5—10 дворовъ, расположенныя на далекомъ разстояніи отъ большихъ селъ, особнякомъ, въ лѣсу. Въ какихъ-нибудь тридцати саженяхъ начинается здѣсь уже густой помѣщичій лѣсъ, окружающій деревню. Хлѣба здѣсь не созрѣваютъ, обитатели лѣса медвѣди то и дѣло нападаютъ на домашній скотъ. Житель такой деревни находится въ безвыходномъ положеніи. Арендовать онъ ничего ни у кого не можетъ — лѣсныя пространства графовъ Строгановыхъ не сдаются въ аренду. Нѣкоторыя общества могутъ, впрочемъ, арендовать пожни у графа, получая за работу половину сѣна, и это поддерживаетъ ихъ существованіе. Но далеко не всѣ крестьяне имѣютъ возможность арендовать пожни. Болѣе строптивымъ, провинившимся крестьянамъ отказываютъ въ арендѣ, и пожни, арендовавшіяся ими раньше, сдаютъ крестьянамъ другихъ деревень, торговцамъ и разнымъ

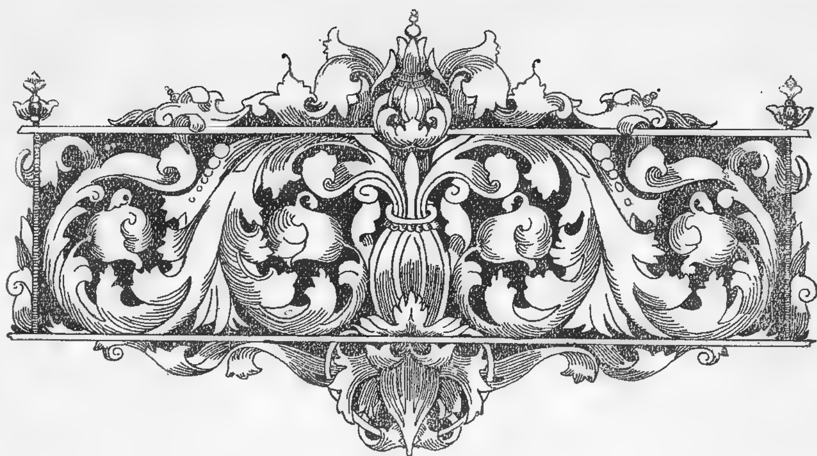
разночинцамъ; охотно цѣпляются за пожни и мелкослужащіе графа Строганова.

Значительное превышеніе количества пахатныхъ земель передъ сѣнокосными угодьями открываетъ возможность развитія травосѣянія, но оно въ Иньвенскомъ краѣ еще плохо развито. Возможно, что это объясняется отчасти недостаткомъ въ агрономической помощи. Но есть и другія условія, тормозящія это дѣло. Иньвенскіе пермяки не пасутъ скотъ. Они пашни и луга городятъ. Послѣ жатвы и до посѣва скотъ свободно бродитъ по полямъ и пашнямъ. А это неблагопріятно отзывается на поляхъ, засѣянныхъ травой. Огородить же такое поле стоитъ дорого. За право вырубки сотни жердей нужно платить 1 руб. 50 коп. — 2 руб.

Самымъ острымъ и жгучимъ вопросомъ въ Иньвенскомъ краѣ является вопросъ о строевомъ лѣсѣ, топливѣ и другихъ лѣсныхъ матеріалахъ. Пермяки не могутъ оплачивать ихъ стоимость, а потому и прибѣгаютъ къ самовольнымъ порубкамъ. Лѣсъ, по ихъ понятіямъ, Божій, и не можетъ принадлежать отдѣльнымъ лицамъ. Но управленіе имѣньями гр. Строганова держится, конечно, другого взгляда и энергично преслѣдуетъ самовольныя порубки. За нѣкоторыми крестьянами числятся штрафы въ 100—200—300 рублей. Взыскать такіе огромные штрафы съ крестьянъ невозможно, сажать ихъ въ тюрьму также не выгодно. За „неизмѣримую“ Иньвенскую дачу ея владѣльцу приходится платить сборъ, достигающій огромной суммы, затѣмъ содержать лѣсную стражу. Доходъ же могутъ доставлять только мѣстные иньвенскіе пермяки, экономически обезсиленные, живущіе натуральнымъ хозяйствомъ, почти безъ торговаго обмѣна. Раньше давалъ доходъ еще Кушвинскій заводъ, но онъ переживаетъ кризисъ, и его судьба уже предрѣшена. Сбыта лѣсного матеріала въ другіе города или заграницу съ богатой Иньвенской дачи не производится, несмотря на то, что по ней протекаетъ большая рѣка Иньва со многими притоками, вполнѣ пригодными для сплава лѣса. Это происходитъ отъ того, что Иньва въ 30 верстахъ отъ своего устья загорожена плотиной Майкорскаго желѣзодѣлательнаго завода, принадлежащаго уже другому владѣльцу. Только за послѣдніе два-три года стала практиковаться выплавка лѣса, и то незначительная, изъ Инь-

венской дачи. Владѣлецъ Майкорскаго завода нашелъ возможнымъ пропускать лѣсъ черезъ плотину, выпуская его по бревну. Было намѣреніе построить желѣзную дорогу и по ней произвести вывозъ лѣса. Но было подсчитано, что операція эта можетъ окупиться только при сбытѣ огромнаго количества лѣсного матеріала. Одна фирма изъявляла даже готовность купить весь лѣсъ, превышающій въ діаметрѣ 2—3 вершка. Чаша сія пока миновала Иньвенскій край.

Мещеряки (Мишäръ).

Мещеряки по языку стоятъ близко къ волжскимъ татарамъ; ихъ языкъ отличается отъ татарскаго только незначительными діалектическими особенностями. Число мещеряковъ (мишäръ) не превышаетъ 200.000, но они живутъ очень разбросано въ Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Нижегородской, Костромской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Оренбургской, Казанской, Пермской губерніяхъ. Исторія мещеряковъ мало изучена. Одни сближаютъ мещеряковъ съ финскимъ племенемъ, извѣстномъ въ русской лѣтописи подъ названіемъ Мещера или Мещеря, которое, яко бы, отатарившись, сохранило названіе мещеряки. Другіе считаютъ такой взглядъ ошибочнымъ и построеннымъ на случайномъ совпаденіи названій мещеря, мещеряки и на неизвѣстности дальнѣйшей судьбы мещеры. Ахмаровъ высказываетъ предположеніе, не извѣстна ли была русскимъ лѣтописцамъ подъ именемъ мещеры — мордва-мокша. Свою догадку г. Ахмаровъ строитъ на томъ, что имя мокша появилось лишь по исчезновеніи названія мещеря, и мещеря, судя по лѣтописнымъ даннымъ, обитала по р. Мокшѣ, гдѣ живетъ и теперь мокша.

Вопросъ о финской мещерѣ мало разработанъ. Несторъ указывалъ, что мещеря живетъ къ югу отъ мери и отличается

особымъ языкомъ отъ муромы, мордвы и черемисъ. Но у насъ не имѣется свѣдѣній о бытѣ, языкѣ и вѣрованіяхъ мещеры. Что касается нынѣшнихъ мещеряковъ, то по вопросу объ ихъ родствѣ съ финнами можетъ дать нѣкоторыя указанія ихъ языкъ. Нѣкоторые изъ тюркскихъ языковъ характеризуются особенностями, характеризующими финскіе языки. Эти особенности состоятъ въ томъ, что въ началѣ словъ можетъ быть только глухой звукъ, а не звонкій, напр., не д, а т, не б, а п, и между гласными долженъ быть непремѣнно звонкій звукъ. Эта особенность распространяется на языки телеутовъ, алтайскихъ калмыковъ, шорцевъ, черневыхъ татаръ, койбаловъ и сагайцевъ. Въ полной послѣдовательности употребленіе глухихъ звуковъ въ началѣ словъ и звонкихъ послѣ гласныхъ встрѣчается по сю сторону Урала у чувашъ. Эта особенность тѣмъ болѣе интересна, что языкъ чувашъ отличается въ фонетическомъ и морфологическомъ отношеніи отъ языковъ телеутовъ, алтайскихъ калмыковъ и другихъ, имѣющихъ эту финскую черту и обитающихъ по ту сторону Урала. Языкъ мещеряковъ не имѣетъ финской черты. По фонетикѣ и морфологіи онъ тождественъ съ языками волжскихъ татаръ, татаръ сѣвернаго Кавказа, киргизовъ, алтайцевъ.

Всѣ эти языки, характеризующіеся переходомъ *г* въ неслоговое *у* и образованіемъ настоящаго времени посредствомъ дѣепричастія на *а*, по классификаціи акад. Корша, составляютъ сѣверную группу тюркскихъ языковъ. Эти морфологическіе и фонетическіе признаки присущи и чувашскому языку. Но послѣдній выдѣляется по своимъ особенностямъ, составляющимъ финскую черту. Если бы мещеряки представляли изъ себя отатарившихся финновъ, то ихъ языкъ долженъ былъ бы отличаться нѣкоторыми особенностями, присущими финскимъ языкамъ. Но этого не замѣчается; затѣмъ, по словамъ Ахмарова, языкъ мещеряковъ содержитъ много тюркскихъ архаизмовъ, отсутствующихъ въ языкѣ казанскихъ татаръ. Вообще, нѣтъ основанія мишарей считать народомъ не тюркскаго происхожденія. Названіе свое мещеряки, по мнѣнію Ахмарова, получили недавно. Городъ Касимовъ до занятія татарами, назывался „Мещерой“, Мещерскимъ Городцемъ, каковое названіе потомъ было перенесено и на его обитателей. Въ пользу

этого говоритъ и то, что татары другъ друга называютъ по названію ихъ мѣста жительства, мещеряковъ же татары называютъ мишарь (звукъ *щ* чуждъ татарскому языку).

Мещеряки себя называютъ татарами и не любятъ, когда ихъ называютъ мишарями. По свидѣтельству нѣкоторыхъ авторовъ, мишарь для нихъ является названіемъ оскорбительнымъ. Простой русскій народъ не отдѣляетъ мещеряковъ отъ татаръ.

Несмотря на разбросанность мишарей на большомъ пространствѣ, ихъ языкъ не распадается на діалекты. Это обстоятельство и нѣкоторыя другія данныя дали поводъ академику В. В. Радлову заключить, что мещеряки нѣкогда густыми массами населяли южную часть Казанскаго царства, по завоеваніи котораго часть мещеряковъ переселилась въ Башкирію. Здѣсь мещеряки, не имѣя собственной земли, арендовали ее у башкиръ. Но за неучастіе ихъ въ башкирскихъ бунтахъ русское правительство наградило ихъ въ 1776 году тѣми землями, которыми они пользовались на правахъ арендаторовъ. Часть мещеряковъ еще во времена царства Казанскаго жила въ Россіи. Они принимали участіе въ походѣ на Казань и нѣкоторые изъ нихъ были даже предводителями частей русскихъ войскъ.

Мишари занимаются земледѣліемъ, но проявляютъ и большую любовь къ скотоводству, особенно разводятъ овецъ. Въ Симбирской и Самарской губ. они занимаются торговлей овцами. У каждаго торговца пасется свой гуртъ. Для этой цѣли онъ арендуетъ у сосѣднихъ помѣщиковъ озимовыя поля, гдѣ и пасутся овцы до зимы. Домашнихъ птицъ мещеряки держатъ мало. Плодоводствомъ, охотой не любятъ заниматься. Только въ Башкиріи мишари и ихъ мурзы занимаются отчасти соколиной охотой и гонкой волковъ верхомъ на лошадяхъ. Въ послѣднее время мишари Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губ. стали заниматься разносной торговлей, подражая татарамъ. Среди мещеряковъ также много коноваловъ. Мишари-коновалы разъѣзжаютъ по всей Россіи, посѣщаютъ даже, по слухамъ, Китай, Японію. Мещеряки любятъ мясную пищу, но кумыса не пьютъ. Самое любимое мясо ихъ баранина, затѣмъ они употребляютъ колбасы изъ конины.

Костюмъ мещеряковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ,

во многомъ сходенъ съ татарскимъ. Но татары мѣняютъ моды, а мещеряки нѣтъ, поэтому ихъ костюмы являются болѣе старомодными. Мѣстами на костюмъ мещеряковъ оказали вліяніе русскіе. У мишарокъ есть своя національная головная повязка, сходная съ киргизской. Сначала онѣ обвертываютъ голову бѣлымъ покрываломъ (тастаръ), а затѣмъ обвязываютъ ее платкомъ, распуская концы его сзади, какъ отъ чалмы. Такую повязку носятъ и мокшанки. У мишарокъ сохранился и національный „камзолъ" — верхнее платье съ короткими полами и рукавами до локтей и открытымъ воротомъ, со складками въ таліи. Камзолъ застегивается серебряной застежкой, края полы только соприкасаются, но не покрываютъ одна другую.

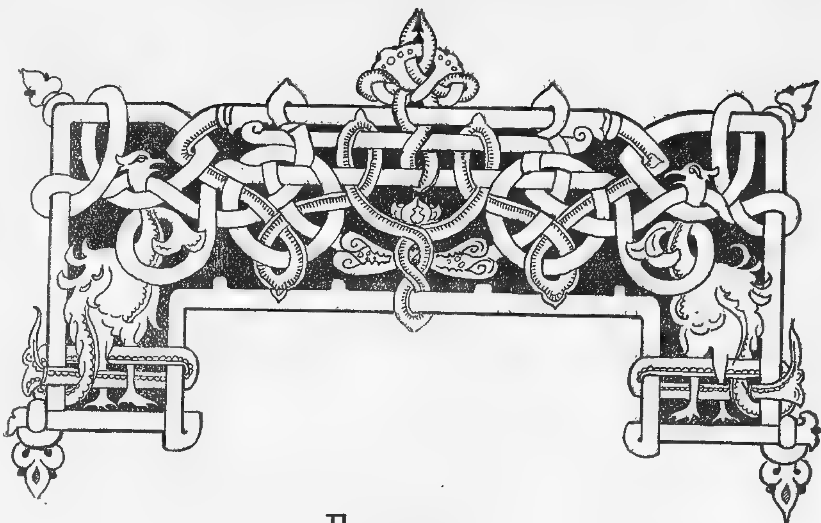
Мещеряки — магометане. Они болѣе религіозны, чѣмъ башкиры. Многоженство у мещеряковъ теперь выводится.

Покойниковъ они хоронятъ въ сидячемъ положеніи. Женщины на похоронахъ не участвуютъ. Мужчинамъ кладутъ въ гробъ — прутъ, женщинамъ — рукодѣлье, дѣтямъ — хлѣбъ, молоко.

Среди мещеряковъ не мало конокрадовъ. Они воруютъ коней у пастуховъ и на базарѣ. Для этой цѣли мещеряки даже съ разныхъ деревень часто объединяются по нѣскольку человѣкъ. Мещеряки конокрадство не считаютъ позорнымъ дѣломъ, но брезгаютъ воровать лошадей, пасущихся въ огороженныхъ мѣстахъ безъ пастуха. Пойманные въ конокрадствѣ мещеряки не отпираются отъ своего поступка и такъ открыто разсказываютъ о совершенномъ ими преступленіи, что судъ часто отказывается отъ допроса свидѣтелей. Конокрадство является пережиткомъ былой дикой удали, освященной обычаемъ. Иначе это трудно примирить со всѣмъ укладомъ жизни мещеряковъ.

Часть мещеряковъ, оказавшаяся окруженною русскимъ населеніемъ, подверглась обрусенію. Мѣстами мещеряки настолько слились съ русскими, что ихъ трудно даже отличить отъ послѣднихъ. Но все же ихъ выдаетъ особый акцентъ и національная головная повязка женщинъ, съ которой мишарки никакъ не могутъ разстаться.

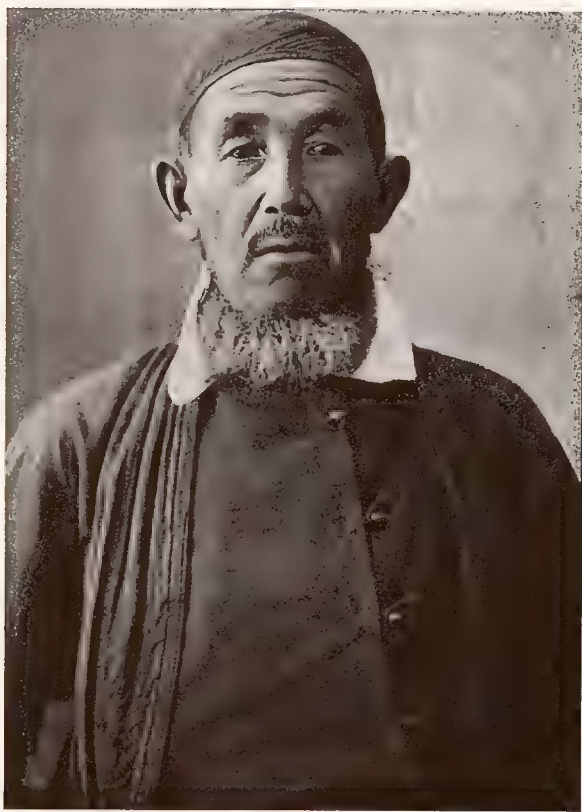

Башкиры.

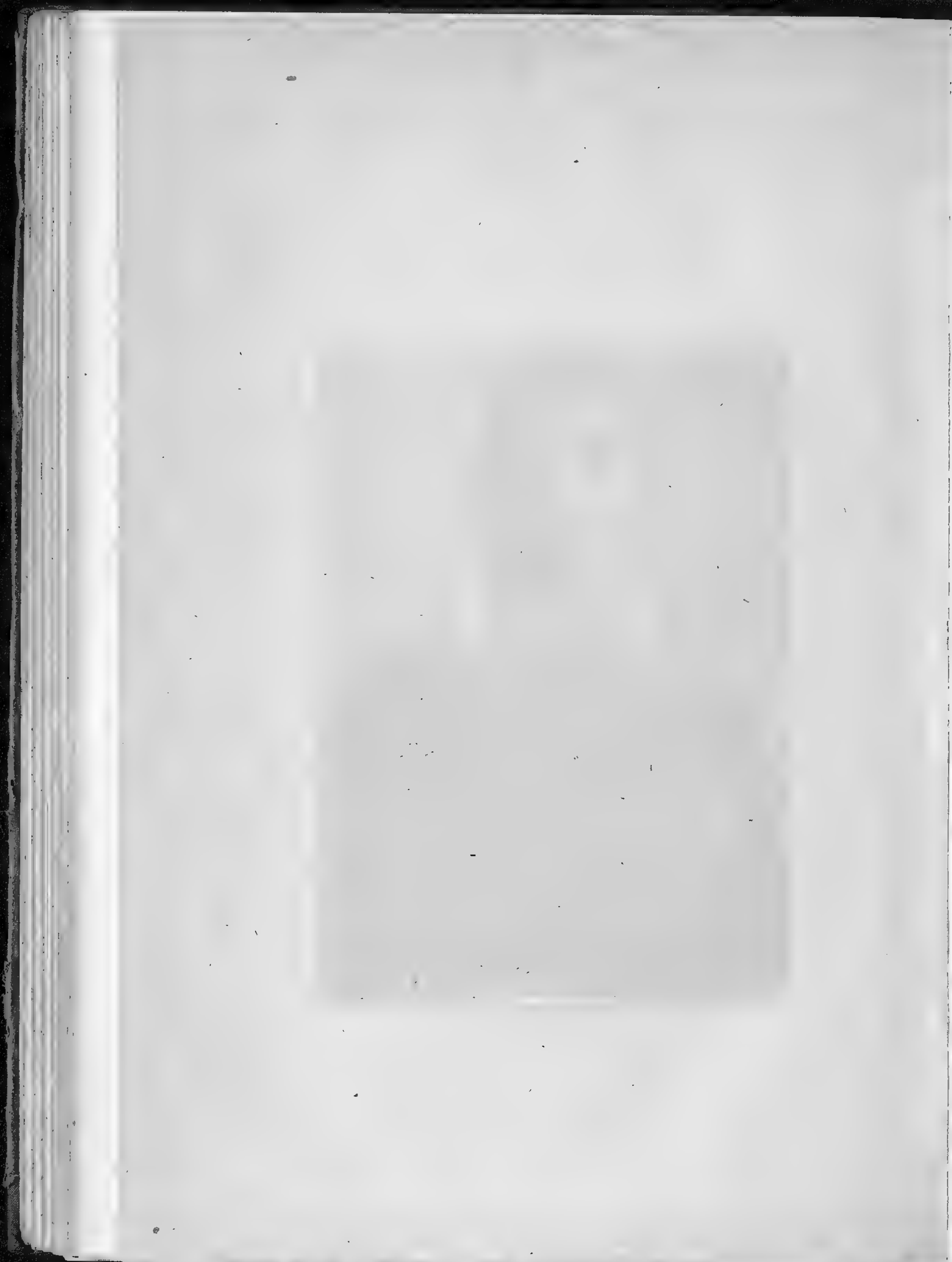
Башкиры — народъ тюрскаго племени, живущій въ губерніяхъ Уфимской, Оренбургской, Пермской и Самарской, въ числѣ около $1\frac{1}{2}$ милльона душъ (по переписи 1897 г. — 1.321.000). По языку они стоятъ въ близкомъ родствѣ съ татарами, которые ихъ понимаютъ безъ всякаго труда. Башкиры явились въ Европу, повидимому, въ VIII—IX в. изъ Азіи. Арабскіе и персидскіе путешественники IX—XIII вв. часто упоминаютъ о башкирахъ, какъ о народѣ, обитающемъ по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта, по берегамъ рр. Камы, Тобола, истоку р. Урала, т. е. тамъ, гдѣ они живутъ еще и теперь. Массуди, писатель X вѣка, разсказывая о башкирахъ, упоминаетъ и объ ихъ сородичахъ, оставшихся въ Азіи, на своей родинѣ. Изъ названій башкирскихъ родовъ Аристовъ полагаетъ, что въ составѣ башкиръ приняли участіе роды Малой орды, племя кончакъ и даже киргизы. Въ Европѣ башкиры встрѣтили народъ финскаго племени, возможно, даже нѣсколько группъ этого племени. Объ этомъ говорятъ названія многихъ рѣкъ, озеръ, урочищъ въ мѣстахъ теперешняго и былого обитанія башкиръ, не объясни-

мыхъ съ башкирскаго и татарскаго языковъ, но объяснимыхъ финскими языками. Значительное количество рѣкъ лѣваго, частью и праваго, берега рѣки Камы, на югъ до Уфимской губерніи, на востокъ до Уральскаго хребта и его восточнаго склона легко объясняются изъ зырянско-пермяцкаго языка. Таковы рѣки — Сылва, Сива, Обва, Пизь, Визь, Сюзьва, Урва, Утъ, Выя, Пія, Лекъ, Уса, Кушва, и т. д. Къ сѣверу отъ г. Перми количество рѣкъ, объясняемыхъ зырянско-пермяцкимъ языкомъ, увеличивается, къ югу же оно падаетъ; въ Уфимской губ. встрѣчается всего нѣсколько рѣкъ съ такими названіями. Зато въ Оханскомъ, Осинскомъ уѣздахъ и въ Уфимской губерніи встрѣчаются названія рѣкъ, объясняемыя съ другихъ финскихъ языковъ. Въ предѣлахъ обитанія башкиръ находятся большіе коническіе курганы, идущіе съ Алтая до Уральскаго хребта. Эти курганы называются чудскими могилами и рѣзко отличаются отъ продолговатыхъ татарскихъ могилъ не только по своей формѣ и величинѣ, но и по предметамъ, находимымъ въ нихъ. Въ чудскихъ могилахъ находятъ мѣдныя, бронзовыя, иногда и золотыя вещи, даже каменныя орудія. Изъ чудскихъ вещей болѣе замѣчательны предметы религіознаго культа, затѣмъ идутъ бронзовыя стрѣлы, вещи домашняго обихода. Въ татаро-башкирскихъ могилахъ встрѣчаются желѣзныя вещи, но никогда не попадаются предметы, характерные для культуры древней чуди.

Доисторическимъ населеніемъ Урала разрабатывалась мѣдная руда, добывалось золото, серебро. Шахты того времени напоминаютъ узкій корридоръ, по которому могъ пройти только одинъ человѣкъ, но они уходили на значительную глубину. Между культурой коническихъ могилъ и чудскихъ, встрѣчаемыхъ гораздо сѣвернѣе, установлена нѣкоторая связь. На основаніи того, что въ коническихъ курганахъ не встрѣчаются желѣзные предметы, а попадаются каменныя орудія, бронзовые и мѣдные предметы, слѣдуетъ ихъ отнести къ болѣе отдаленной эпохѣ, періоду бронзоваго вѣка. Между тѣмъ финскіе народы гораздо раньше IX вѣка были знакомы съ обработкой желѣза. Вѣроятно, башкиры столкнулись съ потомками строителей коническихъ кургановъ и истребили большую часть этой чуди. Но, повидимому, между баш-

Башкиръ Уфимской г.

кирами и финнами существовали и мирныя сношенія, иначе трудно объяснить, какъ башкиры могли заимствовать чуждыя имъ названія рѣкъ. Лингвистика могла бы значительно освѣтить вопросъ о взаимномъ культурномъ вліяніи этихъ двухъ народовъ, но она еще недостаточно разработана въ этомъ отношеніи. Извѣстныя услуги могутъ оказать и археологическія розысканія.

Главное занятіе башкиръ еще въ Азіи составляло скотоводство, побочнымъ являлось примитивное земледѣліе. Новое мѣсто ихъ жительства въ Европѣ оказалось благопріятнымъ процвѣтанію ихъ исконнаго занятія, и они быстро сроднились съ новой родиной. Стада лошадей, верблюдовъ, рогатаго скота у нихъ увеличились, расширилось и пчеловодство. Но обширная площадь, занятая башкирами, была не однородной. Часть башкиръ заняла степную область, другая — гористую, лѣсную, поэтому и до сихъ поръ сохранилось дѣленіе башкиръ на лѣсныхъ и степныхъ. Лѣсныя мѣстности не такъ благопріятствовали скотоводству; здѣсь стало болѣе развиваться земледѣліе, хотя этотъ переходъ совершался и медленно. Внѣшнія политическія условія сначала были довольно благопріятны для башкиръ. Татарское нашествіе, принесшее такъ много несчастій Россіи, ихъ миновало. Наоборотъ, Батый, найдя въ башкирахъ своихъ единоплеменниковъ, далъ имъ тамги (знаки), предоставлявшія разныя привиллегіи. По распаденіи Золотой орды на отдѣльныя царства башкиры платили ясакъ различнымъ властителямъ. Этимъ и ограничивались отношенія башкиръ съ ордынцами. Внутренній бытъ, ихъ самоуправленіе (вѣчевой укладъ) оставались неприкосновенными. Злѣйшими врагами башкиръ были киргизы, которые часто и нерѣдко успѣшно дѣлали набѣги на степныхъ башкиръ, не отличавшихся такой воинственностью, какъ горные лѣсные башкиры. Это обстоятельство заставило ихъ искать покровительства среди ногайцевъ. Ногайцы скоро утвердили свое господство надъ башкирами. Честолюбивые ногайскіе князья вели междуусобныя войны, дѣлали набѣги на пограничныя русскія владѣнія. За ихъ дѣйствія приходилось расплачиваться башкирамъ. Но ногайскіе князья сами находились въ нѣкоторой зависимости отъ царства Казанскаго.

Ихъ интересы взаимно сплетались, составляя часто одно цѣлое. Пораженіе царства Казанскаго было бы пораженіемъ ногайцевъ. Этого пораженія они ждали со стороны русскихъ, и, вѣроятно, въ предвиненіи этого, они ушли раньше паденія царства Казанскаго на Кавказъ. Башкиры, по завоеваніи русскими Казани, стали искать защиту у Грознаго, который и принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Онъ далъ имъ грамоту владѣть землею на вѣчныя времена, и, сохранивъ ихъ самоуправленіе, обложилъ ихъ ясакомъ. Башкиры должны были доставлять свой ясакъ медомъ, звѣриными шкурами и деньгами по 25 коп. съ юрты. Часть башкиръ была освобождена отъ ясака и обязана военной службой. Отношенія русскихъ и башкиръ носили мирный характеръ. Русскіе, по просьбѣ башкиръ, построили въ 1586 г. городъ Уфу, который являлся укрѣпленнымъ пунктомъ и могъ служить защитой на случай нападенія киргизовъ.

Съ этого времени началась колонизація Башкиріи. Русскіе сначала заселили теперешній Челябинскій уѣздъ. Къ башкирамъ стали переселяться и чуваши, черемисы, вотяки, арендуя у башкиръ земли. Среди самихъ башкиръ однако началось броженіе противъ Россіи, поддерживаемое выходцами изъ царства Казанскаго. Эти выходцы — мурзы, муллы — противопоставляли христіанству исламъ, указывали на злоупотребленія воеводъ, на ихъ поборы, на захватъ земель. Русское правительство сознавало причину недовольства башкиръ. Оно стремилось обуздать алчность своихъ агентовъ разнаго рода предписаніями, изданіемъ законовъ, запрещавшихъ не только пріобрѣтать башкирскія земли, но и арендовать на продолжительные сроки. Съ другой стороны оно, однако, закрѣпляло и узаконяло самовольные захваты монастырей. Таковы грамоты, выданныя въ 1634 г. и 1644 г. Вознесенскому монастырю, въ 1636 г. — Пыскарскому. Мало по малу стали строить на башкирской землѣ и крѣпости. Результатомъ такой политики явилось возстаніе башкиръ въ 1662 году подъ предводительствомъ Сейта. Цѣлью его было возстановленіе независимости мусульманъ во всемъ Приуральскомъ краѣ и Сибири. Возстаніе это было подавлено, но правительство не приняло репрессивныхъ мѣръ къ возставшимъ. Оно под-

твердило предписаніе о непритѣсненіи башкиръ. Предписаніе однако не оказало никакого дѣйствія. Обѣ стороны относились одна къ другой подозрительно, и русскіе продолжали строить крѣпости. Башкиры съ своей стороны подготовляли второе возстаніе, которое и вспыхнуло въ 1705 году. Одинъ башкиръ, объявившій себя святымъ султаномъ, обходилъ сосѣднія мусульманскія земли. Побывалъ онъ въ Крыму, Константинополѣ, ѣздилъ на Кубань, былъ у горскихъ народовъ, чеченцевъ и другихъ, вездѣ указывая на опасность, угрожаемую мусульманству. На его зовъ откликнулись многіе, въ томъ числѣ кумыки, астраханскіе казаки-раскольники, татары. Но они были разбиты 26-го февраля 1707-го года. Возстаніе внутри Башкиріи, впрочемъ, продолжалось подъ предводительствомъ Кусюма, Измаила, Алдора. Дѣйствія ихъ были сначала довольно удачны. Они осадили Уфу, Бирскъ, были даже въ 30 верстахъ отъ г. Казани.

Петръ I, занятый войной со шведами, вступилъ было въ переговоры съ башкирами, но безуспѣшно. Скоро, однако, успѣхъ измѣнилъ башкирамъ и они должны были смириться. Имъ было объявлено прощеніе. Броженіе среди нихъ, однако, продолжалось, переходя временами въ явный бунтъ. Петръ издалъ приказъ набрать вольницу и уничтожить башкиръ огнемъ и мечомъ. На зовъ явились двѣ орды калмыковъ, каждая въ 10000 человѣкъ. Подъ предводительствомъ Бахметьева они вторглись въ Башкирію и произвели тамъ страшное опустошеніе, жгли до тла деревни, рѣзали мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ, дѣтей, грабили скотъ. Но желаемое умиротвореніе не наступило. Какъ только ушли калмыки, снова вспыхнулъ бунтъ, кончившійся въ 1720 году миромъ. Башкиры обѣщали выдать бѣглыхъ за послѣднія десять лѣтъ, которыхъ въ 1722 году они и доставили въ Казань въ количествѣ 19815 душъ обоего пола. Въ 1728 году явилась въ Москву депутація отъ башкиръ, благосклонно принятая правительствомъ, которое желая избавить башкиръ отъ поборовъ воеводъ, отдѣлило Уфимскую провинцію отъ Казанской, поручивъ ее вѣдать непосредственно сенату, а также избавило башкиръ отъ рекрутской повинности. Но съ другой стороны правительство сознавало необходимость колонизаціи Урала

русскими для развитія тамъ горнозаводской промышленности. Въ 1724 году башкиры были ограничены въ ихъ правѣ на лѣсовладѣніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началась усиленная постройка желѣзодѣлательныхъ заводовъ. За нѣсколько лѣтъ возникли заводы Невьянскій, Алапаевскій, Сысертскій, Тагильскій, Исетскій, Уктусскій и другіе. На однихъ казенныхъ заводахъ къ концу царствованія Петра I русское населеніе достигло 5422 душъ. Всѣ эти заводы были внѣ предѣловъ Башкиріи, но башкиры понимали, что скоро дойдетъ очередь и до ихъ земель, которыя потребуются для новыхъ заводовъ. Въ 1735 году, когда начата была закладка Оренбурга, вспыхнулъ третій башкирскій бунтъ, предводителями котораго явились Кильмякъ - Абызъ и Акай, сынъ предводителя Кусюма. Въ 1737 году, начавшій было утихать бунтъ возгорѣлся съ новой силой. Башкиры объявили ханомъ Султанъ-Гирея, по прозвищу Каракасалъ. Третій башкирскій бунтъ, продолжавшійся почти шесть лѣтъ, отличался упорствомъ, башкиры защищались отчаянно, сознавая важность предпринятаго ими дѣла. Они были разбиты въ 1740 г. Подавленіе бунта сопровождалось крайнею жестокостью. Большая часть Башкиріи была разорена и выжжена. Однихъ убитыхъ среди башкиръ насчитывалось до 16000. По усмиреніи бунта шесть главныхъ зачинщиковъ были посажены на колья, укрѣпленные на высокихъ каменныхъ столбахъ, 11 человѣкъ повѣшены за ребра на желѣзные крючья, 130 человѣкъ просто повѣшены, 136-и отрублены головы, 301-му отрѣзаны уши и носы, которые потомъ были разосланы по деревнямъ. Заложники башкиръ были перебиты по приказанію Хрущова, командовавшаго частью войскъ. Только Татищевъ обращался со своими заложниками гуманно. По усмиреніи этого третьяго бунта было въ корнѣ измѣнено управленіе Башкиріей. Изъ башкирскаго самоуправленія и суда были оставлены только жалкіе остатки. На башкиръ были наложены новые налоги и повинности. Мещерякамъ, не принимавшимъ участія въ бунтѣ, были пожалованы башкирскія земли, на которыхъ они жили ранѣе, какъ припущенники, уплачивая оброкъ. Былъ построенъ цѣлый рядъ новыхъ крѣпостей. Военныя поселенія были заселены служилыми людьми въ количествѣ 30000 душъ. Предложено

Башкиръ Уфимской г.

было казанскимъ татарамъ колонизировать башкирскую землю на извѣстныхъ льготныхъ условіяхъ. Они освобождались отъ воинской повинности и имъ позволялось строить мечети (что въ то время запрещалось). 200 семействъ казанскихъ татаръ выселились въ Башкирію. Старались заселить Башкирію и малороссами, но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Скоро въ Башкиріи стали строить заводы именитые люди Твердышевъ, Строгановъ, Осокинъ, Мосоловъ, переводя сюда своихъ крѣпостныхъ. На этихъ заводахъ къ половинѣ XVIII вѣка уже числилось 20 тысячъ душъ. Всего же пришлаго населенія въ Башкиріи считалось тогда до 200 тысячъ человѣкъ. Башкиры пробовали еще разъ выразить открытый протестъ. Возстаніе было организовано мещерякомъ Батырши Алѣевымъ, отличавшимся умомъ и магометанской начитанностью. Онъ призывалъ весь магометанскій міръ возстать противъ Россіи. Ему изъявили готовность оказать помощь киргизъ-кайсаки. Въ Башкиріи тогда дѣйствовалъ Неплюеевъ, отлично знавшій отрицательныя черты союзниковъ башкиръ. Ему удалось подкупомъ и другими мѣрами дезорганизовать силы возставшихъ и возстановить противъ башкиръ мещеряковъ, тептярей, бобылей. Батырши былъ взятъ въ плѣнъ мещеряками и доставленъ въ Петербургъ, гдѣ его судьба осталась неизвѣстною. Послѣ этого пораженія 50 тысячъ башкиръ въ страхѣ бѣжали за Яикъ (Уралъ), но впослѣдствіи правительство уговорило ихъ вернуться. Бунтъ Батырши былъ послѣднимъ бунтомъ башкиръ, окончательно истощившимъ ихъ силы. Но и впослѣдствіи башкиры при всякомъ удобномъ случаѣ возставали противъ русскихъ властей, поддерживая броженіе въ Приволжскомъ краѣ. Въ Пугачевскомъ бунтѣ башкиры приняли видное участіе подъ предводительствомъ Салавата, богатыря, воспѣваемаго и нынѣ башкирами. Пушкинъ назвалъ Салавата свирѣпымъ, но онъ мстилъ за своего отца Юлая, у котораго въ 1755 году Твердышевъ отнялъ землю подъ свой Симскій заводъ.

Вообще исторія башкиръ характеризуется возстаніями, сыгравшими въ ихъ жизни печальную роль. Въ результатѣ этихъ бунтовъ башкиры были окончательно экономически обезсилены, многіе стали прямо нищими. Моральное вліяніе было

не менѣе сильно. Въ теченіи болѣе ста лѣтъ вся ихъ энергія была направлена въ одну сторону, на защиту себя отъ русскихъ. Въ возстаніяхъ принимали участіе наиболѣе сильные и способные элементы, истребленіе которыхъ не могло не понизить общій уровень характера и культуры народа, который изъ когда-то сильнаго, отважнаго, свободолюбиваго превратился въ робкій, загнанный, апатичный.

Перейдемъ теперь къ быту башкиръ и начнемъ, прежде всего, съ ихъ питанія. Пища и ее приготовленіе составляютъ продуктъ культуры, обусловливаемый съ одной стороны географическимъ положеніемъ мѣстности, съ другой бытомъ, религіей и степенью развитія народа. У башкиръ въ прежнія времена почти единственную пищу составляло молоко и его продукты. По свидѣтельству Лепехина, башкиры лѣтомъ не ѣли хлѣба, мясо (баранину) употребляли изрѣдка и питались исключительно молочными продуктами, которые и теперь господствуютъ въ ихъ питаніи. Кушанья башкиръ, впрочемъ, довольно разнообразны. Вотъ перечень главныхъ изъ нихъ: „чуръ-паря“ — маленькіе пирожки съ изрубленнымъ мясомъ, свареннымъ въ водѣ или сметанѣ; „бишъ-бармакъ“ — вареное тѣсто съ мясомъ; „крутъ“ — засушенный творогъ, родъ сыра; „баламыкъ“ — отваръ мяса съ натертымъ крутомъ и мукой; „курмачъ“ — поджаренный ячмень съ конопляным семенемъ и коровьимъ масломъ; „салма“ — отварное тѣсто кусочками съ солью; „юра“ — ячменная похлебка съ кислымъ молокомъ; „пловъ“ — рисъ (вареный) съ кусочками мяса, облитый масломъ или молокомъ; „каймакъ“ — топленое молоко со сметаною; „катыкъ“ — квашенное молоко. Напитки: „кумысъ“ — изъ кобыльяго молока; „айрянъ“ — приготовляемый изъ коровьяго и козьяго молока, замѣняетъ у башкиръ квасъ; медъ — приготовляемый особымъ оригинальнымъ способомъ; въ большомъ количествѣ онъ дѣйствуетъ, какъ и кумысъ, опьяняющимъ образомъ. Въ эпоху путешествія Лепехина башкиры и зимой мало ѣли хлѣба, и то одинъ ячменный (рожь они тогда не сѣяли). Измѣненіе быта и общее обѣдненіе башкиръ сказалось на ихъ питаніи. Они стали питаться хуже, но національныя кушанья сохранились до сихъ поръ. Теперь среди башкиръ значительно распространенъ чай.

Одежда. Поверхъ рубашки и широкихъ шароваръ мужчины башкиры лѣтомъ носятъ кафтанъ бѣлаго сукна татарскаго покроя или халатъ бухарской работы, зимой овчинный тулупъ. На головѣ — тюбетейка, остроконечная шапка изъ войлока. На ногахъ башкиры носятъ сапоги, иногда сшитые изъ цвѣтного сафьяна. Сапоги замѣняются иногда сороками, у которыхъ только ступня изъ кожи, а голенище изъ сукна. Бѣдные башкиры (какъ мужчины, такъ и женщины) носятъ лапти. Въ былое время лапти составляли невиданное явленіе въ башкирской жизни. Во время путешествія Лепехина башкиры носили бахилы изъ кожи собственной оригинальной выдѣлки.

Богатые носятъ синіе „чекмени", родъ кафтана, воротникъ и полы котораго обшиты позументами. На поясѣ, у праваго бока виситъ сумка, на лѣвомъ — два мѣшка, одинъ замѣняющій ножны. Женское платье, одѣваемое поверхъ бѣлья, называется „зюлень". Оно шьется изъ шелка, нанки, украшается мелкими монетами, металлическими бляхами. Зюлень — похожъ на длинный кафтанъ. Лѣтомъ его носятъ безъ рукавовъ, зимой съ рукавами. Носятъ еще красные суконные халаты, полы которыхъ богато украшаются золотыми и серебряными позументами. Женская обувь, „ичиги", шьется изъ цвѣтной кожи, или цвѣтного сафьяна. Женщины носятъ еще туфли безъ задниковъ и на высокихъ каблукахъ. „Кажбовъ" — женскій головной уборъ, похожій на чепецъ. Весь онъ унизанъ кораллами и бисеромъ и украшенъ мелкой монетой и металлическими бляхами. Болѣе щегольскій головной уборъ „калябашъ", шлемообразная шапочка, унизанная серебряными монетами. Стоимость ея иногда доходитъ до 500 рублей и болѣе. На одежду башкиръ оказали вліяніе сосѣдніе народы, но характерно, что съ IX вѣка форма башкирской длинной рубахи и способъ ея ношенія безъ пояса остались неизмѣнными, и этимъ башкиры до сихъ поръ отличаются отъ русскихъ и финскихъ инородцевъ, которые носятъ короткія рубахи и опоясываются. Шапка на головѣ у башкиръ, повидимому, издавна имѣетъ религіозное значеніе. Въ гостяхъ они шапокъ не снимаютъ. Зять при тестѣ обнажать голову не можетъ. Въ ушахъ башкиры носятъ серьги.

Аристократки чернятъ зубы, но эта безобразная мода заимствована, повидимому, недавно; прежніе путешественники объ этомъ умалчиваютъ. Лепехинъ, наоборотъ, свидѣтельствуетъ, что идеаломъ у башкиръ и башкирокъ считаются зубы, отличающіеся бѣлизной. Для уничтоженія дурного запаха во рту они жевали лиственную сѣру. Башкиры брѣютъ усы и бороду. Въ старину они уничтожали растительность на лицѣ болѣе героическимъ способомъ: натирали кожу раскаленной золой и, ссучивъ нитку подъ корень волоса, искусно и проворно выдергивали его.

Избы башкиръ строятся изъ сосноваго или еловаго лѣса и покрыты тесомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не лишены архитектурныхъ украшеній въ русскомъ стилѣ съ различными узорами, раскрашенными въ яркіе цвѣта. Стѣны избъ всегда бревенчаты. Крыльцо — высокое, изъ пяти или болѣе ступеней, крытое сверху, иногда и съ боковъ, но съ свѣтлыми широкими вырѣзами. Двери открываются внутрь и ведутъ въ сѣни, которыя имѣютъ двери, ведущія въ холодный чуланъ. Изъ чулана другія двери открываются въ комнату съ нѣсколькими окнами, на двухъ, иногда и на трехъ сторонахъ. Вдоль стѣнъ избы стоятъ нары, шириной до двухъ аршинъ, иногда часть стѣнъ бываетъ занята лавками. Передъ нарами и лавками стоитъ столъ. Печи дѣлаютъ теперь изъ кирпичей, рѣдко изъ битой глины, какъ прежніе „чувалы", въ родѣ камина, изъ обмазанныхъ глиною жердей. Въ теченіи года печь нѣсколько разъ бѣлятъ мѣломъ. Комнаты башкиръ содержатся довольно чисто и украшаются расшитыми полотенцами. Нары покрыты войлокомъ, на которыхъ лежатъ пуховыя подушки, перины. У башкира, имѣющаго двухъ женъ или женатаго сына, изба состоитъ изъ двухъ комнатъ. Таковы избы зажиточныхъ башкиръ, у бѣдныхъ же онѣ отличаются недостроенностью, вѣтхостью, грязью, хотя тоже строятся изъ бревенъ и по тому же типу. Этотъ типъ избы не давно утвердился въ Башкиріи. Сто лѣтъ тому назадъ встрѣчались еще избы изъ березоваго лѣса, безъ сѣней; изъ некрытаго крыльца двери вели прямо въ комнату, при чемъ двери были такъ малы, что съ трудомъ можно было пролѣзть. Лѣтомъ башкиры жили въ куполообразныхъ вежахъ, которые

строились на подобіе киргизскихъ кибитокъ. Башкиры, живущіе въ восточныхъ уѣздахъ Пермской губ., и теперь еще лѣтомъ оставляютъ свои дома и переселяются въ вежи. Во время же путешествія Лепехина, въ 1766—1767 годахъ, башкиры лѣтомъ уходили верстъ за сто и жили то въ степи, то въ горахъ и лѣсахъ. Эти временныя переселенія на такое дальнее разстояніе вызывались требованіями хозяйственной жизни. Большое количество скота требовало обширныхъ пастбищъ, луга же близъ деревень оставлялись для осенняго сѣнокоса, а незначительная площадь земли около домовъ засѣивалась хлѣбомъ. Башкиры выѣзжали изъ деревень послѣ посѣва. Зажиточные жили въ войлочныхъ юртахъ, бѣдные въ берестяныхъ. Хорошее питаніе, чистый воздухъ, привольная жизнь быстро поднимали силу башкиръ и поправляли ихъ здоровье. Лѣтомъ башкиръ изъ лѣниваго, вялаго человѣка дѣлался жизнерадостнымъ, отважнымъ, смѣлымъ и гордымъ. За 150 лѣтъ условія жизни башкиръ значительно измѣнились. Уменьшилась площадь земли, убавилось количество скота, земледѣліе стало производиться въ болѣе широкихъ размѣрахъ. И башкиры, живущіе въ западныхъ уѣздахъ Пермской и Уфимской губерній, теперь и зиму и лѣто проводятъ въ деревняхъ. Башкиры же восточныхъ уѣздовъ выѣзжаютъ еще на лѣто, но уже не такъ далеко.

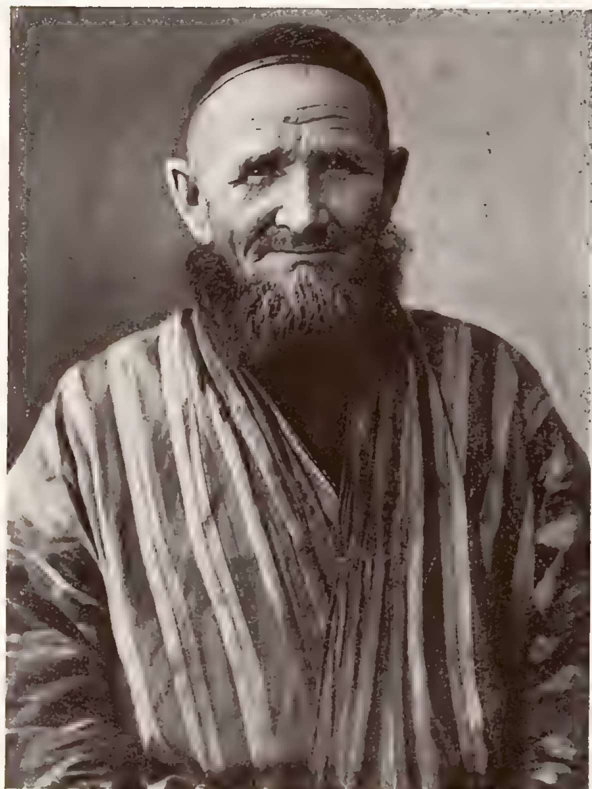
Башкиры сѣютъ рожь, ячмень, овесъ, просо и гречиху; послѣдняя часто даетъ плохой урожай, неуспѣвая созрѣть подъ вліяніемъ заморозковъ. Воздѣлываютъ также ленъ, коноплю. Лѣтъ 150 тому назадъ они готовили значительное количество бѣлья еще изъ крапивы, какъ обыкновенной, такъ и съ лапчатыми листьями (Utrica sibirica), хотя уже и тогда они разводили ленъ и коноплю и выдѣлывали изъ нихъ холстъ. Среди башкиръ мѣстами развита подсѣчная система земледѣлія, (рубятъ лѣсъ, жгутъ и на мѣстѣ его сѣютъ). Лошади у башкиръ особой породы, некрасивы, невзрачны на видъ, невыносливы. Кромѣ рогатаго скота разводится также домашняя птица, куры, гуси; нѣкоторые держатъ еще соколовъ для охоты, раньше держали и орловъ, такъ какъ перья орловъ нужны были башкирамъ для стрѣлъ.

Башкиры издавна славились, какъ хорошіе пчеловоды.

Нѣкоторые ученые производятъ даже слово башкиръ отъ ихъ занятія пчеловодствомъ. Улья они устраиваютъ на высокихъ соснахъ. Лазятъ на деревья оригинальнымъ способомъ при помощи упругаго каната „кирямъ“ Въ деревѣ дѣлаютъ зарубки, „киртыкъ“, для пальцевъ ногъ. Дерево обвиваютъ канатомъ, концы скрѣпляютъ въ петлю, и положивъ его черезъ лѣвое плечо и поясницу, упираются ногами въ дерево, вѣшаясь на канатѣ навзничь; потомъ подбрасываютъ канатъ кверху и, лежа на немъ, удобно могутъ подниматься и опускаться. Этотъ способъ практикуется и черемисами.

Башкиры занимаются и звѣроловствомъ. Особенно оригиналенъ ихъ способъ ловли медвѣдей, которыхъ приманиваютъ ульями меда. На сукъ дерева, вершину котораго можно пригнуть до отверстія улья, привязываютъ на веревкахъ четыреугольную зыбку, люльку. Затѣмъ сукъ съ люлькой пригибаютъ къ затворкѣ улья и прикрѣпляютъ его къ послѣдней тоненькой веревкой. Медвѣдь, взобравшись на дерево, долженъ сѣсть въ люльку, чтобы добраться до улья. Веревка, которой привязали сукъ съ люлькой къ улью, разрывается подъ тяжестью медвѣдя, если же нѣтъ, то медвѣдь разрываетъ самъ веревку, такъ какъ она мѣшаетъ ему открыть затворку улья. Сукъ выпрямляясь, отводитъ медвѣдя вслѣдствіе своей упругости отъ дерева и улья. Медвѣдь вынужденъ тогда качаться въ люлькѣ, такъ какъ выбраться снова на дерево ему мѣшаетъ разстояніе, равняющееся длинѣ сука, соскочить же на землю не рѣшается — тамъ торчатъ острые, нарочно вколоченные, колья. Хозяинъ улья съ медвѣдемъ, попавшимъ въ такое печальное положеніе, легко справляется. Башкирамъ извѣстенъ и другой способъ ловли медвѣдя, распространенный и въ Сибири. Надъ закрышкой улья навѣшиваютъ при помощи веревки чурбанъ „талыкъ“. Чурбанъ мѣшаетъ медвѣдю открыть закрышку улья, и медвѣдь старается отвести его, толкаетъ въ сторону. Но чурбанъ приведенный въ движеніе, бьетъ медвѣдя въ голову. Это злитъ медвѣдя, онъ сильнѣе бьетъ лапой чурбанъ, вызывая этимъ еще болѣе сильные удары со стороны чурбана. Часто все это кончается смертью медвѣдя.

Изъ предметовъ матеріальной культуры стоитъ описать

Башкиръ Уфимской г.

башкирскую люльку, возможно, влiявшую на форму черепа. Люлька дѣлается изъ березовой коры, которую улаживаютъ на подобiе лодки, и края укрѣпляютъ прутьями. Мѣстами край пронизываютъ петлями такъ, чтобы люльку можно было привязать къ груди матери. Такая люлька очень облегчала трудъ матерей-башкирокъ во время ихъ путешествiй верхомъ на лошадяхъ.

Интересна древняя обработка кожи у башкиръ, описанная академикомъ Лепехинымъ. Весной шкуру животнаго разстилаютъ на солнцѣ, въ полѣ, стараясь растянуть ее во всѣ концы. По высыханiи кожу дымятъ особымъ образомъ. Для этого существуютъ особые погреба, ямы въ землѣ, отъ которыхъ подъ землей идетъ коридоръ длиною 2—3 аршина. Коридоръ имѣетъ отдушину, куда кладутъ сырыя полѣнья дровъ и зажигаютъ. Отверстiя погреба закрываютъ бездоннымъ коробомъ, основанiе котораго со всѣхъ сторонъ снаружи засыпается землей. Въ отверстiи коробки навѣшиваются веревочки или ставятъ жердочки, на которыя кладутъ кожу. Дымъ долженъ выходить черезъ отверстiе погреба и подвергать своему дѣйствiю кожу. До полной отдѣлки кожа должна подвергаться дѣйствiю дыма въ теченiи двухъ-трехъ недѣль. Изъ такой кожи башкиры шили не только обувь, но и дѣлали всю домашнюю утварь, понятно, не подвергающуюся дѣйствiю огня, напр. бураки, ведра и т. д.

Башкиръ вообще считаютъ народомъ способнымъ. При минимально нормальномъ питанiи и утовлетворенiи насущныхъ потребностей они трудолюбивы. Въ работѣ хотя не споры, но сообразительны, любятъ работу, требующую разнообразiя прiемовъ, и избѣгаютъ такой, гдѣ нужна только одна рутина. И на заводахъ башкирамъ даютъ работу сообразно ихъ вкусу и способностямъ. Употребленiе спиртныхъ напитковъ среди башкиръ совсѣмъ не было развито. Лепехинъ пробовалъ ихъ угощать водкой, но никто изъ башкиръ ее не пилъ. Возможно, что до нѣкоторой степени спиртные напитки замѣнялись кумысомъ и медомъ, но въ этихъ напиткахъ содержится мало алкоголя и отрицательное дѣйствiе ихъ не могло рѣзко оказываться на организмѣ башкиръ, и они очень рѣдко напивались до опьяненiя. Башкиры теперь

пьютъ водку, но большинство ихъ пьетъ все таки мало, хотя среди нихъ и развились отрицательные элементы, пропивающіе свое имущество, добывающіе средства на чарку водки предосудительными способами, сдавая вторично въ аренду землю уже ранѣе сданную другому и т. п.

Башкирія представляетъ благопріятную почву для всякаго рода спекуляцій и злоупотребленій. Этимъ занимаются не одни только мѣстные кулаки, богатѣи, но и пріѣзжія лица, представители мѣстной администраціи, хозяева крупныхъ заводовъ. Всѣ эти лица пользуются незнаніемъ башкирами русскаго языка, законовъ и мѣръ; на слабыхъ дѣйствуютъ водкой, уговорами, угрозами; всѣ эти дѣйствія носятъ вполнѣ законный характеръ и не даютъ повода для вмѣшательства прокуратуры, хотя ими разорены многіе десятки башкирскихъ семействъ. Другіе идутъ дальше, пользуются подкупомъ, подлогами, разсчитывая на безнаказанность. Нѣкоторые изъ такихъ аферистовъ ошиблись въ разсчетахъ, хотя судебная власть далеко не всегда могла раскрыть многое, творящееся въ Башкиріи. По вопросу о земельныхъ злоупотребленіяхъ въ Башкиріи существуетъ огромная литература. Злоупотребленія и связанное съ ними обѣдненіе и деморализація нравовъ содѣйствовали развитію среди башкиръ воровства, особенно лошадей. Встарину воровства у башкиръ совсѣмъ не было.

Область разселенія башкиръ охватываетъ всю Уфимскую и Оренбургскую губерніи, Бузулукскій, Бугульминскій и Николаевскій уѣзды Самарской, Пермскую губернію за исключеніемъ Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ и Сарапульскій и Глазовскій уѣзды Вятской губ. Количество населенія башкиръ по переписи 1907 г. таково: въ Европейской Россіи 1.316.764 чел., на Кавказѣ — 948, въ Сибири — 924, въ Средней Азіи 2.647 чел., въ Польшѣ — 80. Всего — 1.321.363 чел. Башкиры не проявляютъ симптомовъ вырожденія и вымиранія. Физически они здоровы, и болѣзни переносятся ими легко. Антропологическій типъ башкиръ не совсѣмъ однородный. Число черноволосыхъ особей составляетъ у нихъ 70%, темнорусыхъ 25%. Остальные 5% составляютъ свѣтлорусые, русые и бѣлокурые. Въ формѣ головы преобла-

даетъ умѣренная брохицефалія (широкоголовость), ростъ средній, но встрѣчаются и высокія, и низкорослыя особи.

Среди башкиръ довольно сильно развита грамотность. Они учатся читать и писать по татарски, такъ какъ башкирскій и татарскій языки почти тождественны, и татары явились среди башкиръ распространителями грамотности и книжнаго просвѣщенія. Достаточно вспомнить, что во времена путешествія акад. Лепехина башкиры были почти поголовно неграмотны. Тогда правительство снабжало путешественниковъ не только открытыми листами на татарскомъ языкѣ для взиманія подводъ, но и условными знаками — веревкой съ нѣсколькими узлами. По веревкѣ башкиры считали, сколько кому слѣдуетъ дать подводъ. Къ мусульманскому просвѣщенію у насъ нѣкоторые относятся довольно отрицательно, особенно къ школамъ, состоящимъ при мечетяхъ. Такого отношенія эти школы, возможно, и заслуживаютъ. Но, съ другой стороны, и обученіе въ русскихъ школахъ мало приноситъ пользы башкирамъ. Дѣти ихъ научаются вести лишь самый обыкновенный разговоръ на русскомъ языкѣ, и то плохо, могутъ понимать и перезсказывать лишь самые несложные разсказы. Книгами русскими они пользоваться не могутъ, и результаты такого обученія оказываются весьма жалкими.

Религія. До мусульманская религія башкиръ совсѣмъ не изучена, поэтому остается открытымъ вопросъ, дѣйствительно ли мусульманство болѣе другихъ религій отвѣчало на религіозные и нравственные запросы башкирскаго народа. Историческіе матеріалы могутъ объяснить только внутреннія и политическія условія, способствовавшія утвержденію ислама въ Башкиріи при ханѣ Узбекѣ, въ началѣ 14-го столѣтія (1313—1326 г.). Нѣкоторыя указанія на прежнюю религію башкиръ даютъ наблюденія, сдѣланныя въ 1766 году академикомъ Лепехинымъ, именно о пережиткахъ шаманства, которое вылилось здѣсь въ особую оригинальную форму. При нѣкоторыхъ острыхъ заболѣваніяхъ башкиры обращались за помощью къ людямъ, которыхъ они называютъ „курязя“, что въ переводѣ означаетъ „чертовидецъ“. Такихъ лицъ было немного и, по словамъ Лепехина, за ними приходилось ѣздить верстъ за сто. Съ появленіемъ „курязя“ въ домѣ больного

начинается пиршество, на которое являются лица обоего пола. Поднимается страшный шумъ и гвалтъ, сопровождаемый пляской, въ которой, повидимому, принимали участіе одни мужчины. Своимъ неистовствомъ въ бѣшеной пляскѣ всѣхъ превосходилъ „курязя". Къ полуночи онъ выбиралъ трехъ тѣлохранителей, самыхъ сильныхъ парней, и вооружался обнаженной саблей и пищалью, заряженной двумя пулями. Тѣлохранители держали курязя во время его неистовства за кушакъ, такъ какъ въ это время чортъ, злой духъ, можетъ вступить съ нимъ въ борьбу. Неистовство куряви доходило до такой степени, что, по выраженію Лепехина, онъ самъ болѣе походилъ на чорта, чѣмъ на человѣка. Но чортъ не являлся, повидимому, онъ боялся вступить съ куряземъ въ борьбу. Послѣдній въ нетерпѣніи нѣсколько разъ выходилъ на улицу, посмотрѣть, не идетъ ли чортъ. Наконецъ, онъ замѣтилъ приближающагося злого духа, раздался выстрѣлъ и курязя съ обнаженной шпагой бросился на чорта, преслѣдуя его до самой рѣки Икъ, куда чортъ долженъ былъ скрыться. Потомъ курязя показывалъ кровь раненаго чорта. Повидимому, кровь какого нибудь животнаго была заранѣе имъ приготовлена; на улицу же она была вынесена во время его частыхъ выходовъ, подъ предлогомъ посмотрѣть приближающагося чорта. Этотъ случай преслѣдованія чорта Лепехинъ наблюдалъ въ домѣ одного башкира, хозяйка котораго серьезно заболѣла. Дѣйствующимъ лицомъ въ роли курязя былъ молодой здоровый парень, который перенялъ свое искусство отъ дѣда.

Курязя во всякомъ случаѣ не доводилъ себя до потери сознанія, не стремился къ тому, чтобы его душа оставила тѣло и вступила въ общеніе съ божествомъ или злымъ духомъ, что составляетъ цѣль шаманства среди нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ. Курязя не только не хочетъ подчиниться волѣ злого божества, но и не желаетъ ея знать, и вступаетъ съ нимъ въ физическую борьбу. Пляска курязя не доводитъ его до галлюцинаціи.

Повидимому, со временъ язычества остался у башкиръ праздникъ „сабанъ-тюй". Свое названіе онъ получилъ отъ земледѣльческаго орудія сабана. Сабанъ-тюй празднуется пе-

редъ началомъ посѣва и отправленіемъ на коши. Наканунѣ праздника вечеромъ молодые ребята собираются верхомъ на отборныхъ лошадяхъ и скачутъ изъ одного конца деревни до другого. Затѣмъ окольнымъ путемъ возвращаются снова въ деревню и, останавливаясь передъ каждымъ домомъ, поднимаютъ громкій крикъ, шумъ и все это продѣлываютъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ подарка. Ихъ обыкновенно дарятъ куриными яйцами. Объѣхавъ всѣхъ домохозяевъ, молодежь расходится по домамъ. На другой день до восхода солнца молодые люди выѣзжаютъ въ поле; за ними ѣдутъ и пожилые. Здѣсь устраиваются бѣга; первый, пріѣхавшій на опредѣленное мѣсто, получаетъ призъ. Если двое одновременно пріѣдутъ, то призъ долженъ оспариваться борьбой. Призъ состоитъ изъ маленькаго ситцеваго платка, который даритъ самая молодая изъ замужнихъ женщинъ. Послѣ бѣговъ бываетъ молебствіе. Затѣмъ начинается праздникъ — веселье, пиршество, игры, пѣніе, музыка. Сабанъ-тюй пріуроченъ къ извѣстному времени года, а не ко дню. Въ разныхъ деревняхъ онъ происходитъ не въ одинъ и тотъ же день. И башкиры имѣютъ возможность ходить на этотъ праздникъ въ гости въ сосѣднія деревни.

Пѣсни башкиръ большею частью плавнаго, заунывнаго тона. Башкиры любятъ историческія пѣсни. Въ нихъ они воспѣваютъ своихъ героевъ, боровшихся за свободу башкирскаго народа. На праздникахъ часто выступаетъ какой нибудь пѣвецъ, обыкновенно старикъ, знатокъ историческихъ пѣсенъ. Онъ не только поетъ, но тѣлодвиженіями выражаетъ и дѣйствія героевъ — какъ они уговаривали товарищей, какъ они вступали въ бой, сражались, поражали противника и умирали. Пѣсни съ игрой производятъ на присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Національными музыкальными инструментами у башкиръ является „чибизча", на подобіе флейты; затѣмъ „кобызъ" — небольшой металлическій кружокъ, въ срединѣ котораго придѣланъ язычокъ. Инструментъ держатъ въ зубахъ и играютъ на немъ при помощи языка и пальцевъ.

Башкиры любятъ и пляски. Женщины въ присутствіи мужчинъ не танцуютъ, особенно при постороннихъ. Увеселенія башкиръ вообще довольно разнообразны. Они любятъ

подражать крику нѣкоторыхъ птицъ, звѣрей. Это искусство во времена путешествія Лепехина стояло у башкиръ очень высоко. Затѣмъ башкиры упражнялись стрѣльбой изъ лука въ цѣль. Была и такая игра, что два башкира летѣли на лошадяхъ навстрѣчу одинъ другому, стрѣляя изъ лука прямо въ „противника“, но искусный башкиръ увертывается отъ стрѣлы, находясь отъ стрѣлявшаго на разстояніи трехъ саженей. Башкиры вообще были отличными стрѣлками. Участвуя въ войнѣ 1812-го года, башкиры мѣткостью и силой своихъ стрѣлъ удивляли французовъ, давшихъ имъ названіе сѣверныхъ амуровъ. Ихъ стрѣлы на разстояніи 15 саженей могли пронизывать насквозь не только человѣка, но и лошадь. Теперь это искусство среди нихъ пало.

Башкиры были страстными любителями соколиной охоты, которая изрѣдка практикуется и теперь. Съ соколами охотились не только на птицъ, но и на звѣрей. Изморенный голодомъ соколъ, когда его выпускали на добычу, садился на крестецъ звѣрю, дробилъ сильными ударами клюва его голову, выклевывалъ глаза. Отъ башкиръ соколиная охота была заимствована и русскими царями и боярами.

Башкиры отличаются гостепріимствомъ. Всякаго пріѣзжаго они встрѣтятъ съ радушіемъ. При этомъ какъ хозяева, такъ и гости соблюдаютъ извѣстный этикетъ. Гости здороваются съ хозяиномъ пожатіемъ руки, но шапокъ не снимаютъ. Хозяйнъ или хозяйка, прочитавъ молитву, передаетъ чашу съ кумысомъ сидящему гостю. Гость по прочтеніи молитвы передаетъ сосудъ другому, и эта передача продолжается до тѣхъ поръ, пока чаша не дойдетъ до самаго крайняго гостя. Послѣдній и выпиваетъ чашу. Вторая чаша доходитъ до предпослѣдняго и т. д. и, наконецъ, доходитъ до гостя сидящаго рядомъ съ хозяиномъ. Каждый гость обязанъ выпить двѣ чашки кумыса, какъ бы онъ не былъ сытъ, иначе можно обидѣть хозяина. Хозяинъ снабжаетъ гостей кумысомъ и на дорогу.

У башкиръ довольно часто устраиваются общіе пиры, на которые каждый приноситъ, что можетъ. На этихъ празднествахъ соблюдается утонченный этикетъ. Появляется подносчикъ, роль котораго добровольно беретъ одинъ изъ башки-

ровъ, участниковъ пира. Угощая другого, подносчикъ стоитъ предъ нимъ на цыпочкахъ, одной рукой держитъ чашку съ кумысомъ, другой поддерживаетъ локоть пьющаго, стараясь такимъ образомъ, влить напитокъ прямо въ горло. Особенно большимъ вниманіемъ пользуются на пиршествахъ старшины. Каждый башкиръ старается положить прямо въ ротъ старшинѣ кушанье чуръ-пари. Такого вниманія удостоиваются иногда и заѣзжіе гости. Радушное гостепріимство, устройство праздниковъ на общихъ началахъ — явленія старыя, говорящія о былыхъ соціальныхъ отношеніяхъ. Сюда же относится и другой характерный обычай. Башкиръ одинъ не можетъ съѣсть куска хлѣба, не подѣлившись съ присутствующими. Акад. Лепехинъ, узнавъ объ этомъ обычаѣ, давалъ сыну башкирскаго старшины, находившему при немъ, калачъ. Тотъ сейчасъ же разламывалъ калачъ на мелкія части и надѣлялъ имъ присутствующихъ.

Башкиры могутъ гордиться великимъ наслѣдіемъ своихъ предковъ, судомъ „шерагажъ", сохранившемся до настоящаго времени. Шерагажъ напоминаетъ третейскіе суды: тяжущіяся стороны выбираютъ по равному количеству судей. Постановленія этого суда башкирами исполняется свято. Теперь всякій шерагажъ долженъ получить уполномочіе отъ мѣстной администраціи, что замедляетъ и затягиваетъ судопроизводство.

Какъ и у другихъ магометанъ, среди башкиръ было развито многоженство. Богатые башкиры имѣли до четырехъ женъ, бѣдные же довольствовались одной. Но, повидимому, идея многоженства имѣла противниковъ среди бишкиръ. Когда одинъ знаменитый муфтій издалъ строгое предписаніе, на основаніи корана, чтобъ муллы не позволяли брать башкирамъ вторую жену безъ свидѣтельства отъ общества о достаточной обезпеченности, то это предписаніе встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ. Идея индивидуальнаго брака, повидимому, согласовалась съ желаніемъ и міровоззрѣніемъ башкиръ и являлась остаткомъ ихъ отдаленнаго до-магометанскаго прошлаго. Послѣ этого предписанія многіе изъ башкиръ не только стали брать за дочерей калымъ, но стали давать приданое съ предъявленіемъ требованія зятю, чтобы тотъ не бралъ вторую жену. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ,

дочь въ семьѣ башкира составляетъ доходную статью, такъ какъ за нее платятъ калымъ до 200 рублей, хотя почти весь калымъ идетъ на приданое невѣсты, на ея костюмъ.

Несмотря на магометанство, за башкирскими дѣвицами сохранилось право свободнаго выбора мужа. Сватовство у башкиръ происходитъ черезъ постороннихъ лицъ, которые обязаны спрашивать о согласіи дѣвушки. По полученіи согласія и уговора на счетъ калыма, отецъ невѣсты въ присутствіи молодой четы приступаетъ къ молитвѣ. По прочтеніи молитвы онъ отводитъ молодыхъ за особый занавѣсъ. Этимъ и кончается первая часть свадебнаго обряда. Молодая продолжаетъ оставаться въ домѣ отца, а мужъ, выплативъ часть калыма, получаетъ право навѣщать жену и пользоваться всѣми правами супруга, но только тайкомъ. Для молодой и для посѣщенія ее молодымъ въ домѣ ея отца во дворѣ строится особая юрта. Такое „тайное“ посѣщеніе мужемъ жены въ домѣ ея отца называется пазушнымъ. Это явленіе башкирской жизни — не исключительное, оно встрѣчается и у другихъ народовъ. Мужъ получаетъ право взять жену въ свой домъ по выплатѣ всего калыма, что иногда требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ, и онъ беретъ жену, когда у ней уже есть одинъ или два ребенка. Наканунѣ отъѣзда въ домъ мужа, ея отцомъ устраивается праздникъ Туй. На этотъ день закалываютъ лучшаго коня, и праздникъ происходитъ за деревней, на полянкѣ. Туй характеризуется состязаніями. Сначала выступаютъ борцы, борются парами. Побѣдитель получаетъ лоскутъ матеріи, но это составляетъ гордость не только его, но и родни. Затѣмъ выступаютъ бѣгуны. Бѣгутъ группами по 5—10 человѣкъ. Прибѣжавшій первымъ получаетъ призъ — лучшую часть говядины. Послѣднимъ номеромъ идутъ скачки. Наѣзднику-побѣдителю часто даютъ цѣнный призъ, хорошаго жеребца. Всѣ призы даются отцомъ молодой жены. Въ день отъѣзда молодая съ закрытымъ лицомъ обходитъ дома сосѣдей и прощается съ женскимъ поломъ. Она даритъ женщинамъ полотенца, кусочки расшитаго холста. Ее одариваютъ деньгами. Молодую отправляютъ въ домъ мужа въ сопровожденіи близкихъ родныхъ и свахъ верхомъ на лошади. Съ нимъ ѣдетъ все ея имущество. У дома мужа узды лошади пере-

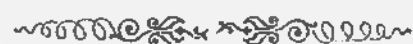

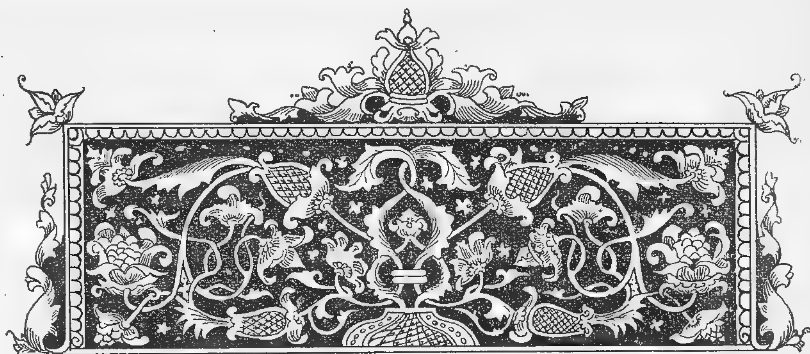
Башкирская деревня.

даются ея родственниками родственникамъ мужа съ соблюденіемъ извѣстнаго церемоніала; при этомъ они получаютъ извѣстную плату за лошадь и имущество отъ родственниковъ мужа. Молодая входитъ въ домъ мужа, соблюдая извѣстный этикетъ. Становится на колѣни, то передъ однимъ, то передъ другимъ. Теперь свадебный обрядъ мѣстами претерпѣлъ измѣненія въ деталяхъ.

Среди башкиръ Екатеринбургскаго и Челябинскаго уѣзд. развитъ т. наз. левиратъ, т. е. женитьба на вдовѣ брата, дяди по отцу, двоюроднаго брата. Левиратъ у башкиръ носитъ необязательный характеръ. Вдова можетъ отказаться отъ выхода замужъ за родственника, равно и никто изъ родственниковъ не обязанъ на ней жениться. Но при выходѣ вдовы за чужого человѣка, родственники ея покойнаго мужа, которымъ она отказала въ бракѣ, имѣютъ право требовать съ новаго мужа полный калымъ т. е. то количество, какое было уплачено за нее (вѣрнѣе за ея имущество), ея покойнымъ мужемъ. Родственники лишаются права на этотъ калымъ, когда никто изъ нихъ раньше не заявлялъ желанія вступить съ вдовой въ бракъ. Вдова, не имѣющая такихъ мужниныхъ родственниковъ, которые могли бы на ней жениться, можетъ свободно выходить за чужого. Кандидатомъ въ новые мужья вдовы является младшій братъ ея покойнаго мужа, хотя бывали рѣдкіе случаи, когда и старшій братъ женился на вдовѣ своего младшаго брата. Затѣмъ кандидатомъ является племянникъ покойнаго мужа (сынъ его брата). Младшій братъ и племянникъ являются равноправными кандитатами. Они оба одновременно могутъ домагаться руки вдовы, которая имѣетъ право выбрать того или другого. Третьимъ кандидатомъ въ женихи является двоюродный братъ покойнаго мужа вдовы, а за нимъ идутъ уже болѣе дальніе родственники.

Случаи левирата теперь не часты и встрѣчаются почти исключительно среди богатыхъ. Левиратъ запрещенъ кораномъ, тѣмъ не менѣе обычай этотъ живетъ и по настоящее время въ быту башкиръ; это говоритъ о жизненности нѣкоторыхъ старинныхъ бытовыхъ чертъ.

Тептяри.

Среди башкиръ въ Приуральскомъ краѣ живутъ тептяри. Это не особая какая нибудь этническая группа, обособленная языкомъ, религiей, бытомъ. Названiе тептярей прiурочено было къ извѣстному соцiальному классу, зависѣвшему нѣкогда экономически отъ башкиръ, вынужденному арендовать у послѣднихъ землю. Большинство тептярей исповѣдуетъ магометанскую религiю, незначительная часть держится еще язычества.

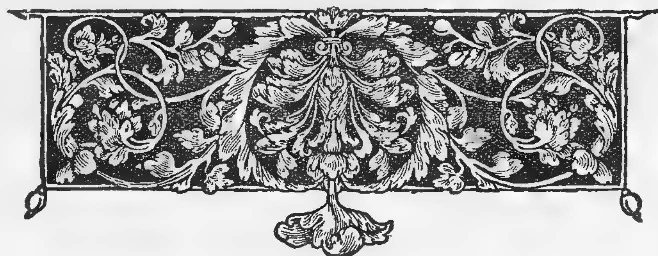
Тептяри мусульмане, говорятъ на татарскомъ языкѣ, близкомъ къ нарѣчiю казанскихъ татаръ. Внѣшнiй бытъ тептярей совсѣмъ почти не отличается отъ татарскаго. Въ прежнее время они строили двухъ-этажныя клѣти. Верхъ въ лѣтнее время служилъ прiемной для гостей; внизу происходила болѣе будничная жизнь и хранились предметы домашняго обихода. Бѣдные тептяри и тѣ стараются содержать внутренность избы опрятно. Полъ всегда вымытый, печка выбѣлена, не меньшей чистотой отличаются столъ, нары и лавки. Богатые имѣютъ двѣ избы и убранство комнатъ у нихъ лучше. На нарахъ — ковры, по стѣнамъ развѣшаны расшитыя полотенца, въ одномъ углу стоитъ самоваръ, въ другомъ мѣдный умывальникъ.

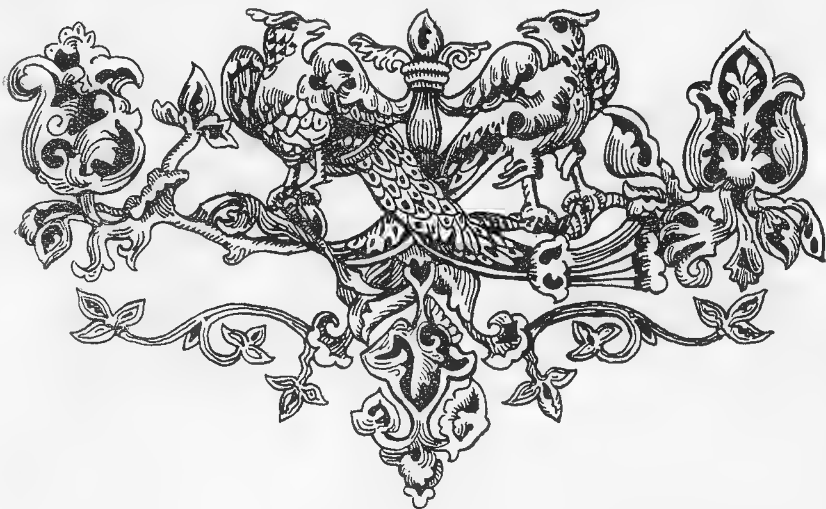
Тептяри образованнѣе башкиръ, изъ ихъ среды выбирается большинство духовенства, и они распространяютъ гра-

мотность среди башкиръ. Тептяри способны къ торговлѣ, которая въ Башкиріи находится тоже цѣликомъ въ ихъ рукахъ.

Часть тептярей мусульманъ считаютъ выходцами изъ царства Казанскаго, часть — за потомковъ древнихъ болгаръ. Впервые тептяри упоминаются въ офиціальныхъ документахъ въ 1734 г., въ указѣ сената № 658, какъ выходцы, „издавна поселившіеся на башкирскихъ земляхъ по найму или безъ найма, по записямъ, или безъ записей, но съ платою особаго тептярскаго оклада". Въ 1832 году тептяри манифестомъ отъ 10-го Апрѣля были освобождены отъ башкирской зависимости и по 7-й ревизіи имъ было отведено по 30 десятинъ на душу. Съ этого времени тептяри стали себя называть ново-башкирами (зянга-башкортъ). Они не любятъ, когда ихъ называютъ тептярями. Русскіе крестьяне называютъ ихъ просто татарами.

Въ числѣ тептярей, преимущественно язычниковъ, находятся черемисы и вотяки. Старинные авторы находили въ числѣ тептярей также чувашъ, мордву, даже русскихъ. Тептярей насчитываютъ до 500 тысячъ душъ. Но точное число ихъ опредѣлить трудно, такъ какъ тептяри скрываютъ свое классовое происхожденіе. Они живутъ довольно разбросано въ Уфимской, Пермской и Вятской губерніяхъ, не составляя одного цѣлаго. Слово тептярь пытались объяснить различно, но вполнѣ удовлетворительнаго объясненія не имѣется. Болѣе вѣроятно объясненіе Ахмарова. Онъ полагаетъ, что „тептяръ" есть искаженное персидское слово „дефтяръ" — запись, и относится къ припущенникамъ башкиръ, съ которыхъ брался извѣстный налогъ.

VIII.

Хозяйственная дѣятельность населенія. Земледѣліе, скотоводство; лѣсной промыселъ.

Несмотря на обиліе въ Приуральскомъ краѣ минеральныхъ богатствъ, основой благосостоянія населенія все-таки служитъ преимущественно земледѣліе. Обширныя пространства болотъ и лѣсовъ, полоса каменистыхъ почвъ Уральскаго нагорья, безплодная почва солончаковыхъ и песчаныхъ равнинъ на юго-востокѣ исключаютъ на нихъ возможность земледѣлія, которому къ тому же на сѣверѣ препятствуетъ и климатъ. Такимъ образомъ, количество удобныхъ земель, куда относятся и луга, по крайней мѣрѣ въ двухъ самыхъ большихъ губерніяхъ края, въ Пермской и Оренбургской, сравнительно невелико. Такъ, въ первой изъ нихъ удобныя земли захватываютъ всего $^1/_3$ пространства губерніи (30,2 %); въ противоположность ей и губерніи Оренбургской — Уфимская имѣетъ такихъ земель до 80 %. Главными собственниками земель во всѣхъ губерніяхъ края являются крестьяне, въ губерніи же Орен-

р. Симъ. Запруда весной.

бургской половина земли принадлежитъ Оренбургскому казачьему войску. Среди крестьянскихъ надѣльныхъ земель вклиниваются и помѣщичьи владѣнія, изъ которыхъ многія захватываютъ огромныя пространства земли, въ тысячи и даже сотни тысячъ десятинъ. Такъ, напр., въ Уфимской губ. болѣе трехсотъ лицъ владѣютъ каждый отъ 1000 до 10.000 десятинъ земли, семь помѣщичьихъ хозяйствъ считаютъ свои владѣнія отъ ста до двухсотъ тысячъ десятинъ, а одно изъ нихъ захватываетъ даже 256.000 десятинъ. При наличности такихъ огромныхъ количествъ земли обрабатывается однако лишь незначительная ихъ часть. Сосредоточеніе такихъ большихъ земельныхъ богатствъ въ частныхъ рукахъ объясняется исторіей заселенія края и особенностями его колонизаціи. Всѣ эти земли составляли нѣкогда угодья башкиръ, которые теперь являются бѣднѣйшей частью населенія Приуральскаго края. Большинство помѣщичьихъ и заводскихъ земель пріобрѣталось у башкиръ болѣе ста лѣтъ тому назадъ за ничтожную плату (въ 1756 г., напр., въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ 150.000 десятинъ башкирской земли было куплено за 150 рублей ассигнаціями). Пріобрѣтая обширные участки земель, помѣщики переселяли сюда своихъ крѣпостныхъ. На ряду съ ними изъ разныхъ мѣстностей Россіи были переселены и приписаны къ заводамъ такъ называемые заводскіе крестьяне. Третьимъ элементомъ русскаго населенія являются самые старинные поселенцы, такъ наз. казенные крестьяне. Являясь главными собственниками удобныхъ земель въ Приуральѣ, крестьяне упомянутыхъ трехъ категорій владѣютъ различными количествами надѣльной земли; полный надѣлъ получили казенные и заводскіе крестьяне, хотя ихъ земли уже достаточно истощены и потому значительно уступаютъ по качеству землямъ помѣщичьихъ крестьянъ, надѣлъ которыхъ, однако, гораздо меньше.

Несмотря на то, что земледѣліе развито повсемѣстно въ краѣ, оно не вездѣ ведется съ одинаковымъ успѣхомъ, что зависитъ отъ климатическихъ и почвенныхъ различій. Въ сѣверныхъ частяхъ Пермской губерніи, даже при самыхъ высокихъ урожаяхъ, хлѣба не хватаетъ для сельскаго населенія; южная полоса той же губерніи является уже настоящей житни-

цей края. Въ Оренбургской и особенно Уфимской, гдѣ залегаютъ лучшія почвы Приуралья, бытъ земледѣльца достаточно обезпеченъ.

Вслѣдствіе различныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій въ разныхъ мѣстахъ края способы пользованія землею отличаются разнохарактерностью. Излюбленное въ Россіи трехполье пользуется и здѣсь широкимъ распространеніемъ, замѣняясь на югѣ залежной системой полевого хозяйства. Послѣдній способъ пользованія, особенно въ обширныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ заключается въ томъ, что на одномъ и томъ же мѣстѣ сѣютъ хлѣбъ два года и болѣе подъ рядъ, а затѣмъ оставляютъ это поле въ видѣ залежи на неопредѣленное время. „Новь" или прежнія залежи обрабатываются обыкновенно въ серединѣ лѣта и такъ оставляются обыкновенно до весны слѣдующаго года. Весною распаханное поле прямо засѣивается хлѣбомъ и боронуется. Послѣ жатвы оно остается нетронутымъ до весны, когда послѣ несложной обработки вновь идетъ подъ посѣвъ. При благопріятныхъ условіяхъ погоды въ первые посѣвы пшеница, которая преимущественно сѣется въ южныхъ частяхъ Приуралья, даетъ необыкновенно высокіе урожаи; затѣмъ поле уже истощается и немного спустя снова идетъ на неопредѣленное время въ залежь. Удобреніе земли почти не имѣетъ мѣста и только въ послѣднее время его начинаютъ вводить при трехпольѣ.

Орудіями обработки земли служатъ обыкновенная русская соха, называемая мѣстами русанкой, и ея разновидность, такъ наз. косуля, имѣющая приспособленіе для отвала поднятой земли. Инородческимъ населеніемъ и до сихъ поръ большею частью употребляется такъ наз. сабанъ, мѣстное орудіе, напоминающее плугъ, но уступающее ему въ работѣ. На ряду съ этими несложными орудіями въ послѣднее время все чаще и чаще начинаютъ примѣняться болѣе совершенныя земледѣльческія орудія и машины, особенно въ большихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, хотя исключенія въ этомъ отношеніи не составляютъ и нѣкоторые, конечно, болѣе зажиточные изъ инородцевъ.

Въ среднемъ повсюду въ Приуральскомъ краѣ посѣвы яровыхъ хлѣбовъ преобладаютъ надъ озимыми. При этомъ

въ зависимости отъ климата, качествъ почвы и характера хозяйства въ различныхъ мѣстахъ края находится и преобладаніе того или другого рода хлѣбовъ. На сѣверѣ при уже достаточно истощенныхъ, а потому и малосильныхъ глинистыхъ почвахъ главное значеніе въ сѣвооборотѣ играютъ рожь и ячмень; пшеница сѣется лишь въ незначительномъ количествѣ, да и то больше въ Зауральѣ, гдѣ встрѣчаются черноземныя почвы. Наоборотъ, на югѣ, гдѣ обиліе земли и лучшій климатъ позволяютъ вести залежно-паровое хозяйство, рѣшительно господствуетъ яровая пшеница, дающая мѣстами неслыханные урожаи и занимающая почти половину всей засѣваемой площади. Кромѣ ржи и пшеницы довольно видную роль въ хозяйствѣ края играетъ овесъ, котораго особенно много сѣется въ Уфимской губерніи (44,5 $^0/_0$ всей засѣваемой площади). Изъ другихъ хлѣбовъ, засѣваемыхъ на яровыхъ поляхъ, хозяйственное значеніе имѣютъ полба, гречиха и просо, а изъ техническихъ растеній въ небольшихъ количествахъ разводятся конопля и ленъ.

Избытокъ хлѣба, получающійся въ двухъ сѣверныхъ губерніяхъ края, Пермской и Уфимской, идетъ преимущественно для потребленія заводскаго населенія, тогда какъ излишекъ его на югѣ служитъ предметомъ довольно значительнаго вывоза въ прилегающія къ Оренбургской губерніи области киргизско-степной окраины. Торговля хлѣбомъ особенно развилась со времени открытія Самаро-Оренбургской желѣзной дороги и должна еще болѣе возрасти, благодаря проложеннымъ недавно двумъ желѣзнодорожнымъ путямъ: изъ Оренбурга въ Ташкентъ и — въ Троицкъ.

Земледѣліемъ въ Приуральскомъ краѣ занимается почти исключительно русское крестьянское населеніе, а въ губ. Оренбургской и казачество. Среди инородцевъ оно прививается медленно; башкиры, напр., обрабатываютъ лишь незначительную часть своихъ земель. Въ общемъ русское крестьянское населеніе Приуралья живетъ довольно зажиточно, и нѣкоторые крестьяне обрабатываютъ до ста десятинъ земли, держатъ по нѣскольку десятковъ лошадей и до десятка и болѣе головъ рогатаго скота. Русскія селенія съ большими, прочной постройки избами очень выгодно отли-

чаются отъ разбросанныхъ островами между ними башкирскихъ деревень.

Огородничествомъ въ Приуральскомъ краѣ занимаются повсюду, но промышленный характеръ оно принимаетъ лишь около городовъ и заводовъ, гдѣ можно найти сбытъ его продуктамъ. Въ южныхъ предѣлахъ Приуралья благодаря особенностямъ климата возможно бахчеводство, но и оно служитъ здѣсь лишь нуждамъ мѣстнаго населенія.

Обиліе луговъ, обширныя пространства нераспаханныхъ земель и непригодныхъ для земледѣлія степей, создаютъ крайне благопріятныя условія для развитія въ южномъ Приуральѣ важной отрасли хозяйства — скотоводства. Въ то время какъ на сѣверѣ, напр., въ губ. Пермской оно существуетъ исключительно для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія, на югѣ оно играетъ роль почти единственнаго источника благосостоянія инородцевъ. Содержаніе и пастьба скота весьма различны у русскаго и инородческаго населенія. У башкиръ скотоводство еще и до сихъ поръ находится въ томъ же состояніи, въ которомъ оно было сотни лѣтъ тому назадъ, хотя размѣры ихъ перекочевокъ и сократились. Подъ выгонъ для скота отгораживается обширное пространство, иногда въ нѣсколько тысячъ десятинъ; весною башкиры выселяются въ степь и становятся тамъ на берегу какого-нибудь озера, рѣчки и, живя въ „котахъ“ — кибиткахъ, пасутъ здѣсь свои табуны лошадей и рогатый скотъ. Когда кругомъ вся трава съѣдена, они переносятъ свои коти на другое мѣсто, затѣмъ на третье и т. д., пока, наконецъ, не наступитъ осень, когда башкиры возвращаются въ зимовки. Зимою скотъ также держится на подножномъ корму и бродитъ обыкновенно на жнивахъ, которые рѣдко совершенно прикрываются снѣгомъ. Особенно трудны для животныхъ зимы съ глубокими снѣгами, покрывающими иногда землю твердою обледенѣлою корою, которую бараны и лошади не въ состояніи пробить ногами и потому погибаютъ отъ истощенія, тѣмъ болѣе, что башкиры обыкновенно мало запасаютъ сѣна на зиму, да и то большею частью лишь для мелкаго скота. Среди породъ лошадей, разводимыхъ инородцами, особою извѣстностью пользуется башкирская лошадь, напоминающая киргизскую, но отличающаяся

отъ послѣдней своей способностью быстро привыкать къ упряжи и переносить всякую, даже тяжелую работу. Рогатый скотъ большей частью мелокъ; овцы разводятся преимущественно киргизской породы съ курдюками, хотя среди нихъ попадается и много русскихъ и такъ наз. черкасскихъ овецъ, которыя отличаются довольно значительнымъ ростомъ и шелковистою мягкою шерстью; овцеводство въ краѣ имѣетъ большое значеніе, такъ какъ овцы служатъ предметомъ довольно значительной торговли.

Крестьянское скотоводство ведется болѣе раціональнымъ способомъ, хотя до нѣкоторой степени и напоминаетъ башкирское. Лошади и скотъ у крестьянъ въ теченіе всей зимы укрыты отъ снѣга и стужи, питаясь заготовляемымъ съ лѣта кормомъ. Скотоводство въ краѣ могло широко развиться только благодаря обилію сѣнокосныхъ угодій, которыя обыкновенно составляютъ значительный процентъ всѣхъ удобныхъ земель, въ Уфимской губ., напр., 14 %. Луговыя земли преимущественно встрѣчаются по берегамъ рѣкъ, въ долинахъ, или около озеръ, а въ Зауральѣ ими заняты огромныя пространства степей; въ южныхъ частяхъ Приуралья встрѣчаются и горныя пастбища. Сѣнокосъ начинается довольно поздно, приблизительно въ серединѣ лѣта, когда ростъ травъ уже прекращается и онѣ начинаютъ подсыхать. Скошенная и высушенная трава складывается въ продолговатые стоги — зароды, которые иногда опаливаютъ кругомъ во избѣжаніе пожара. Сѣно, оставляемое на лугахъ, вывозится уже по зимнему пути, по мѣрѣ надобности.

Лѣсныя богатства Приуральскаго края эксплоатируются въ широкихъ размѣрахъ, но несмотря на это лѣсъ и до сихъ поръ покрываетъ еще большія площади. На сѣверѣ края лѣсъ еще сохранился въ видѣ настоящей, мѣстами непроходимой, тайги, и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пермской губ. подъ лѣсомъ находится болѣе 80 % всего пространства. Южнѣе его уже значительно меньше, вслѣдствіе долго практиковавшейся хищнической его вырубки. Главная масса лѣса ушла и уходитъ на топливо для уральскихъ горныхъ заводовъ, такъ какъ примѣненіе другихъ горючихъ матеріаловъ, — нефти, каменнаго угля и торфа, — почти отсутствуетъ. Уже и въ настоящее

время нѣкоторые заводы Урала ощущаютъ недостатокъ топлива, хотя многіе изъ нихъ владѣютъ огромными лѣсными участками, какъ напр., Чермозскій заводъ, имѣющій 548.928 дес. лѣса, или заводъ Лысьвенскій, обладающій лѣсной дачей въ 479.344 десятинъ; всѣ же частновладѣльческіе заводы Урала имѣютъ въ своемъ распоряженіи колоссальное количество лѣса, въ общемъ итогѣ до $4^1/_3$ милл. десятинъ. Главнымъ владѣтелемъ лѣсныхъ богатствъ Урала является казна и доходы, которые получаются ею отъ эксплоатаціи лѣсовъ, достигаютъ значительной цифры. Такъ валовой доходъ за 1907 годъ выразился въ суммѣ 2.202.523 руб., а за 1908 годъ суммой въ 1.824.100 руб.

Лѣсной промыселъ развитъ повсюду на Уралѣ и состоитъ въ рубкѣ и заготовкѣ лѣса, подвозѣ его зимой къ сплавнымъ рѣкамъ и къ заводамъ, сплавѣ его и, наконецъ, въ добываніи, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ смолы и дегтя.

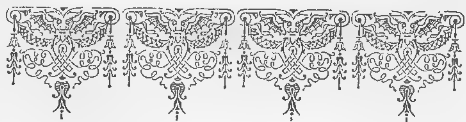
Сотни тысячъ бревенъ и огромное количество дровъ сплавляются ежегодно по горнымъ рѣкамъ Урала и Камы, и уходитъ, частью въ безлѣсныя мѣстности Россіи, частью заграницу. Лѣсъ сбывается главнымъ образомъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, а также изъ дачъ горныхъ заводовъ; нѣкоторые заводы, получивъ по изданному въ 1896 году закону о прирѣзкѣ казенныхъ лѣсовъ предпріятіямъ, необезпеченнымъ топливомъ, значительныя лѣсныя площади, стали усиленно вывозить лѣсъ заграницу. Такъ напр. однимъ только Богословскимъ заводомъ было вывезено въ 1909 году 250,000 бревенъ. Общій же вывозъ за этотъ годъ изъ Приуральскаго края достигъ 1.300.000 бревенъ на сумму приблизительно 2.000.000 рублей. Если и дальше будетъ продолжаться такой же усиленный вывозъ лѣса, то запаса его можетъ хватить лишь на весьма короткое время, и только немедленное введеніе лѣсохранительнаго закона можетъ остановить безпощадное истребленіе здѣсь лѣсныхъ богатствъ. Отпуску лѣса заграницу содѣйствуетъ вновь открываемые желѣзнодорожные пути, напр. путь изъ Перми въ Котласъ, соединившій Уралъ съ Бѣлымъ моремъ, по которому нашъ лѣсъ вывозится главнымъ образомъ въ Англію. Упорядоченіе лѣсного хозяйства въ Приуральѣ

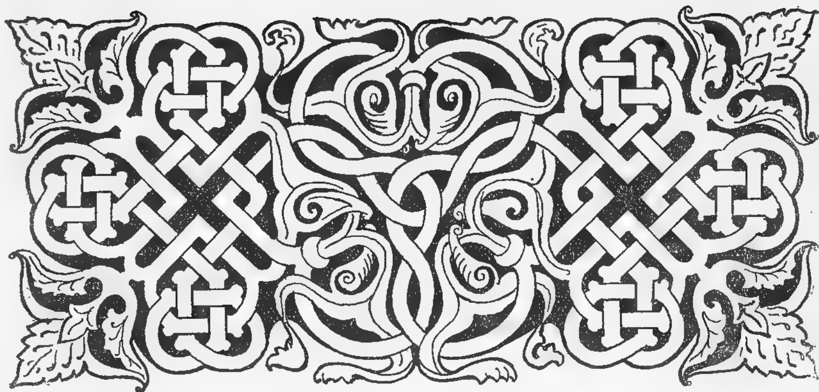
необходимо еще потому, что Уральскіе заводы пользуются лѣсомъ въ огромномъ количествѣ. По приблизительному разсчету для выдѣлки 1,000,000 пудовъ желѣза въ годъ, необходимо располагать площадью лѣса по крайней мѣрѣ въ 100,000 десятинъ. И повидимому недалеко то время, когда заводы для передѣлки желѣза должны будутъ перейти на минеральное топливо, сохранивъ пользованіе древеснымъ топливомъ лишь для выплавки чугуна.

Въ глухихъ, трудно доступныхъ лѣсныхъ дебряхъ Сѣвернаго Урала, почти единственнымъ источникомъ пропитанія населенія является звѣроловство, которымъ занимаются преимущественно вогулы, эти типичные звѣроловы - промышленники.

Ранѣе здѣсь часто попадался соболь, но теперь онъ сталъ очень рѣдокъ и мѣстами совсѣмъ истребленъ. Всего надежнѣе бѣличій промыселъ, хотя и добыча бѣлки колеблется въ зависимости отъ большаго или меньшаго урожая хвойныхъ шишекъ. Изъ птичьей дичи наибольшее значеніе для промышленника имѣетъ рябчикъ, котораго въ удачливые годы добывается огромное количество, иногда до тысячи штукъ на человѣка. Само собою разумѣется, что охотникъ пользуется и всякою другою дичью — отъ медвѣдя, куницы, оленя — до мелкихъ хищниковъ, тетеревей и т. д. Все это скупается сравнительно дешево заѣзжими торговцами, и вырученныя за продажу деньги, даже въ хорошіе годы, едва хватаютъ промышленникамъ для поддержанія ихъ скуднаго хозяйства. Большею же частью промышленники, особенно вогулы, находятся въ вѣчной кабалѣ у скупщиковъ.

На югѣ Приуралья, гдѣ населеніе сравнительно густо и и лѣса порѣдѣли — звѣроловство теряетъ промысловый характеръ и является уже простой охотой.

IX.

Горное дѣло и обрабатывающая промышленность.

Горныя складки Урала, выдвинувшія на поверхность лежавшіе ранѣе глубоко въ нѣдрахъ земли пласты, вынесли вмѣстѣ съ ними и массу цѣнныхъ рудъ, а также и вкрапленные въ разные породы минералы. Нѣкоторые же металлы, какъ золото, платина, вкрапленные въ породы (кварциты), съ разрушеніемъ послѣднихъ путемъ вывѣтриванія и сырости, сносятся въ видѣ мелкихъ частицъ внизъ и являются теперь разсѣянными въ песчаныхъ наносахъ, прикрытыхъ часто болотнымъ торфомъ или залегающихъ на днѣ озеръ и болотъ.

Полезныя ископаемыя Урала весьма разнообразны и обильны. Съ давнихъ поръ въ различныхъ мѣстностяхъ Приуралья существуетъ соляная промышленность, сыгравшая, какъ извѣстно, громадную роль и въ развитіи вообще горнаго дѣла на Уралѣ. Около трехсотъ лѣтъ снабжаетъ Уралъ Россію желѣзомъ и было время, когда производство его имѣло міровое значеніе. Золото, платина, мѣдныя, хромовыя и марганцовыя руды добываются на Уралѣ въ большомъ количествѣ и имѣютъ значительную экономическую цѣнность. Во многихъ

Мотовилихинскій пушечный заводъ.

мѣстахъ извѣстны мѣсторожденія серебряныхъ, цинковыхъ, свинцовыхъ, никкелевыхъ, кобальтовыхъ и ртутныхъ рудъ. Залежи сѣры, азбеста, различныхъ строительныхъ матеріаловъ, открыты въ различныхъ мѣстахъ Урала, гдѣ все большее значеніе получаетъ и каменный уголь, встрѣчающійся въ большихъ количествахъ по сю сторону Урала. Широкую извѣстность пріобрѣлъ также Уралъ своими разнообразными драгоцѣнными камнями: топазами, аметистами, изумрудами, аквамаринами, бериллами и проч., а также цѣнными строительными породами (и рудами), какъ напр., лаписъ-лазули, малахитъ, яшмы, орлецъ и т. д.

Различіе въ строеніи западнаго и восточнаго склоновъ Уральскаго хребта довольно рѣзко сказывается какъ въ разнообразіи полезныхъ ископаемыхъ, встрѣчающихся на томъ и другомъ, такъ и въ условіяхъ ихъ залеганія. На западномъ склонѣ, сложенномъ изъ осадочныхъ породъ, лишь въ центрѣ хребта переходящихъ въ породы кристаллическія, находятся обыкновенно такъ наз. пластовыя рудныя мѣсторожденія, напр., желѣза въ видѣ желѣзнаго блеска, бураго желѣзняка, пласты каменнаго угля и пр. На восточномъ склонѣ, гдѣ породы разорваны сбросами и прорѣзаны жилами изверженныхъ породъ залегаютъ такъ наз. штоковыя и жильныя мѣсторожденія мѣдныхъ, желѣзныхъ, никкелевыхъ и другихъ рудъ. Здѣсь же встрѣчается и золото въ видѣ пластовыхъ залежей, а на ряду съ нимъ золотыя и платиновыя розсыпи. Восточному же склону свойственны и серебряныя мѣсторожденія въ видѣ рудоносныхъ кварцевыхъ жилъ какъ въ Среднемъ такъ и въ Южномъ Уралѣ. Большимъ распространеніемъ на обоихъ склонахъ хребта пользуются мѣдныя руды, мѣсторожденія которыхъ извѣстны съ глубокой древности. На восточномъ склонѣ мѣдныя руды встрѣчаются въ видѣ различной мощности жилъ въ изверженныхъ породахъ, гдѣ зачастую находятъ огромныя глыбы малахита; на западѣ онѣ встрѣчаются въ видѣ небольшихъ гнѣздъ въ осадочныхъ породахъ. Желѣзныхъ рудъ на Уралѣ гораздо больше, чѣмъ мѣдныхъ, и только незначительная ихъ часть разрабатывается въ настоящее время, съ избыткомъ удовлетворяя нуждамъ промышленности. Иногда желѣзныя руды встрѣчаются въ видѣ

огромныхъ скопленій, одно изъ которыхъ представляетъ собою извѣстная гора Магнитная, заключающая въ себѣ, по приблизительному подсчету, 3 милліарда пудовъ желѣзняка.

Зарожденіе горнаго дѣла въ Приуральѣ относится къ доисторическимъ временамъ къ эпохѣ загадочной Приуральской Чуди. Въ историческій періодъ начало горнаго промысла въ Приуральѣ относится къ 15-му вѣку, когда посадскіе люди Калинниковы, первые пермскіе солепромышленники, стали добывать соляные разсолы изъ колодцевъ на рр. Усолкѣ и Боровой. Первая же попытка правительства развить горный промыселъ въ Россіи относится къ 1491 году, когда съ нѣмцами во главѣ была отправлена на Уралъ цѣлая экспедиція для отысканія рудъ, закончившаяся находкой на р. Цыльмѣ мѣдной и серебряной руды. Однако рѣшающую роль въ развитіи горнаго дѣла въ краѣ сыграла та же соляная промышленность, способствовавшая оживленію и быстрому заселенію Приуралья особенно съ того времени, когда здѣсь появились Строгановы, которымъ въ 1517 году Іоанномъ Грознымъ была дана грамота, разрѣшавшая устройство въ Сольвычегорскѣ соляныхъ варницъ. Въ 1558—68 гг. во владѣніе Строгановыхъ были отданы земли по Камѣ и Чусовой. Съ этого времени начинается знакомство русскихъ съ новымъ краемъ, которое, между прочимъ, повело и къ открытію различныхъ рудныхъ мѣсторожденій, а затѣмъ и къ основанію первыхъ уральскихъ горныхъ заводовъ. Въ самомъ началѣ горная промышленность носила чисто кустарный характеръ и состояла въ примитивной обработкѣ прежде всего желѣзныхъ рудъ, при чемъ выплавка ихъ производилась въ небольшихъ печахъ, напоминавшихъ обыкновенные кузнечные горны. Получаемое при этомъ желѣзо подвергалось дальнѣйшей, довольно грубой, обработкѣ. Въ 1628 году на рѣкѣ Ницъ однимъ мѣстнымъ жителемъ-татариномъ были найдены залежи желѣзной руды, и это открытіе положило начало перваго желѣзодѣлательнаго завода на Уралѣ, который возникъ въ 1631 году на той же рѣкѣ Ницѣ и былъ названъ Ницинскимъ. Однако, несмотря на обиліе руды въ окрестностяхъ, этотъ заводъ быстро заглохъ и на смѣну его былъ выстроенъ въ 1669 г. другой заводъ — Невьянскій въ Верхотурскомъ уѣздѣ. Просуществовавъ около 20 лѣтъ, онъ

также прекратилъ свою дѣятельность. Первымъ же заводомъ на Уралѣ, въ которомъ была устроена доменная печь для выплавки чугуна, былъ заводъ того же имени — Невьянскій, основанный въ 1699 году и отданный на извѣстныхъ условіяхъ во владѣніе тульскаго кузнеца Никиты Антуфьева Демидова, имя котораго такъ тѣсно связано съ возникновеніемъ и широкимъ развитіемъ горнаго промысла въ Приуральскомъ краѣ. Съ основаніемъ Невьянскаго завода горное дѣло на Уралѣ становится на прочную почву, начинаетъ развиваться и получаетъ понемногу большое государственное значеніе. Мѣры Петра I, направленныя на улучшеніе горнозаводской промышленности, обезпечиваютъ ея дальнѣйшій ростъ. Въ 1700 году учреждается „приказъ рудныхъ дѣлъ“, обязанностью котораго было собираніе свѣдѣній о мѣсторожденіяхъ рудъ, попеченіе объ устройствѣ заводовъ и управленіе ими. Выписываются изъ заграницы опытные мастера горнаго дѣла и отправляются за границу русскіе для обученія горному промыслу. Устроителямъ и владѣльцамъ заводовъ даруются всякіяль готы и привилегіи, они получаютъ право покупать нужныхъ для работъ на заводахъ людей, отводить себѣ участки лѣсовъ и пр. Закономъ 1719 года о свободѣ горнаго промысла (Бергъ-привилегіи) Петръ завершаетъ горное законодательство. Благодаря этому закону, по которому добыча и обработка металловъ была предоставлена всякому желающему безъ какихъ либо ограниченій, горнозаводское дѣло быстро двинулось впередъ. При Петрѣ общее количество заводовъ на Уралѣ уже достигаетъ 30 съ выплавкой почти въ семь милліоновъ пудовъ, а въ 1767 году Уралъ уже покрытъ настоящей сѣтью заводовъ, число которыхъ доходило до 140. Однако быстрый подъемъ желѣзодѣлательной промышленности въ началѣ и въ серединѣ 18-го вѣка, прекращается къ началу 19-го вѣка, когда міровая промышленность стала дѣлать гигантскіе успѣхи. Производительность Урала начинаетъ падать — наступаетъ кризисъ, который усиливается къ концу столѣтія и продолжаетъ, замѣчаться и теперь.

Упадокъ горнаго дѣла, слѣдовавшій за его необыкновенно быстрымъ въ началѣ развитіемъ, былъ вызванъ различными причинами, изъ которыхъ главными являются:

отмѣна въ 1782 году закона о свободѣ горнаго промысла, безконтрольная раздача частнымъ лицамъ не только обширныхъ пространствъ земли, богатой рудами и лѣсомъ, но и заводовъ, построенныхъ и оборудованныхъ казною и, наконецъ, массовая приписка къ заводамъ крестьянскаго, до того времени свободнаго, населенія. Раньше заводовладѣльцы получали земли лишь столько, сколько это было необходимо для успѣшнаго дѣйствія самого завода, а теперь за ними было признано право брать земли „по усмотрѣнію, сколько къ какому заводу за потребное признано будетъ.“ Получая во владѣніе огромныя количества рудосодержащихъ земель и богатые лѣсомъ участки, владѣлецъ ихъ обязывался отдавать казнѣ извѣстную часть вырабатываемаго на заводѣ продукта и платить нѣкоторую, незначительную сумму за пользованіе заводомъ. Такъ создались въ Приуральскомъ краѣ такъ наз. посессіонные заводы, первымъ образчикомъ которыхъ и былъ заводъ, предоставленный во владѣніе Никитѣ Антуфьеву Демидову. Въ настоящее время посессіонные заводы сохранились исключительно въ роду того же Демидова, — остальные всѣ перекуплены. На ряду съ посессіонными заводами на Уралѣ существуетъ и много заводовъ частныхъ лицъ. Эти заводы съ принадлежащими имъ землями возникли послѣ присоединенія области Южнаго Урала — башкирскихъ земель, которыя покупались за ничтожныя суммы. Такъ напр. создались владѣнія Нязепетровскаго завода, для котораго было пріобрѣтено 70.000 дес. земли за 30 р.

Неисчерпаемые запасы разнообразныхъ рудъ и другихъ полезныхъ ископаемыхъ, неистощимое богатство топлива, обширныя хозяйственныя угодія, и, наконецъ, даровой трудъ человѣка — все, казалось бы, должно было поднять на недосягаемую высоту производительность Уральскихъ заводовъ. Однако эти благопріятныя условія привели къ обратнымъ результатамъ. Получивъ огромныя богатства почти даромъ, владѣльцы заводовъ смотрѣли на нихъ исключительно съ точки зрѣнія непрерывнаго обогащенія, не умѣя и не желая заботиться объ улучшеніи и развитіи самого дѣла. Хозяинъ завода въ большинствѣ случаевъ даже не видѣлъ своихъ владѣній, предоставляя управленіе заводомъ различнымъ, часто

Симскій заводъ.

малограмотнымъ и несвѣдующимъ въ горномъ дѣлѣ людямъ, заботившимся исключительно о личной выгодѣ. Крайняя безпорядочность въ заводоуправленіи, хищническая эксплоатація огромныхъ минеральныхъ и лѣсныхъ богатствъ, истощеніе матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія заводскаго хозяйства и, наконецъ, подневольный трудъ не свободныхъ людей, отданныхъ во власть отдѣльныхъ лицъ — все это медленными, но вѣрными шагами вело большинство заводовъ Урала къ неизбѣжному банкротству. Реформа освобожденія крестьянъ ускорила уже нарождавшійся кризисъ Уральской горнозаводской промышленности. Быстрый упадокъ ея съ этого момента продолжается и до сихъ поръ; тяжелое современное положеніе горнаго дѣла на Уралѣ — расплата за ошибки прошлаго.

Въ данный моментъ положеніе промышленности Урала особенно серьезно. Многіе заводы наканунѣ полной ликвидаціи своего производства; рабочіе на нихъ продолжительное время не получаютъ вознагражденія за свой трудъ, переживая острую нужду, благодаря чему расшатывается ихъ и безъ того скудное хозяйство. Производительность Урала значительно понизилась, уступивъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто промышленному раіону юга Россіи, что видно изъ слѣдующаго сопоставленія: въ 1890 г. на Уралѣ было выплавлено 24 мил. пуд. чугуна, а на югѣ 13,2 м. п.; въ 1896 г. на Уралѣ выплавлено 39,9 м. п., а на югѣ 38,7 м. п.; въ 1907 г. на Уралѣ было выплавлено 38,5 м. п., на югѣ уже 111 м. пудовъ. Въ связи съ этимъ упала и общая цѣнность различныхъ продуктовъ промышленности Урала. Такъ цѣнность всѣхъ продажныхъ Уральскихъ металловъ еще въ 1899 году равнялась суммѣ въ 75.500.000 рублей, тогда какъ въ 1908 году она достигала лишь 65.000.000 р.

А между тѣмъ естественныя богатства Урала колоссальны. Трудно найти другой горнопромышленный раіонъ, гдѣ бы богатство и разнообразіе полезныхъ ископаемыхъ соединялось съ такими благопріятными условіями ихъ эксплоатаціи. И несмотря на это, его богатства, которыя могли бы составить благополучіе сотенъ тысячъ людей, не могутъ обезпечить имъ даже куска насущнаго хлѣба.

Однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ полезныхъ ископаемыхъ Приуральскаго края является золото, добыча котораго изъ золотоносныхъ песковъ началась здѣсь еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Мѣсторожденія золота на Уралѣ находятся преимущественно на восточномъ склонѣ горъ, группируясь здѣсь въ Среднемъ Уралѣ и въ сѣверной части Южнаго; на западномъ склонѣ онѣ встрѣчаются крайне рѣдко, да и то вблизи водораздѣла, отличаясь при этомъ незначительными размѣрами и бѣднымъ содержаніемъ драгоцѣннаго металла. Золотоносныя розсыпи Приуралья во многихъ отношеніяхъ уступаютъ розсыпямъ восточной Сибири; однако благопріятныя условія ихъ залеганія, многочисленность мѣсторожденій въ связи съ постепенно улучшающимися способами ихъ разработки обезпечиваютъ въ дальнѣйшемъ развитіе добычи золота въ краѣ. Розсыпи встрѣчаются обыкновенно въ глубокихъ логахъ, въ долинахъ рѣкъ, иногда по скатамъ горъ и имѣютъ большею частью небольшіе размѣры, рѣдко протягиваясь въ длину на нѣсколько верстъ; ширина ихъ также не велика, лишь мѣстами достигая нѣсколькихъ десятковъ саженъ; въ глубокихъ логахъ или ущельяхъ между возвышенностями розсыпи, не отличаясь своими размѣрами, въ большинствѣ случаевъ очень богаты; напротивъ, на ровныхъ площадяхъ онѣ занимаютъ довольно большія пространства, но бѣдны золотомъ. Толщина золотоносныхъ пластовъ очень различна, отъ 1 вершка до 2 саженъ и болѣе. Обыкновенно пески, содержащіе золото, лежатъ не глубоко, будучи покрыты слоемъ торфа или растительной земли; иногда же они залегаютъ на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ и тогда требуютъ уже подземной разработки. Въ золотоносномъ пескѣ, который обыкновенно бываетъ красноватаго цвѣта, золото безпорядочно разсѣяно въ видѣ небольшихъ крупинокъ и листочковъ, незамѣтныхъ для глаза; однако въ нѣкоторыхъ розсыпяхъ попадаются и довольно крупные его куски, такъ наз. самородки, достигающіе иногда огромнаго вѣса. Одинъ изъ такихъ самородковъ вѣсомъ въ 2 п. 7 ф. 68 зол. былъ найденъ въ 1843 году въ Царево-Александровской розсыпи въ Міасской дачѣ на Южномъ Уралѣ. Вмѣстѣ съ золотомъ въ розсыпяхъ зачастую попадается платина и различные

минералы, вродѣ желѣзнаго блеска, бураго и магнитнаго желѣзняка, титанистаго желѣза, кристаллы топаза и халцедона и многихъ другихъ. Мѣстами здѣсь же встрѣчаются зубы и кости мамонта, ископаемаго носорога, большерогаго оленя, указывая такимъ образомъ на время образованія большинства золотыхъ розсыпей Урала, возникшихъ въ такъ наз. постъ-пліоценовый періодъ. На всемъ своемъ протяженіи розсыпь обыкновенно не одинаково богата золотомъ и наиболѣе цѣнными являются тѣ мѣста ея, гдѣ золото скопляется въ видѣ такъ наз. гнѣздъ. Еще недавно на Уралѣ не разрабатывались розсыпи, въ которыхъ содержаніе золота было меньше 1 золотника на 100 пуд. песку; въ настоящее же время благодаря работѣ особыхъ машинъ, такъ наз. драгъ, розсыпь съ содержаніемъ въ 18—19 долей золота признается уже годной для эксплоатаціи.

Золотоносныя розсыпи возникали путемъ разрушенія такъ наз. коренныхъ или первичныхъ мѣсторожденій металла. Въ однихъ случаяхъ матеріалъ, получившійся при разрушеніи, не былъ перенесенъ на далекое разстояніе отъ мѣста своего возникновенія и находится вблизи той золотосодержащей породы, которая дала ему начало. Въ другихъ случаяхъ вода, размывая разрушавшуюся породу, въ то же время переносила ея частицы и отлагала въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сила теченія замѣтно уменьшалась. Прихотливыя излучины потоковъ, несшихъ въ своихъ водахъ вмѣстѣ съ другимъ матеріаломъ и частицы драгоцѣннаго металла, самое строеніе долинъ и пр. вызывали мѣстами измѣненіе скорости теченія и способствовали здѣсь обильному отложенію песка и галекъ, среди которыхъ обыкновенно въ большомъ количествѣ встрѣчается и золото. Иногда въ долину главнаго потока вливались притоки и въ мѣстахъ ихъ сліянія возникали отложенія золотоносныхъ песковъ. Вотъ почему розсыпи такъ различны въ разныхъ мѣстахъ по содержанію въ нихъ золота, состоя въ то же время иногда изъ цѣлаго золотоноснаго бассейна, захватывая главную долину и ея боковыя вѣтви.

Первая золотоносная розсыпь была открыта въ Приуральскомъ краѣ крестьяниномъ Московскаго уѣзда Ерофѣемъ Марковымъ въ 1724 году. Отыскивая горный хрусталь въ

окрестностяхъ деревни Шарташа вблизи Екатеринбурга, онъ случайно нашелъ въ вырытой ямѣ куски кварца съ вкрапленными въ нихъ желтыми, блестящими металлическими зернами и нѣсколько отдѣльныхъ крупинокъ того же металла. По указанію Маркова, доставившаго свою находку въ Екатеринбургскую горную канцелярію, были начаты развѣдки на золото, не давшія вначалѣ никакихъ положительныхъ результатовъ, благодаря незнакомству какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ штейгеровъ съ разработкой розсыпей, которыя въ Европѣ эксплоатировались въ то время только въ Венгріи. Маркова даже заподозрили въ томъ, что онъ утаиваетъ настоящее мѣсторожденіе и къ нему были примѣнены довольно суровыя мѣры наказанія. Наконецъ, послѣ многихъ попытокъ добычи золота, оно было найдено въ довольно большомъ количествѣ въ мѣстахъ, указанныхъ Марковымъ. Здѣсь былъ заложенъ первый рудникъ, изъ рудъ котораго золото вначалѣ извлекали плавкою и, наконецъ, оно стало добываться путемъ промывки на Уктусскомъ желѣзномъ заводѣ, гдѣ были устроены толчеи и промывальни. Вслѣдъ за этимъ вскорѣ были найдены богатыя жильныя мѣсторожденія золота по р. Березовкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время находится извѣстный Березовскій заводъ. На отысканіе же золотоносныхъ розсыпей, обильныхъ здѣсь, въ то время совершенно не обратили вниманія, хотя онѣ могли бы легко дать значительное количество драгоцѣннаго металла. Только впослѣдствіи, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Екатеринбургскаго округа въ началѣ 1800-хъ годовъ были найдены многочисленныя золотыя розсыпи, добываніе жильнаго золота, увеличившееся въ то время до 20 п. въ годъ, стало значительно сокращаться, а вмѣстѣ съ этимъ начала увеличиваться и промывка золотоносныхъ песковъ.

Въ настоящее время, однако, на Уралѣ начинаетъ понемногу развиваться и разработка жильныхъ мѣсторожденій золота благодаря истощенію многихъ розсыпей, изъ которыхъ добыча золота стоитъ гораздо дешевле и не требуетъ никакихъ особыхъ приспособленій, вродѣ дорого стоящихъ машинъ и пр. Жильныя или коренныя мѣсторожденія золота встрѣчаются на Уралѣ во многихъ мѣстахъ, отъ его сѣверныхъ предѣловъ

и до степей юга Оренбургской губерніи, и отличаются богатствомъ золота. Носителями золота являются обыкновенно жилы кварца, которыя прорѣзываютъ различныя изверженныя породы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ золото встрѣчается вкрапленнымъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ горныя породы, напр., въ гранитъ, известняки, змѣевики и пр. Въ кварцевыхъ жилахъ золото находится въ видѣ неправильныхъ зернышекъ, блестковъ, тонкихъ пластинокъ, какъ бы вросшихъ въ кварцъ или въ другіе минералы, зачастую встрѣчающіеся вмѣстѣ съ нимъ, въ свинцовомъ блескѣ, въ буромъ желѣзнякѣ и пр.

Золото, добытое въ шахтахъ, которыя въ поискахъ жилъ часто углубляются довольно глубоко въ землю, подвергается обработкѣ, имѣющей цѣлью отдѣлить его отъ пустой породы. Для этого золотоносная руда сначала дробится посредствомъ особыхъ машинъ, гдѣ большія ея куски измельчаются до величины орѣха и меньше. Затѣмъ раздробленная руда поступаетъ для дальнѣйшей обработки въ такъ наз. толчейные ставы, которые представляютъ собою рядъ длинныхъ вертикальныхъ брусьевъ значительнаго вѣса, двигающихся попеременно вверхъ и внизъ и окончательно размельчающихъ руду въ находящихся подъ ними толчейныхъ ящикахъ. Сюда же впускается сильная струя воды, которая, захватывая размельченныя частицы вмѣстѣ съ золотомъ, уноситъ ихъ по длиннымъ ящикамъ, называемыми шлюзами. Эти шлюзы состоятъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ, узкихъ деревянныхъ желобовъ, соединяющихся на концахъ одинъ съ другимъ. На днѣ этихъ желобовъ находятся многочисленные поперечные бруски, которые удерживаютъ землистыя частицы и золото. Такъ какъ благодаря довольно грубому способу отмывки металла, золото не все можетъ задерживаться въ шлюзахъ, то во избѣжаніе этого его собираютъ посредствомъ ртути, которая помѣщается непосредственно въ углубленіяхъ шлюзовъ. Иногда металлическая ртуть замѣняется мѣдными амальгамированными листами, дѣйствующими на золото аналогично ртути.

Дальнѣйшая обработка золота, имѣющая цѣлью его окончательное очищеніе, производится различными способами, изъ которыхъ наиболѣе употребительнымъ является такъ наз.

амальгамація, т. е. раствореніе золота въ ртути, изъ которой оно потомъ удаляется посредствомъ перегонки.

Коренныя мѣсторожденія золота очень многочисленны въ Приуральскомъ краѣ и каждый изъ горныхъ округовъ насчитываетъ ихъ десятками. Однако разрабатываются изъ нихъ далеко не всѣ, съ одной стороны вслѣдствіе малаго содержанія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ золота, а съ другой и вслѣдствіе преобладающей вообще на Уралѣ эксплоатаціи главнымъ образомъ розсыпныхъ мѣсторожденій. Самымъ сѣвернымъ изъ нихъ въ Приуральѣ является недавно открытая свита золотосодержащихъ кварцевыхъ жилъ на р. Цишерѣ. Въ Богословскомъ горномъ округѣ коренныя мѣсторожденія, несмотря на свою многочисленность, отличаются небольшимъ содержаніемъ золота. Въ Гороблагодатскомъ округѣ до послѣдняго времени разрабатывалось только одно мѣсторожденіе. Въ окрестностяхъ Екатеринбурга, гдѣ получило начало развитіе добычи золота въ краѣ, извѣстны многія надежныя мѣсторожденія и среди нихъ особенно выдаются таковыя Березовскаго завода. Здѣсь обильныя золотомъ кварцевыя жилы встрѣчаются въ характерной для мѣстности породѣ — березитѣ, представляющимъ собою мелкозернистый кварцевый порфиръ и въ такъ наз. красикѣ, сильно измѣненномъ сланцѣ. Жилы, рѣдко превышающія шириною 2—3 вершка, иногда уходятъ на значительную глубину, при чемъ содержаніе золота въ нихъ также уменьшается съ глубиною. На всѣхъ Березовскихъ мѣсторожденіяхъ въ 1909 году было добыто около 62 пуд. золота. Въ южномъ Уралѣ особенною извѣстностью пользуются мѣсторожденія Міасской казенной дачи, въ которой находится около 25 золотыхъ пріисковъ. Въ Троицкомъ у. Оренбургской губ. находится одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ на всѣмъ Уралѣ мѣсторожденій, такъ наз. Качкарская система золотыхъ пріисковъ, гдѣ мощность золотосодержащихъ жилъ доходитъ иногда до 2 арш. и болѣе.

Гораздо большее количество золота на Уралѣ добывается разработкой его розсыпей. Для этого не нужно ни большихъ затратъ на дорого стоющія машины, ни особаго знанія дѣла, которое ведется сравнительно просто и даже безъ особаго риска потери небольшого затраченнаго капитала. Вдо-

бавокъ къ услугамъ владѣльца пріисковъ всегда массы бѣднаго люда, „старателей“, которыхъ гонитъ на работу часто безысходная нужда. Правда, при „старательской“ разработкѣ россыпи изъ нея нельзя получить того количества золота какъ при пользованіи машинами. И это вполнѣ понятно, такъ какъ изнуряемый тяжелымъ трудомъ, полунищій „старатель“, которому платятъ лишь за добытое имъ золото, промываетъ только богатые золотомъ пески, оставляя безъ вниманія пески, болѣе бѣдные металломъ.

Обнаруживъ присутствіе золота гдѣ-нибудь въ долинѣ рѣки, въ логу или въ глубокомъ оврагѣ, закладываютъ „шурфы“, или глубокія ямы и вынутую изъ нихъ землю промываютъ, опредѣляя такимъ образомъ содержаніе золота, и если послѣдняго въ 100 п. песку наберется до 1 золотника, то разработка можетъ считаться обезпеченной и давать барышъ владѣльцу пріиска. Такъ какъ золотоносный пластъ сверху часто прикрытъ слоемъ „пустой“ породы, то сначала снимаютъ послѣдній, чтобы добраться до такъ наз. рѣчника, т. е. краснаго песку, который обыкновенно и содержитъ золото. Неизмѣнными спутниками крупинокъ металла въ пескѣ служатъ бѣлая кварцевая гальпа и частицы магнитнаго желѣзняка, называемаго чернымъ шлихомъ. Иногда золотоносный слой такъ близокъ къ поверхности, что среди песчинокъ, обволакивающихъ корни деревьевъ, разсѣяны крупинки золота, или даже небольшіе самородки.

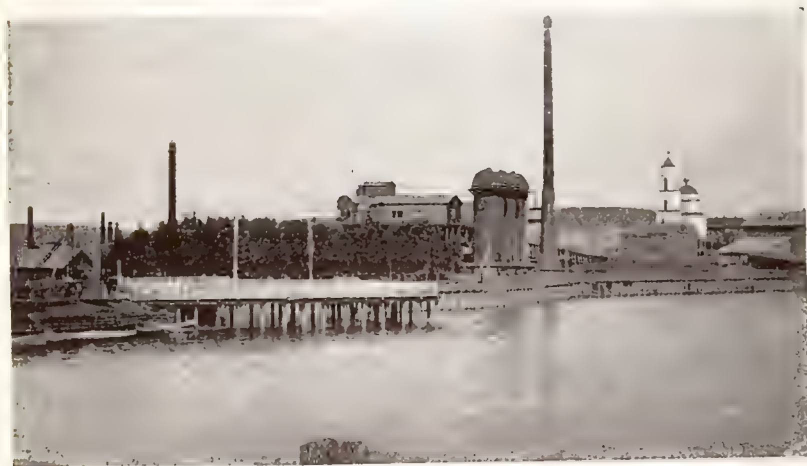
Весь добываемый золотоносный песокъ подвергаютъ промывкѣ, чтобы выдѣлить изъ него драгоцѣнный металлъ. Для этой цѣли устраиваются незатѣйливые деревянные желоба или вашгерды, перегороженные поперечными брусками на нѣсколько ящиковъ. Въ верхнюю часть вашгерды, или его „головку“ непрерывно насыпаютъ песокъ, въ одинъ пріемъ отъ 2-хъ до 3-хъ и болѣе пудовъ, и пускаютъ быструю струю воды, протекающую сначала сквозь укрѣпленный надъ вашгердомъ грохотъ, который иногда, впрочемъ, отсутствуетъ. Быстрая струя воды взмучиваетъ песокъ, что усиливается еще и помѣшиваніемъ песка небольшими лопатками, уноситъ мелкій песокъ и глину, а болѣе крупныя и тяжелыя крупинки задерживаются поперечными брусками вашгерда. Послѣ нѣ-

сколькихъ промывокъ въ переднемъ концѣ вашгерда собирается, наконецъ, только тяжелый песокъ, состоящій изъ крупинокъ магнитнаго желѣзняка, среди которыхъ разсѣяно и золото. За первой промывкой слѣдуетъ такая же вторая, третья и т. д. и каждая изъ нихъ оканчивается полученіемъ такого же тяжелаго желѣзистаго песка. Получивъ его достаточное количество, производятъ окончательную „смывку" вашгерда, для чего вынимаютъ одинъ изъ его брусковъ, снова пускаютъ струю воды и, промывъ оставшійся песокъ до полученія имъ однообразнаго сѣраго цвѣта, („сѣрый шлихъ") собираютъ его и переносятъ въ такъ наз. очистительный вашгердъ, гдѣ послѣ нѣсколькихъ, тщательныхъ промывокъ, остается уже окончательный продуктъ „черный шлихъ". Этотъ продуктъ сначала высушиваютъ, а затѣмъ крупинки магнитнаго желѣзняка отдѣляютъ отъ золота магнитомъ, или же ртутью, которая съ золотомъ даетъ амальгаму, изъ которой металлическое золото легко добывается перегонкой.

$^{3}/_{4}$ всего золота, которое даетъ Уралъ, добывается изъ розсыпей преимущественно „старателями", которые за свой, подчасъ истинно каторжный, трудъ получаютъ сравнительно немного, иногда $1^{1}/_{2}$—2 рубля, при чемъ этотъ заработокъ падаетъ на цѣлую артель, самой мелкой единицей которой является артель-семья, состоящая иногда изъ 2—3 человѣкъ. Часто въ артель соединяются самые разнородные элементы пришлаго, но всегда, крайнѣ бѣднаго люда. Нерѣдко въ краѣ всѣ поголовно жители какой-нибудь деревни занимаются исключительно добываніемъ золота. До семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія вся добыча этого металла находилась въ рукахъ казны и только впослѣдствіи право заниматься имъ было предоставлено частнымъ лицамъ, которые все добываемое ими золото обязаны представлять казнѣ. Артели „старателей" зачастую берутъ разработку розсыпей за свой рискъ, но большинство ихъ живетъ все-таки на пріискахъ у богатыхъ владѣльцевъ, среди тяжелой обстановки. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ Уральскихъ пріисковъ Маминъ-Сибирякъ: „Съ крыльца пріисковой конторы пріискъ представляетъ глубокій оврагъ, сдавленный съ обѣихъ сторонъ довольно высокими лѣсистыми горками; по самому дну этого

Садкинскій заводъ.

Садкинскій заводъ.

лога прихотливыми извивами катится Панья. Сейчасъ за конторой, которая занимаетъ пригорокъ, берега Паньи на протяженіи двухъ верстъ изрыты на всѣ лады, точно здѣсь прошелъ какой-то гигантскій кротъ. Вообще вся эта масса изрытой безъ всякаго плана и порядка земли походитъ скорѣе на слѣпую работу стихійныхъ силъ, чѣмъ на результатъ труда разумно-свободнаго существа. По бокамъ пріиска тянутся грядой громадныя свалки изъ верховыхъ пластовъ, не содержащихъ золота; желтые валы перемывокъ, т. е. промытаго песку, чередуются съ глубокими выработками, гдѣ добывается золотоносный песокъ, съ рядами шурфовъ, походящихъ на только что вырытыя могилы, и небольшими мутными прудками, которые Панья образовала тамъ и сямъ по своему теченію. Мутная вода этихъ прудовъ при помощи канавъ и деревянныхъ желобовъ проведена къ самымъ далекимъ частямъ пріиска, гдѣ поднимаются перемывки и свалки".

„Присутствіе людей оживляло всю картину и при яркомъ солнечномъ освѣщеніи дѣлало ее даже красивой, какъ проявленіе самой кипучей человѣческой дѣятельности. Пестрыя кучи старателей были разсыпаны по всему пріиску; по нимъ можно было опредѣлить положеніе вашгердовъ, на которыхъ совершалась промывка песковъ. Въ выработкахъ, куда въѣзжали и выѣзжали прісковыя двухколесныя телѣжки-таратайки, можно было разсмотрѣть только однѣ мужскія головы въ валяныхъ шляпахъ и фуражкахъ, а около вашгердовъ суетилась голосистая пестрая толпа женщинъ".

„Въ глубинѣ пріиска, гдѣ дорогу Паньѣ загородила невысокая каменистая горка, виднѣлась довольно сложная золотопромывальная машина; издали можно было разобрать только ряды стоекъ и перекладинъ, водяное колесо и крутой подъемъ, по которому подвозились на машину пески. По бокамъ пріиска, подъ прикрытіемъ дремучаго ельника, лѣпились старательскіе балаганы и землянки; кое-гдѣ около нихъ курились веселые огоньки и суетились женщины, а въ густой зеленой травѣ, на которой паслись спутанныя лошади, мелькали бѣлыя дѣтскія головки".

„Пріискъ вблизи былъ совсѣмъ не то, чѣмъ онъ казался издали. Издали свалки, перемывки, выработки, шурфы, ка-

навы, кучи песку и галекъ—все это напоминало работу сумасшедшаго. Нужно было пройти прiискъ изъ конца въ конецъ, и только тогда открывался въ этомъ безпорядкѣ порядокъ, и вся масса затраченнаго человѣческаго труда освѣщалась разумною мыслью. Точно такъ же и относительно старателей. Главное впечатлѣнiе производила необыкновенная пестрота собравшагося здѣсь народа. И кого-кого только не было на прiискѣ: мастеровые съ горныхъ заводовъ, старовѣры изъ глухихъ лѣсныхъ деревень по р. Чусовой, случайные гости на прiискѣ—вороняки, т. е. переселенцы изъ Воронежской губернiи, которые попали сюда, чтобы заработать себѣ необходимыя деньги на далекiй путь въ Томскую губернiю; нѣсколько десятковъ башкиръ, два вогула и та спецiальная прiисковая рвань, какую вы встрѣтите на каждомъ прiискѣ, на всемъ пространствѣ отъ Урала до Великаго океана. Этотъ гулящiй, бездомный, разношерстный людъ есть порожденiе безтолковой прiисковой жизни и составляетъ настоящую язву, корень всяческихъ золъ".

„На первый взглядъ кажется, что всѣ эти люди, загнанные сюда на прiискъ со всѣхъ концовъ Россiи однимъ могучимъ двигателемъ — нуждою, безтолково смѣшались въ одну пеструю массу прiисковыхъ рабочихъ; но, вглядываясь внимательнѣе въ кипучую жизнь прiиска, мало-по-малу выясняешь себѣ главныя основы, на которыхъ держится все. Этой основой является артельное начало".

Количество добываемаго на Уралѣ золота значительно, но все таки оно на много уступаетъ тѣмъ огромнымъ массамъ этого металла, которое получается съ прiисковъ Сибири. Въ общемъ добыча уральскаго золота постепенно падаетъ, что особенно замѣтно на томъ его количествѣ, которое получается изъ розсыпей. Даже превышенiе количества этого металла, добытаго въ 1909 году — 491 пудъ — надъ таковымъ же въ 1908 году — 441 пудъ — не измѣняетъ дѣла и можетъ быть разсматриваемо, какъ временное. Причиной уменьшенiя добычи этого металла является выработка прежнихъ мѣсторожденiй; однако примѣненiе въ послѣднее время драгъ, которыми можно, во-первыхъ, перерабатывать прежнiя, уже бро-

шенныя розсыпи, а во-вторыхъ, вести добычу даже и подъ водой, въ рѣкахъ, обезпечитъ быть, можетъ, будущность этому способу разработки розсыпного золота. Къ сожалѣнію, въ январѣ 1909 закрытъ безпошлинный ввозъ изъ заграницы механизмовъ для золотого дѣла, а большинство драгъ до сихъ поръ было заграничныхъ и только два завода въ Россіи — Путиловскій и Невьянскій, которымъ и принадлежитъ, между прочимъ, первая попытка изготовленія приспособленныхъ для мѣстныхъ условій на Уралѣ драгъ, и приготовляли эти дорого стоющія машины. Развитію добычи золота изъ коренныхъ мѣсторожденій мѣшаетъ къ тому же почти полное отсутствіе на Уралѣ такихъ путей сообщенія, которые бы соединяли мѣста добычи каменнаго угля съ мѣстами его потребленія.

Подобно золоту, но гораздо рѣже его, встрѣчается въ розсыпяхъ и платина. Ее, справедливо, можно назвать настоящимъ уральскимъ металломъ, такъ какъ изъ всего количества платины, добываемаго на земномъ шарѣ, 95 % падаетъ на долю Урала. Платина очень часто встрѣчается въ золотыхъ розсыпяхъ, но промышленное значеніе въ этихъ случаяхъ она получаетъ только тогда, когда количественно преобладаетъ надъ золотомъ. Коренныхъ мѣсторожденій платины, достойныхъ разработки, пока еще не найдено на Уралѣ и только тамъ, гдѣ развитъ оливинъ, одна изъ распространенныхъ на Уралѣ породъ, часто попадаются отдѣльныя „гнѣзда" этого цѣннаго металла. Въ настоящее время наиболѣе извѣстными розсыпями платины считаются — одно въ округѣ Тагильскихъ заводовъ, а другое въ бассейнахъ рѣкъ Иса и Туры, въ округѣ Гороблагодатскомъ. Разработка платины въ Тагильскомъ округѣ началась еще въ 1824 г., когда здѣсь изъ 100 п. песку добывали до 40 зол. металла, количество, неслыханное, напр. для золота. Въ настоящее время тагильскія розсыпи уже настолько выработаны, что даютъ металла гораздо меньше, чѣмъ розсыпи по Турѣ. Еще въ 1903 году платины на Уралѣ было добыто 366 п. 25 ф., а въ 1908 г. уже только 298 п. 12 ф.; въ 1909 г. Уралъ далъ этого драгоцѣннаго металла 312 п. 25 ф.

Огромная будущность предстоитъ добыванію и разработкѣ на Уралѣ мѣдныхъ рудъ, которыхъ и въ настоящее

время получается ежегодно около полумилліона пудовъ (въ 1908 г. 520.644 п., въ 1909 г. 494.303 п.). Наибольшей извѣстностью эти руды пользуются въ Богословскомъ горномъ округѣ, гдѣ онѣ были открыты еще въ 18-мъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ стали разрабатываться верхотурскимъ купцомъ Максимомъ Походяшинымъ, однимъ изъ тѣхъ энергичныхъ и беззавѣтно преданныхъ дѣлу людей, которымъ обязана своимъ развитіемъ горнозаводская промышленность края.

Первое мѣсто по добычѣ и выплавкѣ мѣдныхъ рудъ принадлежитъ Богословскому заводу, одиноко затерявшемуся среди горъ и лѣсовъ сѣвернаго Приуралья. Двѣ невысокія сопки поднимаются надъ долиной быстрой Турьи, на берегахъ которой красиво раскинулся заводъ. Поднимитесь на одну изъ нихъ и передъ вами развернется прелестный, нѣсколько суровый видъ на предгорья и вершины Урала, который темной стѣной встаетъ на западѣ. Одинъ за другимъ поднимаются на немъ Лялинскій и Павдинскій камни, а надъ ними господствуетъ огромный Конджаковскій камень съ бѣлѣющей большую часть года снѣгомъ вершиной; далеко на сѣверѣ синѣетъ массивный Денежкинъ камень. По скатамъ горъ щетинится темный хвойный лѣсъ, а пятна снѣга, все лѣто лежащія по впадинамъ и ущельямъ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ зеленью лѣса.

Было время, когда эта суровая мѣстность служила мѣстомъ ссылки для рабочихъ другихъ заводовъ. Вотъ почему, особенно въ первые годы по освобожденіи, большая часть людей, привязанныхъ къ заводу, поспѣшила покинуть этотъ пустынный, бездорожный, угрюмый край, гдѣ земледѣліе почти невозможно, гдѣ нѣтъ даже хорошихъ луговъ, а суровый климатъ и трудная работа въ рудникахъ надрывали здоровье.

При началѣ разработокъ на Богословскомъ заводѣ пользовались очень высокими по достоинству мѣдными рудами, содержавшими до 15 % металла. Но съ углубленіемъ рудниковъ попадались всѣ болѣе и болѣе бѣдныя руды и въ настоящее время содержаніе въ нихъ мѣди понизилось по крайней мѣрѣ въ пять разъ. На ряду съ самородной мѣдью, которая попадается иногда въ видѣ глыбъ въ нѣсколько

Нижне-Тагильскій пріискъ.

Ст. Миньяръ. Склады желѣза.

пудовъ, здѣсь встрѣчаются разнообразныя мѣдныя руды, изъ которыхъ наибольшимъ распространеніемъ пользуются такъ наз. мѣдный колчеданъ и малахитъ. Вслѣдствіе бездорожья, доставка мѣди, выплавляемой заводомъ, сильно затруднена, что значительно удорожаетъ стоимость этого важнаго продукта современной промышленности.

Кромѣ Богословскаго завода, мѣдныя руды добываются и во всѣхъ другихъ горныхъ округахъ Приуралья, но наибольшую важность изъ нихъ имѣютъ мѣсторожденія Нижне-Тагильскихъ заводовъ.

Гораздо большимъ распространеніемъ, чѣмъ мѣдь, пользуются по всему Приуралью желѣзныя руды, имѣющія къ тому же и наибольшее значеніе въ горнозаводской промышленности, благодаря приготовленію изъ нихъ желѣза, стали и чугуна, главнаго продукта дѣятельности Уральскихъ заводовъ. Желѣзныя руды встрѣчаются во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ, однако самой распространенной изъ нихъ является такъ наз. бурый желѣзнякъ, который доставляетъ огромное количество выплавляемаго чугуна. Но если бурый желѣзнякъ попадается въ тысячахъ мѣсторожденій, за то магнитный желѣзнякъ образуетъ такія колоссальныя скопленія руды, какъ гора Благодать, Высокая и Магнитная, пользующіяся всемірной извѣстностью. Остальныя видоизмѣненія желѣзныхъ рудъ, каковы, напр., красный желѣзнякъ и желѣзный блескъ играютъ уже второстепенную роль въ промышленности.

Западная часть Приуралья сравнительно бѣдна желѣзными рудами, или же находимыя здѣсь мѣсторожденія довольно малоцѣнны, тогда какъ востокъ края гораздо богаче рудами. За то на западѣ огромные запасы каменнаго угля и древеснаго топлива, а востокъ страдаетъ отъ недостатка лѣсовъ и отъ полнаго почти отсутствія удобныхъ путей сообщенія.

Наиболѣе выдающееся мѣсторожденіе бурыхъ желѣзняковъ находится во владѣніи Алапаевскихъ заводовъ — на восточномъ склонѣ Средняго Урала, въ Пермской губерніи. На пространствѣ десяти кв. верстъ лежитъ здѣсь пластъ руды толщиною до 4 саженъ. Благодаря колоссальнымъ запасамъ руды, достигающимъ приблизительно двухъ милліардовъ пу-

довъ, желѣзодѣлательное производство обезпечено здѣсь на долгое время; вдобавокъ эти же запасы дадутъ возможность заводу въ будущемъ снабжать рудой другіе заводы Приуральскаго края, бѣдные ею, тѣмъ болѣе, что руда здѣсь отличается прекрасными свойствами и содержитъ до 48% чистаго желѣза.

На южномъ Уралѣ однимъ изъ замѣчательныхъ мѣсторожденій бурыхъ желѣзныхъ рудъ является такъ наз. Бакальское, гдѣ запасы этого полезнаго ископаемаго исчисляются также въ нѣсколько милліардовъ пудовъ и разрабатываются многочисленными рудниками, принадлежащими казенному Златоустовскому округу, Симскимъ заводамъ и округу Катавскихъ и Юрезанскихъ заводовъ. Къ югу отъ Бакальскихъ рудниковъ находится большое количество мѣсторожденій, руда которыхъ отличается превосходными качествами, встрѣчаясь при этомъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что легко можетъ служить также предметомъ вывоза въ другіе горнозаводскіе округа Урала, гдѣ запасы руды почти окончательно истощились, хотя лѣсныя богатства еще значительны. Эти мѣсторожденія тянутся въ видѣ двухъ полосъ на западѣ и на востокѣ Урала, раздѣляемыхъ хребтами Зигальги и Нары. Въ первой полосѣ обращаютъ вниманіе мѣсторожденія близъ дер. Самодуровки, а во второй — залежи въ окрестностяхъ Авзяно-Петровскаго завода.

На восточной сторонѣ Урала, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, всего въ верстѣ отъ Кушвинскаго завода уединенно поднимается на плоской равнинѣ невысокая — до тысячи футовъ — гора Благодать, одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣсторожденій желѣза. Съ запада къ ней примыкаетъ небольшой холмъ — Благодатка, а на востокѣ разстилается обширное Салдинское болото. Въ видѣ огромной, до двухъ верстъ длиною, массы Благодать, вся изрытая выработками, тянется вдоль Уральскаго хребта, отъ котораго она отстоитъ едва въ двадцати верстахъ. Среди массивныхъ породъ, изъ которыхъ сложена г. Благодать, магнитный желѣзнякъ образуетъ болѣе или менѣе правильныя жилы значительныхъ размѣровъ, или же встрѣчается въ видѣ гнѣздъ различной величины. Содержаніе металла въ рудѣ колеблется между 51 и 95%. Разработка

ведется преимущественно такъ наз. открытыми разносами, и добытая руда тутъ же обжигается въ особыхъ печахъ, чтобы удалить изъ нея сѣру и сдѣлать ее болѣе пригодной для размельченія передъ плавкой, которая производится на Кушвинскомъ, Бараечинскомъ и Верхне-Туринскомъ заводахъ. Руда горы Благодать разрабатывается уже около двухсотъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ это удивительное мѣсторожденіе было указано вогуломъ Степаномъ Чумпинымъ, котораго, какъ говоритъ, — ничѣмъ, впрочемъ, не подтверждаемое, — преданіе, одноплеменники живымъ сожгли на вершинѣ горы, гдѣ теперь Чумпину поставленъ памятникъ.

Несмотря на то, что запасы руды г. Благодати достигаютъ огромныхъ размѣровъ и ежегодно даютъ большія количества ея (въ 1902 г. было добыто 4.511.595 п.), однако мѣсторожденіе горы Высокой, находящейся около Нижне-Тагильскаго завода, превосходитъ Гороблагодатское въ этомъ отношеніи. Гора Высокая, называемая иногда магнитной — незначительная, куполообразная возвышенность, далеко уступающая по красотѣ своихъ очертаній г. Благодати, — заключаетъ въ себѣ колоссальныя массы превосходной руды, которая, помимо большого содержанія въ ней желѣза (около 92%), отличается еще и самоплавкостью, т. е. способностью плавиться безъ прибавленія къ ней особыхъ веществъ, наз. обыкновенно „флюсомъ". Руда добывается здѣсь весной, лѣтомъ и осенью и обжигается въ большихъ кучахъ прямо на открытомъ воздухѣ. Зимой ее обыкновенно перевозятъ на заводы, находящіеся на довольно значительномъ разстояніи отъ г. Высокой, напр. на Алапаевскій, Верхъ-Исетскій и другіе. Ежегодная добыча руды съ Высокогорскаго мѣсторожденія превышаетъ таковую же съ г. Благодати по крайней мѣрѣ въ три раза. Въ 1902 г. количество полученной здѣсь руды доходило до 11.891.486 пудовъ.

Наиболѣе крупными запасами магнитнаго желѣзняка на южномъ Уралѣ, а быть можетъ и во всемъ Приуральскомъ краѣ, обладаетъ гора Магнитная въ Верхнеуральскомъ у. Оренбургской губерніи. Огромная каменная масса горы Магнитной, занимающая со своими отрогами до 24 кв. в., поднимается до высоты 270 сажень. Залежи ея рудъ, кото-

рыхъ здѣсь находится, по крайней мѣрѣ, до трехъ милліардовъ пудовъ, встрѣчаются по склонамъ въ видѣ большихъ гнѣздъ и пластовъ магнитнаго желѣзняка, встрѣчаясь часто у подошвы горы. Въ настоящее время большая часть мѣсторожденія эксплоатируется посредствомъ правильныхъ открытыхъ разработокъ Бѣлорѣцкимъ заводомъ. Въ 1901 году было добыто отсюда 2.250.000 п. руды.

Огромныя количества добываемой на Уралѣ желѣзной руды идутъ на выплавку изъ нея чугуна. Доставленная на заводъ руда сначала высушивается прокаливаніемъ въ особыхъ печахъ, отъ чего она дѣлается хрупкой и теряетъ ненужныя составныя части. Раздробленную на мелкія куски руду плавятъ потомъ въ огромныхъ, напоминающихъ собою фабричныя трубы, печахъ — домнахъ. Чтобы добыть чугунъ изъ желѣзной руды, необходимо плавить ее вмѣстѣ съ углемъ, котораго поглощается при этомъ неимовѣрное количество. Вотъ почему при заводахъ обыкновенно существуетъ цѣлая армія углежоговъ, которые занимаются приготовленіемъ угля на принадлежащихъ заводу лѣсныхъ дачахъ. Смѣшанная въ опредѣленномъ количествѣ съ крупнымъ углемъ и мелкораздробленными известковыми камнями, „флюсомъ", способствующимъ плавленію, руда попадаетъ, наконецъ, въ домну, которая топится непрерывно. По временамъ открывается жерло этой громадной печи и тогда рабочіе, едва не задыхаясь отъ нестерпимаго жара, которымъ пышетъ кипящій внизу раскаленный металлъ, спѣшатъ бросить принесенную въ коробахъ руду и уголь на клокочущую гдѣ-то въ глубинѣ огненную массу, откуда навстрѣчу имъ вырывается пламя, летятъ тучи пыли и дыма и поднимается цѣлый снопъ блестящихъ искръ. Я видѣлъ выплавку чугуна на Тагильскомъ заводѣ и хотя это было давно, однако и до сихъ поръ мнѣ живо рисуется вся обстановка тяжелаго здѣсь человѣческаго труда. Къ верхней части домны, закрытой какимъ-то строеніемъ, напоминающимъ сарай съ пробитыми мѣстами стѣнами, велъ широкій деревянный помостъ, по которому то и дѣло сновали люди, таская кверху руду и уголь. Поднявшись вверхъ, мы встали вокругъ жерла домны, нетерпѣливо ожидая, когда откроютъ отверстіе печи, чтобы заглянуть внизъ. Наконецъ съ

Денежкинъ камень.

Гора Благодать.

шумомъ и лязгомъ поднялся огромный желѣзный конусъ, закрывавшій домну и въ нее сталъ сыпаться непрерывный потокъ руды и угля. Къ открытому жерлу печи подходили съ коробами по два рабочихъ; одна пара несла уголь, другая руду, третья снова уголь и т. д. Приближаясь къ печи, края которой лизали языки пламени, рабочіе, одѣтые въ кожаные фартуки въ широкополыхъ шляпахъ, почти закрывая глаза и отворачиваясь, быстрымъ, какъ бы мгновеннымъ, движеніемъ неревoрачивали коробъ и, сбросивъ руду или уголь въ печь, поспѣшно отходили въ сторону. Немного спустя желѣзный конусъ снова опустился, гремя, на свое прежнее мѣсто, и только какое-то странное клокотаніе внизу, подъ нами, напоминало о совершающемся въ огромной домнѣ процессѣ. Черезъ нѣкоторое время передъ нами промелькнула та - же картина, вслѣдъ за ней такая же; и такъ каждый часъ, и день и ночь непрерывно, никогда не погасая, поглощаетъ ненасытная домна огромныя массы руды и угля. Но эти преходящіе моменты лихорадочной дѣятельности, когда почернѣвшіе отъ угля и дыма люди, освѣщаемые красноватымъ свѣтомъ вырывающагося снизу пламени, совершаютъ какія-то странныя, но ритмическія движенія, этотъ нестерпимый жаръ, грохотъ поднимающагося и падающаго конуса, клокотаніе расплавленнаго металла, шумъ бросаемой въ печь руды — производятъ впечатлѣніе необычайное.

Нѣсколько разъ въ сутки открываютъ внизу устье домны и отсюда ослѣпительно бѣлой, необычайно красивой и плавной струей начинаетъ литься чугунъ. Пробѣгая по проложенному для него въ землѣ желобу, онъ разливается въ приготовленныя заранѣе въ той же землѣ формы и здѣсь застываетъ въ видѣ двухъ- или трехпудовыхъ брусковъ.

Чтобы изъ твердаго хрупкаго чугуна приготовить мягкое и ковкое желѣзо, чугунъ подвергаютъ новой обработкѣ въ особыхъ печахъ, обыкновенно имѣющихся на тѣхъ же заводахъ, гдѣ получаютъ и первый продуктъ. Подвергаемый продолжительному плавленію при доступѣ воздуха, чугунъ понемногу превращается въ желѣзо, отдавая почти весь, заключающійся въ немъ запасъ угля, такъ какъ желѣзо содержитъ въ себѣ лишь $^1/_4$ % угля, тогда какъ количество его въ чугунѣ

доходитъ до 5 %. Получаемое изъ чугуна желѣзо имѣетъ видъ губчатой массы. Еще въ печахъ ее разрываютъ особыми крючьями на отдѣльные куски, которые вынимаютъ изъ печей и въ видѣ раскаленныхъ до-бѣла „крицъ“ кладутъ подъ паровой молотъ. Могучіе и равномѣрные удары огромнаго молота превращаютъ эти раскаленныя „крицы“ въ компактную массу желѣза. Чтобы придать безформенному куску желѣза желаемый видъ, напр., листового желѣза, его снова раскаливаютъ и прокатываютъ сначала въ особыхъ станкахъ, съ огромною силою сжимающихъ толстые куски желѣза, которое при этомъ не измѣняетъ своего состоянія, а затѣмъ окончательно пропускаютъ между другими валами, гдѣ оно и получаетъ видъ настоящихъ листовъ. Сталь также получаютъ изъ чугуна на тѣхъ же заводахъ. Только для этого расплавленный чугунъ подвергаютъ дѣйствію сжатаго воздуха въ такъ наз. бессемеровскихъ печахъ, гдѣ металлъ, приходя въ соприкосновеніе съ воздухомъ, теряетъ, какъ и въ процессѣ образованія желѣза, часть содержащагося въ немъ угля.

Огромная выплавка чугуна и связанное съ этимъ истребленіе лѣсовъ поставили въ послѣднее время передъ нѣкоторыми изъ горныхъ заводовъ грозный вопросъ о недостаткѣ древеснаго топлива и замѣнѣ его минеральнымъ и главнымъ образомъ каменнымъ углемъ. Уголь извѣстенъ и разрабатывается какъ на западномъ, такъ и на восточномъ склонѣ Уральскаго хребта. Въ первомъ районѣ его разработка развивается необыкновенно быстро и въ 1908 г. его было добыто здѣсь 47.681.092 п., изъ которыхъ 38 слишкомъ милліоновъ падаютъ на такъ наз. Кизеловскія копи. Однако уголь западнаго склона Урала не отличается своими хорошими качествами и въ этомъ отношеніи его превосходитъ уголь восточный, гдѣ особенно выдѣляется Егоршинское мѣсторожденіе къ сѣверу отъ города Алапаевска. Запасы этого огромнаго и важнаго для Урала мѣсторожденія, которое тянется широкой полосой на протяженіи ста верстъ вдоль хребта и содержитъ въ себѣ антрацитъ прекрасныхъ качествъ, исчисляются по крайней мѣрѣ въ пятьсотъ милліоновъ пудовъ. Благодаря отсутствію желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, уголь восточнаго склона Урала разрабатывается очень слабо. Кромѣ указанныхъ

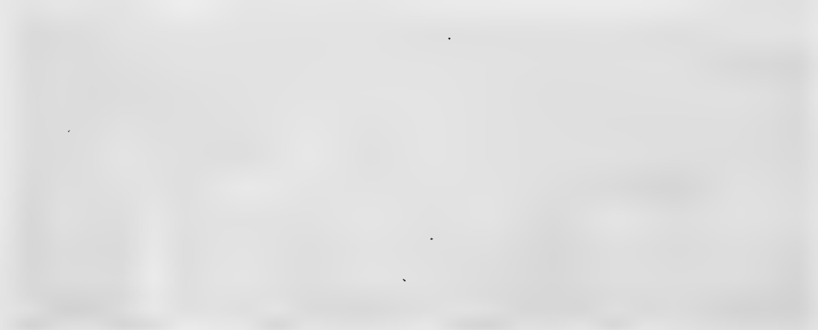

Буландинскія розсыпи.

Илецкая защита.

мѣсторожденій каменнаго угля, на Уралѣ существуетъ цѣлый рядъ другихъ, достаточно надежныхъ. Къ этому надо еще прибавить огромные запасы бураго угля и торфа, для образованія котораго въ Приуральѣ на лицо всѣ благопріятныя условія.

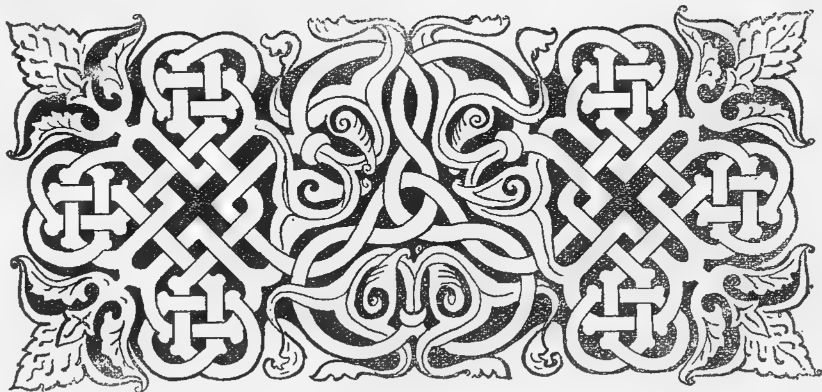
Среди различныхъ полезныхъ ископаемыхъ, которыми такъ богатъ Приуральскій край, одно изъ важныхъ мѣстъ принадлежитъ и соли, которая попадается довольно часто на Уралѣ, но въ особенно значительныхъ количествахъ встрѣчается на сѣверѣ, въ Прикамскомъ Уралѣ и на далекомъ югѣ — мѣсторожденіе Илецкой Защиты. Въ Прикамьѣ соль извѣстна давно и представляетъ собою огромное количество мѣсторожденій, которыя разсѣяны небольшими прослойками и гнѣздами среди различныхъ геологическихъ образованій. Эти прослойки и гнѣзда даютъ матеріалъ для разсоловъ, которые извлекаются изъ колодцевъ и скважинъ; изъ нихъ же вывариваются милліоны пудовъ соли на существующихъ издавна варницахъ Усолья, Дедюхина, Березниковъ и Соликамска.

Въ мѣсторожденіи Илецкой Защиты (въ 65 в. отъ Оренбурга) лежатъ огромные, до ста милліоновъ пудовъ, запасы каменной соли, въ которой часто, особенно вблизи поверхности залежи, попадаются значительные куски чистой и прозрачной, какъ хрусталь, соли. Разработка залежи производится открытыми и правильными подземными работами.

Не менѣе богатъ Приуральскій край и разнообразными минералами, среди которыхъ особенною извѣстностью пользуются драгоцѣнные камни, добыча и торговля которыми, издавна существуя на Уралѣ, развивается все больше и больше въ послѣднее время. Среди выдающихся мѣсторожденій, особенностью которыхъ является совмѣстное нахожденіе въ нихъ разнообразныхъ минераловъ, является во-первыхъ Мурзинскія мѣсторожденія цвѣтныхъ камней. Богатство кристаллическихъ формъ, необычайная красота встрѣчающихся въ нихъ минераловъ — топазовъ, берилловъ, турмалиновъ, раухъ-топаза и пр. — создали этимъ копямъ большую и заслуженную извѣстность. Изъ другихъ копей цвѣтныхъ камней, особенно выдаются такъ наз. Изумрудныя копи въ 85 в. отъ

Екатеринбурга, копи около Міасскаго завода. Въ золотыхъ же розсыпяхъ часты алмазы, большая часть которыхъ была найдена въ Крестовоздиженскихъ золотыхъ розсыпяхъ на западномъ склонѣ Уралѣ.

X.

Пути сообщенія и торговля.

Трудно представить себѣ другую страну, такъ же богато одаренную и съ такой же развитой промышленностью, какъ Приуральскій край, но такую же бѣдную, какъ онъ, самымъ необходимымъ условіемъ для прогресса этой промышленности — хорошими путями сообщенія. Сотни заводовъ, обрабатывающихъ почти неистощимыя руды Урала, покрываютъ край частою сѣтью, тысячи пудовъ золота добываются изъ розсыпей и рудниковъ, огромное количество лѣса сплавляется по его рѣкамъ — но все же уральская промышленность отстаетъ въ своемъ развитіи отъ другихъ промышленныхъ областей, и главнымъ образомъ благодаря неудобству сбыта ея произведеній.

Особенно страдаютъ отъ отсутствія удобныхъ путей конечно, заводы. Какъ и въ доброе старое время всѣ необходимые для нихъ продукты перевозятся большею частью по зимнему пути, въ теченіе какихъ нибудь пяти мѣсяцевъ, но и это сопряжено съ большимъ трудомъ и значительными затратами, вслѣдствіе ужаснаго состоянія дорогъ. Поэтому большинство заводовъ, особенно удаленныхъ отъ желѣзно-дорожныхъ путей,

ограничиваютъ сферу своихъ операцій небольшимъ райономъ, внѣ предѣловъ котораго пропадаютъ иногда имъ же принадлежащія лѣсныя угодья, богатыя мѣсторожденія рудъ и пр.

Водные пути края также находятся почти въ первобытномъ состояніи. Изъ рѣкъ, спускающихся съ Урала къ западу и къ востоку, судоходны только нѣкоторыя и изъ нихъ наибольшее значеніе имѣетъ Кама. Иныя изъ рѣкъ годны для сплава только втеченіе нѣсколькихъ дней, какъ напр., Чусовая, игравшая раньше такую огромную роль въ промышленности Урала. Благодаря суровому климату рѣки замерзаютъ здѣсь надолго, а большую часть лѣта страдаютъ отъ мелководья. Урегулирована изъ рѣкъ пока только Вишера, и отчасти верхнее теченіе Камы. Единственнымъ каналомъ, который соединяетъ Уралъ непрерывнымъ воднымъ путемъ съ г. Архангельскомъ, служитъ такъ наз. Сѣверно-Екатерининскій каналъ въ 18 в. длиною, построенный еще въ 1775 году и теперь почти окончательно заглохшій. Между тѣмъ промышленная жизнь края въ настоящее время развивается и въ этомъ прогрессѣ ея рѣкамъ принадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто. Такъ напр., грузооборотъ одного только бассейна Камы достигалъ въ 1908 г. 325 милл. рублей.

Мощнымъ факторомъ оживленія и развитія промышленной дѣятельности являются желѣзнодорожные пути, которыхъ въ Приуральскомъ краѣ собственно два: одинъ, идущій отъ Перми до Тюмени, съ отвѣтвленіемъ на Челябинскъ, а другой — Самаро - Златоустовскій. Пермская дорога была построена въ 1876 г. между Пермью и Екатеринбургомъ съ единственной цѣлью обслуживать нужды горнозаводскаго Урала. Дорога эта называлась горнозаводской, такъ какъ захватывала значительное число казенныхъ заводовъ. Въ 1886 г. она была продолжена до Тюмени и такимъ образомъ соединила съ одной стороны отдаленные заводы Урала, находящіеся на восточной его сторонѣ съ Камскимъ бассейномъ, а съ другой — связала два пункта, лежащихъ на важныхъ, но разъединенныхъ Уральскимъ хребтомъ, водныхъ путяхъ. Тринадцать лѣтъ тому назадъ эта дорога была соединена съ общей сѣтью русскихъ желѣзнодорожныхъ путей черезъ Челябинскъ, а 4 года тому назадъ былъ открытъ прямой путь на Петербургъ —

Ст. Миньяръ.

Сѣверная дорога. Однако проведеніемъ этихъ дорогъ не удовлетворялись нужды очень многихъ заводовъ, которые построили собственные такъ наз. подъѣздные пути. Общее протяженіе этихъ подъѣздныхъ узкоколейныхъ дорогъ достигаетъ приблизительно 500 верстъ, и они имѣются у Богословскаго, Алапаевскаго, Нижне-Тагильскаго, Никола-Павдинскаго и Кыштымскаго заводовъ. Какое значеніе для заводовъ имѣютъ такіе подъѣздные пути и какъ быстро развивается на нихъ грузооборотъ, видно изъ примѣра такъ наз. Лысьвенской вѣтки (22 в.), построенной Лысьвенскимъ заводомъ. Въ 190 $^1/_2$ г. оборотъ однихъ лишь заводскихъ грузовъ составлялъ 3,278,814 пуд., а въ 190 $^7/_8$ г. онъ достигъ уже 9,727,697 пуд., общій же оборотъ вмѣстѣ съ частными грузами равнялся 16 милл. пудовъ. Въ 1909 г. расходы Богословскаго завода по его собственной дорогѣ обошлись въ 500 тыс. руб., при гужевомъ же подвозѣ доставка сырья стоила бы 900 тыс. р. Общій доходъ завода въ данномъ году составилъ также около 900 тыс. руб.; не будь дороги, заводъ потерпѣлъ бы убытокъ.

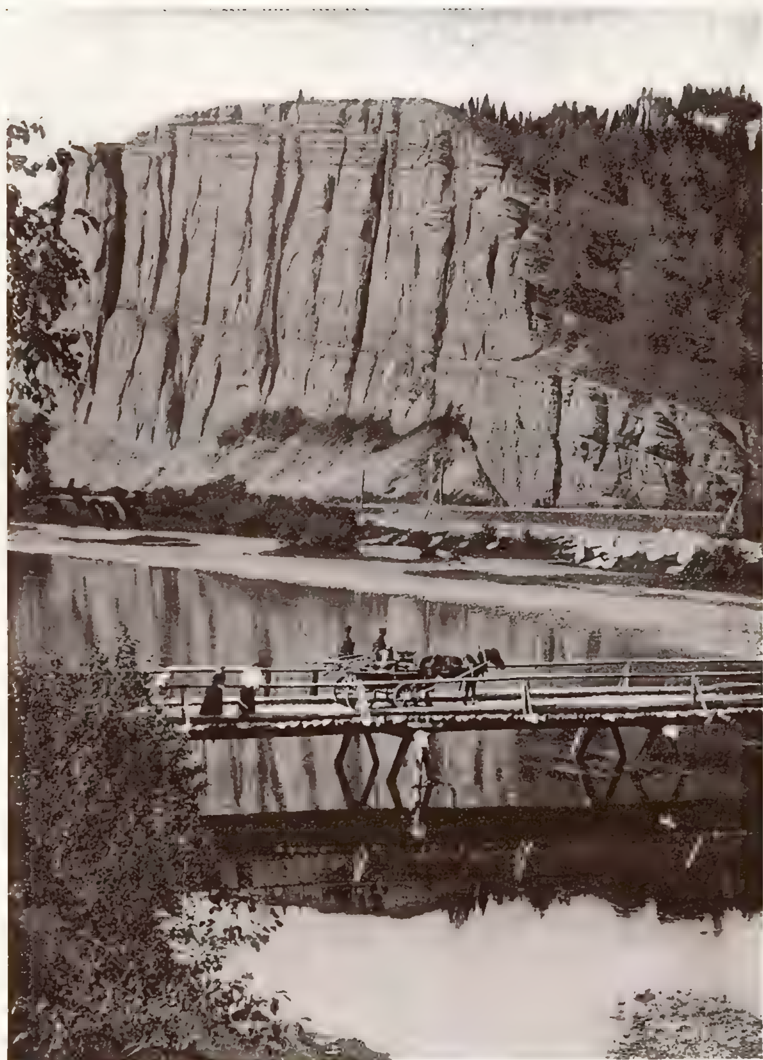
Объ общемъ развитіи желѣзнодорожной сѣти въ предѣлахъ Приуральскаго края можно судить по тому, что Пермская губ. имѣетъ на 1 кв. версту 5,1 вер. ж. д., Уфимская 5,9 в., а Оренбургская только 3,5 в. Въ то же время на югѣ Россіи, который такъ успѣшно конкурируетъ въ послѣднее время по суммѣ своего производства съ Ураломъ, губ., Екатеринославская имѣетъ 36,8 8 вер. на 1 кв. в., а область Войска Донского 12,9 в.

Итакъ для оживленія промышленности Приуралья необходимо проведеніе еще многихъ желѣзнодорожныхъ линій, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшеніе и соединеніе нѣкоторыхъ водныхъ путей. При обѣднѣніи древеснымъ топливомъ многихъ заводовъ на сѣверѣ края большую роль могла бы играть линія къ рѣкѣ Тавдѣ, что открыло бы для Урала огромную лѣсную площадь въ 10 $^1/_2$ милліоновъ десятинъ и обезпечило бы нѣкоторые заводскіе округа топливомъ. Еще болѣе настоятельнымъ является проведеніе дороги къ извѣстному на Уралѣ Егоршинскому угольному мѣсторожденію, что дало бы возможность многимъ заводамъ пользоваться прекраснымъ углемъ. Наконецъ, проектируемыя въ настоящее время Во-

сточно-Уральская и Бѣломорская жел. дороги, долженствующія охватить часть Пермской, Вологодской, Архангельской и Тобольской губерній, открыли бы новый путь на сѣверъ Россіи и въ отдаленныхъ мѣстахъ Приуралья, быть можетъ, создали бы новые центры промышленности, тѣмъ болѣе, что эти забытыя области края не менѣе богаты, чѣмъ уже издавна извѣстныя его части.

Главными предметами сбыта изъ Приуральскаго края являются съ одной стороны, естественныя произведенія области, особенно лѣсъ, идущій отсюда на югъ Россіи, а съ другой продукты его горнозаводской промышленности, какъ въ видѣ сырья, такъ и въ обработанномъ видѣ — чугунъ, желѣзо, мѣдь, золото, соль. Торговля юга Приуральскаго края, не уступая по своимъ оборотамъ торговлѣ сѣвера, выражается лишь иными предметами сбыта, главнымъ образомъ въ Среднюю Азію. Здѣсь и до сихъ поръ пользуются еще тѣми караванными дорогами, которыя идутъ изъ глубины степей, занятыхъ кочевниками, и по которымъ везутъ хлопокъ, кожи, шерсть, шелковыя и шерстяныя издѣлія, мѣха и гонятъ огромные гурты скота. Получая сырье, край отдаетъ взамѣнъ преимущественно мануфактурный товаръ, въ огромномъ количествѣ хлѣбъ, чай, различные металлы и пр. Часть этихъ товаровъ получается изъ различныхъ мѣстъ Евр. Россіи. Сѣверъ Приуральскаго края, напротивъ, нуждается въ хлѣбѣ и потому большая часть доставляемыхъ ему продуктовъ состоитъ изъ него.

При незначительномъ развитіи въ краѣ путей сообщенія огромное значеніе здѣсь имѣетъ ярмарочная торговля. Въ Пермской губ., напр., всѣхъ городскихъ и сельскихъ ярмарокъ и торжковъ бываетъ до 650; нѣкоторыя изъ нихъ являются весьма значительными по своимъ оборотамъ: въ Артинскомъ заводѣ Красноуфимскаго уѣзда привозъ товаровъ достигаетъ до 800 тыс. рублей, въ Алапаевскомъ и Невьянскомъ заводахъ Верхотурскаго уѣзда до 200 тыс. рублей и т. д. Среди этихъ многочисленныхъ ярмарокъ по своимъ размѣрамъ выдѣляется Ирбитская, бывающая ежегодно въ январѣ и февралѣ мѣсяцѣ, съ привозомъ товаровъ на 38½ мил. руб. и Крестовская, въ Крестовской волости Шадринскаго уѣзда, съ привозомъ до 20 мил. рублей. Сельскія установленныя ярмарки

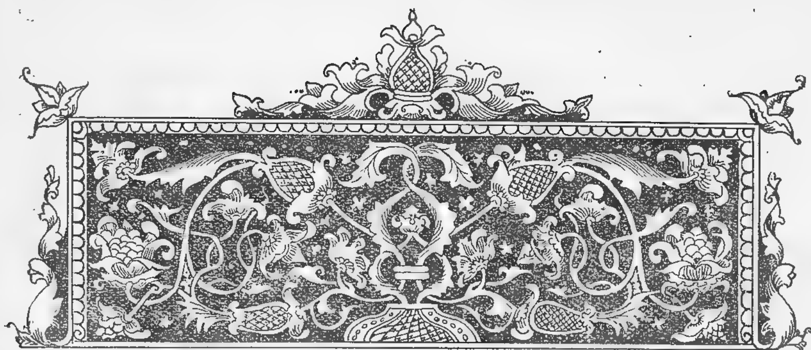

Ст. Миньяръ. Красная гора.

и торжки въ губерніи происходятъ въ 280 селеніяхъ, помимо городовъ. Въ Перми бываютъ двѣ ярмарки: Петропавловская и Евстафьевская.

Ярмарочная торговля въ губ. Оренбургской сосредоточена главнымъ образомъ не въ городахъ, а въ уѣздахъ, изъ которыхъ особенно выдѣляется уѣзды Троицкій и Челябинскій. Изъ ярмарокъ, бывающихъ въ городахъ, извѣстна только одна въ Челябинскѣ. Сельскіе торжки въ губерніи обыкновенно бываютъ многолюдны и отличаются большимъ оживленіемъ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ развито земледѣліе.

XI.

Замѣчательныя населенныя мѣста края.

Обширная территорія Приуральскаго края населена сравнительно слабо. Изъ 12 городовъ Пермской губерніи, только два — Пермь и Екатеринбургъ имѣютъ болѣе 20.000 жителей. Въ губерніяхъ Уфимской и Оренбургской лишь главные города ихъ являются болѣе населенными, тогда какъ остальные не превосходятъ количествомъ жителей обыкновенные мелкіе уѣздные города Евр. Россіи. Особыми пунктами въ Приуральѣ, куда стягивается всегда значительная часть какъ мѣстнаго населенія такъ и пришлаго люда, служатъ горные заводы. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ иногда больше населенія, чѣмъ иной губернскій городъ Евр. Россіи. Таковъ, напр., Тагильскій заводъ Демидовыхъ, насчитывающій около 50.000 жителей.

Лучшимъ городомъ Приуральскаго края и наиболѣе важнымъ для него является Екатеринбургъ, центръ всего горнозаводскаго Урала. Екатеринбургъ возникъ въ 1723 году на пустынныхъ тогда берегахъ рѣки Исети, на мѣстѣ, выбранномъ для него извѣстнымъ русскимъ историкомъ Татищевымъ, который въ то время завѣдывалъ горными заводами Урала. Для постройки Екатеринбурга, которую велъ одинъ изъ дѣятельныхъ помощниковъ Петра, нѣмецъ ген. Геннинъ, были выписаны изъ Тобольска (въ то время вся эта мѣстность принадлежала къ Тобольскому уѣзду Сибирской губерніи) различные мастера

Верхъ-Исетскій прудъ.

н
д
В
и
п
у
у
в
Н
и
с

в
в
с
д
Н
т
т
т
т

и цѣлый полкъ солдатъ. Въ 1726 г. на мѣстѣ современнаго города существовала уже небольшая крѣпостца и заводъ, названный Екатеринбургомъ. Съ тѣхъ поръ новый заводъ-городъ началъ необыкновенно быстро расти и въ настящее время онъ играетъ большую роль въ промышленной жизни края. Екатеринбургъ расположенъ въ наиболѣе низкой и удобной для сообщенія съ Сибирью части Урала, что еще больше увеличиваетъ его значеніе. Какъ настоящій Сибирскій городъ, Екатеринбургъ широко раскинулся по обоимъ берегамъ Исети, которая въ его центрѣ образовала огромный прудъ, способствующій украшенію города. „Если смотрѣть на городъ въ лѣтній ясный день съ вокзала желѣзной дороги или съ въѣзда по упраздненному московскому тракту, картина представляется замѣчательная: на западѣ волнистой линіей отступаетъ синеватая дымка Урала, р. Исеть разливается широкимъ плесомъ, а берега усыпаны массой построекъ. Получается самое пестрое впечатлѣніе, и глазъ напрасно ищетъ центра. Всматриваясь внимательнѣе въ эту пеструю картину, вы невольно приходите къ заключенію, что это даже не городъ, въ собственномъ смыслѣ слова, а соединеніе нѣсколькихъ городовъ, какъ оно и есть въ дѣйствительности. Другой особенностью Екатеринбурга служитъ то, что на него со всѣхъ сторонъ надвигаются пригородныя селенія, какъ Уктусъ, Тарташъ и особенно Верхъ-Исетскій заводъ. Рядъ заимокъ, дачъ, мельницъ и заводовъ составляютъ звенья одной живой цѣпи, которая тянется на десятки верстъ по теченію р. Исети“. (Д. Маминъ). Екатеринбургъ издавна являлся средоточіемъ горной заводской администраціи, и въ настоящее время въ немъ находится управленіе горною частью на Уралѣ, прекрасно устроеннная лабораторія обслуживающая нужды заводовъ; черезъ нее, между прочимъ, проходитъ все золото, добываемое въ рудникахъ и розсыпяхъ, здѣсь оно плавится и затѣмъ въ видѣ слитковъ отправляется на монетный дворъ Петербурга. Одной изъ достопримѣчательностей города является Императорская гранильная фабрика, гдѣ цѣлые кадры опытныхъ мастеровъ-гранильщиковъ заняты выдѣлкой различныхъ, часто поразительныхъ по качеству работы и красотѣ, издѣлій. Гранильное дѣло здѣсь очень развито и даетъ заработокъ тысячамъ двумъ человѣкъ какъ въ

городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Изъ ученыхъ учрежденій Екатеринбурга обращаетъ на себя вниманіе Императорское Уральское Общество Любителей Естествознанія, по почину котораго была устроена въ 1887 г. въ городѣ Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка и въ вѣденіи котораго находится естественно-историческій музей съ замѣчательными коллекціями рудъ, минераловъ и ископаемыхъ Урала (между прочимъ цѣлый скелетъ рѣдкаго у насъ ископаемаго оленя, Euryceros giganteus). Въ городѣ находится классическая гимназія, реальное училище, женская гимназія и уральское горное училище.

Рядомъ съ Екатеринбургомъ расположенъ Верхъ-Исетскій желѣзо-дѣлательный заводъ, которому принадлежатъ между прочимъ мѣстные рудники и золотые розсыпи. Ниже по рѣкѣ Исети находится въ 11 в. отъ города Нижне-Исетскій заводъ, выполняющій главнымъ образомъ казенные заказы (артиллерійскіе снаряды). Къ Екатеринбургскому округу принадлежитъ и Каменскій заводъ, одинъ изъ старѣйшихъ на Уралѣ, основанный въ 701 г. Въ 1908 году заводомъ выплавлено 205,200 пуд. чугуна. Въ 15 верстахъ отъ Екатеринбурга находится и Березовскій заводъ, золотые пріиски котораго пользуются давнишней извѣстностью.

Городъ Пермь основанъ позже Екатеринбурга, именно въ 14781 году. Первоначально на мѣстѣ Перми находилась деревня Брюханова, основанная Строгановыми на р. Егоршихѣ. Въ 14722 г. на этой рѣкѣ устроенъ былъ мѣдноплавильный заводъ, а затѣмъ здѣсь въ 1781 году возникъ и городъ Пермь въ качествѣ главнаго города Пермскаго намѣстничества. Расположенная на Камѣ и большомъ пути, идущемъ въ Сибирь, Пермь является очень важнымъ складочнымъ мѣстомъ для тѣхъ товаровъ, которые идутъ изъ Европ. Россіи въ Сибирь и обратно. Огромное значеніе для Перми имѣло соединеніе ея съ одной стороны съ Архангельскомъ посредствомъ Пермь-Котласской ж. дороги, а съ другой — съ Великосибирскимъ путемъ. Съ этого момента стала быстро развиваться — какъ экономическая жизнъ самой Перми, такъ и всего сѣвера Приуральскаго края. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Перми находится извѣстный Мотовилихинскій заводъ, основанный въ серединѣ

Пристань въ Перми на р. Камѣ.

XVIII столѣтія. Вначалѣ онъ былъ исключительно мѣдноплавильнымъ, но въ 1863 г. онъ прекратилъ свою дѣятельность вслѣдстіе выработки всѣхъ запасовъ мѣди въ его рудникахъ. Впослѣдствіи заводъ сталъ снова функціонировать, но уже превратившись въ пушечный. Въ послѣднее время онъ вырабатывалъ ежегодно на сумму около двухъ милл. руб. Захваченный кризисомъ послѣднихъ лѣтъ, заводъ въ 1908 г. далъ уже два съ половиной милл. убытка.

Изъ небольшихъ городовъ Пермской губ. заслуживаетъ вниманія гор. Ирбитъ, благодаря колоссальнымъ оборотамъ его ярмарки, которая непосредственно слѣдуетъ за Нижегородской по цѣнности производимаго здѣсь обмѣна. Этотъ небольшой и скучный городокъ Зауралья основанъ въ 1663 г. и, будучи сначала незначительною слободою, въ одинъ годъ съ Пермью былъ сдѣланъ городомъ. Большая часть его зданій совершенно пусты въ теченіе почти цѣлаго года, и городъ оживаетъ только на два зимнихъ мѣсяца, когда въ немъ царитъ необыкновенное оживленіе. Тогда Ирбитъ представляетъ собою одно огромное торжище, гдѣ массы товаровъ, идущихъ изъ Евр. Россіи, встрѣчаются съ товарами, направляющимися изъ Сибири. Изъ первыхъ имѣютъ здѣсь значеніе преимущественно хлопчато-бумажныя издѣлія, шерстяныя, суконныя, льняныя и пеньковыя ткани, а затѣмъ кожевенныя, шелковыя, галантерейныя и пр. издѣлія. Изъ товаровъ, идущихъ изъ Сибири, первое мѣсто принадлежитъ пушнинѣ различныхъ видовъ и сырымъ кожамъ.

Видное мѣсто среди городовъ Приуральскаго края занимаетъ Оренбургъ, преддверіе Азіи. Оренбургъ основанъ въ 1735 году и въ началѣ находился на устьѣ рѣки Ори, гдѣ въ настоящее время стоитъ небольшой городокъ Орскъ. Вслѣдствіе различныхъ неудобствъ выбраннаго вначалѣ мѣста, Оренбургъ былъ перенесенъ вскорѣ на 180 в. ниже по теченію; наконецъ, въ 1742 г. онъ былъ опять передвинутъ на новое мѣсто, гдѣ и находится въ настоящее время. Сравнительно небольшой (72.740 жит. въ 1897 г.), Оренбургъ имѣетъ большое значеніе въ торговлѣ Евр. Россіи съ нашими средне-азіатскими владѣніями. Особенно быстро развивается за послѣднее время торговля скотомъ и мясомъ. Торговыя

сдѣлки совершаются обыкновенно на такъ наз. „Мѣновомъ дворѣ“, находящемся въ двухъ верстахъ отъ города за р. Ураломъ и имѣющемъ видъ крѣпостцы, роль которой онъ и игралъ въ прежнее время. Онъ обнесенъ довольно высокой каменной стѣной и внутри имѣетъ нѣсколько рядовъ лавокъ, службъ, складовъ и пр. Безконечные караваны съ кожами, шерстью, хлопкомъ и различными произведеніями востока тянутся сюда ко времени начала торга, который открывается здѣсь въ первой половинѣ мая и оканчивается обыкновенно въ октябрѣ. Обороты торговли этого „Мѣнового двора“, предметомъ которой служитъ главнымъ образомъ скотъ, достигаетъ ежегодно многихъ милліоновъ рублей. Тотъ же Оренбургъ служитъ складочнымъ мѣстомъ различныхъ, главнымъ образомъ, мануфактурныхъ товаровъ, закупаемыхъ обыкновенно на Нижегородской ярмаркѣ и отправляемыхъ потомъ на востокъ, въ степи. Оренбургъ соединенъ желѣзнодорожной линіей съ гор. Самарой и въ то же время является начальнымъ пунктомъ важнаго желѣзнодорожнаго пути связывающаго его черезъ пустыни Туркестана съ Ташкентомъ.

Однимъ изъ интересныхъ и важныхъ, но небольшихъ городовъ Уфимской губ., кромѣ Уфы, является Златоустъ, расположенный въ очень красивой мѣстности Урала. На мѣстѣ нынѣшняго Златоуста возникъ въ 1754 г. желѣзодѣлательный заводъ, основанный тульскимъ мастеромъ Мосоловымъ. Разцвѣтъ дѣятельности завода начинается съ 1811 года, когда онъ былъ переименованъ въ городъ Златоустъ и вмѣстѣ съ другими вошелъ въ составъ образованнаго тогда горнаго округа. Особенное значеніе Златоустовскій заводъ получилъ съ того времени, когда здѣсь начато было производство стали, уходившей на выдѣлку орудій. Послѣ открытія Пермскаго пушечнаго завода на Златоустовскомъ заводѣ выдѣлывается лишь холодное оружіе, а кромѣ него цѣлый рядъ разнообразныхъ вещей изъ желѣза и стали, производство которыхъ съ 1895 г. находится въ рукахъ кустарей, образовавшихъ нѣсколько артелей. Издѣлія Златоуста пользуются большой извѣстностью не только въ Россіи, но имѣютъ сбытъ и въ Западную Европу.

Оглавленіе.

I. ПОВОЛЖЬЕ.

II. ПРИУРАЛЬЕ.

Типографія Шнакенбургъ.
Юрьевъ, 1912 г.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	НАПЕЧАТАНО.	Слѣдуетъ читать:
5	13 сверху	образуетъ	могло-бы образовать
11	6 снизу	вѣтра	вѣтры
13	17 сверху	извѣстняки	известняки
15	6 „	обледѣнѣнія	обледенѣнія
19	5 „	въ Устьѣ	въ устьѣ
21	5 „	„череняхъ“	„черняхъ“
26	16 „	глубинами	изгибами
27	9 снизу	углубленіе	углубленія
32	13 сверху	цѣли	цѣли:
33	15 снизу	птица	птицы—
34	13 сверху	окраски	краскѣ
40	19 снизу	Первые	Первыми
43	16 „	тысячнымъ	многочисленнымъ
44	10 „	„сферой“	„старой“
49	12 сверху	этой	той
51	15 снизу	верстъ	кв. верстъ
54	1 „	суннитскому	къ суннитскому
57	5 „	свахъ	сваха
„	„ „	пускаютъ	пускаетъ
„	4 „	получатъ	получитъ
59	16 сверху	по видимому	повидимому
„	17 „	испытавшіе	испытавшій
61	9 „	олимпъ	Олимпъ
„	15 „	начало. Шайтанъ	начало, Шайтанъ
64	9 снизу	мирзъ	мурзъ
67	3 „	Пучине-пазъ	Пурчине пазъ
71	18 „	прежнюю	крайнюю
„	„ „	она	оно
„	7 „	условіемъ	условіями
75	5 „	3 послѣд ія	за послѣднее
77	2 сверху	соотвѣтстующее	соотвѣтствующее
78	9 „	разпредѣленіи	распредѣленіи
79	14 снизу	нашнп	пашню
80	15 сверху	ихъ	изъ
„	19 снизу	ею	[illegible]
81	1 „	- - диціоннаго	диціоннаго
82	4 сверху	масленистыми	маслянистыми
„	19 снизу	самостоятельные	состоятельные
84	18 сверху	работъ	работы
85	8 „	опустилось	спустилось
87	12 снизу	Владимировской	Владимировкой
88	1-2 снизу	винокурный	смолокуренный
92	6 сверху	на менѣе	неменѣе
„	17 „	заваломъ	саваномъ
93	4 сверху	такъ	таки
„	15 „	разрубъ	раструбъ
94	15 снизу	безлѣсистыхъ	безлѣсныхъ

96	1 сверху	внушительныя	внушительные
97	9 снизу	вляетъ	вляетъ
98	19 „	вѣденій	вѣденіи
102	8 сверху	желѣзнодорожной	желѣзной дорогой
103	9 „	водства	водствъ
„	16 снизу	дополненіямъ	дополненіемъ
105	12 „	Сарадовъ	Саратовъ
106	10 сверху	другой, на правомъ, Саратовскомъ берегу:	другой: на правомъ Саратовскомъ берегу
118	7 сверху	Яльпингъ-Иверъ	Ялпингъ-неръ
120	8 сверху	превращается	превращаясь
123	18 сверху	то	до
125	17 сверху	хоть	лить
127	7 снизу	когда съ хлынуло	когда оно схлынуло
128	15 снизу	Місса	Міасса
136	12 сверху	утолительнаго	утомительнаго
136	16 сверху	невысокихъ	высокихъ
136	15 снизу	подъ ними	подъ ней
139	5 снизу	параллельные хребты	параллельные ему хребты
141	5-6сверху	сѣвѣрнымъ пунктомъ	сѣвернымъ населеннымъ пунктомъ
141	14 снизу	Міасъ	Міассъ
148	1 снизу	5500 пуд.	6500 пуд.
152	8 сверху	причемъ	при чемъ
166	17 сверху	Сысерьскаго	Сысертскаго
188	4 снизу	учительскаго семинарія	учительской семинаріи
195	17 снизу	озимовыя	озимыя
230	18/19снизу	всякіяль готы	всякія льготы
238	12 сверху	р. Цишеры	р. Вишерѣ
247	5 сверху	Бараечинскомъ	Баранчикскомъ
247	17 сверху	магнитная	Магнитная
259	16 снизу	Тарташъ	Шарташъ